ПРОЕКТ «СПЕЦСЛУЖБЫ РОССИИ»

И.Б. Линдер

Записки разумного авантюриста

Зазеркалье спецслужб

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Читателю предоставляется возможность соприкоснуться с уникальными историческими событиями из мира секретных служб, относящимися к 70–90-м годам XX века. Автору посчастливилось (или пришлось – это уж как посмотреть) лично принимать участие или быть «активным свидетелем» большинства описываемых событий, а впоследствии, благодаря незаурядному литературному таланту, рассказать о них на страницах этой увлекательной книги.

Это издание – не только сборник автобиографических произведений, написанных человеком, многие годы жизни отдавшим защите своей страны, но и дань уважения тем, кто, всегда оставаясь в тени, воспитывал, готовил, обучал, направлял, делился бесценным опытом, руководил и прикрывал людей переднего края. Эта книга – частица памяти об ушедшей эпохе, ушедших государствах и, конечно, людях, благодаря которым сегодня существует наш хрупкий мир.

- И. Б. Линдер
  - Предисловие
  - Покидание мира
  - Три присяги
  - Грань
  - Берлинская небыль
  - Берлинский сумрак
  - Ямайский ром
  - Секретные службы партии
  - Прозрение…
  - Афганский синдром
  - Выстрел
  - Жаркая память…
  - Разумная сволочь
  - Гимн специальных частей
  - Дорога
  - Отповедь генералу
  - Одноразовый мальчик
  - Воспоминания о юности
  - Возмездие?
  - Игра
  - Немая охота, или Странный посетитель
  - Былые сны, или Последняя командировка
  - Прыжок

- Отповедь
- Бумеранг
- Оружейная молитва Линдера
- Шалом, Израиль, или Беседа с отставным генералом
- Рабин
- Непоучительная история
- Бодигард
- Парадоксы
- Сон
- Пустая рука
- Ронин
- Пятая схватка
- Тайна жизни
- Яблоко Бехайма
- Все началось с Имхотепа
- Вкус жизни
- По ту сторону зеркала

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

И. Б. Линдер
Записки разумного авантюриста. Зазеркалье спецслужб

Предисловие

Неизвестная действительность

История каждого государства неразрывно связана с политической системой и сложными механизмами управления, как явными, так конечно же и тайными. В повседневной жизни большинство людей даже не задумывается о всей сложности и, порой, непредсказуемой многоуровневости таких скрытых и тайных механизмов регулирования жизни государства и множества его структур.

Ушедший XX век, принесший две глобальные мировые войны, огромное количество национальных и международных революционных событий, стал тем временным отрезком в истории развития человеческой цивилизации, когда создавались или реорганизовывались совершенно уникальные секретные институты государства, призванные решать сверхтонкие и практически всегда «экстраконституционные» задачи такими же экстраординарными методами.

В работе «классических» политических и военных секретных и специальных служб порой возникали странные ситуации, когда некто неизвестный решал или завершал задачи, которые следовало решать именно общеизвестным «классикам» спецслужб. Это вызывало странное ощущение некоего «Зазеркалья», в котором развивалась своя совершенно неизвестная жизнь.

В силу специфики своей службы мне нередко случалось соприкасаться с проявлениями этого «Зазеркалья», когда под общеизвестным обликом партийно-государственного деятеля высочайшего ранга вдруг прорисовывался человек, в высшей степени владевший искусством оперативной и даже оперативно-боевой деятельности. Это конечно же вызывало удивление и укрепляло уважение к многогранности личности высшего руководства страны. Но порой удивление возникало при столкновении с совсем молодыми людьми весьма респектабельного для СССР вида, мелькавшими то в одной «горячей точке» планеты, то в другом «особо горячем регионе». Причем в большинстве случаев они внезапно там появлялись в одиночку или в составе некоего небольшого интернационального сообщества, не всегда понятного с позиций «ортодоксальной службы», и так же внезапно исчезали после разрешения наиболее острых, а порой и кровавых ситуаций.

Подобные «сиюминутные» службы создавались политическим руководством многих государств издревле для выполнения повелений или прихотей верховных владык громадных империй или временных «владык мира». Искусство тайной войны всегда требовало и требует небольших, но очень многообразных и, что более важно, непересекаемых друг с другом «армий», призванных реализовывать высшие интересы всеми возможными и невозможными силами и средствами. Причем создавались и функционировали такие структуры не только во времена глобальных военных конфликтов, что было бы логически вполне объяснимо. Но и во времена «мирного» противостояния и во времена межвоенного затишья прагматические и прозорливые руководители старались создать все более и более эффективные механизмы доведения своей воли до ожидаемого и, главное, гарантированного результата. Понятно, что в подобных ситуациях «цена вопроса» просто никого особенно не интересовала.

Наше время приоткрывает ряд завес над подобными структурами, которые далеко не так однозначно и доверительно встречаются современниками. Это и понятно. Человечество охотно воспринимает только те истины, которые соответствуют принятым и признанным шаблонам и неким логическим клише. Но мир всегда шире, объемнее и многограннее того представления, которым на каждом этапе своего развития пользуются передовые умы цивилизации.

В настоящем издании читатель соприкоснется с уникальными историческими фактами, воплощенными в художественно-детективную форму и увлекающими своим динамичным сюжетом. Но вчитываясь в события, изложенные на страницах книги, вдумайтесь в многообразие малоизвестных и совсем неизвестных структур и внутренних механизмов, управляющих нашим столь хрупким и нестабильным миром по крайней мере в последние несколько тысяч лет.

Сюжеты, относящиеся к событиям 70–90-х годов XX века, имеют четкую автобиографическую направленность для автора этого повествования, которому посчастливилось или пришлось (здесь глагол выберет сам читатель) принимать участие или быть «активным свидетелем» большинства описываемых событий. Просто так сложились его жизнь и судьба. И эти же стечения обстоятельств позволили в более позднее время описать часть известного материала в уже опубликованных изданиях, посвященных секретным службам нашей страны и многих других государств. Встречи и общение с уникальными специалистами тайных операций, «выдающиеся случайности», благодаря которым порой достигаются практически недосягаемые результаты, – все

это обыденность нашего бытия. И практически вечный груз молчания, который огромным прессом давит на сознание каждого сотрудника, когда-либо соприкасавшегося со специальными видами деятельности. Нашему автору повезло, он имеет дар и возможность в доступной форме, но только «в части, касающейся» знакомить читателя с уникальными историческими событиями из мира секретных служб.

В этом издании не только автобиографическое изложение событий, сделанное человеком, многие годы своей жизни отдавшим защите своей страны, но и дань тем, кто, всегда оставаясь в тени, воспитывал, готовил, обучал, направлял, делился бесценным опытом, руководил, консультировал и прикрывал людей переднего края. Эта книга – частица памяти об ушедшей эпохе, ушедших государствах, людях и событиях, благодаря которым сегодня существует наш хрупкий, неизвестный и небезопасный мир.

ДРОЗДОВ Юрий Иванович, Начальник Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР в 1979–1991 гг.
Генерал-майор государственной безопасности

Мы живем в странном и совершенно непредсказуемом мире, который сами то создаем, то разрушаем своими же мифами, шаблонами и привычками. Мир меняет наши представления об окружающем, и мы тут же стараемся изменить его с помощью новых представлений, концепций и очередных мифов. Иногда человечеству удаются эти эксперименты и реформы, но чаще всего революционные перемены с течением времени растворяются в море рутины, исчезая на какое время или навсегда.

Приходит новая эпоха, и старые идеи в новой интерпретации вновь овладевают людскими умами, вновь начинают доминировать в сознании человечества или будоражить какую-то его часть. Таково наше бренное, порой творчески-прагматичное, но в конце концов суетное существование.

Социальные доктрины перманентно овладевают умами наиболее продвинутой части человечества и порой воплощают в жизнь в запланированных, но чаще всего в достаточно искаженных по сравнению с первоначальным замыслом формах. Многим они несут духовное обновление, возможность совершенно радикальной самореализации. Многих эти нововведения разоряют или лишают жизни самыми кровавыми и изощренными способами.

Любая социальная реформа, а тем более революция – это

многосложный и очень болезненный процесс изменения системы нравственных координат всего социума и переоценки ранее сложившихся представлений о ценностях. Мы часто забываем, что сами хотим и ждем *важных и нужных перемен*, но когда они наступают, оказывается, что они не только важные и нужные, но жестокие, непоследовательные, капризно-переменчивые и практически всегда *чрезвычайно кровавые*.

Люди в ужасе мечутся в поисках новых опор, новых правд, более гуманного и адекватного мироустройства. Происходит социальный взрыв. Что-то якобы косное и отжившее покидает этот мир, а потом по прошествии времени вновь нарождается на свет уже в неузнаваемом обличье, будоража сознание и выворачивая наизнанку неискушенные души, чтобы через какое-то время вновь отмереть и покинуть этот мир.

Как говорил Екклесиаст: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Покидание мира

Новый год, казалось, не хотел наступать в атмосфере праздника и веселья. Погода была слякотной, столбик термометра никак не желал опускаться ниже плюс четырех-пяти градусов. Да и апрельские островки грязного снега посреди декабря никак не соответствовали представлениям о кануне Нового года, которые мы впитали с молоком матери и вынесли из бабушкиных сказок.

Банальности преследуют нас повсюду и делают жизнь традиционно предсказуемой. А вот когда ситуация становится нестандартной, банальность вдруг превращается в нечто привычное, желанное и объяснимо-близкое, ставшее чем-то вроде нашей второй натуры.

Звонок был совершенно обычным, как и множество других таких же звонков, методично разряжающих батарею моего сотового телефона. Марина произнесла сдержанно-стоическим тоном:

– Час назад папы не стало…

Мы все давно знали о его страшной болезни и о том, что на этой стадии ее развития рассчитывать на чудо уже не приходится. Борьба с недугом шла на протяжении нескольких долгих и мучительных лет с переменным успехом и с огромными человеческими потерями. Несколько раньше внезапно ушла из жизни его жизнерадостная супруга, которая всегда была душой нашей и любой другой компании. Обладая актерскими способностями и мощной энергетикой, она щедро делилась своим жизнелюбием с окружающими, вселяя бодрость и уверенность в завтрашнем дне даже в самых отчаянных пессимистов. И вдруг сердце этой сильной и доброй женщины не выдержало напряжения очередной стычки в битве за жизнь близкого человека.

Слова Марины звучали как-то неприлично обыденно. Мы обсуждали вопросы участия в траурных мероприятиях как нечто само собой разумеющееся. Вскоре разговор был закончен, но я некоторое время продолжал сжимать трубку в руке, ощущая внутри какую-то омертвелую пустоту. А экран еще долго светился, словно телефон завис, пытаясь охватить своим ограниченным электронным умишком истинный смысл простых слов: «Час назад папы не стало…»

Командировка начиналась как-то со скрипом. То возникли вопросы с программой, то рейсы совершенно разных

авиакомпаний просто категорически отказывались состыковываться. То у меня не оказалось к нужному сроку паспорта соответствующей категории, в котором нужно было к тому же поставить кучу разнообразных виз. То вдруг финансы запели романсы, хотя в доме всегда было полно денег, и вполне могло случиться, что ехать придется вообще на свои кровные.

Мы все бессмысленно суетимся, в этом причина того, что мы загнаны жизнью, как лошади на изматывающих скачках. Но если нет движения, не будет и результата. Некоторые старшие товарищи при виде моей назойливой персоны старались молча и побыстрее открыть сейф, вынуть все необходимое и, получив мою подпись на отчетном документе, столь же быстро и со вздохом облегчения захлопнуть за моей спиной дверь. У некоторых при моем появлении кривилось лицо в вежливой, но фальшивой улыбке. У других губы начинали шевелиться в беззвучной матерной скороговорке. А кое-кто даже заходился, словно хронический астматик, в удушающем кашле.

И вот благодаря неимоверным усилиям за три дня до вылета все было готово, но возникла обычная для подобной ситуации вынужденная пауза, во время которой ты просто не знаешь чем заняться. Я многократно проверял все документы и в который уже раз старался вычитать что-либо новое и доселе неизвестное в рабочих материалах, планируя варианты реализации очередного задания.

Под утро перед вылетом сон был поверхностным и тревожным. Снилась всякая детективная чепуха с погонями, перестрелками и какими-то ужастиками – верный признак проблемной поездки. Однако на этой стадии обошлось без сюрпризов. Машина, как положено, ждала у подъезда. В Шереметьево-2 примчались загодя. Оформление прошло как обычно: чисто выбритый и чуть освеженный коньяком, Питон, один из моих сопровождающих, вырос передо мной как из-под земли и, бросив на меня строгий взгляд, «конфисковал» мой шикарный пилотский кейс из крокодиловой кожи, предмет зависти многих новоявленных бизнесменов первой перестроечной волны.

Вместе со вторым сопровождающим мы прошли в зал первого класса, где уже был накрыт наш любимый столик в дальнем углу. Питон появился минут через десять, неся мой кейс и традиционную бутылку «Хеннесси» из дьюти-фри. Молоденькая продавщица, семенившая за моим двухметровым товарищем, привычно положила передо мной чек и, получив соответствующую купюру в СКВ, улыбнулась на величину неспрошенной сдачи и вальяжно удалилась, чуть покачивая

округлыми бедрами. Мужики проводили девчонку восхищенными взглядами и, покачав головами, отработанным движением обезглавили бутылку шикарного коньяка.

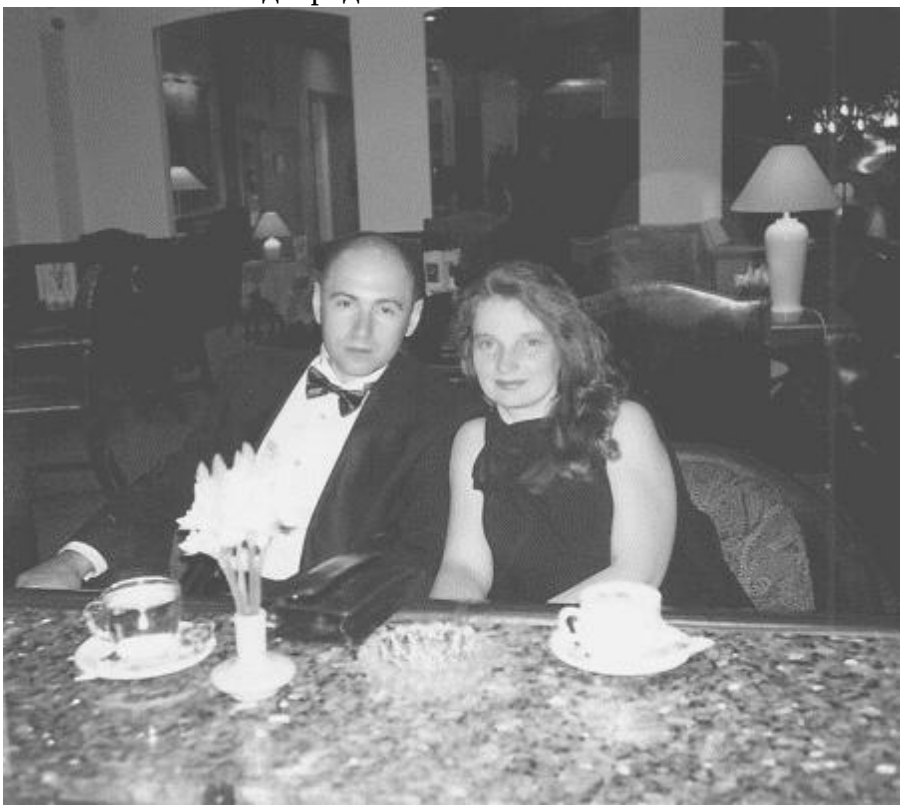
– Улетать с Родины и возвращаться на Родину надо под анестезией, – привычно прозвучал наш первый тост, и обжигающая жидкость разлилась благостным теплом по телу.

Я заказал уже третью чашку кофе и третью перемену закуски, а мужики, разменяв очередную сотню баксов из моего бумажника, допивали вторую бутылку коньяка за мою поездку. Молоденький старлей проскользнул в зал, подскочил к Питону, что-то шепнул на ухо и так же моментально исчез из зала.

– Борисыч, гони еще сотню, а лучше полторы – задержка рейса.

Питон привычным жестом смахнул со стола купюру и, четко выдерживая линию, проследовал в известном направлении, чтобы через несколько минут появиться с очередной порцией незаменимого для его жизненного равновесия живительного напитка.

Второй сопровождающий задумчиво смотрит на меня, чуть поглаживая свой подбородок.



– Как будет с пересадкой? – не то спрашивая, не то констатируя, задумчиво произносит он.

– Прорвемся. Если что, переночую и вылечу утренним рейсом, – пожав плечами, отвечаю я, заказывая новую порцию закуски для своих коллег.

Питон уже возвращается, строго поглядывая на окружающих и сжимая в могучих руках дорогую бутылку с бесценным напитком. *«Протокол отлета»* требует неукоснительного соблюдения, поэтому мы продолжали действовать в том же духе до самого объявления посадки на самолет.

Наконец, самолет после долгого опоздания взлетел и взял курс на Мадрид. Полет предстоял долгий, и я поудобнее устроился в салоне первого класса. Половину салона экономического класса занимали спортсмены сборной страны, летевшие на международные соревнования. Рослые и крепкие молодые ребята в фирменных костюмах излучали уверенность и молодой задор, постоянно шутили со стюардессами и друг с другом, а их тренеры, сидя со мной в одном салоне, деловито обсуждали какие-то проблемы предстоящих соревнований и возможные тактические комбинации. Остальные пассажиры читали, ели, пили или спали, коротая, каждый по-своему, долгие часы полета…

Огромный аэробус плавно вышел из виража и, снизившись, мягко коснулся бетонной полосы мадридского аэропорта, освещенного прожекторами. В терминал пассажиры вошли, почти не останавливаясь. Полусонные пограничники быстро нашлепали визы в наши паспорта и мгновенно испарились, закрыв свои кабинки. Багаж долго не появлялся на мерно вращающейся ленте, и пассажиры, скучая, слонялись по пустому терминалу, чертыхаясь и проклиная нерасторопность испанских служащих.

Я сразу обратил внимание на высокого, слегка сутулого мужчину, к которому бросились руководители сборной, наперебой задавая бесконечные вопросы. Мужчина неспешно и как-то по-домашнему объяснял своим соотечественникам, что все готово, что, несмотря на долгую задержку, автобусы ждут спортсменов, что в гостинице уже заказан ужин, а утром их ждет столь необходимая тренировка. Наконец все успокоились, и, когда на транспортерной ленте появились первые чемоданы, все бросились за своим багажом.

Вот теперь настало мое время. Я приблизился к незнакомцу, представился и передал привет от известного знакомого. Тот вежливо поздоровался и настороженно посмотрел на меня.

Пришлось достать одну из специально заготовленных для такого случая бумаг. Изучив ее, незнакомец молча вернул бумагу мне и вкрадчивым голосом произнес:

– Пожалуйста, подождите меня, я отправлю делегации и вернусь. У вас есть багаж?

Я молча показал взглядом на стоявшие у моих ног кейс и сумку-чемодан с ярлыком VIP-зала.

– Подождите, пожалуйста, – мягко улыбнувшись, повторил он и пошел размещать спортсменов в стоявшие у входа в терминал автобусы.

Вскоре все пассажиры покинули зал, в котором остались лишь дремлющие за стойкой таможенники, спящая сотрудница авиакомпании «Иберия» и несколько праздношатающихся испанцев, которые неизвестно чего или кого ждали в пустынном и гулком зале международного терминала.

Незнакомый мужчина возник в дверях терминала. Приблизившись ко мне, он забрал мои авиабилеты и удалился в сторону спящей сотрудницы авиакомпании. Разговор был недолгим. Вскоре женщина опять опустила голову на сложенные руки и задремала, а мой новый знакомый вернулся ко мне:

– Все улажено. Вы можете лететь на острова любым завтрашним рейсом. Сейчас уже поздно. В город ехать не рекомендую, не успеете разместиться в отеле, как уже нужно будет возвращаться обратно, а с их расторопностью запросто можно опоздать.

Он кивнул в сторону двух молодых испанцев, которые с подчеркнуто отсутствующим видом курили в дальнем углу зала, изредка поглядывая на нас. Я отметил про себя, что они удивительно похожи друг на друга: у обоих оливкового цвета глаза и тонкие черные усики над верхней губой.

– Давайте поужинаем, Юрий Константинович, – предложил я, чем вызвал его удивление.

– Давайте, – понимающе улыбаясь, произнес он.

Его улыбка была обезоруживающе приятной и располагающей. Я улыбнулся в ответ и промолчал.

Мы, не торопясь, прошли в ночное кафе, я с наслаждением утолял голод, а мой знакомый лишь пил сок и незаметно поглядывал по сторонам. Ужин прошел в полном безмолвии. Мы просто присматривались друг к другу.

Наконец Юрий Константинович прервал молчание и спросил:

– У вас открытая дата в билетах, когда планируете возвращаться?

– Все зависит от погоды и от загара. Если надоест купаться и жариться на песке, то вернусь уже на следующей неделе, а если

не надоест, то виз хватит практически на год.

Внимательные глаза моего собеседника изучающе сканировали мое лицо. Он сделал несколько маленьких глотков:

– А сок здесь на удивление хороший. Я оставлю вам свой телефон. На всякий случай.

Я молча кивнул. Ужин закончился, мы поднялись и, прощаясь, пожали друг другу руки. Он посмотрел на меня каким-то домашним взглядом, от чего на душе стало немного теплее и спокойнее. Он встал и, слегка сутулясь, медленно удалился. Двое оливковоглазых испанцев сверлили взглядами его спину. Мне оставалось только взять свой багаж, перебраться по переходу в терминал внутренних испанских линий, найти в углу скамейку и, уложив за себя багаж, погрузиться в чуткое забытье…

Знаменитый московский многогранник на Пехотной всегда был окружен неким ореолом таинственности и слыл образцом системной субординации. Последнее приобретает особую важность в те моменты, когда подобное ведомство официально прощается со своими *навсегда* выбывшими из списков личного состава сотрудниками. Я имею в виду траурную церемонию.

Небольшие группки людей концентрировались около ворот или в небольшом дворике перед залом прощания. По этой концентрации, и по перешептыванию, и по громким, малохарактерным для процедуры похорон возгласам можно было практически безошибочно определить, кто с кем знаком, сколько лет люди не виделись и где им довелось вместе служить. Представители других, случайно сформировавшихся групп здоровались более сдержанно и, внимательно вглядываясь в лица друг друга, старались понять, почему их визави оказался здесь и сейчас и что связывает его с тем, с кем вскоре им предстоит прощаться в траурном зале.

Вытянутые колени штанов сотрудников среднего звена резко контрастировали с элегантной строгостью вертикальных стрелок на безукоризненно выглаженных брюках старшего начальствующего состава. По взглядам, приветствиям и ритуальным особенностям рукопожатий можно было составить четкое представление о месте каждого из них на служебно-карьерной лестнице. И только ближайшие родственники покойного оставались не охваченными этой невидимой системой координат под названием *субординация*.

Люди перебрасывались отрывочными фразами, вспоминая усопшего или какие-то подробности общего прошлого, иногда подходя к родственникам и стараясь теплотой слов смягчить горечь потери. Эта процедура, свидетелем которой мне

приходилось быть далеко не единожды, всегда производила на меня впечатление некоего *формализованного действа*, разыгрываемого в соответствии с протоколом, выработанным много десятилетий назад в недрах закрытого сообщества, которое и сегодня старается избегать любых новшеств во всем, а тем более в вопросах прощания с умершими или погибшими сотрудниками.

Машины разных марок, различных классов и уровня престижности то и дело парковались около ограды. Участники церемонии, сняв обертки с траурных букетов, постепенно скапливались перед крыльцом, дисциплинированно присоединяясь к очереди в самом ее конце, а значит, и в самом начале этого *конвейера скорби*. Пришедшие позже бросали косые взгляды на незнакомцев и с подчеркнутой вежливостью сторонились их, стараясь не выходить за рамки своего микросообщества.

Ожидание затягивалось. Темы разговоров все больше теряли связь с основной причиной встречи. Обсуждались служебные перестановки, перспективы карьерного роста, пенсионные дела и личные неурядицы, вспоминались какие-то далекие события. Люди продолжали жить своими интересами и проблемами, прекрасно понимая суету и тщетность многих, если не большинства, своих усилий. Но такова уж сущность человеческой натуры: остановить это броуновское движение в социуме способна только смерть, переводящая безостановочное движение из биологической и социальной сферы в сферу неорганическую, где всякая суета прекращается раз и навсегда.

Наконец гроб вкатили на тележке-катафалке в зал и установили на постаменте. Обнажив головы, присутствующие провожали взглядом тело покойного, обмениваясь удивленными взглядами и репликами. Смерть никого и никогда не красит, но тяжелая, мучительная болезнь практически до неузнаваемости изменила облик высокого сильного мужчины. Он стал похож на высохшую мумию, обтянутую пожелтевшей кожей. Друзья с трудом узнавали своего боевого товарища и еще больше мрачнели, опуская взгляды в пол…

Пол был приятно прохладным. В пекле юга и при дефиците питьевой воды это было спасением, но спасением, опасным своими последствиями. Прохлада пола манила, но одновременно увеличивала шансы свалиться с тяжелейшей простудой. Я нехотя надел шлепанцы и продолжил мерить свое бунгало шагами. Все складывалось великолепно и одновременно ужасающе отвратительно.

Неожиданный и быстрый успех моего предприятия породил массу сопутствующих проблем. Жуткая и гремучая смесь переживаний лишила сна или вернула в него кошмары, основательно забытые со времен раннего детства. Внутри все клокотало. Опресненная вода в душе не снимала напряжения, а погружение в море скорее походило на заплыв в теплом бульоне первобытного океана.

Одно приносило облегчение, и то лишь на короткое время: давнишнее изобретение советских морпехов в виде смеси малибу, старого и крепкого семидесятишестиградусного ямайского рома и холодного кокосового молока с добавлением мелко колотого льда из дистиллированной и прокипяченной воды. Но злоупотреблять этим удовольствием в угоду потенциальной ангине совсем не хотелось. Накопленная энергия не могла найти выхода, и я метался целыми днями по комнатам глинобитного домика с традиционной испанской вентиляцией, которая позволяла обходиться без кондиционера, но не могла спасти от вынужденного, приводящего в исступление бездействия и ожидания.

Все возможные связи были потеряны, оставалось еще несколько дней, которые необходимо было просто пережить, чтобы потом спокойно выбираться из всей этой жаркой августовской кутерьмы. Надо было принимать решение. Наконец мысли выстроились в более или менее стройную шеренгу и, будучи расставленными по местам, позволили создать целостную картину происходящего.

Да, необходимо рискнуть и позвонить, обозначившись и построив хотя и тонкую, но все-таки реальную линию подстраховки. Телефон никак не хотел соединяться с континентом, выдавая нечленораздельное бульканье и электрический треск за подобие своей активности. Только через полчаса тщетных и неудачных попыток удалось дозвониться по нужному телефону, но искомый абонент отсутствовал, и пришлось оставить свой номер для обратной связи. Трубка массивного, почти антикварного аппарата с грохотом опустилась на белый корпус.

Стрелки часов ползли по циферблату с неимоверной медлительностью, а солнце делало все возможное, чтобы пробраться внутрь помещения и нагреть его вместе со всем, что в нем находится, до предельно высокой температуры. Я забрался в спальню, открыл внутренние ставни, создавая конвекционный поток, спасающий от невыносимого зноя и, упав на постель, забылся тем тревожным, поверхностным сном, который так необходим, когда возникает потребность *убить время*.

Звонок подбросил меня на кровати, и я бросился к телефону. Вначале в трубке несколько раз что-то громко треснуло, как будто кто-то ломал на куски мембрану. Я слегка отвел трубку в сторону, но тут же опять прижал к уху, услышав в ней уже знакомый голос с мягкими обертонами:

– Добрый день. Как погода?

– Здравствуйте. Жара стоит невыносимая, но по прогнозу, может быть, через пару дней будет чуть свежее. Если прогноз не оправдается, то такая жара может простоять еще пару недель.

– Не обгорите на солнышке. До свидания.

В трубке раздались короткие гудки, но этот на первый взгляд ничего не значивший разговор вдохнул в меня новые силы, и я почувствовал себя гораздо увереннее. Я бросился в душ, и даже теплые струи опресненной воды показались мне чуть прохладней обычного. В желудке запорхали бабочки, как перед выходом на поединок, а под ложечкой засосало от внезапно проснувшегося голода. Теперь можно было работать дальше…

Прощальные речи были сдержанно-деловыми, сухими и предельно корректными. Выступавшие словно боялись сказать лишнее и в то же время старались отдать должное навсегда покинувшему их ряды товарищу. Несколько венков в изголовье и пара десятков букетов закрыли подножие гроба. Речи закончились, люди поочередно подходили к гробу, брались за его край и безмолвно прощались с тем, кто уже не мог им ответить. Обойдя гроб, люди подходили к осиротевшим дочерям покойного, чтобы поддержать их, передать им частицу того тепла, которое не досталось их ушедшему товарищу…

Траурные венки, словно почетный караул, выстроились около похоронного автобуса. Курсанты медленно пронесли гроб мимо застывшей шеренги людей. Дверца автобуса закрылась, и через минуту траурная процессия двинулась в сторону кладбища. Ехали колонной, медленно, словно нехотя, стараясь оттянуть момент окончательного прощания, давая возможность еще раз мысленно вернуться к своим воспоминаниям…

Вечно суетящаяся и равнодушная Барселона прощалась со мной неласково. Стояла все та же изнуряющая жара. Полуденная сиеста смела большинство живых существ с улиц, чтобы впустить их обратно только к заходу солнца, когда морской бриз зальет это пекло прохладным воздухом. Лишь после этого люди смогут облегченно вздохнуть, город наполнится шумом голосов, оживут бесчисленные уличные кафе и в тенистых аллеях появятся наслаждающиеся вечерней прохладой прохожие.

Тяжелые стальные ворота захлопнулись за моей спиной, и я остался один на один с обжигающим августовским солнцем. Мне надо было пережить весь этот день под палящими лучами солнца, слоняясь по городу и таская за собой прилипчивых сопровождающих, которые никак не хотели отставать. Наконец я взял такси и поехал в аэропорт, зарегистрировал билет на последний рейс и, чтобы не таскать багаж, оставил его на стойке регистрации для отправки, а затем вернулся в город, чтобы пробыть там до вечера.

Небольшой самолет авиакомпании «Иберия» круто взмыл в небо, и только пассажиры успели справиться с предложенным им не слишком изысканным питанием, как машина стала снижаться, маневрируя в своих воздушных коридорах.

Рейс был последним, терминал почти пустым. К тому же суббота сказывалась на сотрудниках аэропорта. Все, кто мог, уже отправились на выходные отдыхать, а тем, кто дорабатывал смену, совсем не хотелось работать. Они словно отбывали ненавистную повинность, отмахиваясь от пассажиров, как от назойливых, надоевших мух.

Я сразу увидел знакомую фигуру: слегка сутулящийся человек с вкрадчивыми манерами и мягкой поступью неторопливо направлялся в мою сторону. Кейс был у меня в руках, а вот чемодана на багажной вертушке мы так и не дождались. Полицейский и таможенник с явным неудовольствием оформили бланк о пропаже багажа и были рады нашему уходу, обнадежив на прощание знаменитой испанской фразой:

– Маньяна, маньяна [1].

Машина, не торопясь, выехала на шоссе и спокойно покатила в сторону города. Небольшой четырехзвездочный отель «Айтана» встретил меня кондиционированным воздухом уютного маленького номера и хорошим ужином. Мы распрощались с Юрием Константиновичем в надежде, что багаж за ближайшие несколько дней или, по крайней мере, до моего отлета домой все-таки найдется. Воскресное безделье в Мадриде усугублялось тем, что все магазины были закрыты. Оставался только единственный работающий в городе супермаркет «Томбо» с веселым слоненком на шаре. Ничего не оставалось, как только отправиться в него и купить себе хотя бы пару свежих рубашек и белье.

Огромная порция холодного сорбе придала живости, а душ и свежее белье вернули радость жизни. После обеда в отеле меня уже ожидали двое полицейских с моим опломбированным чемоданом. У стойки бара я заметил знакомую сутуловатую фигуру: мой куратор, примостившись на высоком стуле, исподволь наблюдал за всем происходящим. Полицейские внесли

чемодан в мой номер и в присутствии старшего менеджера отеля потребовали вскрыть чемодан и проверить целостность моих вещей. Все было на месте, только разложено чуть-чуть не так, как я это сделал, покидая Барселону. После подписания протокола об отсутствии претензий все удалились, а я спустился в бар и сел у стойки, опираясь на нее локтем.

– Отлет завтра утром, – сказал Юрий Константинович. – Билет уже у меня. Свои билеты не перерегистрируйте. Такси закажите, пожалуйста, сами. Встретимся в аэропорту.

Последние слова он произнес на ходу, покидая помещение.

– До завтра, – попрощался я и остался в баре.

Вечер пролетел незаметно, а утром я попал в лапы юркого таксиста, который с неимоверной прытью доставил меня к уже хорошо знакомому терминалу. Юрий Константинович уже был здесь. Мы долго гуляли по терминалу в ожидании посадки, говорили о всякой всячине, деликатно обходя главную тему, которая стала причиной нашего знакомства. Покидая терминал, я оглянулся. Двое испанцев с зоркими глазами оливкового цвета неотрывно следили за нами. Один из них незаметно помахал мне ладонью и, прежде чем ее опустить, вдруг сжал руку в кулак с понятым кверху большим пальцем. Легкая ухмылка не сходила с их губ под тонкими красивыми усами. Я постарался изобразить на лице подобие дружеской улыбки.

Мы вошли в трубу, соединяющую терминал с бортом самолета.

– Спасибо за подстраховку. Извините, что загрузил вас своими проблемами.

– Могло быть еще хуже?

Я молча кивнул головой. Он долго и пристально смотрел мне в глаза и, выдержав паузу, искренне и проникновенно произнес:

– Удачи вам. Вы еще молоды, и успех вы умеете завоевывать, а вот удача вам не помешает. С возрастом вы это будете чувствовать по-другому.

Юрий Константинович проводил меня до самолета и напоследок тепло пожал руку…

Машины остановились у белого куба траурного корпуса крематория. И снова венки выстроились вдоль дороги, по которой двигалась процессия. И снова торжественно молчали солдаты ритуальной команды, выстроившиеся в почетном карауле. И опять на уши давила гулкая кладбищенская тишина, которую трижды разорвали залпы прощального салюта. Гроб установили на специальном возвышении, дверцы крематория отворились, и гроб медленно двинулся в их сторону, уплывая в начинающуюся

за ними бесконечность. Мы были знакомы более пятнадцати лет, и вот сейчас он покидал нас, чтобы никогда не вернуться. Покидал тихо, молча и навсегда.

Жизнь устроена так, как она устроена. Мы приходим в этот мир, чтобы когда-нибудь его покинуть. Это неизбежность, с которой каждому из нас предстоит жить. Человек покидал этот мир, чтобы оставить нас в нем, оставить каждого со своими мыслями, переживаниями, страстями и эмоциями. Его фамилия странным образом соответствовала тому процессу, при котором мне в очередной раз довелось присутствовать. Он покидал нас, оставляя нам своих дочерей и внуков, оставляя нам память о себе, пробудив в нас чувство благодарности за умение тайно и незаметно делать то большое добро, которое могут оценить далеко не все и далеко не всегда. Он покидал нас, предоставив нас самим себе. Вопрос в том, сможем ли мы стать достойны самих себя…

Люди создают и разрушают общество, в котором живут. Одни люди вершат судьбы других людей явно или тайно, больше, конечно, тайно – в этом и заключается сакраментальная сущность самой системы управления, ее невидимых рычагов и пружин, которые управляют сложными механизмами социума. Многое в ушедшем XX столетии будет еще очень долго будоражить умы людей, разделяя их на восхищенно-возвышенных приверженцев разных теорий и яростных их ниспровергателей. Так будет всегда! Единое мнение возможно только перед лицом всепоглощающей вселенской катастрофы, во всех же остальных случаях мир столь же многообразен, сколь многообразны мнения каждого отдельно взятого человека.

Не стоит навязывать читателю какое-то определенное мнение. Лучше предоставить ему возможность самостоятельно разобраться в противоречиях той сложной и неоднозначной эпохи, в которой ему довелось существовать тихо или громко, скромно или эпатажно, бескровно или кроваво, правильно или не очень стараясь отстоять ценности и принципы своего Отечества.

Как молоды мы были. Начало 80-х

Памяти великого специалиста разведки, человека чистого сердца и большой души Юрия Константиновича Покидаева

Хамелеон нам просто младший брат,
Двуликий Янус – двоюродный дядя,
Нам надо жить, не опуская взгляд,
Во имя Родины, в глаза погибших глядя.

Сталь пистолета греется в руке,
Врастая в руку, становясь тобою,
А блики солнца каплей в козырьке
Вдруг отразились, как ракеты к бою.

Сменен костюм, жилеточный атлас
Так в тон платку и галстуку с булавкой,
Блеск глаз и туфель в свете не угас,
А вспоминаем – тапочки под лавкой…

Вновь перемена, и другой язык
Стучит в висках и путается с русским,
И ты уже к нему совсем привык,
Но на столе не русские закуски.

Опять жара и пыли горький вкус,
Пружины скрип и чавканье мотора,
И горько-вдохновленное – «урус»,
Как честная медаль иль метка вора…

Стена каньона как водоворот,
И сапоги по пуду от грязюки,
А мы ползем, воды набравши в рот,
Ползем, таясь, как мудрые гадюки.

Опять прием и чопорный банкет,
Опять улыбки и притворство позы,
А мы смеемся и храним ответ
Полномасштабной и свинцовой дозы.

Меняет вновь политика окрас,
Сменяя стиль и цвет приоритетов,
Но вряд ли что внутри изменит нас
В потоке из вопросов и ответов.

Упорство в наших жилах – алкоголь,
Упрямство в устремлении – основа.

Лишь неизменны: вера, честь и боль
Потерь и ран, чтобы начать все снова.

Мы можем изменяться, но всегда
В душе горит один и то же пламень,
Как на кокарде красная звезда,
Сползающая на надгробный камень.

Хамелеон нам просто младший брат,
Двуликий Янус – двоюродный дядя,
Нам надо жить, не опуская взгляд,
Во имя Родины, в глаза погибших глядя.

13.12.2003

Три присяги

7506 год от с. м. (1997 год от Р. Х.)

Маленькая и мягкая ладошка дочки уютно устроилась в отцовской ладони, словно доверяя ей все маленькие, но столь важные для маленького человека секреты. Это была привычная для обоих прогулка – они гуляли по центру их родного города, заходили в музеи и картинные галереи, магазины и кафе, шутили, смеялись над самими собой и над милыми детскими историями, рожденными в гимназической компании дочери.

– Папуля, а на Красную площадь мы еще раз сходим?

Отец посмотрел на небольшую очередь у знакомого турникета и, весело подмигнув, отрицательно покачал головой:

– Ни за что!

Оба посмеялись над старой семейной шуткой и одновременно ступили на брусчатку главной площади страны, чем-то похожей на покатую спину огромной черепахи. Отец и дочь, продвигаясь вместе с очередью вперед, постепенно приближались к двум настороженно-внимательным сотрудникам службы безопасности в нетипично аккуратной – вечно парадной – милицейской форме. Эти отдельно стоявшие люди сканировали медленно идущих мимо них посетителей какими-то особыми, цепкими, рентгеновскими взглядами, зорко следя за тем, чтобы никто из них не пронес в Мавзолей чего-то такого, что потом может обернуться бедой и унести жизни и здоровье десятков ни в чем не повинных людей.

Офицер безопасности ощупал папу и дочь внимательным взглядом, сверился с контрольным сигналом, выдаваемым турникетом, и, убедившись, что недозволенных предметов не выявлено, мягко улыбнулся в ответ на открытую улыбку ребенка.

– Проходите, пожалуйста, – проговорил офицер и, повернувшись к следующему посетителю, опять сосредоточился на своей работе.

Отец с детства помнил этот незабываемый звук шагов по брусчатке площади, бой курантов на Спасской башне Кремля и то, как замирало мальчишеское сердце, когда двое солдат кремлевского полка, чеканя шаг, неимоверно слаженно и отточенно-картинно выполняли каждое движение тщательно продуманного ритуала смены почетного караула.

Ему было тогда семь лет. Вместе с другими одноклассниками его подвезли тогда на автобусе к зданию Исторического музея. Потом их построили попарно, вручив каждому по алой гвоздике.

Серые, мышиного цвета пиджачки и брючки школьной формы мальчиков контрастировали с черными платьицами и белоснежными фартучками девчонок. И потом эта колонна внезапно притихших и возвышенно взволнованных ребятишек проследовала по этой самой брусчатке почти на середину площади.

Здесь уже выстраивались такие же колонны мальчиков и девочек из других школ. Взрослые с торжественным видом что-то говорили первоклашкам назидательным тоном, а те внимательно смотрели по сторонам, не до конца осознавая ответственность момента и святость того места, на котором все это происходило. А затем на форме малышей появились юбилейные светящиеся звездочки октябрят, отличавшиеся от тех, которые родители могли купить в любом киоске.

Ребята, приосанившись, поглядывали друг на друга и чувствовали себя героями, которым оказана высокая честь быть принятым в октябрята на Красной площади! Через несколько лет на том же месте уже чуть повзрослевшему мальчишке в числе лучших, досрочно принятых в пионеры школьников торжественно повязали пионерский галстук. Это было в год ленинского юбилея… Отец вспоминал события тех лет и усмехался тому, как давно и как недавно все это было.

Они шли медленно, и отец, поглядывая на дочь, думал о том, что сейчас чувствует этот маленький человечек, что выпадет на долю ее поколения и с какими переживаниями она когда-нибудь приведет своих детей на это же место.

Когда отец и дочь поравнялись с углом здания Исторического музея, отец немного задержался и посмотрел на боковое крыльцо отреставрированного здания из красного кирпича. Именно здесь однажды ранним утром остановился небольшой, идеально вымытый автобус с плотно зашторенными окнами. Площадь с самого утра была оцеплена. Пропустив автобус, турникеты плотно сомкнулись. И те, кому было поручено обеспечение порядка и безопасности, уже не выпускали его из поля зрения, ощупывая цепкими взглядами прибывшую на нем небольшую группу юношей, которые совсем недавно закончили школу.

Они степенно вышли из автобуса и уже привычно построилась в знаменитую колонну по двое. Несколько сопровождавших их пожилых мужчин проследовали к столам, которые были расставлены на площади на одинаковом расстоянии друг от друга. Ребята строем, однако не чеканя шага, а как-то бесшумно промаршировали на отведенное им место и, перестроившись в шеренгу по одному, замерли. Отец хорошо помнил, что не было долгих и красивых речей, изобилующих

броскими словами и цветистыми фразами. Все проходило торжественно и четко, строго и сухо, и именно это придавало ритуалу ту неповторимую волнительность, которая будет вспоминаться и в глубокой старости. Каждый поочередно выходил, разворачивался лицом к строю и наизусть произносил присягу.

Те, кого подводило волнение, могли незаметно заглянуть в большую красную папку с текстом присяги и, поймав нужную строку, продолжить торжественно и четко произносить слова, которые навеки связывали его со своей страной, которой он обязывался служить всеми доступными ему средствами в меру своих сил и возможностей, не жалея здоровья и самой жизни.

После принесения присяги каждый аккуратно расписывался в ведомости и после соответствующего разрешения, печатая шаг, возвращался в строй. Потом все молча вернулись в свой автобус. Пыхнув голубоватым облачком, он неторопливо развернулся и выехал за турникет под недоуменными взглядами сотрудников оцепления, которые удивленно пожимали плечами и долго обсуждали, зачем в такую рань привезли этих мальчишек, ведь церемония принятия присяги для курсантов элитной академии была назначена на более позднее время…

Город только начинал просыпаться. Одинокие поливальные машины на пустых улицах еще не сменил городской транспорт. К только что открывшимся станциям метро спешили пока еще редкие пешеходы…

Отец улыбнулся своим воспоминаниям, и знакомый холодок волнения пробежал по его спине, словно ему предстояло повторить ритуал и слова присяги на том же месте еще раз.

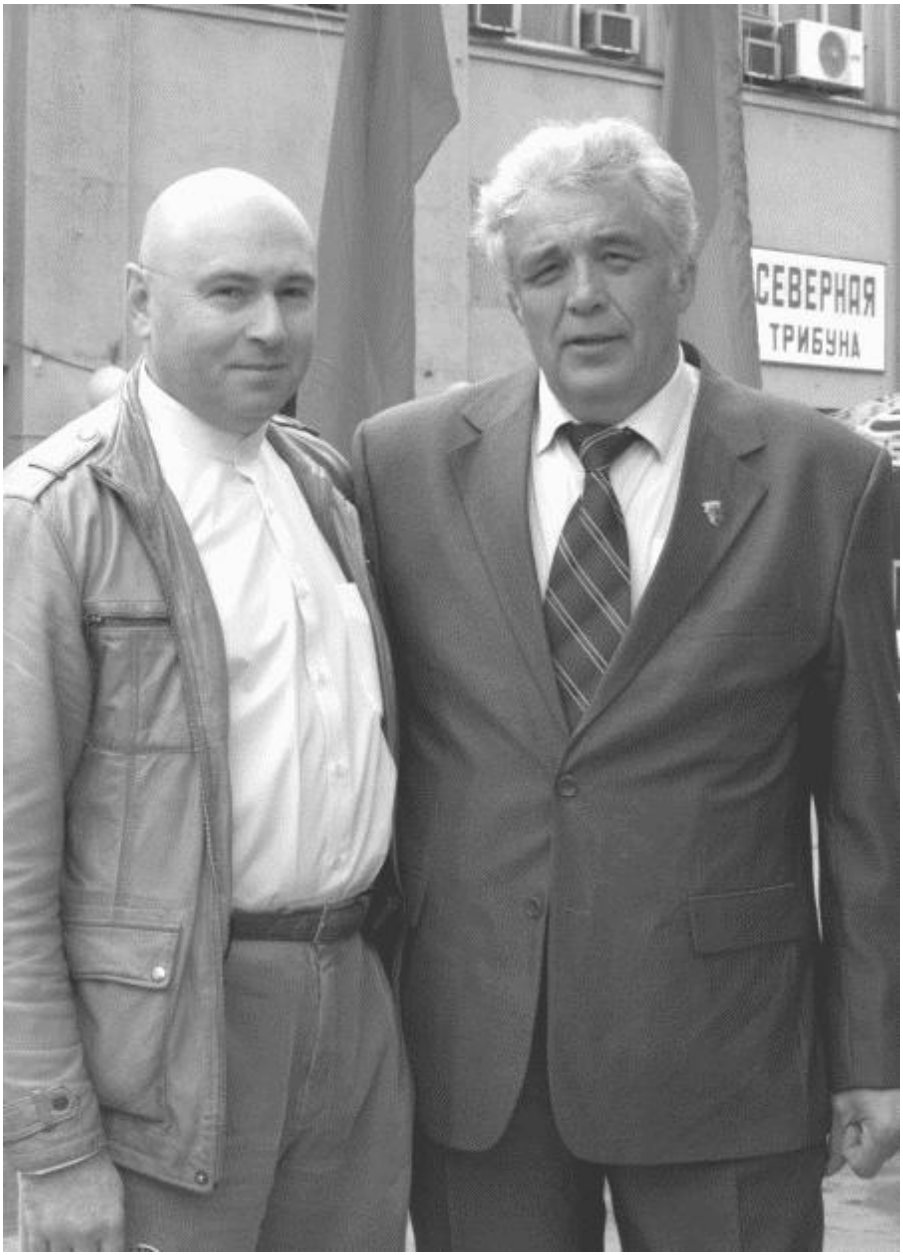
Оказавшись на самой площади, отец, отвечая на расспросы дочери, как на детской олимпиаде, рассказывал об истории Кремля, о его древнем деревянном предшественнике и о том, как быстро, но с соблюдением военной хитрости и секретности возводились белокаменные стены и рылись тайные колодцы и секретные ходы к Москве-реке. О том, как позднее белокаменные стены были заменены кирпичными. Как изменялись башни, подчиняясь воле московских князей и мысли итальянского архитектора. Как позднее на башнях появились шатры, придавшие Кремлю практически современный вид. Рассказывал о его двадцати башнях, припоминая что-то интересное из истории каждой, и о стене с 1045 зубцами.

Отец и дочь медленно приблизились к входу в Мавзолей, вошли в открытые массивные двери и, повернув налево, стали спускаться вниз, стараясь держаться как можно ближе к стене лестницы, а затем и небольшого квадратного траурного зала.

Тишина и проникающий в душу холод удивительно соответствовали торжественной атмосфере этого затемненного помещения, в центре которого возвышается почти невидимый стеклянный саркофаг с останками человека, идеи, поступки и действия которого сыграли решающую роль в судьбах миллионов людей в двадцатом столетии. Его телесного цвета лицо, грудь и руки эффектно выхватывают из мрака лучи небольших прожекторов, остальное тонет во тьме. Каждая деталь композиции тщательно продумана и выверена, в целом создается впечатление, что посетители видят перед собой спокойно спящего человека.

Можно по-разному относиться к Ленину и его взглядам, но ему трудно отказать в прозорливости, политическом чутье, знании людей, умении находить парадоксальные выходы из сложнейших ситуаций, а потом в один момент менять свое мнение на противоположное и опять увлекать за собой людей.

Дочка внимательно вглядывалась в лицо давно умершего человека, сохраненное для потомков трудами профессора Збарского, его коллег и последователей. Уникальный, не имеющий аналогов в современной истории эксперимент, который непрерывно продолжается вот уже три четверти века, позволяет людям самых разных убеждений воочию увидеть предмет своей ненависти или поклонения. Все зависит от точки зрения, идеологической приверженности, воспитания и множества других причин. Одно можно сказать с полной уверенностью: этот политический деятель и при жизни, и после смерти никого не оставлял и не оставляет равнодушным.



Более четверти века вместе. С Головым Сергеем

Для людей вообще очень важны наглядность и форма: увидев реальную оболочку того, кто создал ставшую чуть ли не новой религией теорию, его последователи в еще большей степени проникались уверенностью в ее справедливости, более полно и глубоко понимали мысли и дела этого великого революционера.

И тогда на уровне подсознания происходила идентификация учения с личностью формально умершего, но идеологически все еще существующего человека, а параллельно идентификация его объемной, трехмерной формы – с тем, что мы о нем знаем.

Ведь когда мы смотрим на плоский рисунок или портрет человека, то, кроме лица, запечатленного в один из моментов его жизни, мы ничего не видим. Нам необходима киноограмма, некая галерея портретов, чтобы представить эволюцию этого человека во времени, с детства начиная и кончая старостью. Тогда будет легче совместить этот видеоряд с теми поступками, которые человек совершал в процессе постепенного перехода от одного периода своего существования к другому.

А здесь мы видим *живую мумию*, именно *живую на вид*, так как в отличие от египетских или китайских аналогов тело создателя Советского государства не было иссушено или обезвожено с помощью неких ухищрений или технологий, а сохранено, по крайней мере на визуальном уровне, в том виде, в каком жизнь покинула его…

Еще один лестничный пролет, и дочь с отцом вышли из Мавзолея, свернув на дорожку, бегущую мимо ряда памятников на фоне красной кирпичной стены с табличками на месте захоронений праха выдающихся деятелей Советского государства. Аккуратно подстриженные голубые елочки контрастируют с мрамором дорожки и красным цветом стены.

Такие же аккуратно подстриженные голубые елочки расположились около строгого невысокого здания в глубине большого парка за высоким бетонным забором со всем возможным набором предупредительной электроники. Микроавтобус мягко затормозил около дверей, которые, словно по волшебству, сразу же открылись и пропустили внутрь небольшую группу молодых людей, которые проследовали в достаточно небольшой зал и выстроились в ряд перед встречавшими их более старшими по возрасту мужчинами. И вновь красные папки и текст присяги со знакомыми словами и подпись в строгой ведомости под строгим взглядом контролирующего офицера. Короткое напутствие, и тот же микроавтобус, мягко шурша покрышками, выкатывается за массивные ворота и, плавно набирая скорость, растворяется в потоке машин на трассе…

Дочка спрашивает о тех людях, чьи имена высечены золотом на мраморе досок. Отец может рассказать ей только о тех, о ком

знает сам, и только то, что описывается с помощью небезызвестного термина «в части, касающейся…».

Дорожка заканчивается недалеко от Спасских ворот. Пройдя мимо Лобного места, отец с дочерью направляются мимо знаменитой церкви Покрова, что на рву, которую все москвичи называют собором Василия Блаженного – в честь местночтимого святого, похороненного в пристроенной к храму усыпальнице, – в сторону спуска, также именуемого Васильевским, постепенно спускаясь с высоты Красной площади на уровень обыденной, повседневной жизни.

Третий раз тот же текст присяги звучал на военном плацу, когда выпускники военной кафедры совершали формальный ритуал, без которого, как им заявили, дипломов никто не получит. Все выглядело формально и несколько суетно. Строгость была чисто внешней, а голоса присяги заглушал рев двигателей взлетающих и приземляющихся учебных истребителей и бомбардировщиков. Когда все закончилось, создалось впечатление, что «оптичили» еще одно мероприятие. Все поколонно направились в столовую, а затем занимались по обычному распорядку дня военного лагеря.

Сборы приближались к своему апогею, когда одному из резервистов, распорядок которого и без того отличался от такового всех остальных «партизан», пришла срочная телеграмма. Начальник хитрого отдела по-отцовски мягко, но строго побеседовал с молодым мужчиной в солдатской форме без погон и знаков отличия. Мягкий украинский говорок, словно аккомпанемент, сопровождал каждую фразу этого мудрого и умеющего на время абстрагироваться от армейских рамок человека.

– Полетишь завтра УБЛом в девять по нулям. *Сам* дал распоряжение, понял? – подняв вверх указательный палец и бросив взгляд куда-то на потолок, проговорил полковник, и после короткой паузы добавил: – Ну, успехов тебе, сынку. До побаченья. Может, когда судьба еще раз сведет.

Утром группа старших офицеров и генералов удивленно смотрела на странно одетого молодого человека, в адидасовском костюме и дорогих хромовых сапогах, с вещмешком, и на его не менее колоритного сопровождающего, которые стояли неподалеку от взлетной полосы в ожидании подруливающего самолета. Еще большее удивление охватило *«двухпросветников»* и *«пижаистов»*, когда прибывший генерал первыми пропустил в салон этих двоих *«неуставников»* и предложил им занять лучшие места из двенадцати, которыми оборудован учебный истребитель-бомбардировщик. Правда, эта странная парочка проследовала в

конец салона и разместилась на пластиковом полу, бросив под себя вещмешки…

Затем были посадочная полоса истребительной дивизии, комичная сцена с дежурным одного из КПП, долгая дорога на пригородной электричке, которая кланялась каждому столбу, внезапный приезд домой, смена багажа и опять новая, теперь уже намного более дальняя дорога, новые встречи, новые проблемы, новые победы и поражения, вновь победы, и так без конца.

Кончилась брусчатка, а вместе с ней и гул шагов. Теперь отец и дочь шагали по обычному серому асфальту. Красная площадь осталась позади вместе с воспоминаниями об одной присяге, трижды принесенной одним и тем же человеком одной и той же стране. Фантастика да и только! А может быть, это просто одна из черт того абсурдного времени, в котором мы жили? Ведь формально уже нет той страны, которой мы присягали, а может, и той присяги тоже уже не существует? Может быть, от всего этого надо быстрей отказаться в угоду сиюминутной конъюнктуре и мимолетной политической выгоде? Но это каждый решает только сам, ведь свобода – это не просто осознанная необходимость, а осознанная необходимость перемен.

Добрый и по-детски озорной взгляд дочери вырвал отца из мира воспоминаний и вернул к действительности со всеми ее плюсами и минусами, со всем тем, что она дает нам или отнимает у нас. Ведь именно этот полет во времени, благодаря которому у нас есть что вспомнить, и называется жизнь.

Грань

Еще два выстрела, и я закончу круг,
Неся свой крест как бремя и награду,
Еще два выстрела, и я закончу вдруг
Свой путь, чтобы остаться где-то рядом…

Он умер сразу, не рванувши вмиг
Рубахи ворот, с ним жилет и галстук,
И только мысли уходили в крик
Безмолвных и потусторонних галсов.

Скользит перчатки кожаная гладь
По рукояти пистолетной вниз.
И ствол ушел в карман уже на пядь,
Лишь магазина чуть отстал карниз.

Работа сделана. Чуть-чуть не по нутру
Лишь штриховой осадок – недоспал.
Ведь он, наверно, тоже поутру
Не верил в свой трагический провал.

Мы долго жили рядом или врозь,
Порой пересекались невзначай,
Но жизнь упрямо вбила розни гвоздь,
И мы не соберемся уж на чай.

Он выбрал путь, и в том вина иль рок,
Что кровь на нем моих друзей.
Моя Судьба согнулась в боли в лунный рог,
И в той судьбе один свидетель – я.

Нет злобы, холодок лишь по спине,
Сейчас в отель и в ванну, после спать,
Людские судьбы меркнут на войне,
Где невозможно фронта отыскать.

Сентябрь, сухо, в шелестве листвы
Домашних грез манящий аромат,
И дочка спит в коляске. У жены
Все время напряженно-ждущий взгляд.

Еще два выстрела, и, видимо, домой

Мне можно улетать, пройдя весь мир.
Дочь родилась, и вот теперь со мной
Идет по жизни маленький кумир.

Рожденье дочери – граничная черта,
Судьбу невидимо деля на половины,
Прошла сквозь душу, тонко очертя
И на места расставив чувств лавины.

Ствол тихо спит в кармане – он устал.
Работа сделана, другие двинут дальше,
А я не буду ждать большой провал,
Чтоб, завершив работу, жить без фальши.

Еще два выстрела, и я закончу круг,
Неся свой крест как бремя и награду,
Еще два выстрела, и я закончу вдруг
Свой путь, чтобы остаться где-то рядом…

20.11.2003

Берлинская небыль

Взятое слово необходимо держать, даже если это очень сложно сделать.

(7502 год от с. м.)

Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам…

Шекспир

Берлин жил своей обычной жизнью. День в этом непредсказуемом с точки зрения погоды городе обещал быть веселым и солнечным. Горожане спокойно занимались своими делами и ведать не ведали о моих приготовлениях. Анатолий Сергеевич позвонил точно в назначенное время и, как всегда, мягко, но уверенно подтвердил готовность к запланированному мероприятию. Я чмокнул еще дремавшую в теплой постели супругу в щеку и направился на кухню варить кофе. У меня было такое ощущение, будто я воссиял изнутри каким-то удивительным светом. На душе было легко и радостно.

Курс на спецфакультете Академии полиции завершился, как всегда, удачно, мероприятия в посольском Доме советской культуры прошли просто на ура. Немецкая сторона долго благодарила наших представителей. Невидимые, но эффективные действия курирующих нас товарищей обеспечили такую насыщенность и непрерывность мероприятий, что это не могло не радовать. Работа шла своим чередом, поездка подходила к концу, впереди ждала защита докторской диссертации и долгожданная радость получения диплома из рук самого академика Станислава Сергеевича Шаталина в ходе официальной презентации и при активном участии в ней представительной группы штатских и не очень штатских знаменитостей.

Окружавшая меня великолепная команда дипломатов создавала такой прекрасный настрой, что даже жена, которая всегда с повышенной чувствительностью относится к моему душевному состоянию, отметила, насколько я посвежел и отдохнул, несмотря на напряженный рабочий график. Ей тоже было приятно общаться со всеми этими прекрасными людьми.

Пока чудо буржуинского заварочного машиностроения

сосредоточенно пыхтело, сливая содержимое рабочей емкости в новомодную стеклянную колбу и сшибая меня ног ароматом свежего кофе, я случайно остановил взгляд на напольных весах. Какая-то неведомая сила подтолкнула меня к ним, и я встал на платформу.

Посмотрев вниз и убедившись, что еще не совсем растолстел, я утвердился в мысли о необходимости немного увеличить нагрузки в спортивном зале и чуточку сбросить вес для сохранения уже достигнутого солидного изящества. Решив, что килограмма два-три вполне можно было бы и сбросить, я покинул «весовую территорию». В этот момент кофеварка выдала паровую фразу на своем профессиональном языке, и я бросился к уже наполненному кофейнику с ароматным дымящимся кофе, чтобы поскорее разлить его по чашкам и подать на подносе с завтраком жене в постель.

Так как эта процедура повторялась нечасто и только в периоды нашего пребывания за рубежом, мне очень хотелось, чтобы все было, как в прекрасных и веселых французских фильмах. Да и к тому же надо было торопиться, чтобы кофе не успел остыть. Ну, кажется, все получилось, и вскоре перед женой красовался родной жостовский поднос с классическим европейским завтраком в полной немецкой комплектации. Я чувствовал себя на высоте. Оставалось только выслушать завершающие аккорды моей рабочей поездки и пережить последние мероприятия по повышению моего интеллектуального уровня, а равно и по укреплению авторитета нашей страны на международной арене, включая, само собой, мой собственный. Короче, я сиял, как олимпийская медаль.

Второй контрольный звонок застал меня в конце завтрака. Сергеич, так называют его близкие друзья, был, как всегда, необыкновенно пунктуален и по-служебистски точен. Я мельком взглянул на часы – оставалось еще достаточно времени. Ну что же, можно привести себя в порядок и кое-что продумать в преддверии рабочей встречи.

Точно в назначенное время во внутреннем дворе уже красовалась наша любимая машина – «шевроле люмина». Мы так привыкли к этому мини-вэну, что на других посольских машинах почти не ездили.

Всегда улыбающийся и беспроблемный шофер Анатолий сидел на своем месте. Этот человек умело скрывал под своей мягкой водительской внешностью настоящую оперативную выучку и непреходящие навыки той работы, которая всегда скрыта не только от профанов, но и от большинства посвященных, особенно чужих.

Молоденький переводчик Алеша, интеллигентного вида очкарик в сером костюме-тройке, всего две недели назад получивший первую в своей жизни аккредитационную карточку и только начинавший карьеру дипломата, застыл около раскрытой двери машины по стойке «смирно». Его роль была определена предельно просто – переводить мою речь и те слова, которые будут сказаны обо мне. А «ежели чаво», то я смогу подсказать ему, как переводится тот или иной специальный термин. В общем, все выглядело «кагэбычно».

Анатолий уверенно и мягко вел нашу машину по отработанному маршруту, направляясь к знаменитому по многим книгам и фильмам бывшему зданию Главного управления имперской безопасности Третьего рейха на знаменитой Принц-Альберт-штрассе. Величественное, помпезное и строгое, подавляющее любого, кто входил в его огромные двери, оно вызывало чувство благоговения перед тем, что творится за этими могучими стенами. Время внесло небольшие коррективы в декор этой громадины, построенной во времена фашизма в стиле тоталитарного классицизма. Но отсутствие в пустующих нишах фасада знаменитых орлов со свастикой и аккуратные каменные заплаты на месте пробоин, полученных в ходе штурма Берлина в апреле-мае 1945 года, ничуть не ослабили ощущения прикосновенности к столь далекой и в то же время совсем близкой истории.

Внешние двери, несмотря на свои размеры, легко поддались и впустили нас во внутренний отстойник. Внимательный, но туповатый на вид дежурный офицер быстро нашел мою фамилию в списке и услужливо пригласил во внутреннее фойе. Электрическая кнопка послала невидимый сигнал замку, который, легко и привычно щелкнув, позволил войти мне, Алексею и Анатолию. И тут же дверь за нами мягко, но с силой закрылась, отрезая нам пути к отступлению.

Мы оказались в огромном, похожем на спортзал холле. Ни малейшего намека на мебель. Интерьер строг и подавляет размерами. Возможно, из-за этого огромного объема помещения нам стало казаться, что время остановилось. Мы недоуменно поглядывали друг на друга, не зная, чем объяснить это удручающее, необъяснимое отсутствие пунктуальности немецкой стороны. Анатолий между делом успел воспользоваться туалетом. Дежурный офицер дважды выскакивал из своей бронированной клетки и, извиняясь, просил еще немного подождать в связи со *служебной необходимостью*. Мы приготовились ждать.

Наконец одна из внутренних дверей открылась, и в холл вышли два офицера в полицейской форме. Они подчеркнуто

вежливо поздоровались и предложили нам пройти с ними, всем троим. Мы с Анатолием мельком переглянулись. Подобная ситуация вкупе с непредвиденной задержкой явно не вписывалась в предусмотренный протоколом ход событий. Пока Алексей тщательно переводил наши фразы, мы с Анатолием еще раз переглянулись. Что-то не так! Необходимо было срочно принимать решение. Стоп! Анатолий отпрашивался в туалет! Сейчас это обстоятельство давало ему время для рывка на свободу. Моя фамилия и фамилия переводчика фигурировали в официальных бумагах, что автоматически исключало возможность ретироваться незаметно.

Я оборачиваюсь к нашему «водителю» и тоном начальника отправляю его назад, а переводчика прошу перевести, что водитель зашел в холл по разрешению дежурного офицера, чтобы посетить помещение с кабинками. В этот момент самым главным для нас было вывести Анатолия из здания, остальное, как говорится, дело техники. А что делать, наш «водитель» знал прекрасно. Немцы недоверчиво переглядываются, младший отправляется к дежурному, через минуту возвращается и подтверждает, что водитель посещал вышеупомянутую туалетную комнату.

Анатолий со свойственным ему артистизмом изображает на лице гримасу страдания, смысла которой не понял бы только полный идиот, и с тоской поглядывает в сторону заветной комнаты с мужским профилем на двери. Старший «полицейский», ухмыльнувшись, кивает в сторону двери и нравоучительным тоном говорит Алексею, что надо заранее думать о последствиях приема пищи накануне предстоящей работы. Анатолий, заученно повторяя «данке шен», приставным шагом скользит к двери и скрывается там. Старший «полицейский» просит нас показать документы и привезенные бумаги, чтобы сверить их с теми, что находятся у них на руках. Мы с переводчиком послушно вручаем свои аусвайсы и наблюдаем, как оба стража законности и порядка сверяют наши документы с распечатками, прикрепленными к их рабочему планшету.

Документы подтверждают, что в списке действительно фигурируем я и мой переводчик. Кажется, кто-то здесь сознательно тянет время. Я искоса посматриваю то на заветную дверь, то на немцев. Наконец старший не выдерживает и отправляет младшего поторопить «этого объевшегося водителя», но в тот момент, когда младший делает несколько шагов в сторону туалета, дверь его открывается, и на пороге появляется довольный «содеянным» Анатолий. Он характерным движением поправляет поясной ремень и опять благодарно кланяется

полицейским. Старший повелительным жестом приказывает ему освободить ведомственное помещение, а затем указывает дежурному, что *всяким водителям тут не место*. Дежурный, багровея от стыда, принимает упрек и, недовольно буркнув что-то Анатолию, с облегчением закрывает за ним электронный замок. Еще несколько секунд, и я вижу, как фигура коллеги скрывается за массивной внешней дверью. От сердца немного отлегло. Я мельком бросаю взгляд на часы – почти одиннадцать. Ехать напрямую до посольства минут двадцать, значит, Сергеич будет знать обо всем уже до полудня.

Полицейские вежливо, но настойчиво предлагают следовать за ними. Дверь одной из переговорных комнат открывается, и мы оказываемся в небольшом помещении со стандартным пластиковым столом и четырьмя стульями. Немцы предлагают нам занять места «согласно купленным билетам» и, вновь открыв наши документы, начинают задавать свои вопросы. У Алексея от них начинает вытягиваться лицо, а кожа то бледнеет, то покрывается румянцем. Мне вспоминается стандартный вопросник крипо, криминальной полиции, которая с 1936 года составляла единое целое с гестапо.

Ну что же, гадать и думать, что там не состыковалось, сейчас не имеет смысла – постепенно они выведут нас на это сами. Если, конечно, то, что произошло, не столь серьезно. По крайней мере, ясно одно: дипломатическое протокольное мероприятие по обучению сотрудников специальной полиции превращается в нечто совершенно иное.

Я неторопливо осматриваю комнату. Глазки двух камер спокойно и непредвзято следят за нашей реакцией спереди. Значит, еще пара таких же электронных глаз следит сбоку сзади, а невидимые уши микрофонов фиксируют каждое сказанное слово. Именно поэтому оба «полицейских» ничего подробно не записывают, а лишь делают короткие пометки в каких-то своих бумагах, закрытых от нас планшетами. Вопросы к Алексею уже иссякли, и оба оборачиваются ко мне.

Один в очередной раз перелистывает мой паспорт, просматривая многочисленные визы и штампы пограничных постов, вновь и вновь сверяясь со своими бумагами. Затем они внимательно изучают первую страницу, печать консульского управления МИДа. Старший в такт каким-то своим мыслям покачивает головой и хмыкает, затем передает паспорт младшему, тот пулей выскакивает из комнаты. Старший молча переводит взгляд с меня на Алексея, наблюдая за нашей реакцией. Алексей, не вполне представляя себе, как называется настоящая процедура на профессиональном жаргоне, прекрасно

понимает, что влип в историю, да еще в самом начале своей первой дипломатической командировки. На лбу у него выступают бисеринки пота, лицо то розовеет, то становится неестественно белым. Мне жаль парня, но сейчас сделать ничего невозможно. Держись! Я стараюсь спокойно проанализировать происходящее, выстраивая возможные варианты развития, хотя сказать, что сам ни капли не волнуюсь, не могу.

«Вот так, – думаю я, – господин или, если хотите, *товарищ профессор, замастерились,* понимаешь, *переуверовали* в свои силы. На кой черт всю свою жизнь вы посвятили этой нескончаемой и замкнуто-порочной игре? Зачем учить и тех и этих, перемежая получение благодарностей, гонораров, наград, признаний с вечным подозрением, провокациями, открытой политической и личностной враждой и ложью? На кой хрен вам все это надо? Да еще подставили мальчишку-дипломата…» Мысли спонтанно меняют свое направление. Старший «полицейский» выжидающе молчит. Алексей дергается, хрустит суставами пальцев, периодически снимает очки и протирает их, вновь водружая на переносицу.

Я сижу почти неподвижно, сцепив пальцы обеих рук в замок. Гостеприимный хозяин ощупывает нас цепким взглядом, его руки лежат на столе плашмя. Он, словно музицируя, чуть поигрывает пальцами, выстукивая какую-то одному ему известную мелодию. Наконец дверь распахивается и на пороге возникает *младший «полицейский»* с пачкой документов: я вижу свой паспорт, его ксерокопию и еще какие-то бумаги. Старший принимает это все в свои руки, как рождественский подарок, быстро пробегает глазами. Затем, удивленно посмотрев на своего подчиненного, переводит взгляд на меня. А вот интересно, что он сейчас спросит, основываясь на полученных данных? Начнет исполнять юридическую песню на правовой мотив или переведет разговор в иное русло?

Я чувствую себя мальчишкой. Во мне просыпается профессиональный азарт с неким налетом «хулиганства», характерный для подобных игр. Когда процесс захватывает и превращается в дуэль с множеством переходов и перестановок, каждая из которых может оказаться последней и решающей для того единственного выстрела, ради которого и задумывалась сама дуэль. Главное – не переиграть, не проскочить ту незримую черту, за которой все построенное ранее может быть разрушено в один миг. Но всего этого не происходит. Старший молча складывает мои документы в папку с какими-то бумагами и выжидающе смотрит на дверь, которая, словно по волшебству, открывается, впуская в комнату двух новых участников разговора: одного,

высокого и плотного, и второго, он пониже и гораздо худосочнее.

Появление этой парочки остается для Алексея практически незамеченным. Он безучастно смотрит на вошедших, продолжая теребить свои пальцы. Зато для меня это многое меняет. Вошедшие в штатском заметно отличаются от аккуратных «полицейских» с их стандартной стрижкой и чопорнохоленым видом. В отличие от них, это молодые, разбитного вида парни в почти одинаковых коротких кожаных курточках и джинсах. Завершают их анархичный экстерьер разномастные прически и кроссовки.

Старший «полицейский» вскакивает, показывая на меня взглядом, молча передает папку с моими документами высокому парню. Тот молча принимает все мое имущество и, поджав губы, жестом предлагает мне выйти из комнаты. Я спрашиваю, кто будет мне переводить во время нашей беседы. Высокий мило улыбается и ласково объясняет мне, что моего знания второго родного языка вполне достаточно для общения и мы прекрасно поймем друг друга без перевода. Он в этом просто уверен.

– Пошли, – с легким акцентом безапелляционно добавляет он напоследок по-русски.

Я молча поднимаюсь и следую за ним. Худощавый напарник, прикрывая меня с тыла, замыкает процессию. Я просто спинным мозгом чувствую взгляд Алексея, отчетливо представляя его расширенные от недоумения глаза и состояние потерянности. Мне это несложно представить, когда-то я сам испытывал подобное, но это было уже так давно. Или это просто сейчас так кажется…

Мельком смотрю на часы – уже около часа дня. Мы поднимаемся на пол-этажа и, подойдя к шлюзовой двери, по очереди просачиваемся в смежный коридор соседнего корпуса. Здесь совсем иная обстановка – все зашито в пластик и дерево, на полу приятное ковровое покрытие, скрадывающее звук шагов. Такое впечатление, что мягкий свет струится из потолка. Мы идем по коридору, который слегка подсвечивается по мере нашего продвижения и снова погружается в полумрак у нас за спиной.

По обеим сторонам коридора одинаковые двери. Вопреки правилам пожарной безопасности, все они открываются внутрь помещений. Забавно и показательно. Наконец мы останавливаемся около одной из таких дверей. Высокий парень проводит электронной картой вдоль контрольной пластины датчика, и дверь автоматически открывается, впуская нас в темное помещение, в котором тут же вспыхивает свет. Так же автоматически включается кондиционер под потолком, нас

обдает струей холодного воздуха. «Вот это техника! – думаю я. – Не хватает только хорошего дружеского застолья».

Но мои мысли сейчас никого не интересуют. Я усаживаюсь в предложенное немцем кресло из прозрачного пластика. Мои собеседники устраиваются на стульях напротив меня по разным углам стола. Бумаги появляются на столе одна за другой, словно карты в сложном пасьянсе. Теперь я начинаю узнавать некоторые из бумаг и понимаю, что ребята в полицейской форме уже нарыли для своих *штатских коллег* кое-какой материальчик и, заработав свои очки, передали нас с Алексеем дальше по инстанции.

Вновь начинается веселый и смешной, если смотреть со стороны, разговор глухого со слепыми. Один все время что-то вспоминает, а двое других все время что-то переспрашивают, хотя это что-то лежит перед ними и требует простого прочтения. Разговор крутится вокруг то одной, то другой, то третьей темы, ускользая и вновь возвращаясь к уже сказанному. Вопросы сыплются как из чудесного рога изобилия. Кто? Когда? Зачем? Как? По какой причине? В какое время? С кем? Для кого? А это когда? А это зачем? А это почему? Мы словно играем в бесконечное буриме, когда спонтанно брошенные рифмованные слова тут же соединяются в складное стихотворение на уже заданную и, что самое главное, проверенную невидимым учителем тему. Поэтому для моих собеседников итоговая оценка не является секретом, и игра идет попеременно, но все время у одних ворот. Вспотевшая спина прилипает к спинке кресла. Собеседники, разделенные углами достаточно большого стола, заставляют все время поворачиваться то к одному, то к другому.

В комнате не видно открытых видеокамер, но они тут есть, и их конечно же больше, чем в предыдущем помещении. Мои собеседники вообще ничего не помечают. Просто худощавый или высокий поочередно периодически выходят из комнаты и после возвращения обрушивают на меня новый запас вопросов, которые им заготавливает невидимый для меня режиссер. Время то тянется, то летит незаметно. Мне трудно сориентироваться во временном потоке. Разговор не оставляет времени для каких-то размышлений, потому что ведется практически без пауз и остановок. Под ложечкой начинает посасывать, маленький червячок голода постепенно вырастает в настоящего удава, готового сожрать себя самого. Но моих собеседников это совершенно не интересует, они заняты своим делом и не обращают внимания на мой разгорающийся аппетит.

Мы уже по десятому или по двадцатому кругу повторяем одни и те же темы, каждый раз стараясь углубиться в какой-либо отдельный вопрос или подробно разобрать *не вполне понятный*

собеседникам эпизод. Поток собеседования уносит нас все дальше и дальше. Мне остается только лавировать между бурунами новых вопросов, намеков, уточнений. Все это уже порядком надоело, но ни в коем случае нельзя позволить себе взорваться или внезапно замкнуться. «Мир не любит пустоты, а природа не терпит резких скачков» – так, кажется, говорил Ломоносов. Ну, даже если не дословно, то по смыслу это верно. Играть по чужим правилам – хуже некуда. Но, начав играть, необходимо играть до конца.

Вдруг поток начинает извиваться, менять уже набранный темп, замедлять движение или неоправданно долго вертеться на одном месте. Я чувствую, что мои собеседники начинают *пробуксовывать,* искать какую-то незримую поддержку не то друг у друга, не то у невидимого режиссера. Их вопросы начинают спотыкаться, словно уставшие, почти что загнанные лошади. И вот великолепные скакуны превращаются в измученных, едва переставляющих ноги кляч. Во мне начинает подниматься чувство презрения к ним. Но это опасное чувство, нельзя расслабляться и переоценивать себя в угоду собственным амбициям. В любой момент мои визави могут выкинуть новый фортель и так зарядить меня, что мало не покажется. Это ведь их игровое поле, они играют по своим правилам, имея возможность менять их по ходу пьесы.

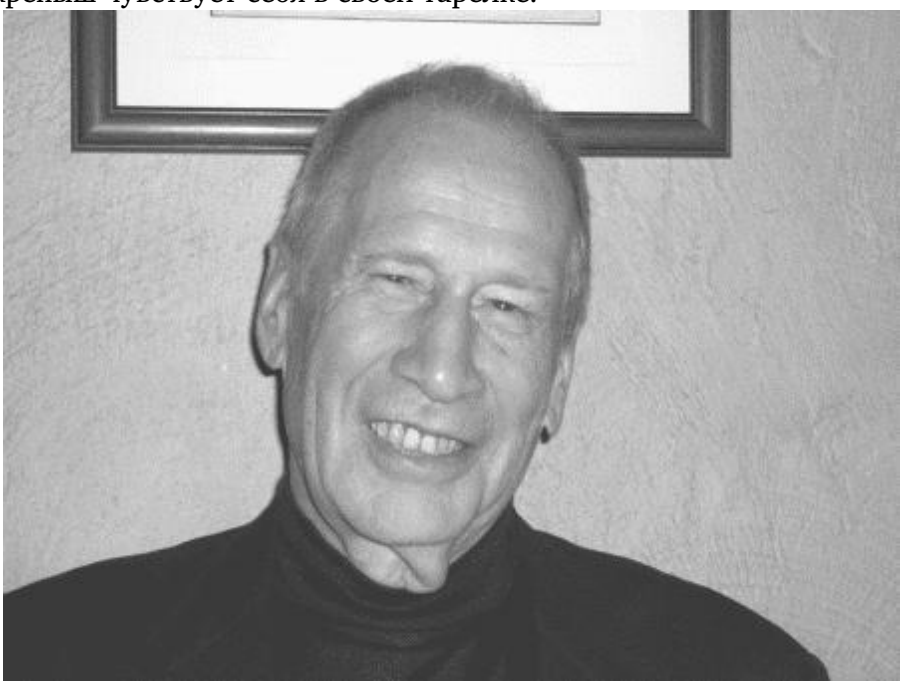
Дверь неожиданно открывается, и в комнате появляется еще один *штатский.* Он старше своих молодых коллег, его лицо мне кажется знакомым. Полноватый, но крепкий, с жестким лицом, говорящим о соответствующих чертах характера, взгляд внимательный. Где-то я его точно видел, но где? Только спокойно! Не торопясь и подавляя фантомы памяти, необходимо вспомнить, где я видел это сильное и мужественное лицо.

Память, словно котенок, разматывает невидимый клубок воспоминаний, стараясь найти тот узелок, который даст ответ на возникший вопрос. Ну да, конечно же два года назад курс в Западноберлинской академии для сотрудников *спецайнзацкоманд*. Этот человек был наблюдателем в группе *преподавателей* по боевой и специальной подготовке. Память медленно вытягивает одну ниточку воспоминаний за другой. Теперь отчетливо вспомнилось, как внимательно он следил за занятиями по тактике, а в зале всегда сидел в уголочке, чуть сбоку, наблюдая за происходящим. Вот, значит, какой из вас преподаватель? Ну что же, и то неплохо, что вспомнил, где виделись. Что-то у вас, ребята, не заладилось, коли *режиссер* на сцену вышел или вывел кого-то из ведущих актеров!

На моих часах уже около пяти часов. Скоро вечер. Мы не

знакомимся друг с другом, а продолжаем бесконечный разговор в расширенном варианте. Но вскоре *как бы вдруг* мои собеседники вспоминают, что у нас давным-давно маковой росинки не было во рту. Поступает предложение перейти в другое помещение. Выбора нет, и я в сопровождении теперь уже трех человек вновь иду по лабиринту незнакомого здания.

Меняются этажи и коридоры, снова этажи и снова коридоры. Наконец мы входим в совершенно иного рода, чем был перед этим, коридор. Худощавый сотрудник остается за дверью очередного отсека, да и поведение высокого сотрудника становится каким-то предупредительно осторожным. Только крепыш чувствует себя в своей тарелке.



Маркус Вольф. Великий и обаятельный

Мы входим в шикарный кабинет, обставленный старой, но великолепно отреставрированной помпезной мебелью в сочетании с хорошо подобранными и стилизованными современными элементами декора. Шикарно и ничего лишнего. В кабинете витает дух имперской помпезности и рабочей атмосферы. Мягкое ковровое покрытие чуть отличается в лучшую сторону от того, что покрывает пол в коридорах и кабинетах попроще. На массивном столе со старой настольной лампой, переделанной под источник дневного света, разложены закрытые

рабочие папки. Довольно большой столик в углу накрыт на троих. Рядом на сервировочной тележке красуются знакомые термосы с чаем и кофе, фрукты, закуски, ветчина, колбасы, сыр, хрустящие булочки и еще многое из того, от чего можно просто захлебнуться слюной.

Маркус Вольф. Таким он бывал только дома

Хозяин кабинета приглашает присесть и подкрепиться. Я охотно соглашаюсь, высокий сотрудник услужливо предлагает то одно, то другое *яство*. Я с огромным наслаждением поглощаю ароматный кофе и бутерброды, тщательно пережевывая все, что *Бог послал*. Разговор со специальных тем начинает съезжать на более обыденные.

Вдруг всплывает тот самый курс двухгодичной давности, где мы виделись. Я слышу слова восхищения, сыплются похвалы и фразы о необходимости более тесного сотрудничества на благородном поприще борьбы со многими социальными бедами на международном уровне. Ну все, пошел дипломатический протокол. Значит, ребята, вам кто-то дал по рукам! Вот и уперлись вы в глухую стену, создав проблему на пустом месте и пытаясь ловить мух между строчками.

Время теперь течет неторопливо и плавно. Разговор постепенно смягчается, словно бурная река, вырвавшаяся на

равнину и спокойно несущая свои воды уже не в узких горных ущельях, а среди широкой равнины. Сейчас главное не дать себе расслабиться и «*заснуть*» – можно пропустить такой удар ниже пояса на вдохе, что после него уже не будет возможности оправиться. Усталость и многочасовое нервное напряжение дают о себе знать. Кроме того, утоление голода через некоторое время вызовет приток крови к желудку, а затем сонливость и расслабление. Об этом тоже нельзя забывать…

Крепыш замечает, что я внимательно рассматриваю обстановку помещения, и открывает его секрет. Оказывается, здесь в свое время находился один из рабочих кабинетов знаменитого шефа политической разведки Третьего рейха, бригаденфюрера СС и начальника VI департамента Главного управления имперской безопасности Вальтера Шелленберга. Вот так новость! Можно было чего угодно ожидать от этой «*дружеской*» беседы, начавшейся утром в комнате допросов, но того, что закончится она в столь интересном с точки зрения истории месте, предположить было просто невозможно. Я внимательно рассматриваю кабинет, стараясь запомнить его обстановку и представить, как здесь больше полувека назад принимались судьбоносные для Германии и всего мира решения.

Крепыш с интересом наблюдает за мной. Когда мой взгляд останавливается на тяжелом столе из дорогих пород дерева, он, как заправский и гостеприимный хозяин, объясняет, что за аккуратными круглыми пробочками в массивном корпусе когда-то скрывались встроенные в стол, на случай непредвиденного поведения посетителей, пулеметы. Немец объясняет, что вообще-то безопасность – это пунктик, идефикс его соотечественников. С этим я соглашаюсь, хотя многое из вышесказанного внушает определенные сомнения. Но крепыш настойчиво убеждает меня в абсолютном соответствии истине всего, что он мне поведал. Причем с таким видом, будто мне несказанно повезло. Однако, судя по всему, возможность *вновь посетить* этот мемориал вряд ли представится мне еще раз. Да и сама мысль о том, что для этого придется еще раз проходить аналогичную проверку, никакого энтузиазма не вызывает…

Разговор постепенно перемещается в историческую плоскость. Теперь мои собеседники стараются придать ему совершенно иной характер, чтобы сгладить впечатление агрессии и предвзятости, возникшее в ходе предыдущего общения. В их словах сквозит дружеская интонация, манера выражаться осторожно-предупредительная. Собеседники явно отрабатывают протокольные формы свертывания не получившейся «*рабочей раздевающей беседы*».

Наконец мы завершаем разговор. Мои собеседники начинают расшаркиваться и как бы невзначай приносить извинения в связи со столь нелепым недоразумением, которое, к счастью, так хорошо разрешилось. Теперь они готовы к продолжению совместной работы. Конечно, не сегодня, ведь уже достаточно поздно, а так, в другое время – всегда пожалуйста. Ну просто идеал радушия и гостеприимства. На часах уже семь вечера.

Мы долго спускаемся по запутанным лестницам, идем по длинным коридорам и внезапно оказываемся в том же холле, с которого утром началась эта эпопея. Алексей, измученный, с осунувшимся лицом, встречает меня усталой улыбкой и вздохом облегчения. Нам приносят еще раз *самые глубокие, самые искренние извинения* и даже предлагают довезти до посольства. Мы столь же вежливо отклоняем любезное предложение и, пройдя через двери отстойника, оказываемся на улице.

Нас охватывают прохлада летнего августовского вечера и неповторимое чувство свободы. Алексей спрашивает, почему я отказался от доставки домой. Пропустив его слова мимо ушей, я даю команду следовать за мной и не задавать дурацких вопросов. Переводчик пожимает плечами, но послушно выполняет приказ. Мы подходим к переходу и ожидаем переключения сигнала светофора. Мой взгляд скользит по площади, на которую выходят несколько улиц и переулков.

Неподалеку я замечаю маленькое кафе-кондитерскую, одно из великого множества подобных, типично европейских заведений. Загорается зеленый свет, и мы переходим улицу, направляясь к столикам кафе. Алексей недоуменно крутит головой, занимает место за указанным мной столиком и с удивлением смотрит на меня, когда я делаю заказ. Вскоре на столике появляются две чашечки кофе, пара свежих бутербродов с ветчиной, сыром и листиками салата и две нетипичные для европейцев порции коньяка.

Алексей, подчиняясь моей настойчивой, больше напоминающей приказ просьбе, выпивает коньяк. Вскоре его бледные щеки покрываются румянцем. Он расслабляется и с удовольствием набрасывается на еду, не переставая рассказывать о неимоверно затянувшемся ожидании, о чувстве одиночества, о боязни негативных последствий нашего визита и предполагаемых осложнениях на дипломатическом поприще. Он говорит и говорит, не умолкая. Ему сейчас необходимо выплеснуть все, что накопилось внутри, чтобы поскорее освободиться от этого малоприятного груза.

Я слушаю его краем уха и внимательно наблюдаю за происходящим на площади. Вот трое типичных бюргеров

рассаживаются за столиками нашего кафе в соответствии с *неписаной* инструкцией и законами формальной логики. Недалеко от нас приостанавливается белый «мерседес» среднего класса, их на улицах Берлина просто не счесть. В его водителе, который перекладывает какие-то вещи из салона в багажник, я узнаю одного из наших новых знакомых.

Мы завершаем трапезу, расплачиваемся и дефилируем по улице мимо припаркованного «мерседеса». Водитель провожает нас знакомой улыбкой, как, впрочем, и трое бюргеров. Ну что ж, у каждого своя работа. Мы с Алексеем прогулочным шагом направляемся в сторону центра. Переводчик болееменее успокоился, коньяк делает свое благое дело. Через два квартала нас обгоняет тот самый улыбчивый водитель на белом «мерседесе». Чуть притормозив, он сворачивает на перекрестке, а затем, уверенно набирая скорость, растворяется в автомобильном потоке. Мы подходим к стоянке такси, садимся в очередную машину и отправляемся на Унтер-ден-линден, знаменитую улицу под липами.

При входе в знакомый отсек Анатолий Сергеевич характерным для него жестом протянул мне руку, сложив ладонь лодочкой. Мы молча обменялись понимающими взглядами, и он ободряюще похлопал меня по плечу. Войдя в квартиру, я увидел жену, которая мирно беседовала с Андреем Рыдвановым, одним из помощников Сергеича.

– А как насчет знаменитого немецкого *айсбана* с гарниром и кружечкой пива? – воскликнул он с энтузиазмом.

Вопрос был риторический, так как сие мероприятие было намечено уже давно.

– Я готова, – отозвалась жена.

– Я только переоденусь, – кричу я уже из ванной.

Струи обжигающе холодной воды стегают, бьют по телу, наполняя меня новой энергией. Ощущение такое, словно и не было восьмичасового изнуряющего марафона. Выбираюсь из-под душа и сильно растираюсь полотенцем. Взгляд падает на весы. Подчиняясь внутреннему голосу, отбрасываю полотенце и встаю на платформу. Сегодня утром я мечтал увеличить нагрузку на тренировке, чтобы сбросить пару лишних килограммов. Но бесстрастный, чуждый эмоциям механизм объективно фиксирует, что за сегодняшний день я уже похудел почти на четыре килограмма. Ну что же, значит, свиная нога с пивом сегодня не повредят.

Вечер в традиционном немецком *гаштштетте* прошел в

обычном ключе. Мы много шутили, остроты сыпались, как из рога изобилия. Андрей, в своей типично английской манере, с непроницаемым лицом рассказывал анекдоты, после которых несколько минут невозможно было ни есть, ни пить, так как мы буквально изнемогали от хохота. Однако Сергеич изредка поглядывал на меня, проверяя, как я держусь после сегодняшнего визита. Ему было дано видеть в людях те скрытые процессы, которые каждый человек всегда старается запихнуть поглубже в себя.

Ведь и самому Анатолию Сергеевичу в свое время довелось пережить подобную встряску близ побережья Японского моря и трехчасовое *изъятие* из раздавленной машины после покушения в Афганистане. Андрей, хорошо зная характер и приемы шефа, быстро и грамотно отвлекал мою жену, давая нам возможность перебросится одной или двумя фразами. День был трудным, но счастливым. Это было двадцать седьмое августа, число в сумме, составляющее *сакральную девятку*.

В тот же день пришло сообщение о том, что утверждена тема моей научной работы и в связи с этим следует срочно вернуться в Москву. Через сутки мы уже летели домой на крыльях родного «Аэрофлота». И не успели мы войти в квартиру, как зазвонил телефон и факс-аппарат выдал список известных *русских опохмелителей*, отправленный из Берлина. Оперативно сработали ребята!

А через неделю, третьего сентября, на официальной презентации под объективами телекамер академик Шаталин и генерал Колодкин вручали мне международный диплом доктора наук. Стоя в мантии на сцене, я вспоминал недавние события, оставившие в душе неприятный осадок и богатые впечатления.

Только через три года мне удалось стиснуть в дружеских объятиях «*водителя*» Анатолия и крепко пожать его руку. А нашим женам предстояло узнать о наших приключениях только через пять лет, когда мы впервые озвучили эту историю на традиционной весенней мартовской встрече. Тогда же я пообещал своим коллегам описать все, что с нами произошло, а свое слово необходимо держать, ведь мы по гороскопу – *Рыбы*. Ну если не все, то хотя бы некоторые…

Все это было давно и одновременно недавно, всего лишь в конце прошлого столетия! Может быть, для истории это совершенно ничтожный срок, но в жизни человечества последнее десятилетие XX века сыграло очень важную роль. Ведь именно оно изобиловало подобными историями, вызванными нарушением старого и установлением нового мирового равновесия. Времена изменились, и, слава богу, «пулеметы

Шелленберга» не понадобились.

Недавно совершенно тихо и незаметно для большинства ушел из жизни Андрей Рыдванов. Ушел так же «оперативно тихо», как умел жить и работать, оставаясь скромным и незаметным, душой многих компаний.

Люди и события живут столько, сколько живет память о них.

А быль это или небыль, каждый волен решать сам…

И вновь под крылом Европа

Берлинский сумрак

Отель, такси и сумрачный Берлин,
Из ночи возвращающийся в день,
И Тегеля огромный плоский блин,
Фигур неспешных утренняя тень.
Вновь процедура входа в терминал,
Вновь ожиданье взлета, и полет,
Кто это сотни раз не испытал —
Тот остроты сюжета не поймет.
Прыжок на день в неведомый язык,
Прыжок на день отсюда в никуда,
Ты вроде к этому уже давно привык,
Но все же не привыкнешь никогда.
Забрать дыхание одним движеньем рук,
И жизни прекратить круговорот…
Сегодня враг – он был вчерашний друг,
И жизнь берет нас снова в оборот…
Прыжок на день отсюда в никуда…
Азарт охоты, встреча, взгляд, хлопок,
Все было много раз, но как всегда —
С прищуром взгляд и на лицо платок.
Ну вот и все. Спокойно, не спеша,
Движенье каждое дозируя умом,
Я мягко ухожу, легко дыша,
Душой спокоен, защитив свой дом.
И нет сомнений в четкой правоте
Свершенных дел – они всегда со мной,
Вновь терминал и взлет, – и в высоте
Свобода выбора, врученная судьбой.
Огни, такси и сумрачный Берлин,
Вновь за спиной аэропорта тень,
И солнце спряталось уже за край земли,
И я мгновеньем прожил этот день.
Назавтра – в путь, теперь уже домой,
Где ярче солнца светят мне глаза,
И сердце бьется – мой, ты только мой…
А мне без этих глаз прожить нельзя…

P. S.

По жизни выбираем мы судьбу,
Мы сами выбираем честь и боль,

И если ты себе избрал борьбу —
Лишь до победы бой вести изволь…

03.05.2008

Ямайский ром

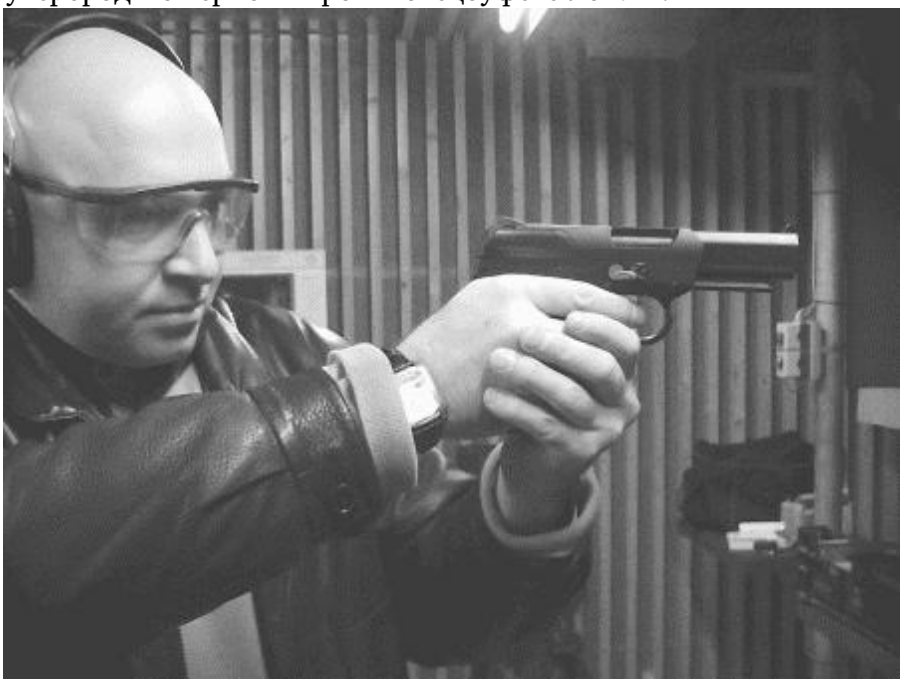
Злость никак не приходила. Я внутренне старался вызвать ее, но все усилия не имели никакого успеха. Голова после второй порции пятидесятилетнего рома «Монте Белла» ну никак не хотела генерировать злобные импульсы, а сердце, несмотря на старания, билось ровно и практически спокойно.

«Я должен, я обязан…» – старался загипнотизировать я сам себя. Но все было напрасно. Гамбург не желал меня злить. Может быть, все дело в том, что я живу в этом респектабельном отеле «Фиряресцайтен», что означает четыре времени года, где даже на омудаченных рецепционистов трудно злиться. Несмотря на их тупость и порой полную профессиональную никчемность, они так умеют организовать сервис, что даже приступ генерированной ярости выглядит джентльменским скривлением губ и неким уничижительным жестом, от которого самому становится смешно.

Ну все, дожил, даже в портовом городе никого не *секуляризовать*! То готов был всех давить как мух, невзирая на лица, звания, возраст, а тут просто обаристократился. Твою маман… Ну а что, не хрена было копаться в родословных и выяснять свои графские корни до девятого века. Просто надо брать пример с предков, которые засветились еще во времена короля Карла IV, создателя империи, в которую входили территории нынешней Чехии и Германии. В честь которого, кстати, знаменитый Карлов мост в Праге. Этот король был еще императором Священной Римской империи под именем Карла IV. Так вот эти самые твои предки, возведенные при нем из баронского в графское достоинство, умудрились еще получить привилегию «дарования именитым горожанам и иным достойным жителям фамилий с правом обретения фамильных и цеховых гербов». Вот пролезли, так пролезли! Это ж надо, сколько золотой и серебряной монеты было вброшено в казну! А сколько мои досточтимые графские предки оставили для своих нужд или получили от короля?! Анналы истории об этом умалчивают…

Вот учись, дубина стоеросовая! Одни обеспечили себе графское достоинство доблестью, силой и мечом, а другие пополняли сундуки умом, хитростью и смекалкой. А ты все так же спишь с пистолетом, а то и с двумя под подушкой. Тоже мне, рыцарь хренов, до сих пор не можешь отойти от фамильного ремесла? Ну так хотя бы разозлись! И того не можешь! Что же с тобой сделал этот ганзейский город?! Размазать кого-то на Риппербане – так это тебе что муху раздавить, а вызвать бурю гнева – слабо!

Мягкая, даже ватная пелена окутывает мозг. Не хочу, и все! Разрядить «Хеклер и Кох» в физиономию – пожалуйста. А злиться не получается. То можно сорваться из-за пустяка, а тут ну просто само обаяние, врожденная вежливость с рабоче-крестьянским акцентом. Да, брат, это тебе не в Кремлевском дворце съездов бутерброды с черной икрой в спецбуфете лопать.



FN-5.7 – прекрасное оружие для нашей работы

Ароматный, выдержанный янтарный ром, угодивший в бочку еще до Великой Отечественной вой ны, приятно обжигает кончик языка и, одарив нёбо неповторимым вкусовым букетом, мягко растворяется во мне. Это напоминает директиву Иосифа Сталина о провокациях. Все знали, что война вот-вот начнется, но на провокации противной стороны поддаваться себе дороже, ведь так решено там, наверху…

Большой, пузатый бокал граммов этак на двести стоит передо мной на маленьком столике из красного дерева. А на дне этого хрустального творения произведение искусства ямайских виноделов, которые приготовили ром и дали ему выдержаться почти полвека. Во как! Я с особым чувством раскручиваю бокал, и золотистая жидкость оставляет на стенках бокала особый, словно маслянистый рисунок и неповторимый дурманящий аромат. Маленький глоток… Позволить волшебной жидкости окутать

нёбо, затем коснуться его кончиком языка, чтобы пережить всю полноту, всю гамму чувств, порожденных этим живительным напитком, впитавшим в себя жар солнечных лучей, сок сахарного тростника и искусство мастера.

Бумага ложится на красную, инкрустированную узорами поверхность стола. Текст я уже знаю наизусть, и он для меня ничего не значит. Просто теперь я могу действовать! Тягучая ватность исчезает. Тело приобретает знакомый тонус, а движения – уверенную агрессивную пружинистость. Стальная тяжесть в кармане и под левым плечом исчезает: углы, обводы и привычный вес стволов больше не раздражают, а волнуют новыми ощущениями. Натренированная рука уверенно ложится на ортопедическую рукоятку.

Вот и все! Впереди привычно-непредсказуемая работа, и гарантированный результат ее я знаю наперед… Вопрос только в цене…

Мы все осколки Коминтерна
Заложники идей и грез,
Мы все осколки Коминтерна
В плену кристально чистых слез.

Несемся в вихре межпланетном
Через пространства и века,
Песчинками в хвосте кометном,
И лишь взволнованы слегка.

Режимы мнутся в катастрофах
Чересполосиц из войны,
Людские судьбы рвутся в строфах
Без сожалений, без вины.

Летят в отбросы государства,
Что были в силе час назад.
Не божьи, а земные царства
Встают под чей-то строгий взгляд.

Весь мир построен из насилия,
А мы беспомощно сильны,
И ощущаем боль бессилия
Лишь с ликвидацией страны.

Родится новая доктрина,
И воссияет новый свет,

И вновь рисуется картина
Очередных всеобщих бед.

Летим мы в поезде из крови,
Из страха, разрывая бред,
И во вселенском нездоровье
Мы ищем божеский ответ.

Мы все осколки Коминтерна
В крови из золота и грез,
Мы все осколки Коминтерна
В плену кристально чистых слез.

14.04.2005

Секретные службы партии

Все началось после завершения первого съезда, когда стало понятно, что существуют не только внешние противники, но и в рядах социал-демократического движения существует достаточное количество разнонаправленных и совершенно не состыкующихся друг с другом позиций.

Руководство будущей партии большевиков проводит ряд структурных преобразований, направленных на построение более жизнеспособных структур, защищенных не только от преследования царских служб, но и от внутрипартийных трений и откровенно враждебных выпадов, часто связанных с предательством или провокациями.

При подготовке ко второму съезду в июне 1903 года В. И. Ленин и его соратники уже подошли, имея несколько специальных и секретных комиссий и иных структур, курирующих разнообразные вопросы внешнего и внутреннего порядка, а также структуры, способные активно противостоять прямой агрессии. По неофициальным данным, днем рождения таких структур можно считать 3 марта 1903 года, когда были оформлены структуры внутрипартийного контроля и созданы так называемые структуры малых троек, аккумулирующие всю полноту партийной власти по территориально-линейному принципу.

Типичными примерами являются следующие документы:

– письмо от 03.03.1903 г. Закордонного Комитета Бунда в Берлине о возможном нарушении правил внутрипартийной конспирации Дейчем в беседе с Н.Б. Коганом в Лондоне с точным указанием на истинное место нахождения ЦК Бунда (ф. 271, оп. 1, ед. хр. 142, л. 1);

– письмо от 12.03.1903 г. Н. К. Крупской Заграничному Комитету Бунда о необходимости составить комиссию для устройства конспиративной части 2-го съезда РСДРП. Уполномоченным по секретной части назначен товарищ Альман (Л. Дейч) (ф. 283, оп. 1, д. 156). Кстати, в тот период Бунду отводилось особое место в партийных структурах, где среди более чем 20 направлений деятельности Бунда внутри партии под пунктом № 13 значится «Террор», а весь пункт № 18 направлен на оперативное внедрение, разложение и агитацию в рядах военных, полицейских, политических и иных структур (ф. 34, оп. 1, ед. хр. 102, с. 1);

– предложение Бонч-Бруевича по внутренней оперативной работе среди сектантов (ф. 34, оп. 1, ед. хр. 40, с. 38);

– доклад мая 1903 г. Батумского комитета о необходимости специальной подготовки революционных кадров и создания спецпунктов (школ, центров) подготовки боевого характера. Утвердить руководящий состав и ответственных за направления подготовки для кадров из числа ссыльных, революционной рабочей молодежи, учащихся семинарий, студентов пединститутов… (ф. 34, оп. 1, ед. хр.1, с. 16а);

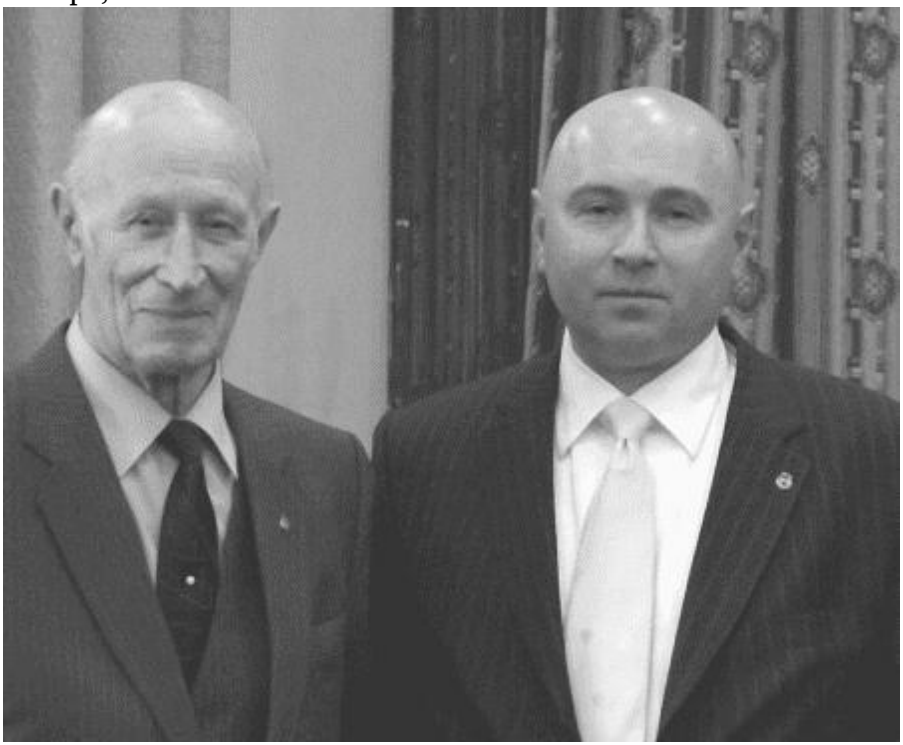
– на самом 2-м съезде 17.08.1903 г. В. И. Ленин провел предложение о создании специальной аналитической службы с выпуском спецбюллетеня для ограниченного состава ЦК, а также создании структур ЦК по реорганизации, роспуску, ликвидации и контролю за всеми парткомитетами… (ф. 34, оп. 1, ед. хр. 28).

И произнесенная на съезде Лениным фраза «Есть такая партия!» несла за собой много больше смысла, чем принято считать. А уже после съезда 12.10.1903 г. в письме руководству РСДРП В. И. Ленин потребовал с учетом результатов киевского провала усиления контроля за внутрипартийной перепиской и создания специальной внутрипартийной службы перлюстрации и усиления партийной конспирации в письмах (ф. 17, оп. 1, ед. хр. 25).

События начала XX века, преддверие, ход, а затем поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 годов и последовавшая за этим первая русская революция стали этапами в развитии и совершенствовании специальных партийных структур.

Наряду со структурами, работающими внутри и против царской полиции и корпуса жандармов, структур, которые получали информацию из недр Генерального штаба и правительственных кулуаров, появляются и крепнут структуры, призванные к открытым военно-диверсионным действиям. Причем как внутри трещавшей по швам империи, так и за ее пределами. Так, например, всего в 300 метрах от знаменитого императорского комплекса Шённбрюнн в Вене висит мемориальная доска с информацией, что в этом здании в 1908 году И. В. Сталин написал работу «Национальный вопрос и революция». На самом деле на этом месте располагалась одна из секретных резидентур партийной службы, занимавшаяся «международными эксами». Напомню, что знаменитый Камо (Тер-Петросян) как раз и входил в ту самую группу, возглавляемую Сталиным. Таких групп существовало несколько. Причем они четко структурировались по регионам и странам. Так, будущие приверженцы Троцкого осваивали американский континент – как

с севера, так и с юга.



Мудрый наставник – генерал Дроздов Ю. И.

А сторонники ленинской линии активно разрабатывали Старый Свет и азиатские рынки.

Первая мировая война также внесла свой немалый вклад в пополнение специальных структур партии людьми, имеющими достаточный военный опыт. Именно в этот период к сотрудничеству с партийными структурами активно подключаются офицеры и генералы, видевшие всю бессмысленность, тупость, предательство, творившиеся в ставке российского императора. Именно тогда начал формироваться список лиц, после 1917 года возглавивших многие структуры Красной армии и ряд специальных советских органов. Не стоит забывать, что после революции 1917 года такие люди, как начальник отдельного корпуса жандармов генерал Джунковский, вдруг оказываются не за решеткой, а в числе ведущих специалистов, помогавших Ф. Э. Дзержинскому в формировании структур ЧК. А брат руководителя аппарата Совнаркома Бонч-Бруевич (генерал-лейтенант русской разведки) до конца своей жизни преподает специальные дисциплины в советской России…

К Февральской революции 1917 года партия подошла с достаточным багажом, причем летом 1917 го да был проведен ряд секретных переговоров с представителями разведотдела германского Генерального штаба по вопросам прикомандирования сотрудников разведки германского Генерального штаба к будущим структурам революционной власти для оказания помощи и содействия в оперативном, информационном и тактическом сопровождении ряда направлений. А уже через несколько дней после октябрьского переворота начали разворачивать и налаживать свою деятельность советские специальные органы.

Надо отметить, что большинство из ныне существующих советских, а теперь российских специальных структур выросло также из бывших специальных или чрезвычайных комиссий Совнаркома, ЦК, ВЦИК и наркоматов.

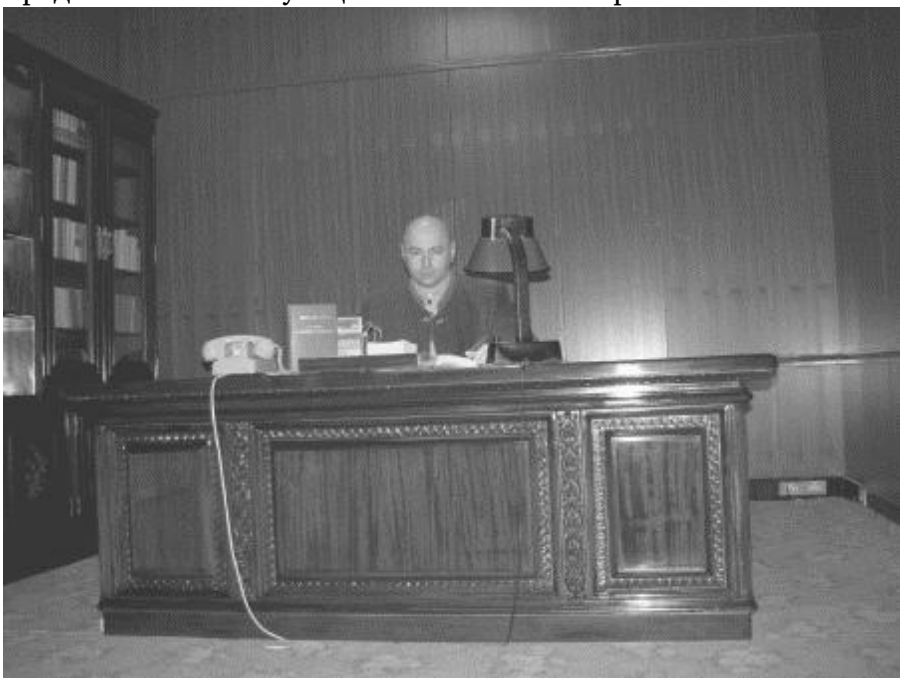
Приход к власти потребовал не меньших усилий по контролю как за примкнувшими военспецами, так и за своими коллегами, которые не прекращали внутрипартийной фракционно-групповой работы, очень часто срывая важные решения из-за межличностных несогласий.

В структуре партии создается несколько специальных комиссий и подкомиссий, осуществляющих внутренний контроль и ведущих активную внутреннюю разведку. Учитывая наличие «старших товарищей» в лице представителей германских служб, возникает как проблема утечки важной партийной информации, так и проблема приоритета интересов. Апофеозом этой операции является убийство посла Мирбаха и выход из-под германской опеки.

Одновременно с этим возникает критическая ситуация на фронтах внутренней – Гражданской – войны. В 1919 году на фронтах насчитывалось примерно 1 млн 200 тыс. штыков в составе Красной армии, примерно 1 млн 500 тыс. штыков включала белая армия и около 2 млн штыков интервентов находилось на территории бывшей Российской империи.

В этот критический момент четко срабатывает чутье Старика, как именовали В. И.Ленина старые товарищи по партии. Создание Коминтерна оказалось столь эффективным и внезапным, что многие даже старые члены партии не сразу поняли истинный смысл создания «штаба мировой революции», когда русской революции грозила смертельная опасность. Но именно создание Коминтерна позволило менее чем за два года заставить покинуть Россию подавляющее большинство интервентов. Волна революционных процессов, прокатившаяся по европейским странам, заставила правительства этих государств в спешном

порядке отозвать оккупационные легионы обратно.



КНДР. Мой рабочий кабинет в партийных апартаментах

Кроме того, активные межпартийные связи позволили создать широчайшую сеть, которая могла решать практически любые задачи.

В структурах самого Коминтерна нашли воплощение многие специальные партийные комиссии, уже существовавшие в рамках партийного аппарата. Был создан военно-конспиративный отдел, который возглавил Ян Берзинь, а его заместителем стал Артузов. Таким образом, возник так называемый оперативный триумвират, когда каналы политической и военной разведок тесно переплелись с каналами международных партийных структур. Кроме этого отдела было создано еще несколько секретных структур, среди которых одной из наиболее важных был ОМС – Отдел международных связей, который возглавил руководитель аппарата Коминтерна Осип (Иосиф) Аронович Пятницкий (Таршис), 1882 г. р. Таршис уже в шестнадцать лет увлекся революционным движением, начав с перевозки нелегальной литературы, издаваемой в Швейцарии и скрытно доставляемой в Россию.

Благодаря своей работе О. Пятницкий стал участником Второго съезда РСДРП, а после раскола партии примкнул к

большевикам. Активно показал себя в революции 1905–1907 годов и Февральской революции семнадцатого.

После Октябрьской социалистической революции стал председателем ЦК профсоюза железнодорожников. В 1920 году возглавлял Московский комитет РКП(б).

В марте 1921 года В. И. Ленин поручил Осипу Пятницкому наладить работу большого аппарата Исполкома Коминтерна, возглавив один из его ведущих отделов. Необходимо было устанавливать контакты с зарубежными коммунистическими партиями и марксистскими организациями, а также решить целый ряд связанных с ними финансовых и кадровых вопросов.

Большей частью подобных проблем занималось секретное подразделение, именуемое Отделом международных связей (ОМС). С мая 1921 года во главе него встал Пятницкий. Работа Коминтерна и его зарубежного аппарата была максимально эффективной. Пятницкого знали все лидеры международного коммунистического движения, но большая часть его политической деятельности находилась в тени тайны, и об истинной сути этой деятельности мало кто догадывался как тогда, так и сегодня.

Дело в том, что ОМС имел самостоятельную инфраструктуру для принятия весомых политических решений, в том числе структура имела собственные множественные разведывательные и секретные службы. Они создавались и работали конспиративно, прикрываясь как международными организациями: Профинтерном, КИМом, Крестинтерном, Спортинтерном, Международным союзом рабочих, Международным союзом портовиков, так и многими другими структурами, в том числе и «штатными» советскими спецслужбами: Иностранным отделом ОГПУ и Разведуправлением РККА.

Более того, в августе 1921 года было выработано и узаконено решение, благодаря которому Развед-управление армии и ВЧК могли обращаться за помощью к компартиям других стран только через специальных представителей Коминтерна.

Наряду с советскими гражданами, работавшими на спецслужбы Коминтерна, к оперативной и боевой работе привлекались и коммунисты-иностранцы, выступавшие в роли не только источников информации, но и резидентов, агентов, разработчиков и исполнителей секретных операций. Агентура ОМС была внедрена в большинство стран мира, и во всех странах, игравших весомую роль в мировой политике, были созданы множественные нелегальные резидентуры ОМС, не соприкасавшиеся с резидентурами ВЧК и Разведупра РККА.

Секретная деятельность Коминтерна была направлена на

подрыв и разложение сил белогвардейской эмиграции, организацию специальной работы компартий в нелегальных условиях, обучение национальных кадров в оперативной и военно-диверсионной областях, контроль за партийными и оперативными кадрами, глубокую аналитическую работу.

Большое количество нелегальных специализированных школ готовили боевые кадры под руководством признанных специалистов практически во всех областях тайной войны.

С 1924 года началось массовое обучение конспиративным и военным знаниям в особых школах и на курсах Коминтерна функционеров иностранных компартий. Развертывалась система собственных учебных заведений, включающая Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Международную Ленинскую школу (МЛШ), Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК) и другие структуры.

Кроме названных было еще несколько глубоко законспирированных спецшкол, не имевших официального названия и постоянно менявших свою дислокацию. Обучение в таких школах секретных партийных кадров проводилось по принципу временных трудовых коллективов, когда большинство преподавателей знали лишь о своем цикле занятий, времени и месте конкретного проведения цикла. Преподаватели и слушатели различных групп между собой не контактировали и практически никогда не знали друг друга в лицо. Все нити и связи концентрировались только в узких кругах закрытых партийных спецкомиссий или секретных подотделах и секторах ОМС. Достаточно сказать, что более 90 % документов ОМС до настоящего времени не рассекречены, а часть ранее рассекреченных документов возвращена и возвращается под более строгие грифы.

В разное время ректорами этих специальных партийных заведений были Борис Шумяцкий, Карл Радек, Юлиан Мархлевский, Борис Николаевич Пономарев (будущий член ЦК КПСС и кандидат в члены президиума ЦК).

Среди слушателей КУНМЗ были, например, такие люди, как Леопольд Треппер, один из будущих резидентов так называемой «Красной капеллы».

В 1924–1926 годах секретными сотрудниками аппарата Коминтерна были Икка (Рихард) Зорге, Шандор Радо, Иосиф Григулевич, ставшие впоследствии выдающимися советскими разведчиками.

Надо отметить, что только в период 1924 года в системе закрытых партийных структур насчитывалось не менее 24

секретных комиссий, не считая закрытых партийных отделов и секторов.

В 1926 году председателем ОГПУ В. Менжинским создается Особая группа, предназначенная для выполнения специальных оперативных, диверсионных, военных и политических заданий стратегического характера. Группа была особо засекречена, в том числе от коллег в ОГПУ. В работе она опиралась исключительно на собственную агентуру, предоставленную Коминтерном.

В своих воспоминаниях один из руководителей советской разведки, Павел Анатольевич Судоплатов, писал, что в задачу Особой группы входило «создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны. Учитывая характер работы, Особая группа не имела своих сотрудников в дипломатических и торговых миссиях за рубежом… Агентов подбирали и вербовали из коминтерновского подполья… и их членство в национальных компартиях держалось в строжайшем секрете». Общее руководство этой деятельностью осуществлял Иосиф Пятницкий.

В 1925–1927 годах ОМС Коминтерна подчинял себе пять специальных подотделов, занимавшихся всеми основными видами секретной деятельности по всему миру.

Постоянно расширялась сеть базовых пунктов нелегальной связи. Они не подчинялись ни руководству компартий, ни представителям ИККИ, а только непосредственно московскому руководству ОМС.

При передвижении по территории СССР курьеры и нелегалы, а также грузы, приписанные к ОМС, полностью освобождались от паспортного и таможенного досмотра и какого-либо контроля.

Усиливался контроль за работой всех спецслужб, в том числе и отечественных, контроль за работой секретных и временных нелегальных партийных комиссий и структур, для чего в 1929 году создается Секретно-инструкторский подотдел.

Генеральным секретарем одной из дочерних структур ИККИ – Профинтерна был в 1921–1937 годах Соломон Лозовский, тесно сотрудничавший с Пятницким. Именно Лозовский предложил на случай обострения международной обстановки усилить подготовку «нелегального аппарата, политически и организационно связанного с секциями Коминтерна и Профинтерна».

Одной из совместных программ Коминтерна и Профинтерна явилась организация системы пролетарской самообороны. Подобные военизированные группировки разного уровня подготовки и организации действовали на территории

практически всех стран, где Коминтерн имел свои структуры, например в Германии – Союз красных фронтовиков, в Австрии – арбайтервер (в противовес рейхсверу), в Англии – Лига бывших солдат и т. п.

К началу 30-х годов Коминтерн стал своего рода научно-практической лабораторией, проводившей эксперименты по созданию тайных обществ, и одновременно «международным военным профсоюзом» компартий.

Можно привести характерный пример. В Германии существовало шесть коммунистических партий, наиболее крупными из которых были Германский союз Спартака, Германская коммунистическая партия и Коммунистическая партия Германии. Так вот, только в этих крупнейших партиях было от трех до пяти разведывательно-специальных служб в каждой. При этом руководители и сотрудники этих подразделений внутри одной партии даже не представляли себе сам факт существования и работы своих коллег. В свое время при выполнении задания по проникновению в ряды нацистской партии Иккой (Рихардом) Зорге Коминтерн предотвратил несколько покушений со стороны спецслужб германских коммунистов на «изменника», перешедшего на сторону врага. Сотрудники спецслужб германских компартий не могли знать, что это выполнялось по заданию партийных структур в Москве, а вот информация из каждой партийной разведки или службы ликвидации в любом случае не могла быть скрыта от московских руководителей, что позволило выводить Зорге и других аналогичных сотрудников глубокого внедрения из-под готовящихся ударов.

Другой пример работы секретных партслужб – задержание еще в начале 20-х годов партийных спецкурьеров в Берлине. До революции они задерживались австрийскими службами секретной полиции. Из Берлина был сделан звонок с просьбой командировать в Германию одного из руководителей австрийской полиции, курировавшего дело об этих курьерах. Примерно через три часа нелегальная партийная резидентура получила приказ любой ценой не допустить приезда австрийского полковника вместе с сопровождающим офицером и документами австрийской полиции в Берлин. Машина австрийцев, не доезжая 20 км до Берлина, выехала на встречную полосу движения и лоб в лоб столкнулась с другим автомобилем. Австрийский полковник, его сопровождающий и водитель погибли. Также погиб водитель встречной машины. Основные документы из портфеля австрийца исчезли. Дорожная полиция Германии признала виновным в ДТП австрийского водителя, грубо нарушившего правила движения.

Через двое суток из-за недостаточности улик курьеры Коминтерна были выпущены и депортированы за пределы Германии.

Исполком Коминтерна являлся базовым центром подготовки военно-политических кадров иностранных компартий. План антимилитаристской работы Орготдела включал работу среди вооруженных сил, пролетарские организации самообороны против фашистских движений, подготовку вооруженных восстаний, переворотов, военных выступлений и иных специальных акций.

На основе собранных разведсведений в военном секторе и в военно-конспиративном отделе, ИККИ составлялись подробные и точные справки и даже подробные схемы расположения вооруженных сил, секретных служб и иных конспиративных структур большинства стран мира, которые потом с успехом использовались сотрудниками ВЧК-ОГПУ и ГЛАВРАЗВЕДУПРА для своей служебной деятельности.

В январе 1932 года Осипу Пятницкому исполнилось пятьдесят лет. 30 января «Правда» поместила письмо, подписанное виднейшими деятелями Коминтерна: Пиком, Мануильским, Ван-Мином, Куусиненом, Торезом, Кнориным, в котором высоко оценивались заслуги Пятницкого перед международным коммунистическим движением и, в частности, говорилось: «Даже сотая доля того, что он сделал и делает по линии руководящей работы в мировой партии коммунизма, не получает огласки».

В 1933 году Политбюро ЦК ВКП(б)принимает секретный документ о перестройке аппарата Коминтерна. Орготдел реорганизуется в Отдел партстроительства, но за ним сохраняются функции подготовки кадров для нелегальной работы, вопросы техники и разработки методов нелегальной работы и инструктирования по вопросам специальной работы в армии.

В качестве руководителя ОМС Коминтерна Пятницкий имел отношение и к будущей «кембриджской группе». В 1934 году он встретился с Гаем Берджессом и Энтони Блантом, вскоре начавших сотрудничать с советской разведкой. А завербовал ее участников сотрудник ОМС, рекомендованный Коминтерном на работу в Иностранный разведывательный отдел НКВД, – Арнольд

Дейч.

После 7-го конгресса Коминтерна в 1935 году начались сталинская реформа и чистка специальных партийных структур. Сталин, сам входивший или возглавлявший в свое время ряд секретных комиссий и подотделов, придя к власти, спровоцировал конфликт в руководстве Коминтерна и, воспользовавшись им, перевел Пятницкого в Политико-административный отдел ЦК, а новый аппарат ИККИ составил из людей, завязанных лично на него.

Уже летом 1936 года началась ликвидация многих специальных школ Коминтерна, а к 1938 году были официально закрыты все его учебные заведения. Сложилась обстановка, когда революция на определенном этапе в очередной раз «пожирала собственных детей».

В силу специфики своей работы большинство кадровых сотрудников Коминтерна, ИНО НКВД и РУ РККА были обвинены в принадлежности к той или иной иностранной разведке или участии в подготовке покушения на Сталина. Осип Пятницкий был расстрелян в Москве как «немецкий шпион» в июле 1938 года.

> *(Совершенно невероятно, но дело Пятницкого, «закрытое» после его расстрела, неожиданно «открылось» в самом конце войны. Советская контрразведка допросила офицера гестапо, некоего Хайнца Паннвица, ведшего в свое время дело «Красной капеллы». Он сообщил, что до нападения Германии на СССР гестапо многократно использовало фальшивые документы для дискредитации видных советских военачальников и политических деятелей. По его признанию, он лично принимал участие в подготовке таких документов, в частности, против Пятницкого.*
>
> *Царящая в стране шпиономания была использована нацистами для того, чтобы сотворить «немецкого агента», пробравшегося в руководящие партийные органы. Выбор их остановился на Пятницком не случайно. Немцы знали, что, «убрав» Пятницкого, они нанесут удар по всему управлению кадров Коминтерна, которое будет впоследствии уничтожено. Увы, они не ошиблись. Только с начала января по конец июля 1937 года из аппарата ИККИ был уволен каждый шестой сотрудник разного ранга с формулировкой «разоблачен как враг народа и партии». А сколько было репрессировано и расстреляно,*

сколько погибло в лагерях!

В 1956 году Осип Пятницкий был реабилитирован. Подавляющее большинство сотрудников Коминтерна также были посмертно реабилитированы.)

Сохранились лишь те секретные структуры ИККИ, которые вписывались в новую политическую концепцию Сталина. Одновременно внутри партийного аппарата было создано несколько новых структур, например особый сектор ЦК, который формально возглавлял личный секретарь Иосифа Сталина Поскребышев (кстати, существует уникальное фото, где Поскребышев стоит в почетном карауле у гроба Сталина в генеральском мундире). Часть функций была перераспределена между структурами Коминтерна и обновленных международных структур ЦК.

С 1943 года, когда формально Коминтерн был ликвидирован, подавляющее количество сотрудников секретных служб и спецотделов было переприписано к различным структурам партийного, административного аппарата, а также зачислено в штат МГБ, НКВД, ГЛАВРАЗВЕДУПРА.

«Эти глаза напротив». Спецобъект ЦК Бор. Учения. Начало 80-х годов

После смерти Сталина и реорганизации партийного аппарата

большинство функций, ранее исполняемых Коминтерном, были сосредоточены в Международном отделе ЦК и ряде специальных комиссий ЦК, курирующих отдельные специальные направления работы. Нелегальный партийный аппарат продолжал выполнять свою работу как внутри страны, так и за рубежом. Так, для многих секретных сотрудников партаппарата ВОВ закончилась не в 1945 году, а в 1960-е и даже в 1970-е годы, когда они секретными постановлениями ЦК КПСС были отозваны из-за рубежа и возвращены в СССР. Ряд сотрудников спецструктур партии продолжали свою деятельность до конца своей жизни, не возвращаясь в СССР. Причем данных о работе этих людей нет в архивах «штатных» специальных служб СССР и России, а подавляющее большинство сотрудников этих структур в послевоенный период не были членами партии и досрочно исключались из списков ВЛКСМ…

…В завершающей трети XX века большую часть секретной партийной работы курировал Борис Николаевич Пономарев – практически единственный оперативно-кадровый сотрудник секретных партийных структур, дошедший до Политбюро ЦК КПСС. Даже будучи выведенным из состава Политбюро ЦК и состава ЦК в конце 1980-х годов, он до самой смерти в 1995 году сохранял аппарат на Старой площади и в Институте марксизма-ленинизма (нынешний РГАСПИ), продолжая курировать людей, многих из которых при возвращении на родину в СССР мог опознать только он лично…

Каждый защищал Родину на своем участке невидимого фронта…

Что двадцать лет? Всего частица века,
Чтоб жизнь принять. И я ее приму.
Приму за тех, кто сгинул в одночасье,
Приму за тех, кто нас учил всему,
Приму за веру, счастье и несчастье.
Ведь это жизнь моя! И я ее приму!

Вот первый раз в бою взведен курок,
И первый раз стреляю в человека.
Кому из нас отмерен больший срок?
Кому из нас уйти сейчас, до века?

Упал товарищ, старший поражен,
А автомат его – в моих руках спасенье.
И лезть не стоит к смерти на рожон,
Но как в руках своих унять волненье?

И с той поры уж два десятка лет
Я бой веду во сне, и все же стыдно,
Что на немой вопрос мне не найти ответ,
Как выжил сам, а смерть друзей обидна.

Товарищ молча встал и получил
Свинцовый град, что мне был предназначен.
Седой старик нас в школе так учил,
Но жизнь не смерть и тоже что-то значит.

Боекомплект давно истрачен по врагу,
И страх в коленях, и мороз по коже…
И снова в бой во сне двадцатый год бегу,
Как будто сам себя забрал в заложники.

Струится кровь, во рту железа вкус…
Мне добежать не суждено, как видно,
Боль – как змея, а ненависть – мангуст,
Укусов нет, следов борьбы не видно.

Последний магазин длиною в жизнь
Уж вогнан в рукоять – затвор на старте.
Ну кто живой? Попробуй покажись
Весенней крысе, что родилась в марте…

И врач не может вынуть пистолет
Из рук твоих – они как будто спящи,
В глазах – туман, в сознании ответ,
Что ты готов для жизни настоящей.

Цвет белый тишины и запах лазарета,
И боль бинтов, и радость свежих швов.
Ты пережил, ты прошагал сквозь это —
И лишь теперь способен на любовь.

Мы ценим жизнь, когда ее теряем,
Как умираем – только наяву,
И боль утрат так остро ощущаем,
Как мячик, закатившийся в траву.

Он был сейчас, но мы его не видим,
Он где-то здесь, найдется, может быть…
Мы просто любим, просто ненавидим,

Порой не можем мелочи простить.

И в девятнадцать – выстрел в человека,
А в тридцать девять – память по нему,
Что двадцать лет? Всего частица века,
Чтоб жизнь принять. И я ее приму.

Приму за тех, кто сгинул в одночасье,
Приму за тех, кто нас учил всему,
Приму за веру, счастье и несчастье.
Ведь это жизнь моя! И я ее приму!

20.05.1999

Прозрение…

Боль была не то чтобы сильной, а какой-то изматывающей. Казалось, что она исходит отовсюду. Сказать, что болит точно, было нельзя. Сознание блуждало в пространстве, пытаясь зацепиться за что-то, но результатом этого блуждания было головокружение – как на палубе корабля, танцующего на гребнях несильных, но жестких волн. Самым страшным и нестерпимым раздражителем был сильнейший запах перевязочной, смешанный с запахом и вкусом крови. Темнота и этот удушливый запах окутывали, словно пелена. Кругом раздавались голоса, происходило какое-то движение. Периодически меня касались чьи то заботливые руки и кто-то обращался ко мне.

Я поворачивал голову на звук и касание и, как в тумане, отвечал на банальные вопросы, но мой собственный голос звучал как из преисподней, откуда-то из глубины, и мне казалось, что я сам слышу себя как-то гулко, издалека и совершенно неестественно. Все вращалось вокруг меня. Очередной вопрос прозвучал особенно приглушенно, я постарался ответить, но на середине фразы силы вдруг стали оставлять меня.

– Слава богу, засыпает, – вдруг явственно услышал я голос молодой женщины и провалился в никуда.

Я проснулся и, глубоко вдохнув, почувствовал, как легко и приятно не чувствовать этого одуряющего головокружения. Боль заметно стихла и теперь сконцентрировалась в нескольких местах, давая о себе знать локальными очагами. Вкус крови и запах перевязочной еще ощущались, но уже не раздражали, как раньше. Только темнота не отступала. Постепенно чувства стали анализировать окружающее и позволять ориентироваться. Так, темно, потому что голова и глаза затянуты повязкой. Я поднял руку и дотронулся до лица. Повязка покрывала всю голову и верхнюю половину лица, мягкие валики фиксировали переносицу с двух сторон, а какие-то тампоны не позволяли дышать носом. Я постарался вдохнуть полной грудью и ощутил приятную свежесть чистого, словно стерилизованного, прохладного воздуха.

– Спокойнее, пожалуйста. Не делайте резких движений, – услышал я заботливый голос молодой женщины.

Ее руки осторожно прикоснулись к моим рукам и осторожно убрали их от повязки на лице.

– Вам сейчас нельзя тревожить повязку. Это может вам повредить. Потерпите, пожалуйста. Вы меня хорошо слышите?

– Да, – глухо отозвался мой собственный голос.

Я опустил руки вдоль тела и постарался вспомнить все, что

произошло со мной.

– Скажите, а сколько времени я здесь нахожусь?

– Третьи сутки. Вас доставили позавчера, сразу прооперировали и привезли сюда. – Женский голос звучал ровно и спокойно.

Слишком спокойно и осторожно. Этот голос и непроницаемая повязка на голове и лице были источником какой-то неведомой для меня опасности и смутной и непонятной пока тревоги.

– Это реанимация? – почему-то осипшим голосом спросил я, и во рту предательски пересохло.

– Это послеоперационное отделение интенсивной терапии. Только, пожалуйста, не волнуйтесь. Я уже вызвала врача, он сейчас придет и все вам подробно расскажет.

Академик Шаталин С. С., научный руководитель моей докторской. 1993 год

Я промолчал. Что я мог ответить обладательнице этого проникновенного голоса, сочувственный тембр которого отчетливо говорил мне, что все обстоит просто отвратительно, – словом, полный… Ну да ладно, надо сосредоточиться и разложить в памяти все по порядку.

Я занял свое место в составе нашего боевого расчета. Взрослые, опытные люди выдвинулись на первый рубеж, а мы, группа юнцов в неполные девятнадцать или двадцать лет, должны были обеспечивать тыловое прикрытие – так это называлось. А говоря попросту, смотреть, как опытные специалисты будут проводить спецоперацию. Нас поставили на самое безопасное расстояние и на самый безопасный участок в составе третьего, если не четвертого, рубежа. Вся панорама событий разворачивалась перед нами, словно генеральный прогон давно уже отрепетированной пьесы. Но вдруг абсолютно незаметно и в то же время столь же ощутимо мы почувствовали щемящую волну острой неуверенности и какого-то животного, пронзительного страха. Словно маленькие напуганные зверьки, мы вертели головами, беспомощно глядя друг на друга и на нашего куратора, который в этот момент напрягся и успел выкрикнуть, присев у машины:

– Прорыв! Все по местам! Огонь на поражение!

В следующую секунду он неестественно дернулся и рухнул на землю недалеко от борта машины, за которой находилась наша группа. Я инстинктивно повернул голову и увидел, как он пытался что-то крикнуть нам, но из огромной рваной раны на шее фонтаном хлынула алая кровь, и куратор, неестественно дернувшись, распластался на спине. Рука, державшая пистолет-пулемет, разжалась, и оружие свободно выпало на землю. Не вполне осознавая трагичность ситуации, словно загипнотизированный, я повернул голову и увидел, как через пространство, где еще несколько секунд назад было три рубежа оцепления, в нашу сторону бежала группа людей. Это была не беспорядочная толпа из трех десятков обезумевших от страха людей, убегающих от смертельной опасности. Это была единая группа, разделенная на небольшие подгруппы по три-четыре человека, передвигающаяся как единый живой механизм. Мне стало нестерпимо страшно.

Я ощутил себя совершенно беспомощным, слабым, маленьким и никчемным. Два года интенсивной подготовки и жесткого обучения мгновенно испарились. Над пятью перепуганными и застывшими в оцепенении юнцами витала тень смерти, а реальность ее существования подчеркивалась трупами людей, которые я стал различать. Странный хлопок заставил

повернуть голову вправо, и страшная картина разлетающейся от попадания разрывной пули головы красивой девушки, в которую тайно была влюблена добрая половина наших мальчишек, тупой животной болью и таким же ужасающим страхом наполнила все мое существо.

Генерал Колодкин Леонард Михайлович на вручении автору докторской степени. 1993 год

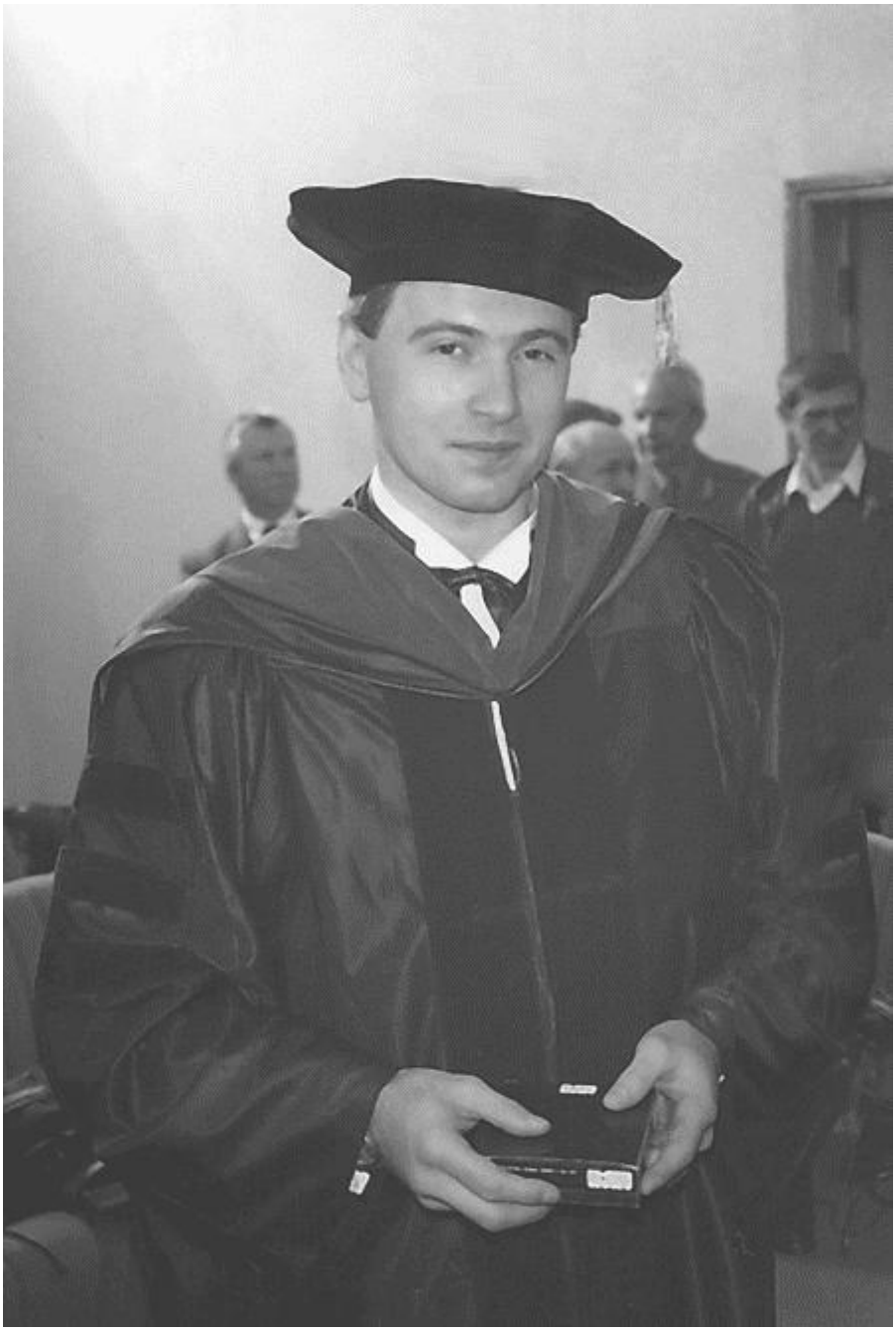
Я отшатнулся и сел – это спасло мне жизнь: несколько пуль, чиркнув по крыше машины в том месте, где я только что стоял, унеслись вдаль. Справа и слева от меня трое таких же юнцов с остервенением опустошали магазины своих пистолетов-пулеметов. Короткий приступ ярости и тупой злобы подбросил меня. Я вскочил на ноги, руки сами автоматически перещелкнули предохранитель на автоматический режим. Подняв ствол чуть выше крыши машины, я дал длинную очередь веером в сторону бегущих к нам людей, которые каким-то невообразимым образом с такой дальней дистанции умудрялись выбивать нас одного за другим. Оружие клацнуло и замолкло. Магазин был пуст.

Я провалился вниз, одним движением отсоединил пустой магазин и быстро, как на тренировке, вогнал в паз новый. Мозг лихорадочно работал в автоматическом режиме. Поток мыслей сопровождался неописуемой какофонией звуков, из которой вдруг четко выделились две основные мысли-мелодии. Первая терзала мою душу страхом: «Ты не успеешь, у тебя мало патронов, ты трус, ты… ты…» Вторая всплывала изнутри и заставляла действовать быстро и четко, как хлыст, вбивая команды и действия, многократно отработанные во время тренинга: «Действуй! Не медли! Стреляй жестко и точно! Собери весь боекомплект! Борись за жизнь!»

Прошло всего несколько секунд, и вторая мелодия почти полностью подавила первую. Спина взмокла от пота, а голова и руки вдруг похолодели, руки работали, как у заведенного механического человечка. Я упал на четвереньки и бросился собирать магазины и оружие у своих уже убитых товарищей. Все происходило как в страшном, болезненном сне. Еще несколько секунд, и весь арсенал оказался разложен у моих ног, и только тогда я понял, что остался совсем один. Трое моих товарищей, успев выпустить всего по одному магазину, бездвижно лежали, уткнувшись лицами в окровавленную землю. Все были убиты в голову или в шею. Взгляд зафиксировал их тела – кровавые пятна, – и вдруг во мне что-то произошло.

Подчиняясь неясному порыву, я начал неистово метаться от одного края машины к другому, выпуская полный магазин в направлении стрелявших в меня людей. Расстреляв боезапас, я бросал одно оружие, хватал другое, с полным боекомплектом, и, перекатившись к другому краю, вновь открывал огонь. Теперь я видел противника, видел, как передвигается каждая боевая группа, обеспечивая продвижение всей группы в целом. Теперь я

стрелял в тех, кто, приостановившись, должен был прикрыть движение основной группы и выцеливал меня, и тех, кто еще остался в живых из других групп. Теперь я начал видеть, что попадаю, что эти человеческие фигурки хватаются за места ранений, выпускают из рук оружие или просто ничком валятся на землю.



Но самое главное, они перестают в меня стрелять. Мои движения стали напоминать повторяющийся орнамент или одни и те же па неистового танца со смертью. Страх смерти заставлял двигаться в неимоверном темпе. Время потеряло свои границы, а сознание отстраненно и четко фиксировало происходящее. Основная группа изменила направление своего движения и стала постепенно уходить от меня вправо. Магазины, словно шелуха пустых семечек, разлетались в стороны, полные занимали их место, чтобы через пару секунд пустой коробкой быть выброшенными на землю. Я выглянул из-за капота машины и увидел, что в мою сторону бегут трое мужчин.

Впереди перебежками продвигались два невысоких, крепких парня, а чуть сзади, словно медведь, переваливаясь, бежал здоровый детина. Пули зашлепали по земле, и я опрометью бросился к другой стороне машины. Не высовываясь, я прикрылся дисками пробитых колес и дал две короткие очереди. Один из невысоких парней вскинул руки и, схватившись за грудь, рухнул вниз; второй крутнулся волчком и тоже упал. Я привстал и, поймав в прицел здоровяка, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Затвор жалобно клацнул и замер. Магазин был пуст, но магазинов для пистолета-пулемета больше не было. Остался только пистолет. Затворная рама щелкнула, и руки привычно обхватили ребристую рукоять. Я осторожно высунулся из-за машины. Неестественно огромный мужчина короткими перебежками приближался мне. До него было уже не более десяти-двенадцати метров, он тоже вскинул руки с оружием в мою сторону. «Удзи! – судорожно мелькнуло у меня в голове. – Только не это!!!» И мой указательный палец запрыгал на спусковом крючке. Разрывные пули шлепали в тело врага, а он еще продолжал по инерции бежать на меня, пока вдруг не остановился на миг всего в трех или четырех метрах от меня, неестественно прогнулся назад и с очередным моим выстрелом рухнул на спину.

Боковым зрением замечаю, что несколько силуэтов обходят меня слева. Поворачиваюсь и стараюсь поразить эти безликие контуры. Мозг лихорадочно фиксирует все происходящее в виде моментальных клипов. Понять, в кого я попал, а в кого нет, не удается. Все действия, как в анимации, сливаются в непрерывный поток. Впереди какая-то тень оторвалась от земли… Взметнулась рука…

«Граната!» – успел понять я, одновременно разряжая остатки магазина в невысокую фигуру с двумя кровавыми пятнами в

области левого плеча.

Взрыв, удар… Такое чувство, что на меня опрокинулся автомобиль, за которым я прятался… И я провалился в бездонный темный колодец…

Я пошевелил руками и только теперь почувствовал, как неимоверно сильно болят правая кисть и пальцы правой руки.

– Да, дорогой, еле вытащили у тебя из руки пустой пистолет, – услышал я голос мужчины. – Отстрелял все до железки. Тебя, герой, даже к нам с ним привезли. Все продолжал сжимать. Еле отобрали.

– Что со мной? Почему на глазах повязка?

– Придется потерпеть, дорогой. Контузия у тебя, и пока тебе придется собрать свое мужество в кулак. Терпи. Опасного сейчас ничего нет, но надо дать организму восстановиться и помочь нам тебя лечить. Организм молодой, крепкий – восстановишься! Если все пойдет ровно и без срывов, через пару месяцев восстановится зрение. Только уговор, солдат! Ты должен помогать нам и душой, и телом. Тут твои руководители позаботились, чтобы мы тебе создали особые условия. Так что и ты постарайся помогать нам. А сейчас больше спи, слушай хорошие передачи по радио и приятную музыку. У тебя тут шикарный импортный магнитофон и целая коллекция кассет. А если захочешь, Настя тебе почитает. Что любишь читать?

– Пикуля, Пастернака, Джека Лондона…

– Ну, Пикуля и Пастернака – это через твоих руководителей, а Лондона у нас в библиотеке целый четырехтомник. Настя, посмотри, что нашему бойцу будет еще интересно. Ладно, дорогой, спешу на операцию. Встретимся завтра на перевязке…

Он ушел, оставив после себя шлейф крепкого мужского одеколона и ощущение надежды. В наступившей тишине тихо звучала лиричная французская мелодия, и в воздухе висело тяжелое ощущение ожидания, замешанное на остром запахе лекарств. Я вздохнул и, расслабившись, почувствовал, что вновь засыпаю…

Крепкие, но внимательные руки врача медленно снимают повязку. Бинты нехотя соскальзывают с головы. Остается несколько заключительных оборотов, я уже чувствую проблески света, просачивающиеся под ватные тампоны, прикрывающие глазницы.

– Ну что, солдат, прикрой глаза, а то будет больно смотреть на мир.

Я опускаю веки, хотя мне очень хочется сразу увидеть свет и

все, что меня окружает. Повязка снята, я чувствую, как пальцы доктора ощупывают мое лицо, переносицу.

– Настя, создай нашему пациенту небольшой интим.

Я слышу щелчок выключателя и легкий шелест штор.

– Вот теперь давай понемногу открывать глаза. Только не торопись, пожалуйста.

Медленно поднимаю веки, и, хотя в комнате мягкий полумрак, глаза с непривычки слезятся, да и свет режет глаза. За три месяца я уже успел отвыкнуть от ярких красок и света. Понемногу все успокаивается, и я четко вижу все, что меня окружает. Врач изучающе и строго смотрит на меня, а медицинская сестра, голос которой я слышал все эти месяцы, стоит чуть в стороне. Теперь я могу рассмотреть их. Крупный, мускулистый, чуть полноватый мужчина с открытым, добрым лицом и обезоруживающей улыбкой.

– Ну вот, теперь можно еще раз познакомиться. Только теперь очно. – Улыбаясь, он протягивает мне свою крепкую ладонь.

Я с удовольствием пожимаю его руку и перевожу взгляд на медсестру. Ей на вид немногим меньше тридцати лет. Высокая, худощавая и чуть нескладная, она чем-то напоминает царевну Несмеяну из известной русской сказки, которую я еще ребенком видел в Театре юного зрителя. Даже медицинский колпак сидит на ней как подобие короны. Вот только терпение и характер у нее не сказочные, а настоящие. Она чем-то напоминает заботливую старшую сестру, ухаживающую за озорным младшим братишкой. Она чуть смущенно улыбается, подперев рукой щеку, и по-доброму смотрит на меня.

– Ну все! На первый раз хватит, – командует врач, и руки Насти начинают наматывать бинты мне на лицо и голову.

– Потерпи, солдат, каждый день будем понемногу увеличивать время и нагрузку на глаза. А недельки через две просто будешь ходить с затемненными очками, как настоящий агент. – Врач смеется и легко похлопывает меня по плечу.

Мне сейчас очень хорошо. Я остался в живых, я вижу. Я иду на поправку! Я прозрел! Мне обязательно надо выздороветь. В душе нарастает приятная волна радости и волнительного ожидания того момента, когда можно будет совсем избавиться от бинтов. Надо жить дальше, надо вернуться в строй, надо учиться, совершенствуя свое мастерство и тренируя волю. Мне много еще что надо! Но сейчас я точно знаю, что избранный путь не будет столь романтичным и гладким, каким я представлял его себе еще несколько месяцев назад. Главное, уметь жить и возвращаться в строй. «Мастер боя – это мастер жизни», – вспоминаю я изречение одного из моих наставников. Теперь я это представляю чуточку

лучше. Это ничего, ведь впереди еще практически вся жизнь, цену которой я только начинаю постигать…

Афганский синдром

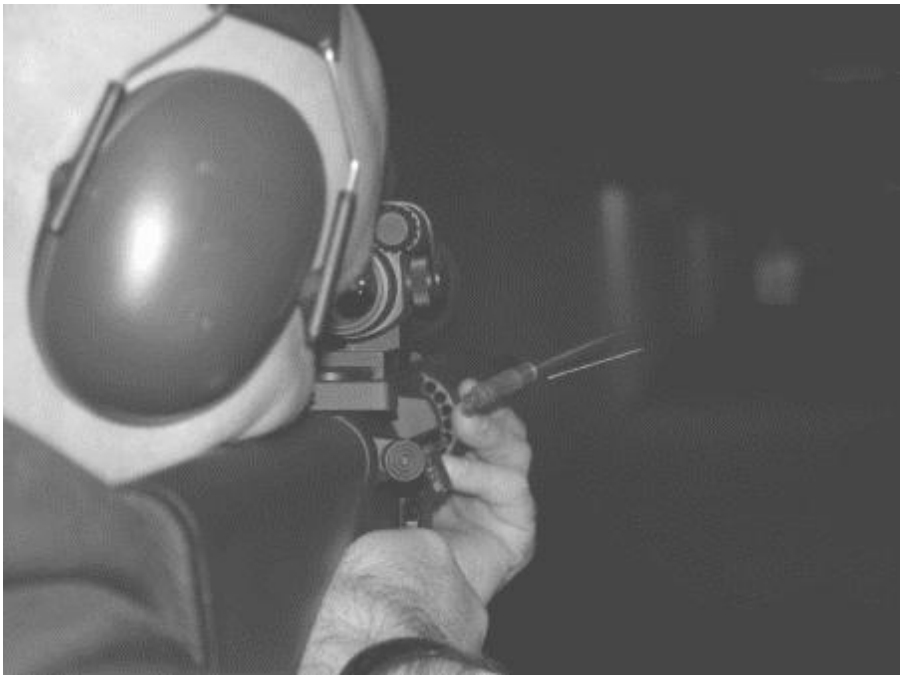
Свистят в твоих строчках осколки, —
Кабул, Кандагар, Гиндукуш…
Слова в выражениях колки,
Навыворот раны из душ.
Лихая мужская судьбина
Свела с невеселой бедой,
А Родина, может, любила
Любовью своей неродной.
Но как в сновиденье кошмарном,
Разрушился замок из грез,
А кровь развороченной раны
Товарища била всерьез.
И вместе с остатком дыханья,
Ладонью закрывши глаза,
Ты, как на предсмертном свиданье,
Молчал, и катилась слеза.
Но не было стыдно за слезы
Мужские – их мало у нас,
Разрушились бывшие грезы,
Рассыпались в пыль или грязь.
И, руки в крови обагряя,
Пройдя через сотню горнил,
Ты, чести своей не роняя,
Друзей боевых хоронил.
А метина в центре затылка
У самого честного вдруг?
Цветы и пустая бутылка,
Порочный и замкнутый круг…
Но всё пронеся сквозь проклятья
И ложь, сквозь жлобизм и угар,
Ты вышел, очищенный счастьем,
Вновь сердцем встречая удар.
В развалинах старой системы
Остались и злато, и хлам,
Нувориши, словно гиены,
Кровь с гноем сосут пополам,
Идиллия с прагмой смешалась,
А орден в ладони зажат,
Ничто никому не досталось,
Лишь слава в осколках гранат,
Лишь пули из плоти дрожащей, —

И кровь – как позор из души.
От мысли, в пространстве летящей,
Мы мыслим! Мы живы! Пиши!

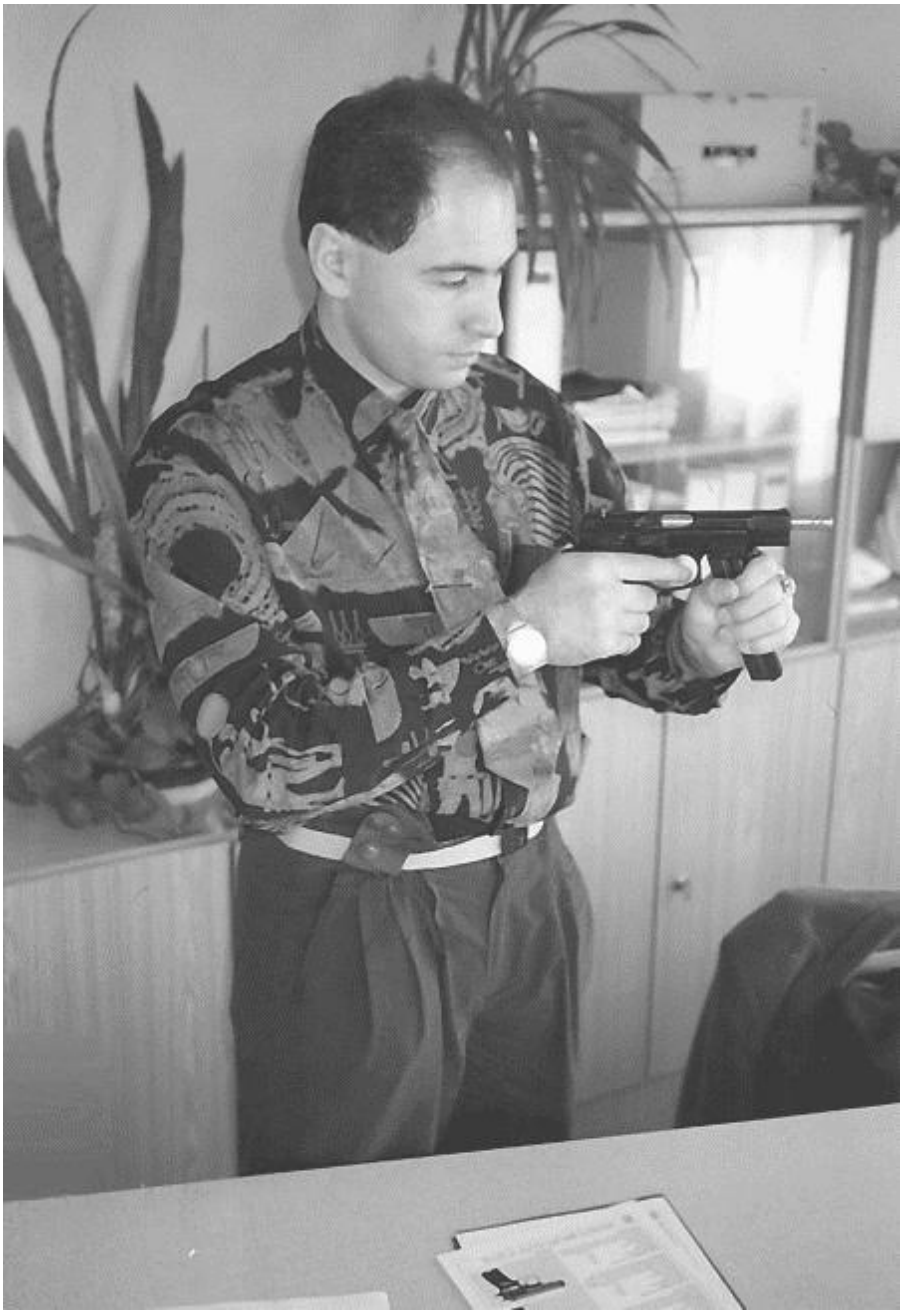
06.06.1995

Выстрел
Этюд почти по Пушкину

Металл, искрясь, выбрасывая фонтанчики и снопики искр, желто-оранжевой жаркой струей стекал из большого ковша в форму и, мутнея, словно запотевшее в них зеркало, замирал в фиксированном виде. Другие формы медленно двигались по транспортеру, и в них так же медленно остывал металл, замирая, словно из него уходила жизнь, еще недавно бившая в нем ключом. Но это только казалось непосвященным. Застывшая масса приобретала звонкость и жесткость, заложенную в нее еще в домне. Теперь оставалось только ждать, куда отправится каждый из фрагментов застывшего металла и во что воплотит их человеческая мысль.



Его величество выстрел



Оружие. Такого оружия пока ни у кого нет

Катки прокатного стана привычно и монотонно выдавливали из раскаленного до оранжево-красного цвета бруска металла листы именно той толщины, которая соответствовала

изощренному замыслу хитроумного человека-творца, так и не раскрывшего до конца своих секретов тому материалу, из которого что-то мастерилось, и чего самому материалу не полагалось знать.

Тяжелые прессы равномерно и как бы нехотя выгибали из пластин разнообразные профили, придавая им вытянутые и несколько обтекаемые формы с какими-то выемками, прорезями, пазами, выступами и другими вариантами изящно-технологичного рисунка.

Фрезы, визгливо подвывая, делали свое дело, жалуясь на невыносимые условия своего существования. Им приходилось резать своих более мягких собратьев, приводя их в желаемый вид. И как бы те ни сопротивлялись, под собственное зудящее визжание фрезы постепенно делали свое дело, снимая стружку с сопротивляющегося собрата и подчиняясь воле более сильного человека.

Оружие. Личные испытания лучше всего

Сверла, злорадно гудя, дырявили своих дальних родственников, радуясь, что им достается самая-самая важная работа, а все остальные только готовят им поле деятельности и без их варварски-надменного гудения не будет достигнуто то, что было задумано демиургом [2].

Застывший металл должен был ожить в новом качестве: изощренно выделанным деталям предстояло соединиться в нечто целое. Каждая, найдя свое место, постепенно обживется с

другими благодаря тщательно вымеренным усилиям чьих-то рук. И вот наконец все части договорились о совместных действиях, и каждая из них готова была заняться своей собственной, только ей доверенной работой.

Крепкие мужские руки, привычно и нежно ощупав кусочки приручённого металла, собрали их в единое целое. Потом одна из этих рук сжала рукоять только что пришедшего на свет механизма, согревая его своим теплом. И тот ответил ей тем же, возвращая ставшее своим тепло человеку, который, присоединив к нему еще одну, далеко не постоянную, деталь, жестко и коротко дал приказ остальным частям действовать…

Металлическое существо, тихо звякнув, послушно замерло, готовое выполнить любую команду. Но вместо этого его спрятали в мягкую, подогнанную по его размеру кожаную кобуру. Теперь оставалось терпеливо ждать своего часа. Ну что же, это трудно, но подчас именно в этом и заключается твое предназначение – всегда быть готовым к действию, оставаясь удобно скрытым в тени.

Мужские голоса с нотками волнения и тревоги не умолкали. Их интонации выдавали переживания, чувства тревоги, злости, досады, ненависти, сострадания… Разговор не клеился, переходя на повышенные тона, и грозил сорваться вовсе.

Именно в этот момент чьи-то руки опять коснулись металла и вновь вдохнули в него жизнь. Все части мгновенно сосредоточились, маленькая деталь мягко щелкнула и предоставила возможность действовать остальным.

Руки выпрямились и, чуть качнувшись, замерли. Маленькая мушка послушно подравнялась по прорези прицела, совместившись с головой незнакомого мужчины, прятавшегося за ребенком и угрожавшего кому-то карапузом-револьвером. Крючок плавно поплыл и, как бы накатившись на маленькое препятствие, перешагнул через него. Все части сработали быстро и четко, и их рапорта заглушил грохот маленькой выскочки, которая, покинув коллег, стремительно понеслась к своей цели.

Упавший ребенок поднялся на ноги и тут же попал в сильные объятья: чьи-то надежные руки подхватили и начали успокаивать его. Однако пистолет не имел права расслабиться, он напряженно выискивал кого-то, кто мог опять нарушить хрупкое равновесие мира и его покой. Наконец он облегченно щелкнул предохранителем, и руки, не торопясь, опустили его на прежнее место. Он выполнил свою работу и мог сегодня немного отдохнуть…

Жаркая память…

Под стук колес опять приходят мысли
И память возвращает нас назад,
Как под Луандой мы в Анголе кисли
И как горел остатком жизни взгляд.

Кусочек солнца запечен в металле,
Он на ладони словно бы живой,
И через четверть века на медали
Герб государства, бывшего страной.

Награда, словно запоздалый путник,
Шла не спеша и медленно домой,
С мечами бант, как солнца тонкий лучик,
На лацкан лег кровавою стрелой.

Мы не старались жить – мы так активно жили,
Что пули не могли нас обогнать,
За жизнь мы воевали и любили,
И жажду жизни смерти не унять…

Нас было трое – я один вернулся,
Все годы вдруг промчались в этот миг.
Вновь мир в сознании войной перевернулся,
И я живу один за двух друзей моих.

Я ваши закрывал глаза, не плача,
Ценой кровавой заплатив врагу.
Лишь силуэт проводника маячил
Под лунным светом ночью на бегу.

Он вел меня, как будто бы слепого,
Песок хрустел на стиснутых зубах,
Удача мне сулила верный повод
Вернуть долги, как мудрый ас-Сабах…

Мне не вернуть вас, парни, через время,
Не оживить и не поставить в строй,
Мы сами выбираем наше бремя,
Но в жизни вы, друзья, всегда со мной.

Медаль моя – она ведь триедина, —

Частицы ваших жизней сохранив,
Мы вновь выходим в бой на поединок
И совершаем первый наш прорыв.

И в опьяненьи счастья и победы
Мы были молоды, светлы и горячи,
Нас из засад в прицел ловили беды,
А мы искали счастия ключи…

Колесный стук и желтый блеск металла
Слились внезапно в памяти канву.
Мы победили, хоть и жили мало
Мои друзья, а я их жизнь живу.

Живу за них, живу за тех, кто сгинул
В песках, в жаре, в болотах и в крови,
И помнить должен, как товарищ крикнул
Чеку рванув: «Пробейся и живи!!!»

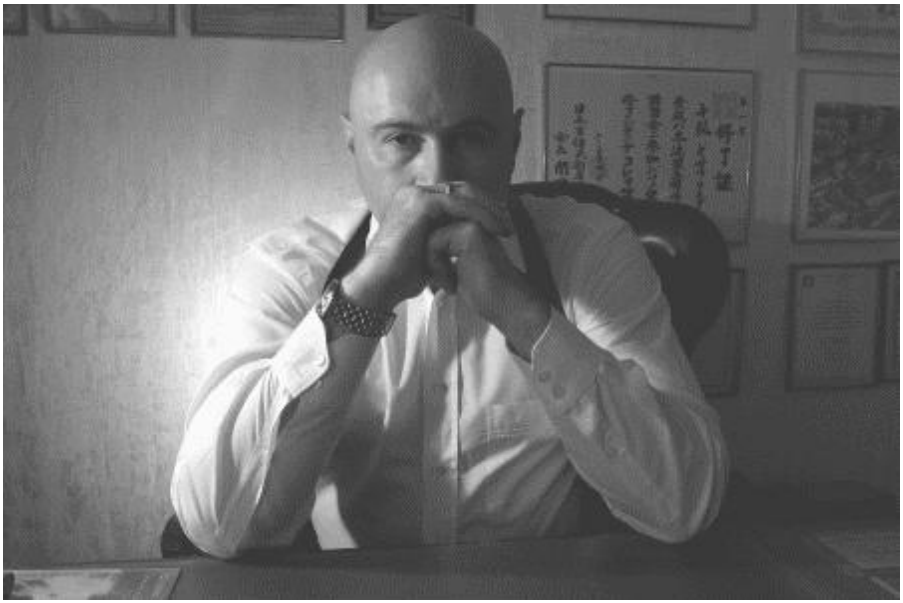
И я живу, и отступать не в силах,
Ведь, жизнь свою за жизнь мою отдав,
Они сейчас в своих немых могилах,
Как сфинксы, сторожат войны устав.

Нас Африка с войною повенчала —
Ангольский берег, Мозамбик, ЮАР…
Но доведись – мы все начнем сначала,
Ведь дружба на войне – великий дар.

Нам надо жить за тех, кто нас не предал,
Кто, нас прикрыв, погиб, умчавшись ввысь,
За тех, кто мирной жизни не отведал
И чьи мечты о счастье не сбылись…

Под стук колес опять приходят мысли
И память возвращает нас назад,
Как под Луандой мы в Анголе кисли
И как горел желаньем жизни взгляд…

28.10.2007



Разумная сволочь

Мы встречаемся в давно известном нам месте уже много лет. Множество раз местные кафе и рестораны меняли свое название, но мы так же постоянно встречаемся на том месте, которое связано с нашим далеким детством и теми переживаниями, которые раз и навсегда связали наши судьбы незримой, но такой чуткой нитью. Двое мужчин молча сидят за столиком и просто рассматривают друг друга, изредка обмениваясь незначительными фразами. Этот ритуал продолжается уже больше четверти века и будет продолжаться столько, сколько нам суждено прожить. Это наш закрытый внутренний мир, в котором не требуется слов и жестов, а есть только пережитые чувства и эмоции. Мы прекрасно понимаем друг друга и без слов. А память сама переносит нас в те уже достаточно далекие по меркам человеческой жизни времена. Жаркая память…

Тропинка в африканском буше уже не вилась между населенными всякой опасной нечистью кустами, а постепенно превратилась в широкую тропу, которая вскоре пересекла грунтовую, раскатанную колесами бесчисленных грузовиков и утрамбованную множеством ног дорогу. Проводник и два его помощника внезапно остановились и почти одновременно прыгнули с проезжей части на обочину, словно на них бежал яростный, но подслеповатый носорог. И без того широкие ноздри африканцев раздувались в эмоциональном порыве. Еще мгновение, и их черные, покрытые пылью спины скрылись в густых зарослях кустарника.

Двое обросших и грязных европейцев, один высокий, другой пониже, взяв автоматы на изготовку, с шумом ломанулись сквозь ненавистно-спасительные заросли, так до конца и не поняв, где находится источник угрозы и что она из себя представляет. Время застыло, словно жаркое африканское солнце в зените. Но прошло всего несколько минут, и вдали послышался шум мотора. Еще через несколько минут стало отчетливо слышно, что приближается военный грузовик, а пыльное облако только подтвердило то, что расслышало ухо. Камуфлированный КрАЗ с несколькими десятками вооруженных «калашниковым» военнослужащих неторопливо проследовал мимо и скрылся. Африканцы уже стояли на дороге, ожидая своих бестолковых и неповоротливых белых нанимателей, которые с трудом выбрались из зарослей и зашагали в направлении, указанном взмахом руки проводника.

– Во, Борисыч, блин, чутье зверское у «арапов Петра Великого». Нам бы такие способности, так мои волкодавы бы на вес золота ценились, – проговорил русоволосый крепыш с болезненно-изможденным лицом и запавшими от усталости голубыми глазами.

Он медленно ковылял, опираясь на плечо своего товарища. Тот невесело улыбнулся в ответ и, почесав густую щетину, с ненавистью взглянул на палящее солнце:

– Тебя, Валерка, вместе со всеми твоими парнями никогда не будут ценить на вес золота, хотя реально вы стоите намного дороже. Но – одноразовые вы, как презервативы. В этом суть проблемы. А презервативы, они и в Африке презервативы. Где же ты видел, чтобы вас ценили?

– Ну ты опять свою буржуйскую шарманку завел. Это вы у нас такие избранные, белая кость и голубая кровь. А мы просто холопы у барина-боярина. Сноб ты буржуйский, Борисыч, хотя и наш в доску.

– Топай, Аника-воин, а то смотри, не дойдем сегодня до базы, опять сутки потеряем с твоим приступом.

Валерка, соглашаясь, устало мотнул головой и, поправив автомат на плече, поволок ноги дальше, стараясь успевать в ногу с более высоким попутчиком. Сухощавые, с мускулистыми, натренированными телами, чернокожие проводники, мягко ступая, словно бы не шли, а плыли в жарком мареве, упорно вели за собой этих агрессивно-неуклюжих и таких уязвимых на африканских просторах белых мужчин.

Ноги нещадно ныли, и каждый шаг давался с большим трудом. Останавливаться было крайне нежелательно, потому что после каждой остановки было нестерпимо тяжело заставить себя продолжить движение. Оставалось совсем немного, и от этого было многократно тяжелее. Сбитые и изуродованные, взопревшие от жары и больные от антисанитарии ноги, словно саботажники, старались причинить хозяевам как можно больше не удобств. На зубах скрипел песок, от которого просто некуда было спрятаться…

Группа десантировалась с борта корабля по шторм-трапу, который, словно тонкая ниточка, завис над морскими волнами. Морпехи с ловкостью цирковых акробатов даже не пробежали по нему, а съехали, как по ледяной горке. Я осторожно ступаю на край трапа, и он начинает подо мной гулять. Два с половиной десятка человек внимательно наблюдают за моим эквилибром с берега.

Страх блокирует движения, делая их неуверенными и скованно-неуклюжими. Собираю волю в кулак и, как на учебных

сборах, оставшуюся половину пути бегу трусцой, стараясь не раскачивать и без того слишком подвижный и шаткий трап. Наконец ноги ступают на твердую почву. Делаю несколько уверенных шагов. Парни кривят рты в ухмылке – вот *«сухопутная калоша»*, добрался-таки до берега наконец. Им смешны мои неуверенные и неловкие движения, и они конечно же правы: я действительно представляю собой забавное зрелище.

Оборачиваюсь и вижу, как от нас уплывает шторм-трап. Корабль медленно отваливает от опасного берега, а мы, выстроившись в колонну по двое, тоже удаляемся от берега, но в противоположную сторону. Старший группы обеспечения высылает вперед трех человек. Основная колонна следует в отдалении метров через пятьдесят.

Валерка идет впереди меня в паре с огромным капитан-лейтенантом, между нами еще две пары, затем следую я. Рядом со мной гордо вышагивает высокий, стройный и одновременно могучий парень с явно кавказскими чертами лица. Он идет молча, время от времени царапая меня острым взглядом.

Такое оружие, да лет так тридцать тому назад…

Мельком оборачиваюсь: следующая за мной пара идет практически без дополнительного груза и чуть ближе к нам. Охраняют бережно, но ненавязчиво. Смотрю на своего кавказского телохранителя снизу вверх: горец чуть заметно улыбается в красивые усы.

– Иванов, – протягиваю я руку.

– Вано, – говорит охранник с мягким кавказским акцентом и, словно ребенку, пожимает мою ладонь своей могучей пятерней.

– Коцхавелли, – продолжаю я, чтобы проверить реакцию моего спутника.

Тот вытягивается, словно на плацу перед высшим командованием, инстинктивно бросая взгляд на спину командира. Но Валерка не может подсказать своему подчиненному, как реагировать на подобные выходки. Я прикладываю палец к губам и заговорщически подмигиваю Вано.

Идем молча и долго, я уже начинаю заметно уставать. Ребята идут, словно это не живые люди, а роботы-гуманоиды. Вано все так же мельком бросает на меня время от времени удивленные взгляды. Через какое-то время мягким, но уверенным движением снимает мой рюкзак и, словно маленькую спортивную сумочку, набрасывает себе на плечо. Идти становится значительно легче. Еще пару часов безостановочного движения, и наконец небольшой привал. Дозоры занимают свои места, Валерка отдает приказы тихим, четким голосом, и ребята исчезают в предрассветных сумерках.

Мне указывают место, куда поставить свой рюкзак, и жестом дают понять, что можно присесть на разостланную подстилку. Вано располагается рядом, еще двое здоровяков прикрывают меня с флангов. Приближается могучий каплей и, нагнувшись практически к моему уху, тихо передает разрешение командира поспать. Я одобрительно киваю и, поудобнее устроившись на рюкзаке, быстро проваливаюсь в дрему, которая всегда сопровождает у меня усталость после напряженного рабочего дня.

Чья-то могучая рука трясет мое плечо, открываю глаза: Вано вытягивается и докладывает:

– Завтрак готов, товарищ Иванов.

Вскакиваю, обрабатываю влажной спиртовой салфеткой руки, лицо, а затем с удовольствием набрасываюсь на сырные галеты с какой-то вкусно-питательной начинкой и ароматный кофе с глюкозой. Ребята уже завершили прием пищи и готовятся к началу движения. Замечаю стройного чернокожего проводника и двух его помощников, расположившихся чуть в стороне, внимательно наблюдающих за действиями чужаков, которым они будут помогать. Сразу узнаю основного чернокожего проводника – это очень опытный следопыт и охотник, свободно владеющий почти двумя десяткам диалектов.

Главный проводник спокойно опирается на традиционное копье и выглядит как типичный африканский воин эпохи колониальных захватов, но, по нашим данным, он прекрасно владеет большинством видов современного стрелкового оружия.

Мы встретились взглядами. Проводник спокойно, изучающе-внимательно смотрит на человека, которого особо оберегают в группе чужеземцев. Я стараюсь смотреть ему в глаза спокойно и не улыбаясь. Пока мы не настолько знакомы, чтобы проявлять чувства, а потерять доверие или уважение можно элементарно. Проводник чуть наклоняет голову, я отвечаю тем же жестом. Вот и все. Знакомство и первичное представление состоялось. Я знаю о нем то, что изложено в досье, а вот что он знает обо мне или, точнее, что он чувствует – очень бы хотелось узнать. Но прорваться через защитную оболочку безучастно-индифферентного миросозерцания этого типичного африканца мне вряд ли когда-либо удастся.

Сборы завершаются, убираются все возможные следы нашего пребывания настолько, насколько это возможно, и группа выстраивается в установленном порядке. Проводники уходят на свои места. Главный проводник с одним из своих помощников уходят вперед, а второй помощник, пропустив колонну, пристраивается сзади и немного сбоку. По распорядку действий я знаю, что где-то рядом все время находятся еще один или два проводника, но их мы вряд ли увидим. Кого они прикрывают, нас или своих, неизвестно, но он или они обязательно находятся здесь.

Вано слишком буквально понимает свои обязанности телохранителя и с самого начала освобождает меня от моей ноши. С одной стороны, мое привилегированное положение льстит самолюбию, с другой стороны, несколько стесняет. Ладно, у каждого свой участок работы. Движемся пару часов в среднем темпе, выходим на проселочную дорогу с достаточно накатанной колеей. Проводник подходит к Валерию и показывает рукой в сторону. Приказ передается по колонне, и группа рассредоточивается в густых зарослях вдоль дороги. Меня отводят метров на пятьдесят в сторону. Ребята готовят засаду. Ожидание постепенно утомляет, я чувствую, как веки незаметно тяжелеют. Вано кладет руку на плечо и жестами показывает, что можно поспать. Я не сопротивляюсь, меня окутывает сладкая дрема. Легкий, теплый ветерок обдувает меня, касаясь мягко, словно бабушкины руки в детстве, от которых всегда исходила необъяснимая теплота и нежность. Я все глубже и глубже погружаюсь в дрему и наконец проваливаюсь, словно в темный колодец, в глубокий и спокойный сон, какого не было ночью после высадки.

Жесткий толчок локтем в бок мгновенно приводит меня в состояние бодрствования, я возвращаюсь к действительности. Вано молча указывает на дорогу. Вдалеке виднеется характерное

пыльное облачко, которое приближается к нам. Минут через пять можно рассмотреть приближающийся грузовичок с вместительной кабиной человек на шесть, а то и на восемь. Машина движется непоропливо, тарахтение дизельного движка становится все громче по мере приближения к месту, где заняли позицию Валеркины парни.

Я пропускаю начало действа, но внезапно оба человека, сидевшие в кабине, почти одновременно вздрагивают и начинают неестественно заваливаться: водитель – носом на руль, а его сосед – головой к центру кабины. В кузове вскакивает еще один человек, с автоматической винтовкой в руках, но практически в то же мгновение взвивается вверх и кубарем катится в придорожную пыль. Морпехи выскакивают со своих позиций, быстро подбирают тело упавшего из кузова противника и вместе с двумя другими телами размещаются в кузове машины. Автомобиль приближается к нам. Меня, как ребенка, почти забрасывают в кабину. Валерка, каплей и я располагаемся на заднем сиденье кабины, водитель, Вано и еще один боец, обеспечивающий мою безопасность, располагаются на переднем сиденье. Все остальные занимают места в кузове. Машина неспешно продолжает движение по той же дороге.

– Ну, товарищ начальник, где твоя особая карта? – обращается ко мне строгий кап-три Валера.

Валере, видимо, тяжело смириться с тем, что ему приходится не только подчиняться мне, но еще и меня же опекать. Достаю пластиковый чехол, в котором мирно покоится произведение искусства, сработанное специалистами Российского картографического отделения Его Императорского Величества Генерального штаба, с наложениями расхождений и дополнений картографов кайзеровского Генерального штаба Германии и современной космической и аэрофотосъемки. Валерка ошалело смотрит на карту. Каплей по-детски приоткрывает рот:

– Командир, вот это дело, а у нас двухверстка предел мечтаний.

Валерка с укоризной смотрит на подчиненного, но скрыть своего восхищения и удивления тоже не в состоянии.

– Ну им же так полагается, – слишком уж серьезно говорит он, кивая в мою сторону. – Хорошая карта, Иванов, это правда. Умеют вас там экипировать. А вот читать ты ее умеешь?

– Если рядом такой специалист, то зачем мне уметь читать карту? – ехидно парирую я и указываю место нашего назначения, перечисляя страницы с обозначениями возможных вариантов маршрута и квадратами интересующего нас объекта.

– Да все элементарно, Ватсон, только перед подъездом к

объекту проведем рекогносцировку. – Валера смотрит на часы, прикидывая расчетное время. – Серый, ты прибавь немного, нам надо минут двадцать – тридцать выиграть. Понял?

– Так точно, понял, отыграть минут двадцать-тридцать, – отзывается водитель и плавно ускоряет ход.

Какое-то время едем молча. Каплей дремлет, Валерка о чем-то напряженно думает, всматриваясь в окружающие дорогу кусты. Парни держат оружие наготове и тоже утюжат взлядами пейзаж, готовые в любой миг дать отпор неизвестному противнику.

Машина покачивается, я откидываюсь на спинку и дремлю. Силы необходимо постепенно восстанавливать. Несколько напряженных дней и бессонница последней ночи сказываются, а впереди еще напряженная работа, ради которой все это задумывалось…

Все началось, как обычно, внезапно. Короткий звонок. Приезд в небольшой красивый особнячок в центре Москвы и встреча со знакомыми мне людьми, которые не занимаются обыденными пустяками. Удивляться я начал с момента встречи.

– Ты своих детских приятелей хорошо помнишь? – вместо обычного приветствия спросил меня высокий ширококостный человек с мужественным, перечеркнутым глубоким шрамом лицом, из-за которого он получил прозвище Скорцени, незаметно приклеившееся к нему на всю оставшуюся жизнь.

– Да смотря о ком идет речь, – осторожно отвечаю я и выжидательно смотрю на невысокого пожилого, заметно располневшего человека с коротким ежиком волос.

– Посмотри фотографии. Узнаешь? – спрашивает тот, подвигая ко мне тонкую папку с большими, в формате машинописного листа, качественными фотографиями.

Я раскладываю несколько фотографий, запечатлевших самых разных людей в самой разнообразной обстановке. Но среди них всегда присутствует один и тот же мужчина, а на некоторых кадрах – женщина, которая почти всегда располагается рядом с ним.

– Конечно, узнаю. Я ведь был у них свидетелем на свадьбе. Это…

– Вот и прекрасно, – по-отечески положив мне на плечо руку, перебивает пожилой мужчина. – Надо постараться привезти его вместе с супругой и еще одним товарищем домой.

Я молча слежу за своими собеседниками. Их лица в момент посуровели и сделались жесткими и закрытыми от окружающих.

– Если возможно, то живыми. Если, конечно, это еще возможно, – тихо, чуть севшим от волнения голосом говорит

пожилой мужчина и слегка сжимает мне плечо. – Постарайся. Если уже ничего сделать нельзя, очень важно идентифицировать как можно точнее, они это или нет.

Молча киваю головой. В общих чертах уже понятно, что случилось и что предстоит делать лично мне.

– Сколько времени на подготовку? – привычно спрашиваю я.

– Не больше двух недель, – деловито отвечает Скорцени и кладет передо мной портфель, достаточно плотно набитый документами. – С группой обеспечения пока контактировать не придется. Они увидят тебя только на месте. Данные по ним в портфеле. Приступай немедленно. Через пять дней первый доклад.

– Вас понял, – поднимаясь со своего места, отвечаю я и, забрав увесистый портфель, прикидываю, сколько же там может быть документов, предназначенных для изучения.

Двери мягко закрываются у меня за спиной. Я поднимаю голову и вижу чудесное небо с узором облаков, вдыхаю воздух родного города. На душе тяжело от мысли, что с приятелем моего детства стряслась настоящая катастрофа. Чертова жизнь! Если не мрак, то суета, и наоборот. Что я увижу на месте? Смогу ли я вытащить его самого, его жену и еще одного коллегу из той передряги, в которую они попали благодаря его работе? Какой работе? Чем он, собственно, занимался? Оказывается, я знал о своем приятеле далеко не все. А что он знал обо мне? Мы оба знали друг о друге только то, что можно было знать, и не более того…

Подготовка с несколькими промежуточными докладами и постепенным выявлением контуров предстоящей операции прошла интенсивно и как-то совершенно незаметно. Время как бы совершило прыжок через эти две недели так, будто это были всего два дня. Машина доставила меня в аэропорт ближе к вечеру, и я понял, что лететь придется очень далеко. Еще ни разу в моей практике не было случая, чтобы поздний отлет был связан с короткими перелетами. Почему-то почти все дальние рейсы вылетали во второй половине дня, а иногда и поздно вечером.

Традиция была соблюдена. Первый перелет продолжался около шести часов, затем последовал второй, а еще был и третий. Наконец авиационные гонки завершились, и меня привезли в жаркий портовый город. Пару дней я осваивался в условиях тропиков, отсыпался и прогуливался по запущенной набережной вдоль величественного голубого океана. Вечером, когда жара немного спадала, можно было помечтать, глядя на блики солнца, игравшие на безбрежной морской глади в лучах заката.

На третий день в порт пришел советский военный корабль.

Большой прием и ряд шумных политических мероприятий на несколько дней заполнили суетой жизнь многоголосого города. А мне предстояло, незаметно смешавшись с приглашенными на завершающий визит прощальный ужин гостями, проникнуть на борт судна с помощью двух сопровождавших меня людей с совершенно незапоминающейся внешностью. Они ведут меня сквозь непрерывный поток людей, заполнивших все доступное пространство корабля.

Создается впечатление, что многоликая масса гостей в праздничных нарядах все время куда-то движется, что все чего-то ищут и постоянно снуют по коридорам той части судна, где разрешено пребывание гостей. Гомон голосов, искренние и натренированно-искусственные улыбки сопровождают каждого присутствующего, завораживая и раздражая. Мы спокойно и уверенно продвигаемся в толчее. Мои сопровождающие знают переходы корабля не хуже, а возможно, и лучше любого члена экипажа. На одном из участков вместо человека в военно-морской форме из-за угла неожиданно выдвигаются две поразительно одинаковые фигуры в штатском, но, увидев первого из моих провожатых, словно по команде разворачиваются и замирают у стен.

Мы проходим мимо, и эта пара из ларца, одинаковых с лица, перекрывает сзади проход, отрезая нас от тех, кому в данный отсек входить не положено. Еще несколько замысловатых переходов, и мы останавливаемся перед дверью в одну из кают. Первый из сопровождающих достает из кармана ключ, легко открывает дверь каюты и пропускает меня внутрь. Перед тем как закрыть за мной дверь, он дружески подмигивает мне, кивает на прощание и мягко закрывает дверь. Ключ проворачивается в замочной скважине. Все, я в каюте капитана. У меня будет время изучить ее достаточно хорошо. Прохожу к небольшому дивану, снимаю пиджак и устраиваюсь поудобнее. Теперь мне предстоит ждать хозяина несколько часов, пока не закончится официальный прием и банкет. Можно поспать. Постепенно дрема окутывает меня…

Просыпаюсь, смотрю на часы. Прошло почти четыре часа. Протираю ладонями лицо, прохожу к умывальнику, ополаскиваю лицо и привожу в порядок костюм. Не более чем через полчаса капитан корабля должен вернуться к себе. Устраиваюсь в кресле и достаю из своего багажа рабочую тетрадь с вшитым картографическим атласом. Пока есть время, можно еще раз пробежать взглядом по уже знакомым страницам. Повторить материал и проверить собственную память никогда не вредно. Время пролетает незаметно. Слышу в коридоре приближа ющиеся

шаги, выключаю свет и ухожу в дальний затемненный угол. К двери подходят несколько человек, короткий разговор, щелчок замка, на пороге возникает фигура в парадной морской форме. Человек закрывает за собой дверь и только после этого включает свет. Мужчина снимает фуражку и осматривает каюту. Наши взгляды встречаются.

– Здравия желаю, – приятным голосом с командными нотками обращается ко мне капитан первого ранга.

– Добрый вечер, Владимир Иванович, – отвечаю я и протягиваю руку.

Обмениваемся рукопожатием. Капитан смотрит на меня с некоторым удивлением и по-командирски изучающе. Я для него в каком-то смысле *терра инкогнита*, неведомая земля, незнакомец, с присутствием которого не только придется смириться, но и гостеприимно приютить в святая святых любого корабля – в капитанской каюте, да еще так, чтобы об этом не знал практически никто на борту. Конечно, кроме тех, кому просто положено знать.

– Устраивайтесь, во второй комнате для вас все подготовлено. Извините, что несколько тесновато. Вы ведь наверняка привыкли к чему-то более комфортному. Но хороший стол обещаю. У нас на судне великолепный кок. Так что неудобство нескольких дней будет чем скрасить.

Я смотрю на этого человека, и мне спокойно. Мы только что познакомились, хотя я о нем знаю неизмеримо больше того, что он может себе представить. От него веет той уверенностью и спокойствием, которые так характерны для дельных и знающих командиров.

В коридоре слышатся шаги, раздается тихий стук, и, не дождавшись ответа, дверь каюты открывается.

– Прошу добро! – звучит привычная в устах моряка фраза.

На пороге возникает молодцеватый кап-три: идеально подогнанный парадный мундир, ослепительно-белые края манжетов и воротничка рубашки, красивое молодое и волевое лицо с пронзительными глазами.

– Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться к товарищу Иванову?

– Да, конечно, – несколько по-домашнему отвечает командир корабля особисту.

Я сразу узнаю этого человека. Его фотография почти полностью выдавала его внутренний мир и принадлежность к той сложной профессии, которой он себя посвятил.

– Здравия желаю, товарищ Иванов! – протягивает кап-три мне крепкую ладонь.

– Здравствуйте, Николай Петрович, – отвечаю я и внимательно смотрю в его серые, со стальным отливом зоркие глаза.

Особист улыбается в ответ и молча рассматривает «нештатный груз», с которым придется мириться несколько дней.

– Для вас все приготовлено у Владимира Ивановича. Только придется потерпеть. Выход на палубу может быть возможен только после 23.00 и, конечно, с соблюдением соответствующих мер предосторожности.

– Ничего, потерплю. Тем более что командир обещал прекрасный стол от вашего кока.

– Это правда, кок у нас просто кудесник. Кормит, как в лучших ресторанах. В остальном, если возникнут вопросы, командир мне мгновенно поставит боевую задачу. – Особист улыбается и смотрит на командира корабля.

Тот в ответ молча улыбается. Я знаю, что у них достаточно откровенные и по-человечески добрые отношения, какие могут быть у командира и начальника особого отдела на боевом корабле в открытом море. Ведь именно от этих людей во многом зависит целостность коллектива и возможность точно и полно выполнить любую боевую задачу.

А в открытом море, когда командир является еще и высшей властью, и представителем страны, и… И еще много чем в рамках сложных международных правовых норм является командир корабля. В этой ситуации и от особиста зависит гораздо больше, чем порой от его коллег на других участках. Автономное плавание в чуждом, а часто и просто во враждебном окружении накладывает особый отпечаток на поведение людей и их взаимоотношения.

Кап-три вытягивается и уже по-военному обращается к командиру:

– Товарищ капитан первого ранга?

– Добро! Николай Петрович, командира спецгруппы ко мне завтра на 10.00.

– Есть командира спецгруппы завтра на 10.00, – отвечает кап-три и покидает каюту капитана, мягко прикрыв за собой дверь.

Мы остаемся вдвоем, чтобы еще немного поговорить о том, как я буду существовать на судне в течение оставшихся нескольких дней. Капитан подробно рассказывает мне о распорядке, о том, как мне держать связь с ним и с особистом. По документам я все это уже знаю, но спокойный и отечески проникновенный голос капитана создает доверительную домашнюю атмосферу.

После короткого, легкого почти ночного ужина я отправляюсь

спать в отведенные мне апартаменты. Несмотря на несколько часов недавнего сна, я засыпаю очень быстро с каким-то домашним ощущением покоя.

Утром просыпаюсь легко, приняв душ и одевшись, выхожу в «кабинет». На столе уже готов завтрак. Капитан встречает меня в полной боевой готовности. Чисто выбритое лицо, безукоризненно подогнанный китель, открытость взгляда красивого русского человека. Мы с удовольствием завтракаем. Все очень вкусно и действительно приготовлено и сервировано как в хорошем европейском ресторане.

Неумолимое время требует от капитана возвращения к своим обязанностям, он убывает на капитанский мостик. Я остаюсь один и опять погружаюсь в схематичный мир своих документов, осмысливаю информацию и в очередной раз перепроверяю данные и подвергаю сомнениям отработанные тактические варианты. Без пяти десять капитан возвращается, а ровно в десять раздается стук в дверь, и на пороге возникает крепкая молодцеватая фигура командира спецгруппы. Молодой капитан третьего ранга, чуть старше меня по возрасту. Но я знаю, что у этого парня за плечами… Очень важно, чтобы у него с ходу не возникло пренебрежительное отношение к моей совсем не мореходной особе. Приказ приказом, а личные отношения еще никто не отменял.

– Прошу добро!

– Проходите, – по-домашнему приглашает командир и, подождав, пока мы обменяемся первым рукопожатием, продолжает: – Располагайтесь и работайте, молодые люди, а я убываю по своему расписанию.

Кап-три вскакивает по стойке «смирно» и провожает командира взглядом, затем присаживается за стол напротив меня.

– Если не возражаешь, Валерий, предлагаю перейти на «ты», – говорю я с посылом в голосе.

– Можно, только мне все ровно придется тебя называть Иванов.

– Можешь называть Борисычем, если мы вдвоем, – улыбаюсь я, ловя удивленный взгляд моего тезки по отчеству, и мы углубляемся в вопросы согласования основных элементов предстоящей операции.

Несколько дней пролетают почти незаметно в активной работе…

Грузовик трясет, как на русском проселке. К объекту, скрытому в густом массиве, подъезжаем вовремя, проникновение проходит как по нотам. Охрана КПП противника не успевает

среагировать. Валеркины парни работают быстро и без осечек. Восемь неподвижных тел в форме противника остаются на своих местах, там, где их застала смерть.

Объект чудовищный, и у меня нет жалости к этим людям в не нашей форме. Я знаю, что нам предстоят еще более серьезные испытания. Кто знает, что ждет нас впереди? Грузовик на скорости подкатывает к главному корпусу базы. Небольшое двухэтажное здание уходит на три этажа в землю. Этот подвал и есть основная зона наших интересов. Но чтобы до нее добраться, необходимо ликвидировать или блокировать весь личный состав базы. Причем сделать это надо быстро, чтобы предотвратить или хотя бы снизить вероятность отправки сигнала тревоги. Иначе у нас просто может не оказаться шанса на возвращение.

Кап-три отдает быстрые и четкие распоряжения. Одна группа с каплеем во главе быстро блокирует небольшую казарму. В ней, по нашим данным, не более взвода солдат. Вторая группа змейкой просачивается в основной корпус и растекается по этажам. Бойцы разбиваются на пары, каждая знает свой маневр, перед каждой поставлена и определенная задача, которую они знают назубок.

Не проходит и минуты, как со стороны казармы раздается два приглушенных взрыва. Выстрелов не слышно! Значит, противник не успел применить оружие. В основном здании проходит молниеносная зачистка.

Мы с Валеркой, Вано и еще двумя бойцами спускаемся в подвал. Третий, самый нижний, этаж здания одновременно является спецтюрьмой, в которой содержатся люди, которых для всего остального мира просто не существует. Они не умерли, они исчезли, пропали, испарились. По мере приближения к ним я чувствую, как нарастает нервное напряжение. Кого или что я увижу? Смогу ли я опознать людей, которых мы ищем? Меня захлестывает волна тревожных вопросов. Надо сосредоточиться, чтобы возбуждение не сказалось на готовности к действию, иначе беды не миновать.

На двух верхних этажах мы не находим никого, кроме одного охранника, который, даже не успев толком среагировать и приподняться со своего стула, почти мгновенно ткнулся в стол головой и замер без признаков жизни.

Мы спускаемся по страшно запущенной лестнице на самый нижний этаж. Перед нами дверь в коридор. Ребята чуть оттирают меня и прикрывают собой, двое сосредоточиваются по жестам командира, готовясь *вкатиться* в неизвестное, а значит, опасное пространство. Внезапно из-за двери раздается одиночный пистолетный выстрел. Ребята мгновенно не просто открывают

дверь, а срывают ее с петель.

Коридор пуст. В конце его за столом дежурного надзирателя в неестественной позе, откинувшись на спинку стула, сидит человек в форме унтер-офицера. Мы почти бегом приближаемся к нему. Вано скидывает тело на пол, чтобы лучше его рассмотреть. Мундир застегнут на все пуговицы, ключи от камер аккуратно лежат на журнале рядом с двумя снаряженными магазинами от табельного пистолета. Рядом монитор системы наблюдения, на нем четко виден стол дежурного на расположенном выше этаже. Камер на этаже всего три.

Того, кого мы искали, я нахожу в самой большой камере. Две остальные пусты. Ребята присоединяются ко мне и застывают, словно безмолвные истуканы, едва переступив вслед за мной порог камеры. Я оборачиваюсь и вопросительно смотрю на них. Валерка с трудом проглатывает подкативший к горлу комок и беззвучно шевелит губами. Я без всякого сурдоперевода могу прочитать по его губам, что он говорит, потому что у меня в голове возникает точно такая же матерная, в три этажа, фраза. Остальные парни стараются не поднимать глаз.

Передо мной на цепях полувисит человек, а точнее, живое существо, похожее на человека. Я с содроганием разглядываю обрывки одежды, спутанные грязные волосы, немытое тело со следами пыток. Я приближаюсь к нему, осторожно приподнимаю голову и всматриваюсь в лицо со следами старых и недавних кровоподтеков. Это он! Перевожу взгляд на два других «посадочных места», и меня охватывает дикая, неконтролируемая ярость. На крюках висит то, что еще недавно было человеческой плотью. Только теперь мне становится понятно, почему этот унтер предпочел пустить себе пулю в висок. После всего увиденного мы вряд ли стали бы цацкаться с ним и его собратьями по ремеслу палача.

Я поворачиваюсь к ребятам. Они без слов понимают, что надо делать. Сильные мужские руки осторожно снимают стонущего человека с крюка и укладывают на легкие военные носилки, стоявшие в углу. Валерка дает команду на выход, и в то же мгновение двое бойцов вталкивают в камеру испуганного человека с медицинским чемоданчиком в руке. Он с невероятным испугом смотрит на нас, повторяя:

– Я не пытал их, я не пытал их! Я только врач. Мне просто приказывали…

Я жестом показываю ему на человека на носилках. Врач базы склоняется над узником. Морпехи аккуратно протирают его тело влажными полотенцами. Медик трясущимися руками изо всех сил старается помочь нашим парням, бестолково суетится. И то и

дело оглядывается на меня, надеясь своей активностью заслужить мою благосклонность. Он прекрасно чувствует, от кого исходит главная опасность.

Наконец спасенный нами пленник более или менее приведен в человеческий вид. Врач осматривает теперь уже пациента. Я приближаюсь и встаю у него за спиной и чуть сбоку. Человек жив, он дышит, но глаза остаются закрытыми. Врач открывает свой чемоданчик, быстро извлекает набор для инъекции и коробочку с несколькими ампулами. Набирает шприц. Старательно и аккуратно протирает место для укола на руке у пациента. Берет шприц. Я кладу руку ему на плечо. Врач испуганно оборачивается и, понимая, что от него требуется, кладет в протянутую мной ладонь пустую ампулу. Я изучаю название препарата и молча киваю ему. Укол вызывает на лице измученного человека гримасу страдания. Это неплохо – значит, он чувствует боль и должен скоро прийти в себя.

Проходит несколько томительных минут, и человек медленно открывает глаза, дыхание становится ровнее, глубже, кожа на щеках немного розовеет. Человек оглядывает нас, останавливается на мне, в его глазах появляется то изумленное выражение, которое хорошо знакомо каждому из нас и возникает при случайной встрече с приятелем, с которым расстался очень-очень давно.

– Ты меня слышишь, Боря? – обращаюсь я к нему.

– Да, слышу, – тихо, но внятно отвечает он и в доказательство чуть кивает головой.

– Это я, Иванов. Ты меня понял? – опять обращаюсь я к нему.

– Понял. Иванов. А где… – Закончить фразу ему не удается.

Горло его перехватывает спазм, по щекам струятся слезы. Он закрывает глаза и отворачивается к стене.

– Боря, сейчас главное, что ты жив. Остальное потом, – еле сдерживая себя, произношу я, не вполне понимая, кому адресована эта фраза, потому что мой друг детства опять отключился.

И вдруг замершее было время вновь пускается вскачь. Словно в ускоренной съемке, я хватаю за шиворот врача и волоку его к выходу. Ребята подхватывают носилки с Борисом, медицинский чемоданчик и спешат за мной наверх.

Кабинет начальника базы достаточно роскошно смотрится в этих трущобах, а после того, что мы увидели в подвале, выглядит просто кощунственно. Полковнику, он с напряженным видом сидит в кресле, немногим больше пятидесяти, он достаточно крепкого телосложения, с тяжеловатым, но волевым лицом негроидного типа. Несмотря на некоторую полноту, он кажется

физически сильным человеком, а выражение лица говорит о надменном и властном характере.

Но сейчас он боится, он очень сильно боится, и я это прекрасно знаю и вижу. Он переводит взгляд на женщину, сидящую в углу на стуле. Это его жена. Она тоже офицер этой базы, хотя и одета в обычное платье. Их испуганные лица и распростертое на полу тело помощника начальника базы с пулевым отверстием точно по центру лобной кости и рукой на так и не выхваченном из кобуры пистолете красноречиво говорят о том, что здесь произошло.

Я пинком загоняю врача в свободный угол комнаты и падаю в высокое кресло напротив полковника. Одним резким движением сметаю на пол папки, бумаги, компьютер – словом, все, что находится у него на столе. Останавливаю взгляд на покрытом бисеринками пота черном лице начальника базы.

– Я только выполнял приказы начальства, – скороговоркой произносит полковник. – Не убивайте жену! Она не виновата ни в чем. Пожалуйста…

Невидимая пружина гнева подбрасывает меня на ноги. Все, что происходит, я вижу словно бы со стороны. Издаю звериный рык и ребром правой руки бью полковника в голову, но не в висок, а в ухо. Раздается хруст, начальник базы, издав какой-то хрюкающий звук, падает со своего кресла на пол и воет, держась двумя руками за голову. Меж пальцев правой руки сочится кровь. Через несколько минут он приподнимается на полу и ошалело смотрит на меня.

– А где его жена и второй парень? – спрашиваю я, показывая вниз.

– Мне просто приказали. Поймите, я не мог не выполнить приказ.

– Где еще два человека? – ору я, хотя прекрасно знаю, что их уже давно нет на этом свете.

– Их ликвидировали. Одного месяц назад. А женщину десять дней назад, – теперь уже очень тихо, но вполне внятно говорит полковник, опустив голову.

– Эта женщина была женой моего друга. Тогда ты, мразь, о своей жене не подумал? – зло кричу я этому живому покойнику.

– Пощадите жену, – с воем падая на колени, просит полковник. – Это доктор резал их на куски. Он у нас мастер на такие дела. Все в этих досье… – Полковник поднимает с пола одну из сброшенных мной на пол папок и дрожащими руками протягивает мне.

Я открываю эти чудовищные документы, бегло просматриваю страницы. Хочется орать и крушить все вокруг. Бешенство просто

переполняет меня. Я бросаю быстрый взгляд на врача. Доктор еще больше вжимается в стену, переводя испуганный взгляд с меня на мрачных, как ангелы смерти, парней. Он даже не знает, как реагировать на сказанное. Я ненавистью смотрю на жену полковника. Женщина в ужасе и на грани обморока. Обращаюсь к ней:

– Мадам, а вы не думали, что подобное обращение с людьми противоречит Женевской конвенции?

Или вы сами забыли, что являетесь офицером в звании капитана?

Она вся дрожит и умоляюще смотрит то на меня, то на ребят, то на своего мужа. Женщина силится что-то произнести, но чудовищный стресс лишает ее возможности мне ответить. Она закрывает лицо ладонями и содрогается в рыданиях, сопровождаемых криком и потоками слез. Дальше спрашивать бесполезно – у нее истерика. Сзади приближается Валерка.

– Все чисто. Надо быстрее уходить. Транспорт внизу готов.

– Оставь моих архангелов. Мы скоро.

– Добро! – привычно рапортует кап-три и со своими ребятами покидает кабинет.

Звериное чувство мести постепенно овладевает мной и заставляет действовать жестоко, быстро и хладнокровно…

Машины колонной покидают территорию базы. Вся операция захвата заняла всего несколько минут, и еще около получаса понадобилось, чтобы уничтожить саму базу со всем ее военным контингентом. Перед глазами стоят лица начальника базы, его жены и доктора. Думал ли кто-то из них, издеваясь над нашими товарищами, что этот бумеранг жестокости когда-нибудь к ним вернется? Думаю, вряд ли. Мне не жаль их. Но ни жены Бориса, ни второго парня уже не вернуть, как не отмолить никакими молитвами те муки, которым их подвергли.

Борис спит. Ему сейчас понадобится много сил и еще больше мужества, чтобы осознать все происшедшее и научиться с этим жить. Я помню его смешным и немного неуклюжим мальчишкой, который неумело играл в футбол и часто промахивался по мячу. За это его не очень жаловали в команде, но мне, всегдашнему вратарю, было приятно видеть, как отважно он бросался на нападающих других команд, защищая наши ворота и помогая мне отражать атаки. Смешно. Детство давно миновало, и вот теперь мне довелось вытащить его из того ада, в который он угодил благодаря выбранной им профессии, хотя какой именно, я так и не знаю…

Вторая засада была самой страшной. Хотя боевое охранение успело выявить противника, дать сигнал и вступить в огневой контакт, основную группу четко и грамотно начали брать в клещи. Наш грузовик Валерка направил по самому безопасному маршруту, оставшись с ребятами прикрывать отход. Мы отъехали на несколько километров.

– Стой! – скомандовал я, и грузовик, чуть ли не уткнувшись капотом в кустарник, остановился.

– Каплей, принимай команду! Будешь двигаться в этом направлении… – Я ногтем прочертил линию на карте. – Бориса доставить на борт любой ценой. Если все будет нормально, мы через пару часов вас догоним. Четверых и проводников оставь, остальные пойдут со мной! Приказ ясен?

– Так точно! Ясен! Прошу добро!

– Действуй!

Капитан-лейтенант отобрал четверых бойцов. Остальные высыпали на дорогу и, поправив оружие, молча глядели на меня.

– Ребята, наших там минут через сорок зажмут в клещи. Обходим противника и контратакуем с тыла.

Если они успеют замкнуть кольцо, то это может быть самое безопасное направление прорыва. Радиосвязь с кап-три только перед самим прорывом. Все поняли?

– Так точно! – практически хором ответили бойцы.

Сколько раз все мы бегали кроссы с полной и неполной выкладкой. Сколько раз мы гордились своими результатами и проклинали эти муки и нечеловеческие физические нагрузки. Но сейчас мы бежали так, как бегут перед боем. Молча, не быстро, но напористо, так чтобы сэкономить силы для встречного боя. Я смотрел в серьезные лица парней и чувствовал, как сосредоточен каждый из них.

Стрельба становилась все ближе. Мы обходили противника стороной и наконец вышли в расчетную точку. Короткая разведка подтвердила правильность расчета. Мы вышли почти точно в тыл основному отряду противника, который вначале организовал засаду, а затем, втягивая наших товарищей в огневой контакт, стал планомерно охватывать их позицию с обеих сторон, закрывая пути перемещения и прорыва.

Валерка грамотно огрызался. Короткие злые очереди останавливали врага и не давали подойти на близкую дистанцию. Поле боя было усеяно несколькими десятками трупов, и это только то, что нам удалось разглядеть. Морпехи собирались дорого продать свою жизнь, чтобы обеспечить нам отход. Я повернулся к парню с рацией и молча кивнул. Тот щелкнул тангентой и бросил в эфир короткую фразу, затем повторил ее.

Ответ пришел почти сразу. Все, связь установлена. Теперь осталось только действовать, а что ждет нас впереди, победа или провал, не знает никто.

Наш удар был неожиданным, а поэтому особенно страшным для противника. Пять-шесть длинных очередей скосили практически весь эшелон защиты, а Валеркина контратака довершила этот классический разгром. Эффект внезапности сыграл свою роль: прорыв удался. Почти чисто. Двое бойцов навсегда остались на огневом рубеже противника, погибнув в жестокой рукопашной схватке. Но все остальные вырвались из кольца.

Мы захватили даже не одну, как планировали, а две машины, выведя из строя остальные, и на максимально возможной скорости стали уходить из кольца, чтобы к вечеру соединиться с нашими товарищами. Всю дорогу Валерка угрюмо молчал и хмуро посматривал в мою сторону, и только когда мы догнали наших товарищей и в очередной раз сменили направление движения, хлопнул меня по плечу и тихо произнес:

– Спасибо, авантюрист. За парней спасибо.

– Прорвемся, – совсем не по-военному ответил я, и на душе у нас обоих стало как-то теплее и немного спокойнее. Хотя бы на время…

Каплей отстреливался умело и яростно. Выпуская по три-четыре пули короткими очередями, он практически без промаха валил одного противника за другим. Нас отделяли от него каких-то тридцать с небольшим метров, но мы из-за плотного обстрела не могли даже попытаться приблизиться к нему. Пару минут назад пулеметчик противника разворотил каплею колено пулей из крупнокалиберного пулемета, лишив его возможности передвигаться. Он умудрился сам перетянуть ногу ремнем и вколоть себе обезболивающее.

Тактика противника сразу изменилась. Нападающие отсекли нас от раненого, не давая приблизиться и вытащить его из-под огня. Да и самому каплею было просто невозможно вырваться из маленькой расщелины, в которую он успел нырнуть, скрываясь от обстрела. Теперь он, раненный, истекающий кровью, сдерживал бойцов противника огнем, не давая им возможности приблизиться к нам по руслу высохшей реки. Патроны у нас были на исходе, наш огонь не мог быть эффективным, и нам отводилась лишь позорная участь наблюдателей.

Каплей обернулся и, махнув рукой в их сторону, крикнул:

– Уходите, мать вашу! Уходите! У меня патронов еще на пару минут осталось!

Мы с Валеркой, как завороженные, не могли сдвинуться с места. Наконец у каплея вышел весь боекомплект. Мы видели, как он выложил перед собой четыре оставшиеся лимонки, отработанным движением разогнул усики, надел три кольца на пальцы правой руки, четвертую гранату зажал в правой ладони и замер. Мельком обернувшись, он встретился со мной взглядом.

– Пробейся и живи! – крикнул он и повернулся в сторону нападавших.

Увидев подходивших бойцов во вражеской форме, он резко выбросил руки вперед: гранаты, словно перезревшие виноградины с осенней лозы, сорвались с ладоней и покатились под ноги бежавших к нему темнокожих солдат. Практически одновременно прогремели четыре взрыва…

Наш грузовик, чихая глушителем и хлопая, словно акула пастью, сорванным капотом, мчится по выж женной солнцем равнине в облаках пыли, срезая изгибы петляющей дороги. Мы боимся взглянуть друг другу в глаза. Я вцепился в руль так, словно пытаюсь его раздавить, и только периодически сбрасываю ногу с педали газа, чтобы не опрокинуть машину на резком повороте, а затем опять с силой вгоняю педаль в пол. Слезы уже не текут, песок и пыль лезут в глаза. Приходится щуриться и то и дело, как в детстве, тереть глаза тыльной стороной ладони. Валерка полулежит на пассажирском сиденье сбоку от меня. Приступ малярии только что прошел, и его бледное лицо с потеками грязи от пота и запавшими глазницами напоминает трагическую маску. Наконец он приходит в себя, садится поудобнее, трет лицо ладонями и, ни к кому не обращаясь, говорит:

– Нам теперь с этим жить.

Я молча киваю. В зеркале заднего вида мелькает сосредоточенное лицо нашего главного проводника. Его зоркие глаза сканируют местность. Я просто давлю на педаль газа и веду машину в том направлении, которое он мне периодически указывает, а если я отклоняюсь от нужной линии, он меня корректирует. Этот молчаливый человек своим видом, энергетикой, жизненной позицией и бесстрашием помогает нам с Валеркой удержаться на плаву в этих непривычных для нас экстремальных условиях. Мы долго молчим…

Вообще все последующее время мы больше молчали, чем общались, а говорили большей частью о каких-то сиюминутных вещах. Только с течением времени, теперь, когда от событий меня отделяет четверть века, мне кажется, мы очень тепло и даже трогательно оберегали друг друга в тех непростых

обстоятельствах.

Грузовик катится по африканской равнине, перескакивая через неровности почвы. Мотор надсадно воет, с трудом переваривая не самый чистый и пригодный для езды бензин, но другого у нас просто нет. Рессоры жалобно стонут от нагрузки, на зубах скрипит песок, и пыль забивает нос и глаза. Мы уходим от погони. Нет ничего более цельного и емкого, чем погоня, когда все твое существо обращается в действие независимо от того, кто преследует, ты или тебя. Это две части одного и неразделимого целого.

Казалось, этот скрип песка на зубах будет преследовать нас всю оставшуюся жизнь. Ноги нестерпимо ныли при каждом шаге. Но не идти было нельзя. Двигаться – это все, что нам оставалось делать. Проводники то появлялись, то исчезали в окружающих нас зарослях буша.

Мы тащились, как два наполеоновских гренадера, по чужой дороге, по чужой земле, которая никогда не будет нашей, но по которой мы были обязаны идти до конца. Вспомнились наши машины. Сколько их мы уже успели поменять за это время и какую хорошую службу они нам сослужили! Как было бы хорошо сейчас ехать, пусть даже в облаке вездесущей пыли, но ехать, а не идти. Я улыбаюсь своим мыслям и смотрю на своего товарища.

– Ты что, Борисыч, перегрелся? У тебя такой смешной и глупый вид, – удивленно глядя на меня, через силу роняет слова Валерка.

– Ты на себя посмотри, доходяга, – парирую я, смеясь. – Мы ведь дошли. Понимаешь, Валерка? Дошли.

Он останавливается и, тяжело дыша, смотрит в ту сторону, куда указывает рукой один из наших проводников. Мы видим знакомые очертания военного лагеря, родные цвета нашего камуфляжа и привычные силуэты отечественной военной техники. Наши!

Старший проводник приближается к нам и, прощаясь, пожимает нам руки. Его сухая, сильная ладонь словно генерирует силу и уверенность. Мы устало, но радостно улыбаемся, и наши проводники впервые за все время отвечают нам широкой белозубой улыбкой людей, честно и до конца исполнивших свой нелегкий долг. Как прекрасно, что они у нас были и что они провели нас через этот чертов Черный континент. Даже не через, а сквозь! Сколько же мы прошли, а точнее, сколько мы продрапали? Уму непостижимо! Я пытаюсь представить географическую карту и прочертить на ней подобие нашего

маршрута. Получается с трудом. В голове крутится только одна мысль – мы дошли. И что бы нам потом ни предстояло пережить, сейчас это было лучшее, что могло с нами случиться.

На десятый день после возвращения в лагерь я попрощался с Валеркой: за мной прислали самолет, и высокие штабные чины услужливо сопроводили меня до аэродрома. Полет, еще полет, потом еще один полет, и вот наконец после четвертой пересадки я лечу в Москву. Родной город встретил меня дождем, больше похожим на слезы от безысходности и боли невозвратных потерь.

Шеренга

С Валеркой встретиться мне больше не довелось. Военная судьба в лице его начальства могла забросить его куда угодно и с какими угодно целями. Надеюсь, что он остался таким же сильным и честным человеком, каким я знал его тогда, в середине восьмидесятых.

Борису предстоял долгий и нелегкий путь восстановления. Он с честью преодолел все трудности и, что самое главное, сохранил разум и не озлобился. Мой друг детства оказался сильным и цельным человеком. Через несколько лет после нашего приключения он удачно женился, в его счастливой семье растут дети. Мы видимся очень редко. Обычно в те дни, которые

означают что-то важное только для нас. Мы встречаемся практически в одном и том же месте. Мы почти не разговариваем во время этих встреч. Для нас важно просто увидеть и почувствовать друг друга, вернуться в то состояние, которое мы пережили много лет назад.

Мы молча пьем маленькими глотками крепкий сладкий кофе, сваренный в турке на горячем, слава богу, не африканском, песке, запивая его свежевыжатым соком лимона и грейпфрута. Эта гремучая смесь напоминает нам обо всем, что мы пережили. Я не спрашиваю, чем занимается Борис сейчас. Он тоже не задает мне подобных вопросов. Это совершенно не важно. Важно, что мы есть и что мы не забываем о тех событиях, которые через четверть века остаются в нашей памяти такими же значимыми для нас, такими же живыми, как и тогда. Встреча заканчивается так же скромно и просто, как и началась. Мы молча встаем и, глядя друг другу в глаза, крепко пожимаем руки. В этом рукопожатии и взгляде заключается все, и даже больше того, что мы могли бы сказать словами.

И только ком предательски подкатывает к горлу да сердце немного щемит каждый раз… Память не дремлет…

Гимн специальных частей

Когда идешь ты с группой на свинец,
Идешь, как взгляд сквозь прорезь капюшона,
И может, жизни настает конец,
А может, выход в сказку про шпиона.
Есть только взгляд и то тепло ствола,
Который в руки врос твои давно,
Есть только друг и песня от стола,
Прервать которую и смерти не дано.
И не дано нарушить этот строй,
Хотя друзей немало убивало,
Но каждый павший словно бы живой,
А память возвращает вновь к началу…
Мы долго не видали матерей,
И никогда всей правды не расскажем,
Ведь правду всю раскроют для людей
Тогда, когда в сырую землю ляжем.
Нас мало было в первом том ряду,
Мы часто выходили брат за брата,
Но взгляд я никогда не отведу,
Ведь будет за погибшего расплата…
Когда идешь один ты на свинец,
Шанель, Карден, за поясом Чезетка,
Не может жизни наступить конец,
Хотя цветы кладут на камень редко…
Спецчасти – это чудо света,
Разведаем, пробьемся, победим,
На все вопросы знать хотим ответы
И в бой всегда уходим незаметно,
Но Родины своей не предадим…

Дорога

Машина, казалось, замерла на одной из трасс, параллельной второму автобану Австрии, хотя стрелка спидометра показывала сто двадцать километров в час. Автомобили неспешно нагоняли мою машину и, подержавшись за нами пару минут, молниеносно обходили и скрывались за ближайшим поворотом. Нас было в машине трое. Музыка изливалась из динамиков в салон. Мы просто наслаждались *кусочком спокойствия*, вырвавшись из стремительного потока повседневности. Моросил мелкий дождь, но от этого настроение не становилось хуже. Мы просто смотрели по сторонам, восхищались красотой очередной вершины в этой стране бесконечных гор и замков, не случайно названной Бургенланд.

Мелодия очередной песни задела что-то внутри, и поток ассоциаций внезапно унес в прошлое на полтора десятка лет назад.

…Нас было в машине трое. Кондиционер спасал от нестерпимого зноя, хотя в любой момент грозил подарить что угодно в ряду от банального насморка до классического воспаления легких или жуткой болезни легионера. Легкий белый костюм не только гармонировал с белым цветом «мерседеса» и хоть чуть-чуть отражал натиск солнечных лучей, но и позволял воздуху циркулировать, проникая через свою льняную ткань.

От этого на душе становилось чуть легче и приятнее. Толстяк Мишель устало сидел рядом со мной и отчаянно пытался направить на себя струи холодного воздуха, совершенно бессильные против его кожаной куртки. Несмотря на жару и пот, обсыпавший его лоб, он категорически отказывался ее снимать. Я перестал уговаривать его *расчехлить* свое упитанное тело и только изредка бросал беглый взгляд на этого добряка с манерами комика.

Сзади, как обычно, дремал Джеймс, полулежавший на сиденье по диагонали. Каждые тридцать – сорок километров он просыпался, доставал свою заветную *бездонную* фляжку и, традиционно предложив ее нам и получив столь же традиционный отказ, делал один дозированно маленький глоток виски. Виски Джеймс пил, никогда не разбавляя и всегда стандартными глотками. Погода, политика, настроение, война, время суток и иные катаклизмы никак не влияли на этот процесс. Его состояние можно было определить девизом: «Социально – полупьян, профессионально – полутрезв». Короче, свои *«наркомовские сто грамм»* он доблестно принимал на грудь

ежедневно в тройном размере, не считая дополнительных доз за завтраком, обедом и ужином. Мужик был почти вдвое старше меня и Мишеля и принадлежал к породе *вечных сержантов*, чем, кстати, сам очень гордился. Но, имея этого вечного наемника у себя в тылу с его неизменной М-14 на коленях, я чувствовал себя более спокойно.

Первое время Мишель пытался отстаивать преимущества своей М-16 перед старушкой М-14 Джеймса, но тот со свойственной американцам прагматичностью упорно опровергал все доводы француза. А когда он достал и примкнул к винтовке уродливую батарею из трех соединенных скотчем обойм с увеличенным запасом патронов, Мишель виновато улыбнулся, попросил *у дяди* прощения и, поставив оружие между коленей, примирительно вздохнул.

Моя скромная безгильзовая Г-11 германского производства с четырьмя запасными магазинами по пятьдесят пуль в каждом в дискуссии не участвовала, а мирно дремала в чехле рядом со мной, по-видимому все уже окончательно решив для себя.

Мы ехали уже несколько часов по совершенно безлюдному шоссе. Ситуация напоминала школьную задачку для пятого класса, когда нужно было проехать от точки А к точке Б. Но ни время в пути, ни даже сама возможность осуществить подобную автопрогулку не поддавались измерению. Так сказать, классическая задача с неизвестными. Для нас крайне важным было решить задачу в один прием и, самое главное, без осадка в виде непредвиденных обстоятельств.

Продумывая *«операцию по убеганию»*, мы старались отработать все возможные варианты и шансы на успех каждого из них. Конечно, можно было собрать кулак из всех свободных на данный момент представителей вооруженного сообщества. Но скорость передвижения колонны и возможная утечка информации со стороны тех, кому было поручено нас обеспечивать всем необходимым, сводили на нет все наши усилия. Мы становились медлительной, плохо управляемой, хотя и сильно вооруженной, разношерстной и разноязыкой командой. Двигаться только этим составом было безумием. Нас просто поймали бы на одном из участков и усмирили одним кровавым махом.

Решение вызрело после нескольких часов обсуждения – разделиться на двойки и, взяв по одному человеку из числа приданных, но не местных лиц, просачиваться во все мыслимые и немыслимые стороны. Уровень риска был не меньшим, а вот вероятность проскочить заметно повышалась. К тому же противник должен был рассредоточить свои силы и искать нас по всем возможным направлениям, а определенная ограниченность

его сил в ближайшие два дня давала неплохие шансы на успех. Если мы промедлим хотя бы сутки, то на второй день противник утроит свои силы и расставить на нас сети будет намного проще. Сборы заняли всего несколько часов. Сопровождающих отбирали строго и только по признакам личного доверия и сложившихся отношений.

Проведя все отвлекающие и прикрывающие мероприятия, мы рассыпались в разные стороны, и каждый стал выбирать свой маршрут до намеченного в качестве конечного или промежуточного пункта.

Нас было в машине трое. Мотор ровно рокотал под капотом, приборы не вызывали тревоги. Автомобильный колдун Мишель, рассовавший всюду защитные щитки, вселял надежду, если преследующие не застрелят нас сразу, то, во всяком случае, достать выстрелами наш мотор им будет еще сложнее. Запас топлива был более чем с двойным перекрытием. Запаса питьевой воды и пищи было вполне достаточно на три-четыре дня. Главное заключалось в том, чтобы удачно преодолеть несколько критических пунктов на трассе. Если мы пройдем эти первые полтысячи с гаком километров и выскочим на побережье, то можно считать, что дальнейшее будет зависеть только от нашей машины. А вот если мы засядем на этом пустынном отрезке, то наши кости рассыплются в пыль от солнца и дождей раньше, чем их кто-либо обнаружит.

Я отогнал неприятные и настораживающие мысли. Сейчас мой отрезок пути и еще добрые пару сотен километров я должен думать только о дороге и вести нашу машину как можно быстрее и аккуратнее.

«Мерседес» то осторожно переваливался с боку на бок, перебираясь через препятствия, то вырывался на ровный участок и требовал сильнее давить на педаль акселератора. Временами облачка сухой жаркой пыли бросались на нас, словно бы стараясь остановить или сбить с дороги, и тогда я с волнением посматривал на приборную доску, не подползает ли стрелка термометра к угрожающей красной зоне. Но та, словно бы понимая волнение пассажиров, как исправный часовой стояла в желто-зеленом секторе, иногда заглядывая в розовую зону, но избегая соблазна сорваться в красный сектор.

Я мельком глянул на спидометр. Ого! За последний час мы буквально пролетели большой отрезок, миновав несколько выделенных нами критических зон. Мишель легонько шлепнул меня по плечу и одобрительно заулыбался. Джеймс поменял позу на более расслабленную, и опять, развалившись поперек сиденья, привычным движением извлек из-за пазухи свою заветную

фляжку. Мы с Мишелем улыбнулись и, как обычно, отказались разделить удовольствие с американцем. Джеймс понимающе кивнул, сделал свой мерный глоток, аккуратно закрыл фляжку и откинулся на спинку.

Со старым другом Бертраном Флаудером на полигоне в Европе

Машина, словно почувствовав, что выбралась на простор, рванулась вперед, уверенно набирая скорость. В машине нас было трое. Я не услышал никакого звука, как вдруг полоса пыльных фонтанчиков наискось пересекла дорогу в нескольких метрах от накатывающего автомобиля. Я сбросил газ и, резко вильнув рулем, нажал на кнопку: стекло стало опускаться вниз, в салон ударила жаркая волна воздуха. Вторая очередь, теперь уже слышная, прошла вдоль левого борта машины, не задев нас.

– Одиннадцать! – гаркнул Мишель, заметив предательские вспышки пулеметной очереди.

Нога сама утопила педаль газа до пола, и «мерседес», взбрыкнув своими тремястами лошадиными силами, пулей полетел по трассе. Промчавшись метров двести – триста, я резко затормозил, бросив машину к обочине, и схватился за свою пластиково-безгильзовую спасительницу Г-11.

– Все вон! – ору я непонятно на каком языке, но меня понимают.

Мишель рывком открывает дверь и толчком ноги распахивает ее. Я практически одновременно делаю то же самое. Ну конечно же – ведь школа одна! Что происходит с Джеймсом, я не знаю, но по движению сзади чувствую, что он уже на полу «мерседеса».

Дальнейшее происходит как бы не со мной. Мишель уже смещается в сторону двери, как вдруг из моей глотки вырывается звериное:

– Хальт!

Мишель скорее на генетическом уровне осознает, что происходит, и на мгновение замирает. В тот же миг мои ноги взлетают над его животом, отжавшись от скрипнувшего сидения, я пролетаю рядом с Мишелем, задев его щеку локтем, и скатываюсь в пыль под переднее колесо машины. Через мгновение Мишель всей своей тушей тяжело плюхается рядом со мной.

Очередная порция свинца почти одновременно дырявит машину от левого переднего крыла, задевает капот, лобовое стекло, место водителя и тонет где-то в заднем сиденье или багажнике. Мы с Мишелем смотрим в туда, где должен быть Джеймс, но около открытой двери его нет. Только в проекции заднего колеса в заднем крыле видны две дырки с вывороченным металлом.

Я сжимаю до боли зубы. Мишель с хмурым видом сопит, и в это время с другой стороны дороги мы слышим короткую очередь М-14 Джеймса.

Я чуть выползаю под колесо и, приникнув к окуляру прицела, сканирую каменную гряду, с которой ведется огонь. Еще немного правее, и вот я уже ловлю в перекрестье прицела голову и плечо человека, выглядывающего из-за пулемета странной формы. Анализировать его конструкцию нет времени. Пулемет дает короткую очередь в сторону Джеймса, и я даже не умом, а нутром чувствую, что следующая очередь пойдет в нашу с Мишелем сторону.

Еще немного, и перекрестье ложится на шейно-плечевую зону пулеметчика, палец мягко выбирает холостой ход. Только спокойнее – второй попытки может и не представиться. Но в это время опять грохочет винтовка Джеймса, и я вижу, как две или три рикошетирующие от камней пули разрывают шею и голову нашего противника. В прицеле видно, что часть головы просто оторвана и на камнях сзади пулеметной точки заметны буровато-красные пятна. Палец замирает на критической точке, но я не стреляю. Мы все втроем ждем, что последует за этим.

Джеймс свистит, я выглядываю и вижу, как он показывает мне жестами, что нам предстоит делать. Я поворачиваюсь и

повторяю эту пантомиму для Мишеля. Тот понимающе кивает и медленно приподнимается над капотом около передней правой стойки, выносит свою М-16 и ловит нужную зону в прицел.

– Вперед, – говорит он по-французски, и я отрываюсь от горячей пыли, уходя вправо от пулеметной точки.

Джеймс, увидев мое движение, пригибаясь, обходит точку слева. Мы осторожно огибаем гряду и почти одновременно приближаемся к ней. Джеймс чуть отстает и, увидев тело поверженного противника, кивает на него, а сам взбирается чуть выше и принимает обычную для него позу. Теперь моя задача – под прикрытием коллег осмотреть место.

Опасаться пулеметчика никаких оснований нет. Его смуглое тело, прикованное к пулеметному станку цепью за руку и за ногу, да к тому же почти обезглавленное, уже не представляет опасности, а вот опасаться его прикрытия или тех, кто его *«пасет»*, надо, и это серьезное дело. Если они приковали человека на такой жаре и заставили его стать смертником, значит, они могут выкинуть любой фокус или оставить веселенький «сюрприз».

Я приближаюсь к трупу и чуть поворачиваю его, чтобы удобнее было обыскать и осмотреть. Половина головы разворочена, и один закатившийся глаз, глядящий куда-то вверх и в сторону, выглядит совершенно неестественно. В нос ударяет сладковатый запах мозга и крови, которая очень быстро сохнет на солнце.

Стоп! На этом нельзя акцентироваться, иначе накатит дурнотворная, неконтролируемая волна отвращения. Я облизываю пересохшие губы и быстро обыскиваю костюм пулеметчика. Ну конечно, ничего нет. Карманы пусты. Только на шее болтается дешевая цепочка с серебряным медальончиком в виде кобры. Пуля, разворотившая шею, чудом не задела цепочку, и та осталась целой.

Я снимаю ее, отмываю от крови под струей воды из канистры, которая как раз оказалась под рукой.

Огневая точка приспособлена для длительного пребывания: маленький навес над головой стрелка защищает от палящих лучей, канистра с питьевой водой, запас сухой пищи на один-два приема, сигареты. Пачка сигарет очень дешевая, местная, еще не распечатанная. Значит, можно надеяться на какие-то следы. Хотя сейчас тащить из машины чемоданчик и собирать все вещественные доказательства совершенно не хочется. Зачем? Еще раз взглянув на убитого, я понимаю, что других интересующих меня улик нет.

Учиться, учиться и учиться!

Мой свист привлекает внимание Джеймса. Я показываю ему, что закончил. Он машет рукой в сторону машины. Я киваю и, опять описывая дугу, выхожу к месту, где затаился прикрывающий нас Мишель. Увидев меня метрах в двадцати от себя, Мишель убирает винтовку в салон и, дернув рычаг, открывает капот. Теперь дело за ним. Надо проверить, что могло

быть повреждено в моторе и чем это грозит.

Я смотрю, как Мишель колдует над движком, и понимаю, что сейчас ему никто не нужен. Еще раз осмотрев окрестности и удостоверившись, что движения или чего-то достойного внимания нет, я возвращаюсь опять к машине, приоткрываю дверь водительского сиденья и застываю как столб. У меня ком подступает к горлу, и я чувствую, струйки пота потекли по спине, по вискам и щекам.

Две пули продырявили стекло и прошли именно там, где я сидел, – одна продырявила насквозь сиденье и, пробив пол, ушла под машину. А вторая разворотила подголовник и, оставив большую рваную рану в открытом подлокотнике заднего сиденья, отрикошетила от стальной пластины, прикрывающей салон с тыла. Теперь, вся искореженная, она валялась на подушке сиденья.

Я глотаю застрявший в горле ком, нервно провожу по лицу ладонью, смахивая пот. Мишель хлопает крышкой капота и подходит ко мне. Проследив взглядом траекторию выстрела, он с пониманием качает головой и протягивает ладонь, как нищий, который просит подаяния. Я кладу в нее искореженную пулеметную пулю. Он посмотрел на нее и подтолкнул меня к машине. Я сел, осторожно повернул ключ зажигания. Мотор заработал практически сразу без какого-либо почихивания или перебоев.

Мишель занял свое место, и мы поехали не торопясь. Проехав метров пятьдесят, я чуть притормозил, чтобы направлявшийся к дороге Джеймс успел подойти к точке встречи. Когда он приблизился к шоссе, мы были от него метрах в двадцати. Осталось только слегка притормозить, и через секунду наш рейнджер оказался в салоне. Он деловито ощупал подлокотник, задвинул его внутрь спинки, ощупал изуродованный подголовник у меня за головой.

– Счастливчик, – обыденно произнес он и, как обычно, полез в карман за своей фляжкой.

Мы с Мишелем одновременно протянули к нему руки с немым вопросом в глазах. Он сразу понял, в чем дело, и это привело его в неописуемый восторг. Он гоготнул и вначале вложил фляжку в мою ладонь. Я сделал маленький, как у нас говорят, мерный глоток и передал фляжку Мишелю. Тот проделал ту же процедуру и вернул емкость с живительной влагой хозяину. Джеймс завершил процесс точно таким же глотком, убрал фляжку в карман и, стряхнув на пол осколки стекла и ошметки моего подголовника, поудобнее устроился на сиденье.

Обжигающая волна алкоголя прокатилась по пищеводу.

Захотелось потянуться и снять напряжение мышц. Я повел плечами, чуть напряг спину и ощутил, как напряжение понемногу начинает отпускать. Мыслями я постоянно возвращался к двум дыркам от пуль в лобовом стекле, окруженным сеточкой трещин, которые продолжали медленно удлиняться от сильной тряски. Но триплекс держался хорошо, и оставалась надежда, что мы доедем до места назначения с лобовым стеклом, а не в «полукабриолете».

В машине нас было трое. Дорога то была прямой, как стрела, то начинала судорожно петлять, словно металась из стороны в сторону. Мишель пару раз пытался сменить меня за рулем, но я упрямо качал головой, отметая его попытки. Сегодня я должен был сам довести машину до конечного пункта. Мишель понимающе кивнул и больше не возобновлял попыток отобрать у меня руль.

Впереди показалась развилка, после которой дорога, словно река, разделялась на два рукава, огибавших с двух сторон лесной островок, чтобы затем снова соединиться через несколько километров. Джеймс наклонился вперед, напряженно всматриваясь в заросли, Мишель контролировал правый сектор, я смотрел вперед и чуть влево от дороги. Машина продолжала мчаться вперед, ветер неприятно свистел в пулевых отверстиях на лобовом стекле, иногда постреливая через них в лицо песчинками. Подъезжая к развилке, я, подчиняясь внутреннему посылу, чуть вывернул руль влево, и мы вышли на встречную полосу.

Пассажиры отреагировали на этот маневр молчанием, и мы продолжили движение. Вдали показалось место соединения дорог в конце лесного островка. Деревья и кусты начали редеть. Вдруг вправо от нас промелькнули три серо-зеленые тени, и почти сразу раздалось несколько возгласов и послышалась беспорядочная стрельба. Пули засвистели позади «мерседеса». Одна или две чиркнули по багажнику, остальные либо застряли в стволах деревьев, либо унеслись в никуда.

В зеркало заднего обзора я увидел, как две бронемашины, проложив себе трассу через кустарник, выбираются на дорогу. Нога утопила педаль газа до пола. Мишель и Джеймс напряженно смотрели назад. Рейнджер готов был стрелять. Но я прекрасно понимал, что доводить до перестрелки нельзя: более сорока человек с автоматическим оружием и три тяжелых пулемета против нас троих – это более чем достаточно. Теперь все зависело только от скорости. «Мерседес», напрягая все свои силы, постепенно увеличивал расстояние между нами и преследователями. Броневики не могли тягаться с нами в скорости, но прямой участок дороги позволял им вести огонь.

Сзади раздались глухие звуки пулеметных очередей. Пули засвистели вокруг машины, заплясали по шоссе, несколько кусочков металла ударили в багажник. Но защитные керамические пластины, которые Мишель рассовал по всем углам, спасли нас. Джеймс, направив свой ствол в сторону стрелявших, прицелился, нажал на спуск и выпустил весь свой магазин с увеличенной емкостью. Посыпалось заднее стекло. Свист ветра стал еще слышнее, но пулемет на передней бронемашине на время смолк. Пока Джеймс, припав к сиденью, менял магазин, Мишель выпустил весь магазин из своей М-16. Затем Джеймс принял у него эстафету. Мы не видели результатов стрельбы, но старались заставить стрелявших спрятаться за бронированным бортом, чтобы не дать им вести прицельный огонь.

Нам надо было выиграть еще немного времени, чтобы уйти на извилистый участок дороги и скрыться за деревьями, которые его обрамляли. Мишель и Джеймс продолжали стрелять, сменяя друг друга. В ответ один только раз прогромыхала очередь, но расстояние было уже достаточно велико, и когда мы вошли в первый изгиб дороги, вздохнули с заметным облегчением.

В машине нас было трое, и торжествующее молчание было в этот момент самым красноречивым выражением нашего восторга. Мои руки словно срослись с рулем, увеличенный бак позволял не думать о дозаправке. Только раз Мишель, не отвлекая меня от дороги, переключил рычажок резервного бака, что позволило еще около четырехсот километров не думать о топливе.

Поздно ночью мы подкатили к тяжелым воротам угрюмого сооружения на окраине небольшого городка. Ворота открылись практически сразу, пропустив нас во внутренний шлюз, и тут же закрылись за нами. Яркий свет прожекторов, знакомые властные команды, внезапно выросшие у машин люди – все это было как в сказке. Проверка документов, идентификация личностей – мы воспринимали все это как праздник.

Самое главное, что мы добрались без потерь и что мы могли предъявить себя для идентификации сами, а не быть предъявленными кем-то для опознания. Когда все закончилось и нам принесли термос с ароматным кофе и бутерброды, мы, как дети, долго не могли унять вдруг нахлынувшей радости и с наслаждением поглощали все, что было приготовлено. Оказывается, мы были ужасно голодны. Или нам это тогда казалось? В довершение Джеймс достал свою фляжку, и мы разлили ее содержимое по трем кофейным чашкам. Поровну и по-честному. Посмотрев друг на друга, мы молча выпили. Только сейчас я почувствовал усталость после долгого дня и всех

сопутствовавших ему приключений. Мы были грязные, запыленные, измученные долгим ожиданием. Но мы были счастливы!

Теперь в машине нас было трое, как и тогда. Воспоминания петляли, как и дорога между горными хребтами, то убегая в тоннель, то вырываясь на равнину, то спускаясь в ущелье. Что спасло нас тогда? Профессионализм или удача? Я не знаю. И наверное, искать ответ на этот вопрос можно всю жизнь.

28.03–01.04.1999 года Вена – Пинкафельд – Зальцбург
Австрия

Отповедь генералу

Я вам уже писал, обиду
Пытаясь в строчках изложить,
Как ни смешно и просто с виду,
Но шанс вы даровали – жить.
Дитя политики и мести,
Охотник станет вдруг зверьком,
А на зловещем лобном месте
Курки ведь взводятся тайком.
И выстрел грянет из кармана,
Как разорвавшийся листок,
И струйка крови возле раны —
Как междометья между строк…
Здесь кто – кого, без компромисса,
Тебя иль ты, но весь секрет,
Когда у псевдотеррориста
Оружия в помине нет.
Когда враги в бессильной злобе
Тебя не могут зацепить,
Они по жанру «туполобья»
Способны только жечь и бить.
Все это – лютики-цветочки, —
Ты выдашь им сполна потом,
Ведь, доведя тебя до точки,
Они свинец глотают ртом.
А ты на страшном солнцепеке
В грязи, в крови, но ведь живой…
Восходит солнце на востоке,
И водку пьют в пути домой.
Ужасно сложно офицеру
На компромисс идти с собой,
Мы пьем за Родину и веру
В нее, за жен и за покой.
Чтоб наши дети в перспективе
Не отвечали за отцов,
Чтоб на тяжелой ратной ниве
Поменьше было подлецов,
Чтоб не стыдиться за Отчизну,
Чтоб верить в друга, как в себя,
Чтоб понимать других по жизни
И чтобы поняли тебя…

Одноразовый мальчик

Восточное солнце палило нещадно, словно стараясь изжарить все, на что падали его живительные и в то же время смертоносные лучи. Бесстрастное, абсолютно голубое небо без каких-либо цветовых примесей гигантским куполом нависало над морем и сушей, со спокойным безразличием взирая на земную суету, к которой оно уже успело привыкнуть с момента своего появления, как привыкает человек к суетливой деловитости муравьев. Не в силах постигнуть глубокого смысла их деятельности, он свысока наблюдает за происходящим, довольный своей милостивой снисходительностью.

Элегантный морской катер пришвартовался к причалу одного из многочисленных клубов, не привлекая особого внимания тех, кто мог это видеть. Капитан быстро оформил все необходимые бумаги, и пассажиры, как души, стремящиеся в рай, тщясь хоть ненадолго окунуться в ласковые воды теплого моря и подставить свои белые тела лучам солнца, чтобы увезти с собой его частичку в виде великолепного загара, радостной толпой высыпали на причал, тут же перекрыв проход багажом, типичным для отдыхающих.

Последним на берег сошел молодой человек латиноамериканского типа. Перед тем как ступить на трап, он, как и все, остановился около капитана и дружески поблагодарил его за хорошо сделанную работу. По крайней мере, так это виделось с берега. Но содержание короткого диалога осталось тайной для всех, кроме них двоих. Парень сбежал по ступеням трапа на причал и, забросив за спину сумку-рюкзак, подошел к полицейскому, который проверял документы прибывших. Улыбаясь как старому знакомому, парень протянул паспорт полицейскому. Тот, мельком взглянув на первую страницу, подмигнул туристу:

– Ну что, Мигель, опять на каникулы в пансионат дона Антонио?

– Конечно, ведь потом опять предстоит тяжелая студенческая жизнь, – подмигнув, ответил турист и отправился в сторону остановки автобуса.

Капитан лично проследил за уборкой на судне и, дав команде трехдневный отпуск, сам сошел на берег и отправился в город. Две безмолвные фигуры, отделившись от стены ближайшего к причалу дома, последовали за ним на расстоянии, достаточном, чтобы, оставаясь незамеченными, наблюдать за интересующим их человеком. Все это не ускользнуло от внимания юнги и старшего

матроса, которые обеспечивали пребывание своего командира на берегу. Началась захватывающая игра в кошки-мышки, но не детская, а для взрослых, которые отдались ей настолько, насколько позволяло им это делать их мастерство и умение рисковать безнаказанно…

Мигель вошел в знакомый холл пансиона и, как обычно, получив ключ и оставив портье паспорт для оформления, отправился в свою любимую комнату, которую снимал уже четвертый год подряд у веселого толстяка дона Антонио. Как и все испаноговорящие студенты, Мигель пользовался в пансионе солидными скидками. К тому же дон Антонио любил постоянных клиентов, и это позволяло сэкономить еще немного. Открыв сумку и быстро переодевшись, Мигель забрал уже оформленный паспорт и выскочил на улицу, бросив портье, что пойдет немного развеяться после путешествия с пуританами на недорогом, но больно уж скучном катере.

Никто из многочисленных отдыхающих в большом туристическом комплексе с множеством магазинчиков, кафе, баров, ресторанов, площадок для отдыха и развлечений не заметил появления еще одного туриста, одетого так же, как и все остальные, только менее загорелого, чем те, кто принимал солнечные и морские ванны на несколько дней или недель больше, чем вновь прибывший.

Время ужина подходило к концу, и последние посетители ресторана покидали пустеющий зал. Неброского вида, уже начавший седеть мужчина, с худощаво-скуластым лицом, принадлежавший к типу самцов, которые так нравятся перезрелым, но молодящимся женщинам, встал из-за стола. Сунув левую руку в карман брюк и держа зажженную сигарету в правой, он, не торопясь, вышел из услужливо распахнутых швейцаром дверей отеля и прогулочным шагом направился в сторону тенистых аллей.

Молодой человек быстро догнал прогуливающегося мужчину в узкой аллее и, обгоняя его, чуть замедлил движение. Едва слышная фраза утонула в шорохе листьев, которыми поигрывал теплый вечерний ветерок…

Через полчаса молодой человек подошел к одному из номеров туристического комплекса. Дверь перед ним открылась словно сама собой.

– Добрый вечер, Майк, – приветствовал молодого человека седоватый хозяин номера.

Очередная сигарета дымилась в его правой руке.

– Привет, Ник, – ответил молодой человек и огляделся по

сторонам.

Он оказался в уютном одноместном полулюксе. В ванной комнате громко лилась вода, шум которой перекрывали включенный на полную мощность в спальне телевизор, а также громко работающий в гостиной магнитофон со встроенным динамиком.

– Слушаю, Ник, – проговорил Майк, жестом приглашая гостя занять место в кресле и садясь в другое напротив него.

– Покажи свои документы, – строго, как учитель, делающий выговор нерадивому ученику, произнес Ник.

Майк вынул паспорт и протянул его человеку, ответственному за проведение операции. Пока старший всматривался в печати и подписи на страницах паспорта, младший старался обдумать ситуацию.

– Почему ты представил ложную информацию о пребывании в Европе? – спросил седоватый. – Где виза и подтверждение официального пребывания в стране? Ты что, думаешь, если тебе многое разрешено, то и спросить будет некому?

Тон вопросов был безапелляционным. Майк молча слушал собеседника, не прерывая его, а старший тем временем продолжал:

– Зачем ты притащил сюда всю команду морским путем? Нам только не хватало твоего вмешательства в вопросы планирования. И потом, что это за самодеятельность с оружием? По инструкции тебе это категорически запрещено. Ты что, хочешь спалить себя и всех, кто причастен к обеспечению операции?!

Майк почувствовал, как все внутри у него восстает против этих голословных обвинений в нелояльности и как ему хочется достойно ответить собеседнику, зло и больно уязвившему его самолюбие. Становилось ясно, что кто-то в их фирме копает под него. Но, во-первых, Ник представлял официальное ведомство и сам факт их встречи подвергал его даже бóльшей опасности, чем Майка. Во-вторых, Ник был из совершенно другого департамента, а это с самого начала ставило между ними непреодолимую преграду. В-третьих, Нику было поручено обеспечение операции, руководство ею и общий контроль над исполнителями, а следовательно, именно ему множество добровольных осведомителей из числа сотрудников их конторы спешило сбросить интересующую его информацию. Что называется, принести в клювике червячка и заработать у начальства очки для будущей карьеры.

Майк смотрел в лицо руководителя операции и продолжал молчать. Сейчас он абсолютно точно знал, что его прижмут только до известной степени, чтобы не провалить всю операцию.

Иначе вместе с его головой полетят головы таких крупных начальников, что на этом фоне таких офицеров среднего регистра, как Ник, вообще никто не заметит.

Это Майк понимал прекрасно, но, в отличие от руководителя операции, Майк обладал еще кое-какой информацией, полученной по линии своего департамента. И эта информация в комплексе со всем произошедшим еще раз подтверждала мысль о том, что на него пришел заказ и этот заказ выполняется, причем, как всегда, чужими руками. Партию эту разыгрывали небожители их конторы, а орудием своей воли они выбрали людей, которым по служебным обязанностям надлежало осуществлять контроль над расставленными на доске фигурами.

Майк зло ответил, что пребывание в Европе обеспечивалось другим паспортом и что информацию об этом можно запросить в центре. По поводу остальных обвинений в самоуправстве он предпочел взять вину на себя, слегка прикрывшись общими документами и директивами. Зачем давать лишнюю информацию человеку из параллельной команды? В его глазах ты, может, и станешь менее виноватым, но если тебя заказали там, на самом верху, значит, ты кому-то перешел дорогу, кому-то стал ненужным в бесконечном лабиринте государственных коридоров и кабинетов госаппарата.

Майк извлек из-под куртки уникальный пистолет, дающий значительные преимущества в случае боевого контакта с противником, и, разрядив его, передал Нику. Тот взял пистолет, используя носовой платок, за край рукоятки и отправил в пластиковый мешочек. Туда же перекочевали патроны.

– Ну и что прикажете теперь делать? Может, мне теперь самому сдаться и написать чистосердечное признание? Или вы, сэр, раздавите меня своим рапортом? – с обидой, смешанной со злостью, воскликнул Майк. – Четыре года напряженной работы, четыре года, потраченных на внедрение, – это что, все коту под хвост? Если мне не доверяют, то зачем тогда студент Мигель столько времени маячил в этих местах и сидел в этом дерьме? Чтобы в последний момент из него сделали преступника? Это что, нужно Дяде Сэму или кому-то, кто его представляет?

1980-е годы. Тир КГБ. ПБС – надежный знакомый

– Ты обязан строго выполнять инструкцию. Лично мне ты симпатичен рядом своих качеств, но порой ты берешь на себя больше, чем положено, – парировал Ник.

– Я всю жизнь создаю прецеденты, которых по большей части не было, и всю жизнь беру на себя слишком много, но именно за это мне и платят.

– Конечно, твой доллар намного длинней нашего. Но ты сам знаешь пословицу: закон суров, но это закон. Ты обязан действовать в соответствии с установленным порядком. Санкция на отступление от инструкции может поступить только оттуда, – торжественно произнес Ник, показывая пальцем в потолок.

Майк поднялся на ноги. Дальнейший разговор терял смысл. Его буквально трясло от негодования. В таком состоянии проводить операцию было крайне весело. Он еще раз внимательно посмотрел на невозмутимого с виду Ника. Сейчас важно было понять, включен ли он в ту цепь, которая разрабатывает Майка, или ему, как говорится, подкинули это поручение, чтобы он, как честный служака, спустил собак на строптивого мальчишку.

«Прорвемся», – подумал Майк и молча вышел из номера…

Настало время раздумий, хотя уходило это время с быстротой южной ночи. Собирать всю группу было нельзя, тогда надо было переходить на штатный вариант, а это означало стать

заложником тех, кто разрабатывал операцию, но сам в ней не участвовал.

Оставалось надеяться на свой опыт и Его Величество Случай. Машинально обдумывая состав микрогруппы, которая может быть задействована в операции, Майк, который опять стал студентом Мигелем, остановил свой выбор на капитане Томе. Этого человека он знал давно и доверял ему ровно настолько, насколько это позволяло использовать его в намечающейся смертельно опасной игре. Остальная команда, сплошь состоявшая из сотрудников специального подразделения морской пехоты с солидной специальной подготовкой, была ему плохо известна. И кто даст гарантию, что в ее составе уже не находится его личный *«санитар»* с маленьким персональным заданием? С такими тщательно спланированными сюрпризами он был знаком прекрасно.

Мигель остановился около телефонной будки и, бросив в автомат несколько монет, набрал номер. Когда на противоположном конце провода подняли трубку и послышалась знакомая трель автоматического переключателя линии, Мигель продиктовал несколько цифр и повесил трубку на рычаг. Теперь кэп получит сообщение о выходе в резервную точку, которая известна только ему. И если в условленное время Мигель не появится на первой точке, капитан будет переходить от одного контрольного пункта к другому по заранее отработанной схеме до тех пор, пока не встретится с Мигелем или пока не выйдет к последней контрольной точке, что автоматически означает свертывание операции. Теперь можно было возвращаться в пансион дона Антонио.

Его захватили сразу, как только он пересек порог своего номера. Захват был проведен массированно, бестолково и излишне жестоко. Пока четверо человек припечатали Мигеля к полу, трое безуспешно пытались надеть ему наручники. Причем двое выворачивали руки в разные стороны, а третий старался стянуть запястья и застегнуть браслеты. Наконец это удалось, и Мигеля в наручниках и с кляпом во рту, протащив по запасной лестнице в подвал, внесли в незнакомое помещение и бросили в кресло.

Мигель успел прекрасно изучить здание пансиона, но о наличии этой комнаты он и не подозревал.

В помещении, обставленном только большим столом и несколькими стульями, находилось более десятка мужчин, большая часть которых явно представляла категорию банальных исполнителей. Но четверо из присутствующих заметно отличались от остальной массовки.

«Да, парни, совершать террористические акты вы умеете, а вот грамотно произвести захват вас так и не научили», – подумал Мигель.

Вскоре к семерым боевикам, которых сложно было детально рассмотреть в полумраке, присоединился еще один. «Значит, всего вас двенадцать», – автоматически считал Мигель.

Последний вошедший подошел к толстяку, что-то сказал ему на гортанном языке. Толстяк одобрительно кивнул головой и повернулся к мужчине с европейским лицом, который поднялся из кресла, поставил на стол стакан с напитком и плавающими кубиками льда и приблизился к Мигелю.

– Хай, приятель! – приветствовал он Мигеля. – Как дела? Хорошо? Ну ничего, будет еще лучше.

С этими словами незнакомец неточно, но сильно ткнул Мигеля кулаком в живот. Мигель охнул и, скорчившись от боли, сполз с кресла. Отдышавшись и чуть приподнявшись с пола, он прижался к креслу и испуганно затараторил по-испански:

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Позовите дона Антонио, он знает меня уже четыре года. Я простой студент, я ничего не знаю. Просто я каждый год отдыхаю в этом пансионе. Чего вы хотите от меня?

– Заткнись! – рявкнул толстяк, вскочив с места, отчего его живот заколыхался, как желе, а тучное тело, словно отдельно от него, продолжило надвигаться на Мигеля.

«Ну вот и состоялось первое знакомство со знаменитым Ахметом и его гостеприимством», – подумал Мигель и в якобы порыве «инстинктивного страха» вжался в спинку кресла.

– Где твое оружие? – рявкнул Ахмет, а затем, повернувшись к застывшим боевикам, скомандовал: – Обыскать!

Двое крепких ребят обшарили Мигеля, но, не удовлетворившись этим, просто содрали с него одежду и, проверив все самым тщательным образом, молча повернулись к Ахмету, который, словно гора, возвышался над полуголым и распростертым на полу Мигелем.

Пинок ногой в живот опять согнул Мигеля пополам, а второй удар пришелся вскользь по носу, разодрав кожу. Однако перед глазами все поплыло, и Мигель предпочел «потерять сознание», его тело обмякло. Наклонившийся над ним боевик констатировал:

– Нокаут, босс, минут через десять – пятнадцать очнется.

Ахмет молча сел в кресло и уставился на европейца, который с виноватым видом застыл посреди комнаты.

– Ахмет, у меня абсолютно точные данные, – воскликнул он. – Я не знаю, как выглядит объект, но по косвенным признакам это

должен быть он. У него должен быть специальный пистолет, о котором я уже сообщал. Он не расстается с ним никогда. Я не понимаю, что происходит.

Ахмет передал документы Мигеля одному из своих боевиков и, шепнув ему что-то на ухо, отправил в только ему одному известном направлении. Через пять минут охранник вернулся в сопровождении дона Антонио, который молча положил перед Ахметом несколько журналов и небольшую папку. Ахмет углубился в изучение того, что ему показывал дон Антонио.

Завершив изучение материала, Ахмет кивком головы отпустил Антонио и поднял лицо на европейца:

– Ты что, безмозглый осел, нас хочешь подставить? Мы за что тебе платим деньги? Где оружие и документы, о которых ты говорил? Мы перевернули его номер и весь багаж. Этот студент вот уже четыре года с командой таких же полунищих приезжает в пансион, создавая нам прикрытие. Все документы и досье Антонио подтверждают это. Его виза истекает через неделю, а нам нужен как минимум месяц для завершения операции. А вдруг родственники этого голозадого мальчишки позвонят в посольство и те свяжутся с полицией? Ты понимаешь, чем это грозит? И убрать этого студента просто так мы тоже не можем. Мне проще ликвидировать тебя как шелудивого пса.

Ахмет в порыве гнева сбросил на пол бокал европейца.

– Я получил абсолютно точную информацию, – продолжал оправдываться европеец. – Ты же знаешь, Ахмет, моим источникам можно доверять. К тому же…

– Заткнись, шелудивый пес! – взревел толстяк. – Если шеф узнает, что мы не нашли всю группу, которая должна была нас ликвидировать, он ликвидирует нас сам. Но прежде я ликвидирую тебя!

Повернувшись к охранникам, толстяк приказал привести в чувство мальчишку. Когда это удалось и парень открыл глаза, то опять, вжавшись в кресло, испуганно затараторил свое. Это был стандартный набор фраз, призывавших незнакомцев забрать его скромные деньги и все, что они захотят, но отпустить «несчастного испанского студента» домой.

Когда же он увидел в руках одного из охранников шприц, то чуть не плача стал уговаривать пощадить его. Укол не дал результатов. После начала действия препарата парень все так же лопотал по-испански, но уже не реагировал на задаваемые ему вопросы. Он только замедленно повторял свои душещипательные просьбы пощадить его.

Толстяк, вконец озверев, влепил европейцу пощечину и приказал двум охранникам отвести его в одну из комнат «для

гостей».

Когда европейца увели, два других человека переглянулись и вопросительно посмотрели на толстяка, который от волнения взмок, раскраснелся и покрылся бисеринками пота.

– Мои люди обязательно найдут эту группу, – вскричал он в полном отчаянии. – Передайте боссу, что Ахмет держит свое слово.

Оба мужчины молча поднялись на ноги и, не говоря ни слова, вышли из комнаты, провожаемые поклонами толстяка и охраны.

Ночь уже полностью вступила в свои права, и черное южное небо с алмазной россыпью звезд нависло над раскаленной за день землей, даруя ей живительную прохладу. Секьюрити одного из отелей, обходя зону пляжа, высветил лучом своего фонаря что-то похожее на человеческое тело у самой кромки воды. Несколько секунд он колебался, ведь тело находилось за пределами его зоны, но потом все-таки перебрался за ограждение и осторожно приблизился к телу. Перевернув его, охранник увидел, что это молодой человек. В нос ударил сильный запах виски – парень был жив, но совершенно пьян.

«Да, – подумал охранник, – напился и полез купаться, расшиб нос, а мог бы и захлебнуться, еще пару часов – и прилив накрыл бы этого незадачливого пловца». Посветив вокруг, охранник нашел подтверждение своей догадке – вещи купальщика были аккуратно сложены на одном из лежаков и прикрыты полотенцем с эмблемой «Пансион Антонио». Охранник подтащил незадачливого купальщика к лежаку. Уложив несчастного, охранник огляделся по сторонам, словно кто-то мог увидеть его в кромешной тьме. Затем извлек из кармана брюк парня бумажник с тремя сотнями долларов. Почесав затылок, охранник извлек две сотенные купюры, а затем убрал бумажник на место и, прикрыв парня полотенцем, продолжил свой путь по обычному ежедневному маршруту, радуясь своей смекалке и удачливости…

Сознание медленно возвращалось к Мигелю. Холодный ночной воздух и морской бриз действовали освежающе, но в голове шумело. Саднила рана на носу, тело ломило, как при заболевании гриппом. В голове вихрем проносились картины недавнего прошлого и сюжеты далекого детства, перемешанные с любимыми фрагментами детских фильмов и сказок, со знакомым запахом бабушкиной сдобы и вкусом фигурного шоколада, который продавался в кондитерской в доме напротив.

Майк застонал, переваливаясь на бок и сбрасывая с себя полотенце. Затем он сел и, тупо глядя во тьму, стал вспоминать

все, что с ним произошло за последние сутки. Подняв к глазам руку с часами и нажав кнопку подсветки, он увидел, что скоро будет рассвет. Осмотрев вещи, Майк обнаружил в бумажнике единственную стодолларовую купюру и улыбнулся. Хорошо, что оставили хоть это. Хватит на такси и еще останется, чтобы заглянуть в бар. Паспорт оказался на месте, и это обрадовало еще больше.

С трудом преодолевая слабость и дурноту, Майкл оделся и медленно побрел по вязкому, сыпучему песку в сторону большого пустыря, в дальнем конце которого светились огни. Городок развлечений работал всю ночь: казино и бары, танцплощадки и уютные ресторанчики, маленькие магазинчики, набитые всякой всячиной, манили туристов. Майк шел медленно, покачиваясь. Несколько раз он останавливался и, мотая головой, словно раненный на корриде бык, старался собраться с мыслями.

Молодцы ребята, они вкололи препарат короткого действия и вдобавок влили добрую порцию виски. И теперь голова напоминала тикающий будильник за минуту до звонка, когда ты всеми силами хочешь досмотреть сладкий предутренний сон, но сознание неудержимо настраивает тебя на неминуемый звонок, подчиняясь которому ты должен вернуться из мира сонных грез в мир суровой реальности. Если бы он утонул во время прилива, то при вскрытии следов препарата, скорее всего, не обнаружили бы, а вот алкоголь в крови давал повод к классической и безотказной версии.

Майк несколько раз крепко выругался про себя и вдруг остановился и замер, удивившись очередной мысли, пробившей окутывавший сознание туман, как самолет, прорезающий плотный слой грозовых облаков. Болтанка, грозовые разряды и струйки воды, сбегающей по стеклу иллюминатора, остаются где-то позади. Перед тобой только ослепительно яркое солнце и бескрайняя синева неба, в котором парит стальная птица.

«Ник, мать твою, сукин сын, службист и буквоед, вечно контролирующий и надзирающий, вслепую натравленный на меня, жесткий и неуступчивый, но именно ты спас меня сейчас от гибели», – подумал Майк и тряхнул головой, как будто это могло ослабить действие фармацевтических препаратов.

С виски бороться легче, чем с тем, что вкололи эти сволочи. Хорошо еще, что препарат был легким или доза была небольшой, они просто хотели вытянуть информацию. «Да, – вернулся к прерванным размышлениям Майк, – не знаю, как сложится операция, но служаку Ника теперь придется поить виски и коньяком до гробовой доски или хотя бы до отставки».

Такси, которое Майк поймал на дороге, быстро довезло его до маленького пансиона дона Антонио, за которым открывалась чудесная бухта с множеством небольших пещер и подводных лабиринтов. Крепкий кофе и холодный утренний воздух постепенно делали свое дело. Мигель обошел пансион и осторожно спустился по крутому откосу в бухту. Можно было бы, конечно, воспользоваться лестницей, но вероятность натолкнуться на запоздалую влюбленную парочку, устроившуюся где-нибудь на живописной скамейке одной из площадок, заставила спуститься по более короткому и опасному пути.

США. Президент университета SMU доктор Пай с автором после окончания стажировки

Отыскав схрон с непромокаемым чехлом, Мигель сложил в него вещи, документы, теперь уже окончательно опустевший бумажник, кроссовки и вплавь добрался до небольшой скальной гряды, где в расщелине под камнями должны быть оставлены акваланг и движитель.

Плыть было очень тяжело. Если бы не движитель, Мигель вряд ли смог это проделать. Несколько раз Мигель всплывал и,

сняв маску, с жадностью глотал свежий морской воздух. Наконец после нескольких промежуточных остановок Мигель добрался до скоростного катера, покачивающегося на легкой морской волне. Мигель еще не успел дотронуться до борта судна, как сверху появился трап и две пары сильных рук подняли его на борт. Избавив морского пришельца от акваланга, члены команды помогли ему добраться до каюты капитана и молча удалились.

Том смотрел на своего молодого коллегу и, не торопясь, колдовал около современной кофейной машины. Тостер, деликатно щелкнув, предложил свежеобжаренные хлебцы, а уже приготовленный легкий завтрак говорил о том, что в порядке на судне можно не сомневаться.

Майк полулежал в удобном кресле, укутавшись в плед и отдыхая от всего пережитого. Укол, сделанный врачом, находившимся на судне, постепенно начинал оказывать свое действие, и Майк мало-помалу приходил в себя.

Закончив свои кофейные действа, Том вернулся к столу, неся две чашечки вкуснейшего напитка с потрясающим ароматом, способным вернуть к жизни даже покойника. Он внимательно выслушал историю Майка, пока готовил завтрак для себя и своего гостя.

– За мной следили в городе, Майк, – произнес Том, помолчав. – Мне кажется, что это не местные ребята. Почерк слишком жесткий и несколько демонстративный. Наши ребята отсняли кучу фотографий, взгляни, может, ты кого-нибудь узнаешь в этой восточной толпе. Я почти уверен, что это местные ребята, которых обучали наши коллеги или противники, но не местные. Слишком уж по-европейски они работают.

Майк посмотрел все фотографии и наконец нашел то, что несколько приподняло завесу тайны над всей этой историей. На трех фотографиях он увидел лицо того европейца, который присутствовал на его допросе у Ахмета, и лицо одного из охранников Ахмета.

– Том, это люди Ахмета и вот этого белого господина, который несколько подрихтовал меня во время дружеского разговора с нашим самым большим другом. Значит, за тобой был хвост? Как они себя вели?

– Они просто маячили у меня за спиной, а я, как истинный морской волк и полный сухопутный кретин, топал по своим делам, якобы не замечая их профессионального наблюдения. Я посещал только официальные организации по вопросам нашего пребывания здесь, а затем зашел в магазин и заказал кое-что из съестных припасов для команды. Надо было дать возможность ребятам отснять их и тех, кто крутился вокруг.

– Том, прикинь, что мы имеем по времени? Есть хоть какой-то запас? А то моя голова даже после твоего кофе функционирует с коэффициентом полезного действия парового двигателя.

– У нас есть только чуть более суток. Следующей ночью будет большой карнавал с фейерверком, маскарадом, большой увеселительной программой до рассвета. В твоем любимом пансионе будет пусто, так как все отправятся на центральную арену перед «Гранд-отелем». Думаю, что лучшего времени нам не найти. Если ты сможешь привести себя в порядок к следующей ночи, мы можем действовать, хотя по плану намечено, что мы должны атаковать в первой половине дня после карнавала.

– Пусть это делает тот, кто придумал этот план, а мы будем действовать по уму. Как говорится, дайте мне сделать ошибку, но это будет моя ошибка.

– Наша ошибка, – поправил Майка Том.

Два человека сидели в каюте катера и долго разговаривали, обдумывая свои действия на ближайшие сутки. Оба понимали, что большего шанса жизнь им может просто не дать.

Предотвратить операцию террористов превентивной ответной акцией было крайне необходимо, ибо, по имеющимся данным, готовящаяся операция террористов должна была затронуть интересы сразу нескольких государств с возможностью крупных «ядерных неприятностей».

Но Майку было также понятно, что какой-то бонза из спецслужб начал собственную игру и, возможно, решил дать террористам провести часть намеченных мероприятий с определенной для себя выгодой. Для этого одна из групп, которой поручалось обезглавить боевую организацию террористов, отдавалась на заклание. Это могло быть еще и результатом выявления внедрения в группу агента террористов, и тогда группа «стерилизовалась» в полном составе. Но Майк не исключал возможности планирования акции кем-то из руководства в своих личных интересах.

Они вышли к пансиону в половине третьего ночи против всех правил тактики и логики только вдвоем. Группа, расположившаяся неподалеку, должна была обеспечивать действия боевой двойки и поддержать их в начальной фазе операции прицельным залпом ручных ракетных установок.

Приборы ночного видения позволили провести рекогносцировку и приблизиться на необходимое расстояние к объекту. Расчет был прост: вдвоем вступать в бой с восемью боевиками-охранниками, толстяком Ахметом и тем европейцем, который из гостя стал заложником, было просто бессмысленно. В пансионе было более двадцати комнат и два этажа подвала.

Зачистить этот объем помещений вдвоем против десятка вооруженных и подготовленных людей было практически невозможно. Но второй и третий этажи здания были деревянными, внутренние коммуникации отопления и газоснабжения были старыми. Практически все комнаты, включая комнаты первого и подвальных этажей, были обшиты деревом. На это и был сделан расчет.

Основная группа должна была, по команде Тома, с двух сторон атаковать объект ракетными залпами. И когда в наушниках прозвучала кодовая команда, шесть ракет вонзились в боковую часть здания, а две прошили торцевую стену.

Пансион располагался отдельно от основной части большого курортно-гостиничного комплекса, к тому же, будучи построенным в нижней части лагуны, он был отделен от городских строений скальным выступом, который, как экран, гасил звуки боя. Да и к тому же веселящийся ночной городок сам производил массу шума, не говоря уже о салютах и фейерверках. Дым же и пламя горящего здания могут быть замечены только минут через десять после начала пожара. Значит, атакующие должны уложиться именно в это время.

Фосфорные языки пламени уже метались внутри здания, заставляя быстрее разгораться мебель и внутреннюю обшивку помещений, а взрыв газовых установок в районе кухни сделал практически невозможным отход в сторону моря. Впечатление было такое, будто разверзлось горнило ада: языки пламени из разорванных газовых труб вздымались к небу и могли отпугнуть любого смельчака, который попытался бы приблизиться к ним.

Двое первых охранников выскочили из двери пансиона: оглушенные взрывами, они совершенно не ориентировались в пространстве. На одном горела одежда, и он бестолково стрелял во все стороны. Второй, бросив оружие, схватился руками за голову и, неистово завывая, искал что-то на земле. Несколько выстрелов нападавших решили все их проблемы.

Том удачным выстрелом из подствольного гранатомета накрыл одного из боевиков, который, быстро сориентировавшись, выбил оконную раму и, выставив в проем пулемет, открыл неприцельный огонь в сторону нападавших. Граната взорвалась за спиной пулеметчика, изрешетив его спину осколками. Пулемет свалился вниз, а его недавний обладатель повис на подоконнике, не подавая признаков жизни.

Еще двое охранников, полуодетых и вооруженных только пистолетами, пытались пройти через сектор Тома, но были остановлены скорострельной автоматической винтовкой с контейнерным магазином.

В проеме двери мелькнуло толстое лицо Ахмета. Двигаясь с небольшим опережением, Ахмета прикрывал телохранитель. Как только плечо охранника появилось в дверном проеме, Майк нажал на спусковой крючок, и телохранитель Ахмета кубарем отлетел к стене и сполз по ней, оставляя за собой кровавый след. Ахмет дал длинную очередь из автомата и бросился в сторону от Майка, направляясь в сектор Тома. Его белая рубашка навыпуск была хорошо заметна в свете пожара. Майк опустился на колено и поймал спину Ахмета в оптический прицел. Несмотря на свою тучность, Ахмет двигался быстро и уверенно. Майк нежно потянул спусковой крючок, но в последнее мгновение перед его выстрелом раздалось несколько глухих хлопков, и Ахмет, словно наткнувшись на невидимое препятствие, остановился, выпустив автомат из внезапно ослабевших рук. Кто-то из участников нападения в нарушение инструкции несколькими снайперскими выстрелами поразил ненавистного лидера боевой группы террористов. В следующее мгновение Ахмет, перерезанный пополам очередью Майка, тяжело рухнул на землю и замер без движения.

Остальные охранники, которые располагались в комнатах каменной части здания, обезумев от пожара и взрывов, пытались выпрыгнуть в окна прямо под свинцовые градины автоматической винтовки Тома.

Том и Майк, закрыв лица масками, проникли в холл первого этажа. Обшивка горела, и действовать надо было с максимальной быстротой. Проскочив задымленный холл, группа спустилась на ярус технических служб и стала методично *прокатывать* комнату за комнатой. Открыв очередную дверь, они по очереди бросали внутрь гранату и, дождавшись взрыва, осматривали помещение. Затем, прикрывая друг друга, менялись местами и так продвигались по коридору. В четвертой комнате почти одновременно с взрывом осколочной гранаты раздались крик и ругань. Том и Майк ворвались в комнату и увидели старого знакомого Майка – европейца. Осколки гранаты посекли ему обе ноги и правое плечо. Гостеприимные хозяева пристегнули своего бывшего коллегу наручниками к стальной раме, вмонтированной в стену.

– Не стреляйте, – по-английски закричал мужчина. – Без меня вы все равно не выберетесь из этой истории. Вас уничтожат, как мух. Вытащите меня отсюда, и я включу вас в нашу команду. Это не просто огромные деньги, это невиданная карьера и огромная власть! Вы ведь все одноразовые! Вас ведь используют, как презерватив в публичном доме, а затем выбрасывают со всей начинкой, чтобы заменить на новый для нового клиента.

Вытащите меня, и я изменю вашу жизнь. Вы будете в обойме людей, которые принимают все решения! Вытащите меня отсюда!

Майк стоял чуть в стороне от Тома, с ненавистью глядя на предателя: обоим было ясно, что перед ними один из высших руководителей конторы, в которой служил Том. За свою жизнь они уже успели повидать нескольких таких подонков. Майк приблизился почти вплотную к кричавшему мужчине, сделал несколько крупных снимков его лица фотоаппаратом с хорошей программной начинкой и, приподняв маску, посмотрел ему прямо в глаза. Мужчина осекся на полуслове и с недоуменным видом впился глазами в лицо Майка:

– Ты жив? Ты… Ты… – Он не мог выговорить то, что хотел.

На его лице отражалась вся гамма чувств – от крайнего страха до изумления и надежды выпутаться из этой безнадежной ситуации. Майк направил на него свой «Хеклер и Кох» и со словами «No comprendo, amigo» [3] несколько раз выстрелил предателю лицо.

Группа быстро выскочила из здания, все более и более охватываемого всепожирающим пламенем, покинула место боя и, погрузившись на свое судно, вышла в открытое море. Майк проверил все гильзосборники и, убедившись, что ни одна гильза не была потеряна бойцами в бою, выбросил за борт теперь уже ненужные и ставшие неопасными железки.

Судно шло всю ночь на предельной скорости, меняя направление движения и включив всю возможную аппаратуру, препятствующую пеленгации их судна радарами. После выхода в намеченный район Майк вышел в эфир и передал два сообщения: первое – об успешном завершении своего этапа операции, об отсутствии потерь со стороны его группы, и второе – об участии в составе боевой группы Ахмета представителя одной из спецслужб. Включив в компьютерное сообщение снимки, сделанные на поле боя, Майк повторил сообщение на трех запасных каналах и, дождавшись подтверждения о приеме сообщений и качестве расшифровки видеосообщений, со спокойной совестью зашифровал программу на отдельном мини-диске.

Майк извлек секретный мини-диск из дисковода компьютера и, опечатав его в фольгированном водонепроницаемом пакете, отправился в каюту Тома, где располагался сейф со всей секретной информацией и системой самоуничтожения, которая включалась в случае малейшей опасности или сбоя в системе набора кода.

Том, как обычно, молча предложил Майку сесть в одно из двух удобных кресел, стоявших около его стола, а сам начал колдовать около своей любимой кофейной машины. Когда

кофейный ритуал был закончен, Майк положил на стол фольгированный пакет с секретным диском. Том отрицательно покачал головой и придвинул пакет обратно Майку. Тот поднял голову и вопросительно посмотрел на своего более старшего коллегу.

– Послушай, Майк, – обратился к собеседнику Том, впервые открыто называя его настоящим именем, хотя до этого именовал его только в соответствии с инструкцией – Мигелем. – Я знаю, что за нами охотятся. Всю ночь я гнал судно и фиксировал на своих приборах все типы сигналов. Утром, когда ты передавал сообщения в Центр, я проанализировал ситуацию. Майк, нас ведет кто-то из наших же, но не с целью подстраховки. Наша сверхмощная станция поймала несколько сигналов шифром ВМФ после того, как нас зафиксировали их пеленгаторы. Кроме того, сразу же после твоей передачи они повторили свои сигналы шифром ВМФ с уточнением наших координат. Но самое главное в этом то, что первая часть сообщения совершенно идентична ночному сообщению. Ты понимаешь, что это означает? Они приказали ликвидировать нас в открытом море, уточнив наши координаты. Здесь вступают в свои права большая политика и очень большие деньги. Ребята ничего не знают, я стал сомневаться – не у нас ли поставлен жучок? Поэтому я высажу тебя через водолазный шлюз под моей каютой. Через час хода ты получишь сигнал и покинешь судно. Торпеда запрограммирована на нужное направление, и если не будет никаких неожиданностей, тебе должно хватить двух запасов кислорода до нужного места. – Том показал гряду небольших островов на карте. – Вот здесь ты найдешь небольшой катерок, но с хорошим ходом и все необходимое для швартовки в любом самом элитном морском клубе. Тебе останется только внести свои данные в документы.

Том подошел к сейфу и достал еще один герметичный пакет, аналогичный тому, который держал в руках Майк.

– Этим ты распорядишься по своему усмотрению. Мой код я начертил на верхней панели диска.

Майк хотел спросить Тома о том, что же будет с ним и с ребятами, но Том жестом остановил своего друга.

– У меня только одна просьба, Майк, – помоги моему сыну. Он через год заканчивает нашу школу. Для молодого офицера очень важно знать, что рядом есть человек, который сможет помочь ему в трудную минуту. Все свои денежные средства после смерти жены я завещал ему. Теперь у меня никого нет, кроме сына. Это все, о чем я прошу. Об остальном не беспокойся. Но если ты не вылезешь из этого дерьма и не отправишь к праотцам

всех этих подонков в черных лимузинах и сержантов в генеральских погонах, которые торгуют нашими жизнями, то я и на том свете доберусь до тебя и скажу тебе все, что я о тебе думаю.

Том еще раз заварил свой прекрасный кофе и, когда они с Майком насладились прекрасным напитком, вырвал шнур из своей любимой кофейной машины и убрал ее в один из ящиков.

Они молча поднялись из-за стола. Майк спустился в отсек под каютой, облачился в гидрокостюм, навесив на себя двойной запас кислородных баллонов, уложил в специальный контейнер фольгированные пакеты с дисками, документами и деньгами и, дождавшись сигнала от Тома, покинул судно через специальный люк. Торпеда, работающая от электробатареи, которые включались при намокании в морской воде, подчиняясь заданной программе, понесла Майка навстречу новым неожиданностям.

Месяц спустя в зале одной из крупнейших европейских библиотек, углубившись в изучение газет, сидел молодой человек. СМИ четырех стран, приписывая успех своим замечательным спецслужбам, сообщали о разгроме одной из опаснейших боевых террористических групп с международным составом и длинным шлейфом совершенных ими преступлений. Особенно внимательно молодой человек изучал американские газеты, которые подробно описывали события, которые последовали за ликвидацией опасной группы террористов. По информации журналистов, которую те добыли в результате опаснейшего расследования, сообщалось, что в контактах с террористами оказались замешаны высокопоставленные сотрудники некоторых спецслужб и несколько известных политиков. Правительства практически большинства стран осудили подобные факты и одобрили жесткие и эффективные действия правоохранительных органов и спецслужб, которые смогли ликвидировать все щупальца огромного спрута и поразить его политический центр.

Особенно подробно описывался бой, который вели катера специальных сил ВМФ с быстроходным катером террористов, пытавшимся скрыться в просторах океана. Слаженные действия моряков позволили предотвратить уход быстроходного судна и блокировали его в нейтральных водах. После предупредительного залпа бортовых орудий судно остановилось и почти в тот же момент было взорвано самой командой. Никто из находившихся на борту не выжил после страшного взрыва, который разнес судно на мельчайшие части.

Майк прикрыл лицо рукой, и горячая волна гнева прошла по

его телу. Том Хамильтон, кадровый морской офицер, уничтожил себя вместе с командой для того, чтобы он, Майк, смог реализовать добытую информацию!

Газеты публиковали и фотографию того мужчины, которого Майк снимал в подвале пансиона Антонио. Им оказался высокопоставленный чиновник европейского отдела весьма солидной секретной службы, который давно запутался в финансовых аферах и оказался тесно связан с теми, против кого он должен был бороться.

Шанхай. С мастерами тайцзитуйшоу полковником Гао и генералом Ции

Все были довольны своими действиями, все старались представить себя как самых ответственных исполнителей данной акции. Майк с интересом прочитал два интервью с *«непосредственными участниками акции»*, имена которых, по известным соображениям, не сообщались. Майк улыбнулся, читая газетную ахинею и небылицы о количественном составе, задействованном при исполнении акции, и о том героизме, который проявили вымышленные участники описываемых событий. Ему стало смешно и до боли обидно. Смешно от идиотизма и беспринципности борзописцев, которые столь безапелляционно выбрасывают на страницы своих малопочтенных изданий сенсационные материалы, о которых сами не имеют ни

малейшего представления. А душу разъедали боль и обида от невозможности расстрелять, как предателей, и тех, кто выливал эту ложь на страницы прессы, вместе с теми, кто слил эту информацию нечистоплотной журналистской братии. Хотя и первые, и вторые тоже являются «одноразовыми изделиями» для тех, кто завтра снова готов пойти на подлость и сделать в угоду своим интересам сегодняшнего героя предателем или преступником.

Майк с усталым видом закончил свою работу, собрал копии интересовавших его материалов в толстую папку и поднялся из-за стола. В большом зале библиотеки собрались самые разные люди, стремившиеся припасть к многочисленным источникам знаний и познать окружающую действительность с помощью чужих мыслей и соображений. Однако Майк был представителем другого, тайного мира, который существовал параллельно с миром читателей библиотеки и никак с ним не пересекался. Так было, так есть и так будет всегда!

Он сдал подшивку вежливому библиотекарю и вышел на многолюдную улицу. Лучи солнца ласкали его лицо, манили к себе столики многочисленных кафе. Люди спешили по своим никогда не кончающимся делам, не обращая внимания на окружающих, чуждые всему, что не связано с их личными интересами. Каждый существовал сам по себе и жил для себя. Так было, так есть и так будет всегда…

Майк медленно шел по улице и думал о своем будущем, ему необходимо было разобраться в себе и решить, какую же роль он будет в нем играть. Свои обещания, данные Тому и самому себе, он выполнил, но опять быть *«одноразовым мальчиком»* в чьей-то игре он не желал. Эта роль и эта судьба его не устраивали. Значит, ему предстояло найти для себя ту роль, которая не противоречила бы его внутренним убеждениям и которая могла бы влиять на его собственную судьбу. Трудная задача!

Майк прекрасно помнил высказывание Ларошфуко: «Люди часто жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум». Значит, ответ надо искать в своем разуме, который неминуемо найдет в пространстве ту точку, которая и будет лично для него началом нового исчисления времени.

Воспоминания о юности

Участникам известных и неизвестных военных конфликтов и боевых действий 70–80-х годов XX века посвящается

Наше счастье от нас не умчалось,
Воплотившись в детей и дела.
Жизнь прикрыла в бою и осталась
И по жизни вперед повела…
…В этом ужасе дыма и боли
Мы искали идеи свои.
В этом ужасе страха и воли
Посерьезнели взгляды мои.
Мы мальчишками в бой уходили,
Не скрывали от смерти лица,
Авантюрно и рано женились,
Открывая для жизни сердца.
В авантюрности и прямодушии
Мы ковали карьеру свою,
Твердо верили – все будет лучше,
Оказавшись во встречном бою.
И в любви мы черпали удачу,
Всё Отечество в бой нас вело
Не за орден, квартиру и дачу —
Чтоб в бою без потерь всё прошло…
Мы оплакивать смерть не умели,
Только под ноги прятали взгляд.
Когда залпы надгробно гремели,
Вновь плотнее смыкался отряд.
Четверть века прошло без остатка,
Нас осталось – всего ничего.
Словно юности нашей загадка,
Всё стремительно в жизни прошло.
Мы сегодня в ином измерении,
В окружении взрослых детей,
Только память не любит забвения,
Как отказа от вечных идей.
В нашем счастье удача простая,
Пронеся сквозь борьбу свой запал,
Раны медленно, но заживают,
А от жизни никто не устал.

Авантюрно, наивно и просто
Мы стремились к победе своей,
А теперь так же тонко и остро
Ощущаем взросленье детей.
Наше счастье от нас не умчалось,
Воплотившись в детей и дела.
Жизнь прикрыла в бою и осталась
И по жизни вперед повела…

06.04.2008

Возмездие?
Повесть

Мир профессиональной деятельности спецслужб сложен и по-своему красив, словно замысловатый узор, начертанный морозом на оконном стекле зимой, или тончайшая паутина, системно сплетенная из длинных и коротких нитей пауком-виртуозом. Но одновременно мир профессионалов – это мир ограничений и схем, мир шаблонов и психологических комплексов, мир бесконечной череды растянутых во времени трагедий и коротких остановок безудержной радости. Каждый из живущих на планете Земля может ступить в этот мир, выбирая свою стезю. Но можно пройти по ней осторожно и не слишком далеко, оставшись на всю жизнь неплохим любителем. Однако когда ты бросаешь ради достижения поставленной цели что-то дорогое сердцу и отрекаешься, чтобы продвинуться по избранному тобой пути, от чего-то очень важного, то, становясь профессионалом, неизбежно теряешь многое из того, чем природа изначально одарила человека.

Профессионалы специальных служб – это всегда очень сложные люди. Их психика и мышление настраиваются на как можно более изощренное и эффективное выполнение поставленных перед ними порой практически неразрешимых задач. Но при этом многие из этих людей незаметно теряют ряд важных человеческих качеств, как бы превращаясь в профессиональных людей-роботов, с той лишь разницей, что у этих живых существ, нацеленных на решение своих сверхзадач, порой неожиданно и болезненно проявляются простые человеческие чувства. Но это происходит, как правило, потом и постфактум…

Джон присел на скамейку возле давно знакомого сквера и устремил свой взгляд на небольшой стандартный семейный домик, какие в великом множестве можно встретить практически во всех европейских странах. Он каждый год приезжал сюда, чтобы еще раз посмотреть на того, кто должен был пасть жертвой неотвратимого возмездия, в роли карающей руки которого должен быть выступить именно Джон. Но однажды не сделав этого шага, теперь он наблюдал за происходящим со стороны.

Джон давно изучил расписание местного почтальона и график работы почты. Вот сейчас из-за угла появится велосипед, на котором восседает колоритный бельгиец в униформе, с лихо

закрученными усами и с неизменной улыбкой, отражающей его внутреннее состояние гордости за наличие престижной работы, за почет со стороны окружающих, за то, что он приносит новости и помогает людям соединиться, передавая их весточки друг другу.

В давно установленное время велосипед выкатился из-за угла и, дав два звонка, медленно двигался от дома к дому, останавливаясь на короткое время и оставляя газетные свертки и вытянутые прямоугольники евроконвертов. Обмениваясь с получателями несколькими фразами и как бы реализуя свой *дипломатический протокол,* почтальон доехал до того дома, на который был устремлен взгляд Джона. Уже стареющая, но не лишенная былой красоты холеная женщина вышла на крыльцо и неторопливо подошла к калитке. Почтальон приподнял фуражку, приветствуя мадам, и передал ей только один конверт из плотной бумаги, нехарактерной для данных почтовых отправлений формы.

Наскоро попрощавшись с почтальоном, женщина поспешила вернуться в дом. Буквально через несколько минут после того как она исчезла за порогом, дверь вновь открылась и выпустила инвалидную коляску, в которой сидел мужчина. Его глаза, полные страха и ожидания, торопливо ощупали пространство перед собой.

На площадке в сквере напротив дома, как обычно, было много народу. Дети шумно играли в свои бесконечные игры, а взрослые обсуждали свои бесконечные проблемы. Никто не обращал внимания на перепуганного мужчину, прикованного к инвалидному креслу, с бледным, нездоровым, подергивающимся от страха лицом. Когда-то это лицо подергивалось так же, но только от возмущения, и многие люди боялись этого нехорошего признака, означавшего крайнее недовольство некогда очень высокопоставленного чиновника. Теперь же этот страх, отразившийся во всем облике беззащитного человека, передавался его рукам с нервно дрожавшими пальцами, которые никак не могли найти себе места. То они ложились на обод колес, то теребили кожу подлокотников, то поправляли складки брюк, то пробегали по пуговицам вязаного кардигана.

Женщина вышла вслед за своим мужем через некоторое время, держа в руках распакованный конверт. Они уже знали, что каждый год в определенные дни они получат точно такие же конверты с одним и тем же содержанием.

В конверте всегда была одна и та же фотография, изображавшая несколько счастливых семей, вот только лица отцов семейств были обведены кроваво-красными кругами, и над каждым были написаны даты рождения и смерти. Дата смерти у всех была одна и та же.

Конверты приходили именно в этот день, который был одинаково траурным для всех изображенных на фотографии семей, как, впрочем, и в дни рождения каждого из изображенных мужчин. Кроме того, зловещее напоминание поступало к инвалиду во все праздничные дни и в дни рождения каждого члена семей погибших – как неотступное напоминание о том, что случилось несколько лет назад, – каждый раз вызывая у прикованного к коляске мужчины приступ панического, животного страха.

Привыкнуть к этому было просто невозможно, как невозможно было с этим бороться. Семья инвалида уже трижды меняла место проживания, но конверты неотступно следовали за ней, и невозможно было укрыться от тех, кто отправлял эти зловещие напоминания. Семья пыталась выбрасывать конверты, не вскрывая их. Но после нескольких таких случаев конверты вдруг сами оказывались на столе в закрытом доме или попадали к соседям и местной администрации, что приводило к немедленной изоляции и требованиям уехать из этого места.

Наконец, после четвертого переезда инвалид и его близкие смирились со своим положением и только ожидали, что же последует за каждым из вновь прибывших пакетов. Все разговоры, все мысли их были заняты только этим. Выросшие дети, подававшие такие надежды в юности, очутились за бортом публичной жизни и большой политики, в которой их отец некогда играл не последнюю роль.

Дочь, потеряв престижную работу, а вместе с ней и завидного жениха из благопристойной семьи, вышла замуж за первого подвернувшегося под руку человека, оказавшегося спившимся неудачником, и, прокляв родителей, навсегда порвала всякие отношения с ними.

Сын поплатился карьерой офицера, будучи отдан под суд за *незначительную провинность,* скрытую в свое время от общественности благодаря вмешательству всемогущего отца, но мгновенно всплывшую, как только папа оказался в глубоком политическом нокауте, возненавидел родителя и только изредка посылал матери открытки на Рождество, напоминая о своем существовании.

Особняк с тремя и более десятками комнат и солидными пристройками на великолепно оформленной территории прилегающего парка пришлось сменить на маленький домик, типичный для среднего европейца с более чем скромным достатком. Все рухнуло, жизнь остановилась. Бесконечные судебные издержки и постоянные иски истощили банковские счета. Бывшие политические союзники и друзья мгновенно

отвернулись от политика с подмоченной репутацией и, что самое главное, попавшегося на своих «мелких шалостях».

Теперь те, кого он предал и отправил на тот свет, мстили, постоянно напоминая о прошлом. А оставшиеся в живых постоянно находились где-то рядом, готовые в любой момент добавить к тяжелым моральным и физическим страданиям еще новые, неизвестные, а поэтому еще более болезненные переживания, усиленные постоянным ожиданием неизбежного возмездия.

Сегодня был день рождения мужчины в инвалидном кресле. В этот день его жена больше всего боялась звонков и всегда с опаской смотрела на телефон. Трель аппарата показалась ей сиреной воздушной тревоги. Женщина сорвалась с места и бросилась в комнату, где стоял телефон, а мужчина, беспомощно глядя вслед жене, еще больше сжался, стараясь стать незаметнее, так ему хотелось слиться в единое целое со своим инвалидным креслом и, может быть, исчезнуть в нем навсегда.

Тишина в трубке была зловещей. Женщина положила трубку на столик и, вернувшись на крыльцо, вкатила коляску с мужем в комнату. Подкатив коляску к телефонному столику, она протянула мужу трубку и, обратившись в слух, присела на краешек стула.

Мужчина поднес трубку к уху. Абонент на другом конце провода молчал. Мужчина весь съежился, лицо его стало покрываться пятнами, на лбу выступили бисеринки пота. Он несколько раз нервно сглотнул слюну, заполнившую вдруг рот, сердце его учащенно и неровно забилось. В какой-то момент он нервно заморгал и, сорвавшись, истошно прокричал в трубку:

– Я ничего не забыл! Я все помню! Я не могу так больше жить! Оставьте меня наконец в покое или убейте, но я не могу так больше мучиться! Я уже заплатил их семьям все, что мог, у меня больше ничего нет! Вы понимаете, у меня больше ничего нет! Вы уже разрушили всю мою жизнь!

На том конце провода сдержанно кашлянули.

– Нет-нет, простите, я… – осекся мужчина в инвалидной коляске и запричитал: – Я сам виноват во всем! Это я сам разрушил свою жизнь и жизнь своей семьи. Но я уже схожу с ума, это невыносимо! Простите меня! Сжальтесь хотя бы над моей женой! Она же ни в чем не виновата! Простите меня, я молю вас, пожалуйста, простите меня…

Его речитатив сменился всхлипываниями, а потом нервным припадочным кашелем – первый признак нового приступа, который укладывал мужчину на несколько недель в постель, отнимая остатки здоровья и приближая неотвратимый финал.

На том конце провода раздались короткие гудки…

Джоржа нашли мертвым с простреленным затылком. Бланка застрелили в автомобиле на автостоянке, где он планировал оставить машину перед посещением супермаркета, Майкла застрелили в его офисе. Марсель получил пулю в аэропорту, где встречал жену…

Страшные новости поступали одна за другой на протяжении нескольких суток, и Патрик, который отвечал за вопросы внутренней безопасности и оперативного прикрытия сотрудников подразделения, был белее своих скандинавских волос. На него было просто страшно смотреть. Такого не помнил никто из работавших в фирме. Четверо сотрудников были ликвидированы в различных странах практически в течение *сорока восьми часов*.

Особо настораживающим во всем этом деле было то, что все они работали над одной проблемой и входили в особую группу по расследованию деятельности ряда сотрудников полиции, злоупотреблявших своими должностными полномочиями и сотрудничавших с членами террористических организаций. Вся группа была ликвидирована! Были потеряны опытнейшие сотрудники, которые сами разрабатывали и осуществляли операции внедрения, преодолели множество препятствий на избранном пути, в течение нескольких лет успешно продвигаясь к поставленной цели.

Погибли люди, остались сиротами дети, потеряли сыновей матери и мужей жены. Трагедия была столь внезапной и ужасающе непоправимой, что сотрудники фирмы в первый момент без единой мысли уставились на гладкую поверхность большого стола в кабинете Шефа, с трудом переваривая страшную новость, которую сообщил Патрик. Ему было поручено информировать коллег, которые имели допуск к данной операции, и предложить ряд мер по реагированию на происшедшие события.

Когда совершенно бледный и изможденный двухсуточным недосыпанием Патрик закрыл папку со зловещими данными, а проектор погас, как бы извиняясь за те кадры ужаса, которые ему только что пришлось демонстрировать людям, казалось, что молчанию не будет конца. Наконец Шеф прервал тягостное молчание и, распорядившись провести штатные мероприятия по закрытию направлений и временной консервации ряда программ, отпустил сотрудников на полсуток для подготовки всей необходимой документации и последующего доклада.

В твердом мужском голосе, раздававшемся в телефонной

трубке, звучали издевка и сарказм. Говоривший, не считая нужным сдерживаться, изливал на Шефа весь свой гнев, обвиняя, требуя, настаивая. Пожилой солидный мужчина с кротостью провинившегося школьника выслушивал обвинения опытного политика, понимая, что ничем не может ответить на необоснованную грубость и несуразные претензии. Но ситуация была столь критичной, что погружаться в переживания или обиду он себе позволить не мог.

Патрик сидел перед компьютером и тупо смотрел на экран, который, подчиняясь сложной программе, поочередно выбрасывал даты, имена, фамилии, данные лиц, которые могли представлять интерес в расследовании. Версии путались в его голове, мысли плясали, словно солнечные зайчики на морской ряби. Сосредоточиться не удавалось. Патрик в сердцах оттолкнул от себя клавиатуру и, автоматически закрыв программу, вышел из кабинета.

Дверной замок за его спиной мягко щелкнул, включив программу блокировки. Патрик с досадой скосил глаза на подмышечную кобуру с пистолетом и понял, что поход в ближайшее кафе отменяется и придется воспользоваться внутренним буфетом, меню которого он изучал уже более десяти лет. Дойдя до лифта и предъявив охраннику пропуск на выход из зоны, Патрик секунду помедлил и нажал кнопку этажа, на котором расположился бар. Правда, во время расследований или боевых дежурств принимать алкоголь категорически запрещалось, но зато кофе в баре варили такой, что впору туркам позавидовать.

Швед присел за столик в углу, кивнув нескольким коллегам, расположившимся у стойки и беспечно болтавшим на свои темы. Откуда им было знать, что на следующее утро они все окажутся под подозрением и подвергнутся проверке на лояльность, их профессиональная деятельность будет рассмотрена под лупой служебного расследования, а работа фирмы практически парализована на две недели.

Патрик без единой мысли в голове помешивал кофе, который уже начал остывать, и все не мог оторвать взгляда от коллег у стойки. Он вдруг почувствовал, что находится на пороге какого-то очень важного открытия, но что это за открытие, ему пока еще не было понятно. Швед сидел, боясь потерять тот настрой, который, возможно, приведет его к осмыслению происшедшего.

Вдруг дверь бара широко распахнулась, и в помещении появился Джон по прозвищу Крейзи Драйвер. Свое прозвище этот парень, занимавшийся чаще всего *тихими*, но очень активными операциями, получил за то, что в обычной обстановке вел себя за рулем как начинающий водитель, только что получивший права и

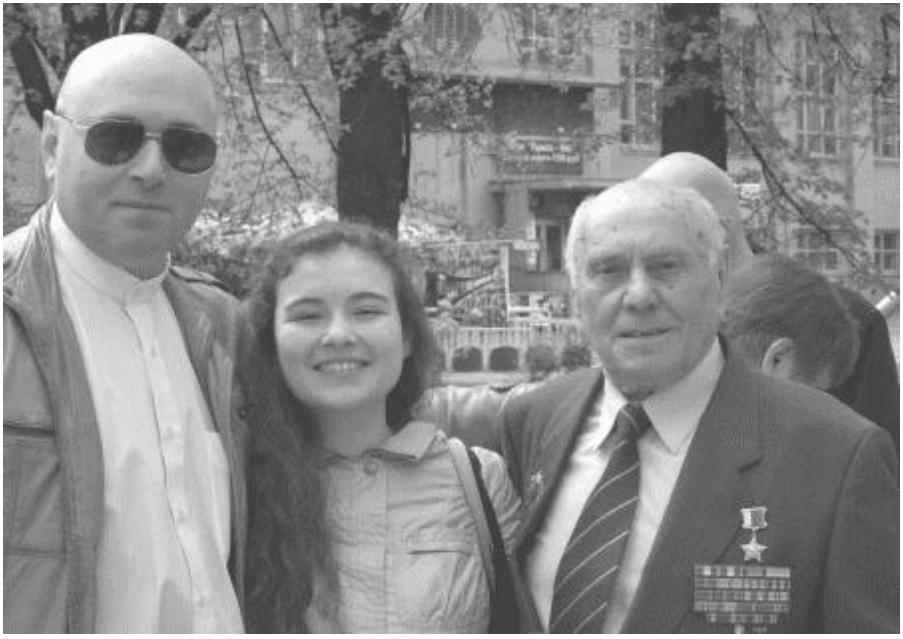
боявшийся не столько дорожной полиции, сколько отцовской порки. Зато во время своих тайных операций он гонял так, что волосы вставали на голове дыбом.

Джон оглядел помещение и, подмигнув Патрику, присел на высокий стул у стойки как можно ближе к компании беседующих коллег. Патрик просканировал Джона взглядом, обратив внимание на его кобуру, а затем и оружие одного из своих коллег. Джон тоже, видимо, только что вышел из своего *убежища,* как он называл собственный кабинет, выпить чашечку кофе, ведь ему тоже предстояло через несколько часов докладывать Шефу о проделанной работе, а это означало бессонную ночь.

Патрик долго смотрел на пистолет Джона и наконец понял, что именно привлекло его внимание: калибр пистолета Джона и калибр оружия, из которого были убиты сотрудники, совпадали полностью – 22 лонграйфл. Только если у Джона это был уникальный «смит-и-вессон», выполненный по заказу его владельца, то в случае с погибшими коллегами экспертиза установила использование «беретты». Кто-то явно демонстрировал свой стиль и хотел этим подчеркнуть приверженность определенной школе!

Кофе остыл. Патрик оставил чашку на столе и отправился в свой блок, где его помощники старались получить хотя бы крупицы полезной информации и отработать какие-то версии. Завершив привычную процедуру проверок для того, чтобы попасть в служебный блок, а затем и в свой кабинет, Патрик сразу же вызвал к себе двух своих помощников и дал им поручение найти среди всех разрабатывавшихся погибшими сотрудниками полиции фигурантов, имевших отношение к специальным службам, секретным подразделениям или выполнявших особые поручения во время службы в армии, а также найти сведения о том, где и у кого они проходили специальное обучение.

Автор и Ботян А. Н., Герой России



Автор, дочь Линдер Мария и Ботян А. Н.

Через час список, состоявший из нескольких десятков объектов, лежал перед Патриком на столе. Едва бросив на него

взгляд, он увидел на полях листа личный шифр сотрудника, готовившего материал: это был Майкл, человек, сумевший создать несколько фирм, под прикрытием которых работали некоторые отделения фирмы. Из всех Майкл был самым старшим и опытным. Когда-то он был помощником Шефа и всего на несколько лет позже нынешнего руководителя фирмы закончил престижную академию. Документ был составлен безупречно и содержал много фактического материала. Но как такой профессионал мог позволить кому-то выстрелить в себя, да еще практически в упор – с противоположной стороны стола в своем офисе?

Глаза Патрика медленно скользили по строчкам, и яркий флуоресцирующий маркер выделял заинтересовавшие его блоки. После прочтения в списке осталось только три человека, которые привлекли внимание Патрика.

Первым швед выделил главного комиссара полиции Германии Вольфа Штерна, который был в разработке уже более шести лет по линии его связей с рядом криминальных групп, которым он передавал определенную информацию. Эта операция была детально спланирована и уже начала давать результаты, но в случае утечки информации, несомненно, могла вызвать подобные методы закрытия всех проблем.

Вторым был выделен Глен Широн, гражданин США, который после службы в одном из спецподразделений после полученного ранения перешел на работу в военную полицию. Через какое-то время он попал в разработку всего лишь по одному факту косвенной причастности к торговле наркотиками. Прямых фактов, как таковых, не было, но общая сумма косвенных фактов все-таки привела к разработке Глена, в биографии которого, ко всему прочему, было много неясного.

Третьим лицом, привлекшим внимание Патрика, был крупный чиновник английской полиции Вильям Перси, за которым давно тянулся шлейф многих грехов и который находился в разработке около пяти лет.

Патрик вызвал своих помощников и дал указание заложить в программу все возможные сочетания и комбинации данных о перемещениях вышеуказанных лиц за последние десять лет с учетом интересов их фирмы, прежде всего в точках особой ее активности. Его интересовали любые совпадения или возможные связи таких перемещений с деятельностью его конторы. Затем Патрик пригласил еще четырех сотрудников своего подразделения и, не вдаваясь в подробности, дал каждому индивидуальное задание (с обозначением персональной ответственности) по такой же проработке остальных лиц,

находившихся в списке.

Каждый сотрудник заходил в кабинет начальника и, проделав процедуру допускного обеспечения, получал пакет с заданием, который Патрик всегда печатал на старенькой механической машинке, стоявшей на маленьком столике рядом со своими компьютерными прапраправнуками.

Сотрудники шутили, что если бы не специальные стены, то по всему зданию был бы слышен стук пишущей машинки Патрика. Ундервуд, так в шутку называли старый агрегат коллеги, напечатал за свою жизнь больше секретных документов, чем все ее потомство. А злые языки поговаривали, что Патрик получил машинку по наследству от своего отца, а тот от деда и что это их фамильное достояние. Так что процедура выглядела как обычно, только всегдашняя улыбчивость скандинава сменилась деловой холодностью, а речь стала четкой и лаконичной. Его жесткие фразы отбивали у подчиненных малейшее желание шутить со своим начальником. Каждый выходивший от него сотрудник, вернувшись в свой кабинет, докладывал о прибытии на рабочее место. После этого Патрик вызывал следующего коллегу…

Проработав еще пару часов, Патрик понял, что мысли и рабочее настроение вновь улетучились и уступили место привычной рутине, которая вряд ли принесет успех, да еще в условиях цейтнота. Он вышел из-за стола и, пройдясь по кабинету, ощутил, что голод стал перебивать все остальные инстинкты. Нажав кнопку прямой связи с Шефом, Патрик получил разрешение на двухчасовой перерыв. Мгновенно сбросив кобуру и оставив все документы, кроме двух спецпропусков, швед отправился в ближайший китайский ресторанчик.

Подмигнув официанту и сказав, что у него только двадцать минут, Патрик разместился за столиком в самом углу уютного зала… Через полчаса он покинул ресторанчик так же молниеносно, как совсем недавно покинул свой кабинет…

Джон сидел перед монитором компьютера в своем отсеке, который все сотрудники называли крысиной норой, и лениво постукивал пальцами по клавишам клавиатуры. В его картотеках сложно было найти что-либо подобное материалам Патрика, но он включил программу поиска мероприятий, которые проводились по его линии и могли затрагивать интересы погибших сотрудников. Крейзи Драйвер не любил лишний раз беспокоить своих подчиненных, когда речь касалась аналитической работы, но зато когда он выходил на уровень реализации программы, его подчиненные нагружались на всю катушку и поблажек не было ни для кого. Теперь все

подразделение, получив индивидуальные задания, которые Джон всегда писал от руки, сидело в своих *одиночках*, как предпочитали называть сотрудники свои маленькие одноместные офисы, и выполняло трудовую повинность.

На столе Джона замигала одна из лампочек на пульте, и одновременно раздался легкий зуммер. Джон включил видеомонитор и увидел на экране усталое лицо Мартинеса.

– Босс, у меня для вас неприятные новости, – без обычного приветствия сообщил Мартинес. – Я выяснил, что *кузен* дважды принимал участие в мероприятиях по учебной программе.

– Жду, – коротко бросил Джон и выключил монитор.

Через минуту Мартинес был уже в кабинете начальника и излагал полученную им информацию. Майкл и Марсель три года назад проводили мероприятия, которые обеспечивали работу подразделения Джона, а Бланк обращался с подобным вопросом полтора года назад. Джон выслушал доклад и вопросительно уставился на Мартинеса.

– Босс, – с нажимом произнес испанец, – вы понимаете, во всем этом нет ничего необычного, но я позволил себе поиграть кодами и получил очень интересные данные.

Мартинес мельком взглянул на начальника, проверяя реакцию: работать с шифрами и электронными подписями было категорически запрещено без специальной санкции. Джон сидел совершенно спокойно и никак не реагировал на слова Мартинеса. Испанец понял, что ему дали санкцию на продолжение доклада, и в своей обычной, несколько эмоциональной манере, но очень конкретно и четко изложил результаты своей работы. По его словам, были получены интересные данные по людям, осуществлявшим контроль от лица руководства. Дважды операции по одной линии контролировал человек, имеющий один и тот же цифровой набор. Мартинес с увлечением школьника, который наконец решил сложнейшую задачу, рассказывал о тех комбинациях и идеях, которые позволили ему получить весьма интересный результат. Джон внимательно слушал подчиненного, стараясь проникнуться ходом рассуждений Мартинеса и попытаться найти в нем ошибки или дополнительные варианты решений. Наконец Мартинес закончил рассказ и, положив перед начальником листок с несколькими комбинациями цифр, поднялся с кресла. Джон посмотрел на стоявшего Мартинеса снизу вверх и спокойно проговорил:

– Сейчас ты отправишься в свой кабинет, напишешь на мое имя подробный отчет обо всем, что произошло, не забыв изложить причины, по которым ты нарушил инструкцию, и все это немедленно представишь мне.

Мартинес молча снял кобуру с пистолетом и положил ее на стол своего начальника вместе с пропуском в зону отдела и пропуском на право нахождения в здании фирмы. Джон, так же молча, принял переданные ему предметы и, предварительно разрядив пистолет, убрал все в один из больших сейфов, вмонтированных в стены его кабинета. Мартинес четко, по-военному развернулся и покинул кабинет, а Джон достал кассету, на которую фиксировал все разговоры в своем кабинете, и стал ее прослушивать еще раз, периодически посматривая на листок с цифрами, лежавший на его столе.

Прошел час, в течение которого сотрудники несколько раз докладывали о ходе дел, но информация была крайне расплывчатой и явно недостаточной для принятия ее во внимание. Ситуация была похожа на охоту за призраками. Это выражение давно вошло в лексикон сотрудников. Когда в экстремальной ситуации начинались поиски всех возможных и даже невозможных вариантов и любой информационный блок воспринимался с таким уровнем критичности и бдительности, что порой начинало казаться, что вокруг нет ни одного порядочного человека, а все окружающие оказывались под подозрением.

Джон перелистывал отчеты сотрудников и внезапно понял, что именно такое же чувство, наверное, было у Мартинеса, когда он, наплевав на все инструкции, вышел на поиск закономерностей в электронных подписях и кодах сотрудников, планировавших и обеспечивавших операции. Мартинесу стоило огромных трудов переступить за черту дозволенного, но именно так он смог выйти из замкнутого круга, который неминуемо возникал при работе с документами в рамках одной архивной сети без возможности перепроверки данных с помощью параллельных архивов. Джон вникал в ход мыслей подчиненного и заранее просчитывал его действия, когда зуммер снова отвлек его от рассуждений. Джон включил монитор и увидел бледное лицо Мартинеса, который доложил о завершении отчета.

Когда Мартинес вновь появился в кабинете начальника, Джон заметил явную перемену в состоянии своего подчиненного. Мартинес был бледен, его живые глаза потухли, как глаза быка, пораженного в наивысший момент корриды шпагой тореадора. Это были глаза, из которых уходила жизнь, и Джон ясно это видел. Но сейчас ситуация была столь серьезна, что расслабляться было невозможно. Начальник принял отчет подчиненного и, прочитав его, увидел на дне папки еще один лист бумаги, на котором рукой Мартинеса было написано всего несколько строк. Пробежав их глазами, Джон поднял взгляд на

Мартинеса и внимательно посмотрел в лицо своему подчиненному. Мартинес по-военному вытянулся и замер в ожидании решения начальника.

– С настоящего момента ты находишься под арестом, – сухо произнес Джон. – О содержании твоего отчета знают только два человека – я и ты. Постановление об аресте уже подготовлено.

Джон подвинул к краю стола бланк постановления об аресте и мере пресечения в отношении Мартинеса. Тот нагнулся и прочитал постановление, не взяв его в руки, а затем вопросительно взглянул на Джона. Начальник, как бы не замечая удивления Мартинеса, продолжал:

– Ты будешь находиться в закрытой зоне до тех пор, пока не наступит подходящий момент для освобождения. Твои коммуникации уже отключены, осталась лишь связь лично со мной. Ты можешь продолжать любую работу с компьютером, но только в рамках полученной информации. Да, кстати, сколько туалетной бумаги ты расходуешь в день?

Мартинес слабо улыбнулся в ответ на саркастический вопрос начальника и сказал:

– В холодильнике кое-что есть. Суток на трое-четверо хватит. Если постараться и вскрыть запасы боевого комплекта, то могу просидеть дней десять.

– Хорошо, – согласился Джон, – если станет совсем паршиво, составь рапорт на мое имя, заполни все документы и вскрывай боевой комплект, но не раньше чем через пять дней. Ты все понял?

Последняя фраза прозвучала скорее не как ответ, а как приказ. Мартинес вытянулся и привычно отрапортовал:

– Есть, сэр!

Через минуту он уже докладывал Джону о прибытии в свой кабинет, который становился теперь камерой. Джон включил автоматическую защиту, и замки в кабинете Мартинеса намертво зафиксировали дверь, окна, включили активное сопротивление сканированию и проникновению в помещение. Джон усмехнулся: теперь, если с ним что-либо случится, Мартинеса будут выковыривать из этой клетки не менее одних-двух суток, да и то после того, как вскроют его персональный сейф.

Джон посмотрел на папку с материалами Мартинеса, еще раз прочитал рукописную страницу, лежавшую на дне папки, переписал краткий текст на маленький кусочек картона, используемый им для записок. С сомнением покачал головой, как бы в ответ на собственные мысли, затем закрыл папку и, приклеив к ней номерной квиток с краткими пометками, отправил ее в свой личный сейф на полку срочных дел.

Взглянув на часы, Джон подумал, что еще несколько таких деньков, и можно будет докладывать жене о значительных успехах в борьбе с излишним весом. Он нажал на клавишу и попросил у Шефа разрешение покинуть здание на час для обеда. Получив «добро», Джон надел пиджак, спрятав под ним свое оружие, и направился к лифту, который мгновенно отреагировал на нажатие кнопки. Довольный Джон, встав напротив двери, был готов уже шагнуть в кабину лифта, как вдруг из нее выскочил взъерошенный Патрик. Он мельком огляделся вокруг и, увидев, что в коридоре никого больше нет, буквально втянул Джона внутрь кабины. Джон удивленно, но молча смотрел на всегда столь спокойного шведа и терпеливо ждал, пока лифт остановится. Покинув здание фирмы, Патрик и Джон пошли по улице, пересекли сквер, пересекли небольшую площадь с вечной толчеей туристов и углубились в небольшой парк. Только здесь Патрик заговорил:

– Прости, Джон, я, наверное, оторвал тебя от обеда, но то, что пришло мне в голову, может быть, намного важнее голодного обморока. Джон, в фирме есть *их* человек! – Патрик сделал ударение на слове *их*, но Джону и так было понятно, о ком идет речь. – Ты понимаешь, я отправился обедать в китайский уголок, а потом хотел поспать хоть часок – Шеф дал санкцию на двухчасовой обед. Но во время обеда я вдруг понял, что без своего человека в фирме *они* не могут получить информацию и так быстро выйти на наших людей, да еще накануне завершения нескольких операций.

Голодный Джон проглотил слюну, подумав про себя, что это, видимо, и есть его сегодняшний обед, и спросил шведа:

– Почему ты рассказываешь обо всем этом мне, ведь я тоже сотрудник фирмы и ты можешь ошибиться, выдав информацию *кроту*?

– Ты участвовал в четырех из пяти операций со своими ребятами, а я участвовал во всех пяти операциях. Это я нашел в архиве. Все остальные сотрудники либо не участвовали в операциях, либо участвовали один раз. Кроме нас во всех операциях из руководителей участвовал Шеф. Если бы это был ты, то потерь с их стороны было бы намного меньше, а с нашей мы бы получили этот сюрприз год или полтора назад. Джон, теперь нам придется работать только вдвоем. Ты понимаешь, что это значит?

– Патрик, ты помнишь наши приключения на одном средиземноморском курорте, когда, кроме нас двоих, тоже никого не осталось? Мне кажется, нас с тобой могут запросто принять за голубых и доложить Шефу, что наш альянс начинает смахивать на

шведскую семью.

Патрик засмеялся и, хлопнув Джона по плечу, указал рукой на одну из ближайших скамеек. Они сели на скамейку в боковой аллее и опять перешли на серьезный тон.

– Ты уже получил санкцию старика? – спросил Патрик.

– Только собирался это сделать, но наткнулся на тебя и решил изменить тактику. Мы позвоним Шефу и выдернем его для беседы, в офисе могут быть веселые сюрпризы, и тогда мы можем заказывать деревянные фраки от-кутюр с любой фурнитурой и кортежем черных машин в один конец. Согласен?

– Послушай, Джон, я получу для тебя разрешение, и ты сможешь попасть ко мне в гости, тогда мы сможем немного поиграть на моем компьютере.

– Полагаю, целесообразнее вынести диск и поиграть на моем компьютере за пределами фирмы.

– Ты сошел с ума – вынести диск не удастся, даже если я смогу его выломать из машины.

– Патрик, твоя мама, наверное, все время читала тебе сказки Ганса Христиана Андерсена, а ты так и не стал патриотом.

Патрик серьезно смотрел на своего коллегу, стараясь понять, куда он клонит.

– Пойми, что я не нуждаюсь в пропуске в твою зону, а твой диск мои ребята вынесут сами. Тебе только надо сказать, из какой машины его нужно вытащить.

Патрик ошарашенно смотрел на Джона.

– Ты это серьезно? Но как ты сможешь проникнуть в зону и тем более в мой кабинет?

– Не задавай глупых вопросов. Я умею то, за что мне платят деньги. И заметь, немалые. Поэтому я знаю, что говорю. Повторяю, из какого компа следует вынести диск: того, что стоит на столе, или того, что спрятан в комнате отдыха? Не волнуйся, твою личную печатную машинку я брать не буду, а то вся фирма останется без секретной информации.

Ошарашенный Патрик смотрел на Джона как на волшебника из сказки. Вот только какой это волшебник, злой или добрый, понять так и не удавалось.

Джон посмотрел на часы и, подняв глаза на Патрика, произнес тоном, который не оставлял места для дискуссий:

– Так, теперь у меня осталось времени только на то, чтобы заглотнуть обед целиком, а переваривать, как питон, буду уже в офисе. Вызывай старика, доложи, о чем мы с тобой тут шутили, и через два часа встретимся в баре за чашкой кофе. Постарайся сесть за мой любимый столик, а если он занят, присядь у стойки поближе к дальней стене.

Патрик опять недоуменно посмотрел на Джона.

– Да-да, коллега, пришло время кое-чему поудивляться. Но будет хуже, если нас заставят удивляться другие.

Джон встал и пошел по направлению к ближайшему кафе. Времени у обоих оставалось немного.

Властный мужской голос в телефонной трубке вновь напомнил о слугах народа. И опять Шефу досталось за нерасторопность, когда выяснилось, что за прошедшие несколько часов ничего существенного не произошло и расследование зависло. Выслушав телефонный разнос политика, Шеф положил трубку и поудобнее устроился в своем кресле, продолжив внимательно слушать доклад своего заместителя Мартина. Он только что прибыл из командировки, но так быстро вошел в курс дела, что Шеф еще раз удивился работоспособности своего зама.

Педантизм этого кадрового сотрудника давно стал поводом для насмешек и шуток, но сам он был порой незаменим в решении сложных многоходовых комбинаций, требующих тщательной проработки всех деталей. Телефонный звонок прервал объяснения Мартина на полуслове. Шеф, извинившись, взял трубку. После первой же фразы, прозвучавшей на том конце провода, Шеф, прикрыв ладонью трубку, сообщил Мартину шепотом:

– Жена звонит, приказывает явиться на обед, иначе обещает крупные неприятности.

Завершив разговор и дослушав отчет заместителя, Шеф оставил Мартина вместо себя на время своего отсутствия и, вызвав машину, отправился домой. Право командовать Шефом в части приема пищи было одной из привилегий его супруги. В прошлом она также была сотрудницей фирмы, а сейчас преподавала в одной из специальных школ, но режим питания мужа она отслеживала и соблюдала очень строго, особенно после выявления у Шефа язвенной болезни. В фирме практически все об этом знали.

Машина остановилась у небольшого ухоженного особняка. Шеф вышел и направился по дорожке к подъезду. Звонить не было нужды: система видеокамер заранее информировала супругу о приближении мужа, и, когда хозяин дома подходил к крыльцу, дверь как бы сама открылась, и на пороге показалась женщина, еще не потерявшая былой привлекательности.

Шеф вошел в столовую и остановился, увидев за обеденным столом Патрика и Джона. Жена, взглянув на мужа, вышла, прикрыв за собой двери. Обед уже стоял на столе. Шеф сел за стол и внимательно посмотрел на своих подчиненных…

Обед закончился как-то незаметно. Блюда постепенно исчезали со скатерти, но ни один из троих мужчин, сидевших за столом, ни словом не оценил качество приготовления или сервировки – они обсуждали другие темы. Точнее, это была серия монологов, которые следовали один за другим и были одинаково короткими и лаконичными, словно невидимый модератор регламентировал выступления каждого из ораторов.

Когда обед и беседа были завершены, Шеф вышел из-за стола и, кивнув своим подчиненным, покинул дом и отправился в офис для продолжения работы. Патрик и Джон поодиночке покинули квартиру Шефа, соблюдая все правила предосторожности. Каждый точно знал, что ему следует делать в течение ближайшего времени, и теперь необходимо было начать быстрое, но тщательное просеивание всего штата сотрудников.

По взаимной договоренности было решено провести совещание не в кабинете Шефа, а в специальном бункере для особо секретных переговоров и запереть после этого всех участников на сутки в карантин для облегчения своей работы.

Через несколько часов небольшой зал бункера был заполнен вызванными сотрудниками, каждого из которых Шеф информировал о мероприятии лично по специальной системе связи. Когда формальности были завершены и дверь шлюзовой камеры закрылась, Шеф открыл папку и, изредка заглядывая в написанный текст, информировал приглашенных, что причины происшествия обнаружены и в ближайшее время будут проведены специальные мероприятия по локализации возникшей проблемы, а также о том, что всем приглашенным предстоит провести двадцатичетырехчасовой карантин из соображений безопасности. Но если ситуация будет того требовать, то через полсуток, когда завершится основной этап операции, сотрудникам можно будет подняться в свои офисы и продолжить работу, не покидая здания. Сотрудники спокойно выслушали новость, не прерывая и никак не выражая своих чувств в связи с услышанным.

После завершения основной части Шеф объявил, что Патрик и Джон не присутствуют на настоящем совещании, хотя были приглашены на первичное, так как Джон оказался напрямую замешан в совершенных преступлениях, а Патрику поручено обеспечивать специальный контроль за действиями Джона для более эффективного завершения операции. Эта новость как током поразила присутствующих. Причастность такого человека, как Джон, к происшествию полностью объясняла строгие меры предосторожности и столь длительный внутренний карантин – шутить с Джоном и его *веселой командой* никто не хотел.

Подождав, пока первое эмоциональное впечатление уляжется, Шеф объяснил, что уже выявлен ряд веских прямых и косвенных признаков, говорящих о том, что Джон причастен к событиям. После чего Шеф покинул своих подчиненных, которым теперь представлялось право обсуждать любые проблемы в специальном отсеке, который становился их домом минимум на полсуток…

Патрик вошел в квартиру, которая служила одним из резервных офисов подразделения Джона, и, пройдя в большую, светлую комнату, увидел Джона, сидевшего перед дисплеем компьютера. Пальцы его порхали над клавиатурой. Когда Патрик приблизился, то увидел, что информация на дисплее компьютера соответствует той, которая хранилась на диске его персональной машины.

– Здорово ты умеешь работать, – произнес Патрик, подходя к столу и присаживаясь на оставленное для него кресло.

– Угу, – отозвался Джон. – Только ты здорово перемудрил с кодами входа. Так что, начиная с третьего, давай открывай сам, а то у меня мозги расплавятся.

Патрик испуганно посмотрел на Джона.

– Нет-нет, не волнуйся, – успокоил его коллега. – Твой диск никто не трогал. Просто, пользуясь возможностью, мои ребята сделали интактную [4] копию и поиграли с ней, открыв два первых шифра, однако на третьем поломали зубы. За такое короткое время даже наши вундеркинды не смогли взломать твою защиту.

Патрик облегченно вздохнул: только сейчас он заметил еще один компактный компьютер, который был прикрыт декоративным чехлом. Сотрудник Джона, сняв чехол, придвинул клавиатуру к Патрику. Тот осторожно набрал первый код, затем, после короткого диалога с машиной, набрал второй код и, так же не торопясь, все остальные. Когда длительная и крайне осторожно проведенная процедура была завершена и на экране с неимоверной быстротой замелькали сменяющие друг друга данные, Джон отправил своих подчиненных на внутренние посты и, оставшись с Патриком вдвоем, приник к дисплею, сверяя какие-то сведения с информацией из своего блокнота…

Программа с неимоверной быстротой выбрасывала все новые информационные блоки, а двое спецов перед монитором компьютера старались на скорую руку проанализировать полученные данные, для того чтобы понять, куда идти и что надо делать, чтобы по возможности избежать очередной роковой ошибки.

Работа спорилась, и вскоре полученные данные заставили

обоих офицеров вздрогнуть от удивления. Кто бы мог предположить! Это просто невозможно! Такого никто не ожидал! Выявленные электронные подписи и коды все время выводили на одно и то же лицо. Теперь оставалось только определить, кто скрывается под девятизначным числом и что связывает этого человека с теми подозреваемыми, которые были включены в списки рабочих версий.

Патрик оторвал взгляд от экрана и, отхлебнув из чашки давно остывший кофе, задумчиво произнес:

– Джон, как ты думаешь – кто этот подонок и какой пост он занимает в нашей конторе?

Джон достал из кармана кусок картона с записью, сделанной на основании данных Мартинеса, и положил его на стол перед коллегой текстом вниз.

– Напиши свои соображения, – предложил он, подавая Патрику ручку.

Швед щелкнул кнопкой, выдвигая стержень, и написал короткое имя. Джон перевернул записку, и Патрик увидел, что обе записи совпадают.

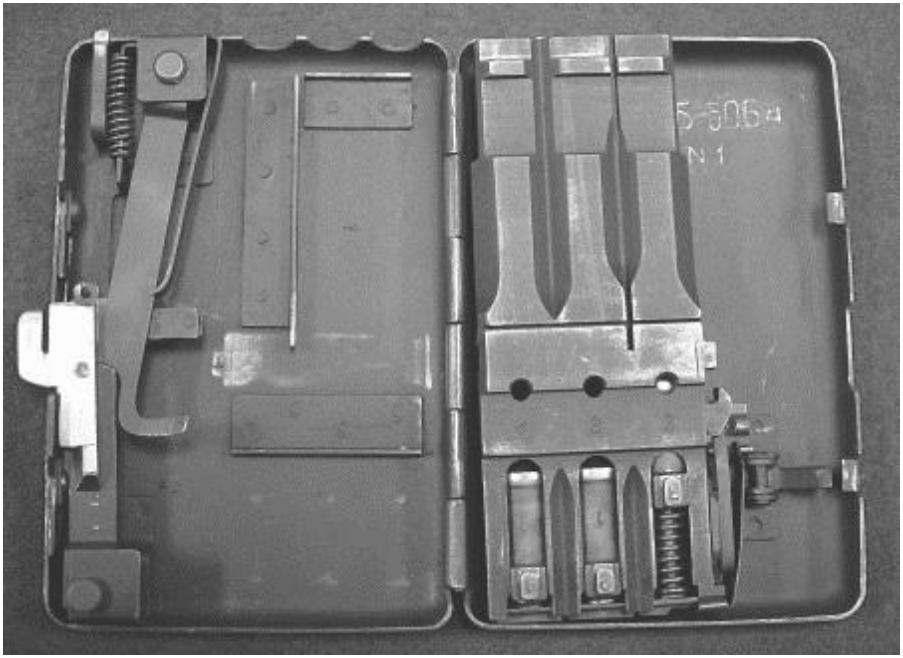
– Откуда у тебя это? – спросил швед.

– Да так, – неопределенно мотнул головой Джон. – Фантазировал на досуге. Когда все завершится, я познакомлю тебя с некоторыми интересными подробностями.

Оба на некоторое время замолчали и, снова припав к дисплею электронной машины, стали искать недостающие обрывки информации, выстраивая их в некую цепочку, по которой они пытались выйти на пока невидимого, но столь могущественного и опасного врага.

Телефонный звонок оторвал Шефа от работы. Опять звонили с самого верха. Разговор вновь напоминал жесткий и унизительный выговор нашкодившему ученику. Шеф выслушал все, что выплеснули на него с другой стороны провода, и, положив трубку, задумался. Ситуация осложнялась. Кто-то организовал утечку информации о происшедшем, и это еще более усугубило сложность положения. Но кто это мог сделать? Если это его мальчики, как они могли пойти на это без его ведома? Вряд ли они могли позволить себе пойти на такое нарушение субординации. Тогда кто? Сердце забилось учащенно и под ложечкой неприятно заныло. Тревожное ожидание и неизвестность всегда были предвестниками плохих новостей. Лучше знать о противнике как можно больше, и тогда, даже если противник намного сильнее, все равно это позволяет опережать его на поле оперативной деятельности.

Пистолет-портсигар



Пистолет-портсигар изнутри

Новый звонок отвлек Шефа от размышлений. В трубке звучал голос Патрика. Шеф велел ему немедленно прибыть в офис…

Время тянулось неимоверно медленно. Наконец швед появился в проеме двери и, скользнув в кабинет, сел напротив Шефа, положив перед руководителем кусок картона. Шеф прочитал совершенно одинаковые надписи на обеих сторонах и удивленно взглянул на Патрика.

– Шеф, необходимо осторожно вскрыть офис вашего зама и постараться найти каналы связи с теми, кого мы ищем. Мы с кузеном нашли все варианты электронных подписей и кодов. Только Мартин мог войти в систему и заменить подписи, но он не учел, что мог оставить след своего вхождения, а пытаясь уничтожить эти следы, он еще и закрепил в специальной программе свое проникновение.

Шеф как-то обреченно посмотрел на своего молодого помощника: ему подумалось, что он и его коллеги старшего поколения сознательно закладывали прагматизм в этих мальчиков, которым суждено продолжить их дело, чтобы затем передать эстафету тем, кто придет им на смену, но этот прагматизм в их исполнении все-таки чрезмерен.

Взяв несколько электронных карт-ключей, Шеф в сопровождении Патрика перешел в соседний отсек и открыл кабинет своего зама. Остановившись на пороге, он оглянулся на Патрика. Швед внимательно осмотрел кабинет с порога, а затем стал методично осматривать участок за участком, ничего не трогая и стараясь лишний раз не перемещаться.

Визуально исследовав кабинет, Патрик кивком показал Шефу на несколько проводов, шедших от рабочего стола Мартина к силовому блоку, расположенному на стене. Их было *десять*.

Молча покинув кабинет, оба вернулись в кабинет Шефа и посмотрели на такой же разъем – проводов было *девять*. Важно было выяснить, что и с чем соединяет этот десятый провод.

– Если это система независимой связи, то может быть уже поздно, – проговорил Шеф, вспоминая свой недавний разговор с политиком по телефону. – Меня уже разносят сверху за провал. В нашем распоряжении всего несколько часов. Если мы не сможем ничего предпринять, нас всех просто вычистят, и на этом инцидент будет исчерпан.

Патрик понимающе кивнул:

– Через три часа к нам прилетает сэр Перси, а вечером с группой туристов в курортную зону прибудет мистер Широн. Причем, Шеф, если Широн готовился к поездке давно, то информацию по Перси ребята кузена нашли перед моим приездом к вам. Что прикажете делать?

– Здесь нужна хорошая имитация. Смонтируй кадры ликвидации кузена. Полагаю, тебе хватит на это пары часов,

после чего я выпущу всех и соберу на итоговое совещание, а перед ним дам пять – десять минут на приведение себя в порядок. Подключайся ко всем каналам и продолжай искать. Нам надо во что бы то ни стало найти, кто и куда передает информацию. Давай, мальчик, торопись – теперь в твоих руках судьбы очень многих людей.

Патрик умчался в свой отсек, а Шеф устало опустился в кресло. Он понимал, что все бывает в их службе: предательства не были чем-то исключительным в их работе, но каждый раз это было ударом по самолюбию, по вере в человеческие отношения и порядочность.

Шеф достал из ящика стола фотографии с изображением погибших. Майкл полулежал в кресле в своем офисе, и странная гримаса застыла на его лице. Это фото в связи с информацией о возможной причастности к этому темному делу Мартина дало толчок новому направлению мыслей. Мартин находился в командировке в Бенилюксе, но до офиса Майкла от Люксембурга всего три часа езды на машине. Значит, исключить его причастность к этому делу нельзя.

Конечно, Майкл часто работал в офисе один, но просто невозможно себе представить, что он мог впустить чужого человека в здание фирмы. А настаивал на выделении департамента Майкла в отдельный офис все тот же Мартин, утверждавший, что более молодому заму Шефа необходима самостоятельность и что они, старики, не должны тормозить карьеру перспективных и уже набравших опыта сотрудников.

В груди защемило, и Шеф рефлекторно прижал руку к сердцу. Последнее время неприятные ощущения в этой области беспокоили его все чаще. После всего произошедшего у него или не будет вовсе возможности заняться своим здоровьем, или будет их предостаточно. Это он прекрасно понимал.

Звонок оторвал Шефа от раздумий. И вновь обладатель властного и нервного голоса распекал стареющего генерала, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах, угрожая, настаивая, требуя. Шеф молча проглотил новую порцию упреков политического небожителя и положил трубку на рычаг телефона. Он пришел к выводу, что ему самому следует встретиться с Мартином, иначе эти мальчишки могут слегка переусердствовать и испортить дело.

Патрик опоздал с выполнением задания всего на десять минут. Положив на стол Шефа видеокассету, он отрапортовал, что материал готов. Шеф отсмотрел небольшой сюжет, где очень искусно показывалось, как ликвидировали Джона, и остался доволен материалом.

– Пошли, – коротко бросил он Патрику и первым вышел из кабинета.

Кассета и иллюстрированный рассказ произвели эффект разорвавшейся бомбы. Все сотрудники угрюмо молчали, понимая сложность возникшей ситуации.

– Вот и все, что я могу и должен вам сказать, – заключил свой рассказ Шеф. – А теперь отправляйтесь к себе и через десять минут представьте свои доклады. Выходить на внешние каналы категорически запрещается до особого распоряжения.

Солидные мужчины, словно нашкодившие мальчишки, молча расходились по своим кабинетам, придавленные грузом переживаний и тревог.

Через пару минут после того, как за Мартином закрылась дверь его офиса, аппаратура Патрика зафиксировала несколько кратковременных импульсов. Расшифровать их сразу не удалось, а характер и частотные характеристики говорили о том, что используется какой-то новый и неизвестный для технической службы тип аппаратуры.

Шеф без стука открыл дверь в кабинет Мартина. Патрик и два его сотрудника быстро блокировали Мартина, надели ему наручники, зафиксировали в кресле и выкатили его на середину комнаты. Мартин молча смотрел на Шефа и лукаво улыбался.

– Мне все равно, что вы сейчас сделаете или скажете, – выдержав паузу, спокойно произнес Мартин. – Через сутки вы сами будете умолять меня, чтобы я вытащил вас из этого дерьма.

Мартин передернул плечами и, посмотрев на свои скованные руки, пристегнутые наручниками к подлокотникам, снова издевательски улыбнулся.

Властный голос в трубке срывался на крик, от истерических воплей его обладателя казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Однако Шеф, вместо того чтобы прислушиваться к указаниям высокопоставленного политика, вновь и вновь анализировал происшедшее. Голос на другом конце провода больше не пугал и даже не настораживал. В своей долгой карьере Шефу не раз приходилось сталкиваться с множеством политиков, руководивших самыми разными институтами государства. Он помнил сильных и мужественных людей, принимавших на свои плечи тяжесть ответственных решений и уходивших со своих постов только при одном намеке на их нечистоплотность или предвзятость.

Но он не забывал и тех, кто до последнего держался за власть, раз за разом всплывая, как дерьмо в очередной

политической проруби, до тех пор, пока их не смывал в ассенизационную колонку слишком мощный для них поток перемен. «Этот будет воевать до последнего», – решил для себя Шеф и, не дослушав очередного истерического вопля, отключил телефон прямой связи с политиком.

Все было кончено. Ребята Джона остановили Перси прямо в аэропорту и тихо вывезли его на один из закрытых и никому не известных объектов. Широн, получив сигнал от Мартина, пытался уйти, и на первом этапе это удалось. Но тонкая агентурная сеть мгновенно среагировала, как только этот жук попытался прорваться через ее ячейки. Когда Глен увидел вошедшего в его комнату Джона, глаза у него стали величиной с тарелку. Он тут же бросил свой пистолет на стол и неподвижно застыл на месте, успев только крикнуть:

– Не стреляйте, я не сопротивляюсь!

Шутить с парнями из группы захвата можно разве что в пивном баре за доброй кружкой пива, но никак не во время работы. Здесь эти люди теряют чувство юмора, отдавая приоритет чувству реальности.

Глен был так напуган и удивлен появлением Джона, что уже при первой беседе вывалил почти все, что знал. Позднее он попытался затушевать ряд фактов, но было уже поздно. После окончания следствия Глена передали в руки правосудия того штата, в котором он проживал. Законом этого штата для него была предусмотрена встреча с электрическим стулом после длительного ожидания этой короткой процедуры. Фемида медлительна, но возмездие ее неотвратимо.

Англичанин Перси долго сопротивлялся и упорствовал на следствии, демонстрируя свойственное островитянам упрямство, но после того, как из него вытащили все, что он знал, его можно было вернуть на родину. Однако через два дня англичанин повесился в своей камере.

А вот смертный приговор для Мартина был всеми воспринят спокойно и с пониманием. Закрытый военный трибунал после долгих и изнурительных слушаний утвердил эту непопулярную меру наказания, и приговор без задержек был приведен в исполнение, как только были подписаны все необходимые документы.

Властный голос в трубке больше не звучал. Политического скандала после организованной утечки обличительной информации замять не удалось. Политики не любят своих проигравших, а самое главное, попавшихся на темных делишках коллег. Карьера обладателя властного голоса была закончена. Теперь ему и его близким предстояло пройти через суд и

расплатиться за совершенное преступление.

Джон разблокировал комнату Мартинеса на восьмой день заточения. Испанец оброс и осунулся, но в глазах его горел огонь вдохновения, его буквально распирало от новых сумасшедших идей. Как только Джон вернул ему идентификационные карточки и оружие, Мартинес воскликнул:

– Босс, я придумал совершенно поразительную комбинацию. Вы представляете, можно будет проникать на объекты, проходя практически через все виды существующей сигнализации и не попадаясь на глаза охране!

Джон не дослушал восторженной тирады своего подчиненного.

– Как ты вышел на Мартина? – спросил он.

– Майкл не мог впустить в офис чужого человека, а Мартин находился всего в часе езды от его офиса.

– В трех часах езды!

– Нет, босс, в часе езды. Там есть небольшая, но очень удобная дорога, позволяющая выехать на автостраду напрямик через небольшой перевал, а у Мартина прекрасный джип «мерседес», так что он управился за два часа, сгоняв туда и обратно. Я нашел эту дорогу в последнем приложении к электронным атласам. У вас ее не было, потому что она вступила в строй только что, а приказ на запуск ее в систему давал Мартин. А я, как недисциплинированный оболтус, залез в чужой огород и раскопал все это.

– Мартинес, а как поживают твой отец и старший брат?

– Кажется, все в порядке, – пролепетал встревоженный испанец, знавший, что его босс никогда не задает праздных вопросов.

– Уезжай на пару лет домой и постарайся не попадаться на глаза политикам. Иначе твоей матери придется надеть траур по тебе намного раньше, чем это планировалось Господом. Все документы для тебя я подготовлю, пока ты будешь приводить себя в порядок. Иди, амиго.

Последнее прозвучало как приказ. Мартинес вытянулся и, отрапортовав «Есть, сэр!», вышел из кабинета своего патрона…

Краткая сводка событий декабря 1995 года

3 декабря, Алжир

В течение последних трех дней были убиты один военнослужащий ВМФ и один военнослужащий

сухопутных войск. Также были убиты два моряка-иностранца и журналист местной газеты, выходящей на французском языке.

5 декабря, Коломбо

Контроль, установленный правительственными войсками над Джаффной, не прекратил вооруженного сопротивления тамильских сепаратистов, которые убили 23 полицейских во время нападения на одну из правительственных военных баз на востоке острова.

5 декабря, Москва

Взрывное устройство сработало в офисе депутата Государственной думы России, известного своими крайне правыми взглядами.

5 декабря, Ковентри

Посылка с взрывным устройством взорвалась на сортировочном пункте Королевской почтовой службы Великобритании. Никто не пострадал.

7 декабря, Буэнос-Айрес

8 результате официального расследования установлено, что взрыв в здании Европейской общины в 1994 году, в результате которого погибли 80 человек, организован армейскими офицерами правых взглядов, а не исламскими фундаменталистами. Выдано 15 ордеров на арест.

8 декабря, Нью-Йорк

Вооруженный человек, забаррикадировавшийся в одном из магазинов Манхэттена, открыл огонь по работавшим там людям, а после этого поджег магазин. Печальный итог нападения: сам террорист и 7 человек погибли. Предполагается, что нападение было совершено на расовой почве.

10 декабря, Каир

В результате демонстраций протеста и беспорядков в период до и после национальных выборов погибли более 50 человек, около 30 из них – в столкновениях с полицией.

10 декабря, Мадрид

В одном из пригородов этого города рядом с

автомобильной эстакадой был взорван начиненный взрывчаткой автомобиль в то время, когда мимо него проезжал армейский мини-автобус. Погибли 6 человек в мини-автобусе, и еще около 20 человек, находившиеся поблизости в момент взрыва, получили ранения. Вероятно, баскская организация ЭТА начала новую серию терактов в преддверии встречи на высшем уровне глав европейских государств, которая будет проходить в испанской столице.

13 декабря, Алжир

В результате взрыва начиненного взрывчаткой автомобиля рядом с кафе, где часто бывают сотрудники военного госпиталя столицы, погибли 15 человек и еще 35 получили ранения. Во время проведения ответных рейдов службы безопасности против повстанцев убиты 36 мятежников и захвачено большое количество вооружения и боеприпасов.

18 декабря, Валенсия

Из пяти бомб, заложенных в супермаркете, взорвалась только одна, убив одну женщину и ранив 9 человек. Новая акция ЭТА направлена скорее против общества, чем против службы безопасности.

20 декабря, Карачи

Вооруженные люди ворвались в мечеть, убив двух человек и ранив еще шестерых. В ответной акции двое из них были убиты полицией. Позже в Пешаваре, около супермаркета, был взорван начиненный взрывчаткой автомобиль, в результате чего был убит 21 человек.

22 декабря, Гренобль

Четырнадцать месяцев спустя после того как 48 последователей культа Храма Солнца совершили самосожжение, французская полиция обнаружила обугленные тела еще 16 членов этой секты, среди них несколько детей.

23 декабря, Сирса

В этом городе, расположенном на северо-востоке Индии, в результате пожара, возникшего в передвижном павильоне, погибло более 300 человек, Трагедия приобрела такие масштабы не только из-за огня, но и вследствие

возникшей паники и недостаточного количества выходов из помещения. Многие из погибших – дети.

26 декабря, Виттория

Во время проведенного в этом северо-восточном городе Испании рейда полиции пришлось взорвать дверь в квартире, в которой находились трое баскских сепаратистов. Террористы арестованы. В квартире обнаружено около 300 фунтов взрывчатки.

26 декабря, ЮАР, провинция Натал

Вновь вспыхнули беспорядки в бантустане Квазулу, в результате которых погибли 14 человек. Причиной столкновений послужило продолжающееся противостояние между зулусской партией «Инката» и Африканским национальным конгрессом.

27 декабря, Париж

Банда из 10 человек, вооруженных пулеметами и гранатометом, совершила нападение на инкассаторский мини-автобус на автостраде Париж-Лилль. Охрана убита, еще два человека получили ранения. Нападавшие с большой суммой наличных денег скрылись.

28 декабря, Невада

Два человека арестованы по обвинению в установке взрывного устройства две недели назад в автопарке г. Рено (США). Бомба не взорвалась. Это четвертая за последние два года попытка взрыва бомб на объектах федерального значения. Все четыре попытки провалились.

28 декабря, Белфаст

Мирному процессу угрожает новая волна убийств. Организация, называющая себя «Директ Экшн Эгейнст Драгз» («Прямой удар по наркотикам»), заявила о подготовке шести нападений в течение ближайших недель. Считается, что эта организация является прикрытием ИРА, проводящей серию «дисциплинарных убийств».

31 декабря, Египет

Двое полицейских и один мирный житель были убиты в результате перестрелок в населенном пункте Абу Куркас на севере Египта.

31 декабря, Анкара

В результате вооруженных конфликтов в восточной части Турции 10 курдских повстанцев были убиты и 7 военнослужащих правительственных войск пропали без вести.

31 декабря, Палестина

Партии «Хамас» и «Исламский Джихад» запланировали серию взрывов с участием «людей-бомб» с целью помешать мирным переговорам между Израилем и ООП. По утверждению палестинской службы безопасности, было пресечено более 80 возможных нападений.

Во всем мире продолжались новогодние празднования наступающего 1996 года…

Джон повесил трубку на рычаг в тот момент, когда явно почувствовал, что у собеседника на другом конце провода начался очередной сердечный приступ. Еще несколько таких приступов, и этот частично парализованный человек в инвалидной коляске закончит свой земной путь.

Несколько лет назад не стало Шефа. Старик скончался тихо и незаметно, во сне, оставив свое дело им, его ученикам и вчерашним подчиненным. Он умел жить и работать тихо и незаметно, но очень эффективно, и всегда учил этому своих последователей. Но также он знал, что никому и никогда не удастся изобрести надежного средства от подлости и предательства, и постоянно предупреждал об этом своих молодых подчиненных.

Джон неторопливо шагал по скверу, в котором играли дети, а взрослые отдыхали или обсуждали свои проблемы. Снова и снова переживал он боль потери друзей. Конечно, их уже не вернуть, но память о них по-прежнему цепко держит его в своих объятиях. И пока эта память жива в нем, в Патрике, в Мартинесе, в других коллегах погибших, возмездие будет настигать предателей и их хозяев.

В Джоне ни на минуту не прекращалась внутренняя борьба. Когда-то он мог применить все свои возможности, чтобы просто уничтожить этого подонка в белых перчатках, грязного политика, но не сделал этого. Какое-то внутреннее чутье подсказало ему, что возмездие не всегда должно быть столь мгновенным и кратким. Возмездие за совершенную подлость и предательство

должно быть неотвратимым. Но пытка невыносимой жизнью может быть еще более мучительной, ведь ожидание смерти неизмеримо страшнее самого ухода из жизни.

Возмездие?

Ты выбрал Путь исканий и потерь,
И неустроенность, и риск без всякой меры…
Ты выбрал Путь, и верен будь теперь,
Ведь жить нельзя без нашей крепкой веры.
Засада, концентрация, бросок,
Артподготовка, марш, атака с ходу,
Захват и штурм, простреленный висок,
Страданье, кровь и множество народу…
И только черных масок резкий ряд
И головы, склоненные упрямо.
Нам в спину очень много говорят,
А мы всегда идем по жизни прямо.
Кто мы? Убийцы? Боги? Подлецы?
Герои? Иль мучители столетья?
Мы в век террора – жизни кузнецы,
Кующие на крови в лихолетье.
И вновь автобус и блужданье лиц,
И каждый взгляд в себе сосредоточен.
Ребенка плач, истошный крик девиц,
А каждый выстрел должен быть сверхточен.
В заслуги нам – и слава, и позор,
А вечная борьба – как бег на месте,
И по-мещански чистенький укор,
И боль утрат, и вечность жажды мести.
Но мы идем, и нас не повернуть.
В стремленье том извечная задача
Постичь, познать и, может быть, вернуть
Всего лишь жизнь, а это что-то значит…
Ты выбрал Путь исканий и потерь,
И неустроенность, и риск без всякой меры…
Ты выбрал Путь, и верен будь теперь,
Ведь жить нельзя без нашей крепкой веры.

Игра
Эссе

Постояльцы отеля в маленьком финском городке Койволо гудели на всю катушку. Участники международного курса, представляющие пару десятков европейских стран, отрывались так, как это умеют делать только скандинавы, особенно если учесть положение с алкоголем в Финляндии…

Курс, собравший почти полтысячи участников, прошел просто великолепно. Правда, и работы на нем было много. И не только в спортивных залах уютного универсального комплекса.

Весь запас «свободно бутилированной валюты», с огромными сложностями, но без потерь доставленный в аэропорт Хельсинки, был пущен по прямому своему назначению, и как раз в самые критические моменты работы международного собрания. Добрый и обаятельный хозяин, радушно пригласивший множество гостей и организовавший все мероприятия, был несказанно удивлен и обрадован: он и не представлял себе, что такое возможно в Финляндии с ее пуританским отношением к алкоголю. Ну что ж, выбирать не приходилось – ситуация сама диктовала условия игры, и их надо было принимать, какими бы трудными они ни были.

Вот уже несколько лет все возможные информационные каналы, отработанные в процессе многовековой истории человечества, приносили информацию о достаточно известной и одной из самых старых в Европе организаций, старающейся управлять сложной политикой на подиуме международного театра. Благодаря деятельности некогда известного Виктора Люсьена Отта, бывшего одно время начальником «горилл» (известной группы охранников генерала де Голля, тогдашнего президента Франции, на которого было совершено более тридцати покушений, из которых ни одно не было реализовано), организация держалась и множилась авторитетом ее создателя и бессменного руководителя. Но как часто это случается с увлеченными и творческими натурами, вокруг него собирались не только истинные приверженцы того образа мыслей, который доктор Отт прививал своим последователям. Ряд людей вынашивал совершенно определенные намерения и ставил перед собой вполне конкретные цели. Особенно если учесть, что доктор Отт, принимая во внимание открытость и большую подвижность юридической системы в Европе, не всегда строго оформлял юридический статус организаций, которые благодаря его

огромной инициативности создавались в различных странах.

И вот один из его последователей постепенно начал оттеснять своих более профессионально подкованных собратьев, сначала решая вместо них самые обычные рабочие вопросы, а затем все более и более расширяя круг своих полномочий. Наконец, практически все основные вопросы организации перешли в его ведение и, учитывая болезнь доктора Отта в последние годы его жизни, *излишне рьяный последователь* Учителя фактически стал его хотя и не коронованным, но преемником…

Рак не щадит ни талант, ни бездарность, а смерть является естественным исходом нашей и без того скоротечной жизни. Ведь мало кто задумывался над тем, что активная и осознанная жизнь человека – это примерно двадцать – двадцать пять тысяч дней. И все!

Многие профи стали отходить от организации и перестали признавать нуворишей от *коммерциализованного* силового бизнеса. Тогда изменилась стратегия нового руководства – оно направило свои помыслы на Восток, тем более что этому способствовали политика и отсутствие возможности проверки информации по статусу и деятельности западных общественных организаций. Именно тогда и началось паломничество этих «коммерсантов» на Восток, и конечно же в этом паломничестве одной шестой части Земли отводилось не последнее место.

Надо было готовить базу для своих организаций не для того, чтобы нам не пришлось догонять и перегонять, а для того, чтобы, используя свой потенциал и свои интеллектуальные возможности, обучать их самих, а не кланяться им в ножки, особенно если тебя воспринимают как продукт цивилизации далеко не высшего сорта. К тому же развитие политических и экономических процессов на территории бывшего СССР предопределило рождение *негосударственной сферы* безопасности и охраны. А это, в свою очередь, привело к появлению возможности свободно развивать и у нас все разновидности этого древнего как мир искусства, что еще недавно даже самым смелым мечтателям из профессиональной среды *безопасников* казались эфемерными и нереальными, словно замки из услышанных в детстве волшебных сказок.

Но законы окружающего нас мира абсолютно непреложны. Их можно не замечать до поры до времени, но рано или поздно они сами напоминают о себе, а законы безопасности чаще всего напоминают о себе патетическим трауром профессиональной и личностной нереализованности. Чем позднее люди понимают и принимают неизбежность этих законов, тем реже проявляется

этот патетический траур и тем меньше общие потери, в которых материальные и временные потери неизбежно уступают место человеческим…

Папки – это самое ненавистное и самое необходимое в бюрократии. Они растут как грибы после дождя, и, глядя на них, понимаешь, что в них твоя опора и твои проблемы. Но именно папки порой подсказывают тот правильный, а порой и наиболее эффективный путь, который способен привести тебя к цели. Вопрос только в том, что до нее еще надо добраться. И именно бюрократическая сила бумаг, воплощающая знаменитый закон перехода количества в качество, позволила найти, возможно, не самую оригинальную, но достаточно эффективную форму действия.

Работа в международных организациях общественной или профессионально-общественной направленности имеет множество специфических особенностей, среди которых не последнее место занимает кадровая политика. Ведь решающую роль играет прежде всего когорта официальных представителей, которые в конце концов определяют и проводят профессиональную работу в регионах. Именно этот *принцип профессионализма* был положен во главу угла, что и предопределило развитие последующих событий во всей их совокупности.

Супруга на одном из спецкурсов в Европе

Ах, наши личные амбиции, сколько бед и страданий они приносят не только нам самим, но и тем, кто находится в сфере нашей деятельности. А если они усилены еще и националистическими амбициями нереализованной личности в государстве с многовековой традицией приоритета одной нации над другой, тогда это просто камень преткновения для человека.

Как хорошо было бы быть полноправным и уважаемым гражданином и всемирно признанным деятелем в своей профессиональной области. Но вот тут вышло несколько ошибочек, а значит, и нет ни желаемого профессионального статуса, ни соответственного социального положения в многослойном пироге западного сверхдискретного общества.

А как хочется побыть калифом хоть один час, ну а если не час, то хотя бы минуту… Но калифы немыслимы без свиты, без подобострастных вассалов, которые будут падать ниц при одном упоминании имени *величайшего из величайших*, а заодно и проводить в жизнь все то, что будет приказано свыше. А времени ох как не хватает, особенно если учесть новые и новые столкновения с бывшими коллегами, которые знают то, что очень не хотелось бы, подобно сору, выносить из избы. Поэтому для *вояжа на Восток* прописывается новая роль и рождается новый образ респектабельного и солидного господина, правда, с траурной каймой под ногтями, алкогольным выхлопом после вчерашнего и с выходным костюмом, сидящим как старая бойскаутская форма на переростке. Но это не замечается в потоке восторгов и *проявлений* раболепия со стороны «цивилизуемых туземцев». Вот тут и появляется шанс для «туземцев» проникнуть в ту среду, которая не очень-то любит пускать внутрь себя неизвестно кого.

Но ведь и по морю можно передвигаться не только по ветру, но и против ветра – галсами. Не самый короткий и простой путь, но если все вокруг тебя против, то у тебя только два выхода: или покориться, или искать нестандартные пути решения проблемы.

Вживание в образ давалось с трудом, и закрепление в новом статусе происходило в рамках параллельных мероприятий по линии более легитимных и международно признанных организаций в этой же области. Ошибка могла погубить как этапный успех, так и всю конструкцию отношений в целом, но в жизни вообще рекомендуется не допускать существенных ошибок, иначе сама жизнь накажет тебя сильней, чем кто-либо посторонний.

Время шло: тянулось, бежало, мчалось, летело, – и порой казалось, что еще одно неверное движение, и карточный домик успеха неминуемо рухнет то ли от дуновения политического или конъюнктурного ветра, то ли от неверного движения архитектора событий. Совмещать приходится все сразу: и продвижение по основному направлению, и намеченные программы профессионального образования, которое не прекращается практически никогда и составляет как бы вторую натуру любого

специалиста в оперативной области деятельности.

Конъюнктура в организациях, объединяющих множество профессиональных, региональных, личных интересов и амбиций, крайне сложна и подвижна. Лишь немного отстал или упустил несколько ключевых моментов, и ты уже теряешь путеводную нить и контроль над ситуацией. А если быстро не восстановил равновесие, считай, что вся прошедшая работа пропала даром, так как сообщество быстро бросает отставшего на произвол судьбы, и никто никогда даже не подумает помочь неуспевающему экс-собрату. Да-да, именно *экс*, так как отстающий тут же вычеркивается из общих списков коллег и как бы перестает существовать. Так что закон джунглей выполняется в этой среде на все сто, а то и больше…

Калейдоскоп событий не позволял расслабляться или отвлечься хоть ненадолго, и в то же время нельзя было слишком сильно торопиться. Таллин, Мадрид, Лондон, Франкфурт, Вена, Нью-Йорк, Москва, Амстердам, Симферополь, Мюнхен, Дублин, Париж, Брюссель, Варшава, Прага, Будапешт, Стокгольм… Города и события мчались стремительной чередой, на фоне которой решались или стопорились многие важные, менее важные и совсем не важные вопросы, а заодно пополнялись те злополучные папки, содержимое которых постоянно влияло на ход событий, заставляя прислушиваться к своему тихому, но требовательному голосу.

Польша. Командир 18 ДШБ 6-й дивизии ВДВ НАТО

Обуздывать чужие амбиции и прекращать разрушительную деятельность человека, который сам не особенно заботится о чистоте своих поступков и идей, на первый взгляд несложно. Но когда все это наматывается, как проволока, на катушку чрезмерного эгоцентризма, то принимает крайне экзальтированные формы. Проникновение в скрытые механизмы деятельности открывает те приводные ремни, рычаги и блоки, которые управляют всем механизмом и обеспечивают его движение. Вот тут-то и открываются истины, тщательно скрываемые от профанов всеми возможными и невозможными средствами.

Но вот перешел к решительным действиям тот, кто более всего их опасался. Неумеренность и чрезмерная самоуверенность губили и губят множество людей, а когда на это еще накладывается отпечаток спесивого упрямства и чванливости, то

ситуация может приобрести совершенно парадоксальные и, что еще интереснее, прогрессирующе повторяющиеся формы. Именно такое неадекватно-агрессивное поведение одного человека и запустило процесс разрушения внутри четко выстроенной конструкции, которая, как сложный механизм энергообеспечения космического корабля, вдруг развернулась, и оказалось, что маленький невзрачный контейнер на одной из подвесных платформ оказался ответственным за работу всей системы электропитания корабля в автономном полете. Точно так же распрямилась сжатая пружина, способствуя тому действию, которое было направлено на разрушение самой пружины.

Конструкция, которая была подготовлена к разрушительному действию на вроде бы расчищенном поле, вдруг мгновенно рухнула сама, увлекая за собой все, что поддерживало ее или балансировало в стремлении устоять или обрести опору. Шоковая терапия, проведенная интенсивными и точными действиями, уничтожила весь фундамент конструкции, которая изначально задумывалась и взрастала как декоративный сорняк на новой ниве, да еще в расчете на *неграмотность тутошних «аграриев»*. Но, увы, оказалось, что селекционер, пытавшийся выдать сорняк за высокосортные посадки, получил в награду обжигающую руки крапиву вместо урожая зеленой хрустящей капусты с чужого поля, которое он намеревался использовать как свою личную вотчину.

Конечно же личность сопротивлялась всеми возможными и даже почти невозможными средствами.

Даже попавшие в экстремальную ситуацию люди отказывали в покорности *новоявленному фюреру*, от которого отреклись практически все ведущие подразделения его тайной армии. А когда он понял, что натолкнулся не просто на сопротивление отдельного человека, а на продуманную и действующую систему сопротивления, нервы изменили экс-сержанту в *полковничьем камуфляже*, а его срывы завершили то, что ему уже было давно уготовано. Отторжение чужеродной ткани – свойство любого живого и здорового организма, у которого хватает сил бороться с нездоровым внешним влиянием слишком «заботливых» помощников.

Ну что, мистер Шорт, пройдем – окончание игры. Лето 1991 года

Кипение страстей конечно же было бурным, но, когда пар ушел в свисток, оно само собой утихло, так как из кокона давно уже появилось созревшее в нем новое существо с характеристиками, явно отличными от тех, которые хотели бы изначально заложить в него *импортные конструкторы*. Ну что же, мы привыкли играть в такие игры с детства, а наши игры незаметно перетекают в нашу жизнь. Плохо, если в этих играх преобладают в основном разделение на своих и чужих, агрессивность и желание еще и еще раз повоевать. Ну а если кто-то теряет память, а жизнь не дает повода для самозащиты, то считать полную беззащитность достоинством тоже трудно.

Жизнь не стоит на месте, и гарантировать отсутствие повторных попыток в любом деле неразумно. Но важно, очень важно, чтобы наши игры помогали нам отстаивать свое личное достоинство и достоинство государства даже тогда, когда это не очень модно или не поощряется обществом. Потерять достоинство несложно, особенно если не стараться его сохранить. А вот вернуть…

А пока в отеле маленького финского городка Койволо стоит невообразимый шум и звучат молодые голоса. Что ж, игра протяженностью более чем в пять лет еще впереди, и мы оставим участников этой игры там, где они и должны находиться. Каждому свое…

Нет у нас униформы, нет эмблем и шевронов,
Есть лишь фрак, или «комби», или роба с пятном,
Не бывает излишеств ни в деньгах, ни в патронах,
И покой отложили мы давно на потом…

Ветеранская вахта утомленных застольем
Есть удел для немногих, кто дожил до седин,
Кто на холод металла отвечает злословьем
Анекдотов и шуток – юмор непобедим!

Может, в этой горячке запрессована вечность,
Может, в этом потоке мы несемся во тьму,
Но какие же мысли и какую беспечность
В бесконечную вечность я с собою возьму.

Радость теплых ладоней, и дыханье любимой,
И улыбку ребенка, блеск искрящихся глаз.
Это все мимолетно, это необратимо,
Но так тонко и остро ощутимо для нас.

Это цель и стремленье в жизни столь скоротечной,
Это наша опора и невидимый крест,
И несем мы по жизни сонм своих ощущений,
Чувств и личных мечтаний, разнесенных окрест.

Только в этом потоке есть стальные ступени,
На которых мгновенно можно
Путь оглядеть,
На которых мы вроде и взрослей, и степенней,
Но на мир продолжаем, как и в детстве, смотреть.

И в ребячьем задоре пролетают сквозь время
Наши боль, и победы, и стремленье успеть.
Мы ведь сами избрали наше личное бремя,
Нам нести его с честью или вдруг умереть.

В этом вечном потоке середин не бывает,
Компромисс лишь в отчетах, а задор не угас,
Мы всегда побеждаем, если нас заменяет
Плотный строй из шеренги за спиною у нас.

И сменяемость эта в бесконечность уводит,
Словно звезд мириады на Млечном Пути,
Как товарищ в бессмертье из боя уходит,

Все грехи и обиды друзьям отпустив.

Нет у нас униформы, нет эмблем и шевронов,
Только сердце и воля в постиженье Пути,
Только действия наши за границей законов
Психологии мира. Дабы мир тот спасти.

25.02.2001

Немая охота, или Странный посетитель
Рассказ

Аромат свежезаваренного кофе был настолько потрясающим, а улыбка гарсона такой открытой, что пройти мимо маленького кафе на парижской улочке было практически невозможно. Первый остановился и, улыбнувшись в ответ на улыбку парижанина в чистом передничке, с черной, элегантно-смешной бабочкой на безупречно белой сорочке, присел за ближайший столик. Официант просто засиял, словно золотая пуговица на мундире маршала, начищенная к параду.

Первый заказал необычный кофе, волшебное творение кулинарной фантазии шеф-повара заведения. Глаза официанта округлились от удивления: этому иностранцу были известны фирменные секреты этого кафе на маленькой улочке Парижа! Пока официант удивлялся, незнакомец сделал маленькое добавление, которое вовсе обескуражило парижанина. Посетитель заказал подать фирменное блюдо с фламандским десертом и при этом так озорно подмигнул официанту, что тот машинально закивал головой, не понимая, о чем идет речь, ведь в меню не было того, о чем просил странный посетитель.

Когда официант передал шефу заказ посетителя, которого раньше никогда не видел, шеф выслушал молодого служащего кафе в своей обычной манере, повернувшись к нему вполоборота правым боком и не меняя выражения холеного лица, выдававшего в нем стопроцентного француза. Затем он так же неторопливо поправил фартук и, надев поварской колпак, что он делал крайне редко, направился к выходу. Высокий, полный, представительный шеф остановился у дверей кафе, и умные глаза этого уже начавшего стареть, но все еще крайне респектабельного и привлекательного мужчины просканировали посетителей кафе, сидевших за маленькими, как бы детскими столиками. Его взгляд безошибочно выделил среди них того посетителя, о котором только что говорил официант.

Молодой мужчина сидел левым боком к входу в кафе и, как только шеф заметил его, повернулся к нему лицом. Какая волнительная встреча! Именно этот взгляд и именно в этом ракурсе француз видел ровно три года назад. Левая рука посетителя покоилась на столе. Француз опустил взгляд чуть ниже: правая рука посетителя лежала на левом бедре. Незнакомец

сделал ею на первый взгляд обычное, ничего не значившее движение, напоминавшее разминание пальцев пианистом. Но для стареющего француза этот жест означал очень многое.

Молодой официант стоял за спиной шефа, ожидая его решения. Шеф обернулся и, сказав несколько фраз, быстро прошел на кухню и принялся колдовать у плиты.

Официант тут же подскочил к столику необычного клиента и, передав, что заказ будет выполнен минут через десять, поставил перед посетителем рюмочку со старым, пятидесятилетней выдержки, коньяком – от шефа, – после чего с почтительным поклоном удалился.

Первый взял широкую рюмку, слегка подогретую предварительно на горелке, с наслаждением вдохнул запах прекрасного старого коньяка и отпил – совсем немного. Губы чуть-чуть обожгло, маленький глоток оставил после себя во рту букет неповторимых ощущений.

Легкий порыв летнего ветерка принес с собой ароматы сдобы и свежего хлеба из ближайшей булочной, которые тут же смешались с запахами расположенного неподалеку парфюмерного магазина… Для каждого квартала Парижа характерна собственная, всегда неповторимая гамма запахов, но иностранцы, в отличие от привыкших к ним аборигенов французской столицы, воспринимают их с особой остротой.

Вновь появился парижский официант – гарсон. От этого парижского словца почему-то стало весело на душе. Первый одобрительно улыбнулся, отдавая должное искусству этого молодого парня, судьба которого почти предрешена, и вряд ли в ней возможны хотя бы незначительные отклонения.

Кофе и кулинарные художества его шефа были великолепны. Посетитель чуть повернул голову налево и увидел шефа, стоявшего к нему правым боком, с чуть-чуть наклоненной в сторону головой. Посетитель тоже немного наклонил голову и, медленно прикрыв глаза, поблагодарил мастера за доставленное удовольствие. Затем незнакомец чуть приподнял правую руку и соединил подушечки большого и указательного пальцев. На породистом, покрытом морщинами лице парижанина появилась озорная улыбка, доказывающая, что события прошлого все еще живы в памяти этого человека…

Весна выдалась в Париже солнечной, и лишь порывы свежего ветерка напоминали, что лето еще не получило полного вотума доверия. Свободные и беспечные, респектабельные и безалаберные, чувствительные и безразличные к чужим заботам, парижане занимались своими повседневными делами. Никому не было дела до двоих людей, которые прибыли в Париж в один

день.

Первый прилетел на самолете и, покинув терминал аэропорта, сел в предупредительно открытую шофером дверцу респектабельного «мерседеса». Двое сопровождающих и водитель представляли собой грозный эскорт профессионалов. Стартуя, машина буквально подскочила на месте и вихрем помчалась вперед, но в нужный момент, сливаясь с потоком автомашин, сбавила скорость до приемлемой.

Второй прибыл в Париж на машине из сопредельной северной страны, поделенной надвое старой монархической традицией и конкурирующей с ней на культурном, а значит, и на политическом уровне оппозицией. За рулем «пежо» сидел молодой человек, и эта обычная машина среднего класса ничем не выделялась в общем потоке автомашин.

И Первый, и Второй прибыли в Париж одновременно и с одной целью – отыскать друг друга в этом бесшабашно-равнодушном городе с романтической начинкой. Вот только покинуть этот город должен был только один из этих двоих. Причем каждый из этой пары знал, что невыполнение задания равнозначно потере всего как в карьере, так и в жизни.

Первый прибыл в небольшой частный отель, хозяином которого был респектабельный француз, родившийся, правда, в Брюсселе, но в настоящее время работавший еще и шеф-поваром в ресторане собственной гостиницы. Для посетителя был зарезервирован специальный номер из четырех комнат, а два соседних номера заняли сопровождающие важного гостя лица. Освежившись в приготовленной ванне с ароматизирующими добавками и накинув шикарный халат, Первый удобно устроился в кресле и расслабился, ожидая, пока шеф-повар, он же хозяин отеля, закончит сервировать стол в его номере, расставляя на нем свои лучшие деликатесы и фирменные блюда.

Второй остановился в студенческом общежитии в комнате, в которой раньше проживали четыре человека. Войдя в комнату, Второй выбрал приглянувшуюся кровать, распаковал небольшой багаж и, приняв душ, отправился в ближайшее бистро перекусить.

Круги судьбы давно уже начали сужаться, и эти двое рано или поздно должны были встретиться. Давно известна поговорка, гласящая: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется». Реализация этой истины в области тайной профессиональной деятельности традиционно и по законам жанра всегда заканчивается именно встречей представителей двух противоборствующих сторон. Количество участников значения не имеет.

А поэтому и эти двое неминуемо должны были когда-нибудь сойтись в одном месте. Вот только в каком качестве они должны были встретиться, оставалось непонятным до последнего времени. Но жизнь сама все расставила по своим местам. И менее полугода назад один и тот же образ жизни, надежно скрытой от посторонних глаз, одновременно вывел их на финишную прямую, с той лишь разницей, что оба оказались на двух ее противоположных концах.

Причем к финишу оба могли и должны были прий ти одновременно, а вот за финишной чертой место оставалось только для одного. И зависело это уже не от этих двоих людей, которых обворожительно-жестокая жизнь столкнула в смертельной гонке.

Они не имели друг к другу никаких претензий и никогда не сталкивались, хотя и знали о существовании друг друга. Но теперь жизнь столкнула их лбами, и каждый должен был сделать все, чтобы выйти живым из этого невидимого поединка. Это было похоже на взаимную охоту двух хищников друг на друга или ситуацию, когда охотник одновременно является и дичью.

Первый превосходно владел всем арсеналом огнестрельного оружия, но предпочитал мягко нажимать на спусковой крючок

скорострельной или снайперской винтовки в тот момент, когда объект его забот чуть задерживался в заранее просчитанном месте. А Второй предпочитал *сухой спуск* многозарядного пистолета, заряженного пулями эксплозивного типа действия с различными дополнительными фокусами (прибамбасами?) домашней выделки.

У обоих были фотографии друг друга в различных ракурсах и видах одежды, каждый уже успел изучить особенности поведения и известные фрагменты биографии своего визави, а кроме того, имел точное представление о психологических и тактико-технических возможностях своего, так сказать, клиента. Но оба «дуэлянта» не знали и не могли знать, как повернется ситуация. На обоих давило собственное руководство, причем давили как-то странно, настойчиво и безапелляционно, и это настораживало каждого.

Но им не дано было заранее встретиться и обменяться мнениями, чтобы развеять сомнения и сопоставить все, что им было известно. А это было бы так важно для каждого в отдельности и для обоих в целом. Но, увы, законы жанра и полный беспредел в реальной жизни сотрудников спецслужб не оставляли и тени надежды на такое решение проблемы, хотя каждый из них в душе мечтал о неформальной встрече с противником, так сказать, на нейтральной полосе. Обоих интересовали истинные причины непонятной и всемерно стимулируемой начальством гонки на выживание.

Первый распределил своих людей и отправил каждого в город с индивидуальным заданием. Второй сидел в своей студенческой резиденции и практически не показывался на улице, лишь изредка выходя в магазин или в бистро перекусить на скорую руку. Затем он опять возвращался в хаос студенческого общежития и суету плебейского квартала, где каждый был шапочно знаком со всеми и никому не было дела до всех. Подготовка к финалу операции требовала тщательного изучения материалов и тщательной отработки деталей, а торопиться почему-то не хотелось. Первый так же лениво выслушивал отчеты своих людей и отправлял их проверять и перепроверять те или иные мелочи. Шевелиться совершенно не хотелось, как в жару, когда каждое движение вызывает неимоверную усталость. Наоборот, хотелось забраться в бассейн и наслаждаться прохладой воды или неподвижно лежать, ожидая, пока спадет жара.

Обоим было неприятно собственное бездействие, нервировало все: и сжатость сроков, и настойчивость начальства,

и карательные меры с его стороны в случае срыва операции… Все это накладывалось на профессионально деформированное сознание обоих. Перманентная настороженность и *навык постоянного включения головы,* даже тогда, когда природа требовала противоположного, позволяли фиксировать мельчайшие нюансы обстановки и исподволь анализировать события, которые могли иметь, а порой совершенно не имели между собой никакой связи.

Аналитик ЦРУ США Марк Сагеман

Вот и теперь Второй с отрешенным видом сидел за компьютером и без единой мысли в голове гонял по дисплею виртуальных монстров. Картинки взрывов и разрушений сменяли одна другую, а пальцы Второго, как чертенята, плясали по клавиатуре, выбивая только им известный ритм. Вдруг в один из самых ответственных моментов руки игрока замерли над клавиатурой, и он тут же набрал большое количество штрафных очков. Однако Второй почему-то никак не реагировал на полную потерю инициативы.

Экран погас – умная машина отключилась после полного провала в игре, но человек не замечал этого. Он мысленно пытался ухватить за кончик тоненькую ниточку, потянув которую можно было бы вытащить из глубин памяти какую-то очень

важную информацию… Впрочем, это вполне могла быть и пустышка. Время замерло на месте, как бы боясь нарушить торжественность момента…

И вдруг Второй вскочил из-за стола, открыл дверцу шкафчика, извлек из него телефон и набрал только ему известную последовательность цифр. Голос на противоположном конце провода отозвался любезно-вопросительным тоном, и через несколько минут на экране все того же компьютера высветилась информация о приеме сообщения. Текст его был краток и крайне неинформативен для любого человека, не посвященного в тонкости предшествующего вопроса. Второй несколько раз прочитал сообщение и, сделав пометки в маленькой книжечке, уничтожил сообщение. Теперь появилась одна из версий, позволяющих выиграть время, а возможно, и нечто большее в этой странной охоте одного двуного на другого.

Первый анализировал полученные материалы и, оторвавшись от текста, ловил себя на мысли, что ему не нравится возникшая ситуация и его люди неоправданно рискуют собой, вылавливая в городе неизвестно кого. Его раздражала неопределенность ситуации: непонятно, зачем было загонять его в такие ненормальные рамки. Первый давно жил на этом свете, и современная цивилизация с ее техническими и прочими достижениями стала для него средой, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Но он был расчетлив, осторожен и оправданно жесток в экстремальные моменты и прагматично скуп в обыденной жизни. Деньги давно перестали его интересовать. Когда-то он перешел ту грань, которая отделяла его от бедных и богатых. У него было достаточно денег, чтобы не думать о них как о средстве к существованию, но он никогда не пускал их в рост, и ему даже в голову не приходило вложить какие-то деньги в бизнес или во что-либо другое, приносящее доход.

Свою работу Первый воспринимал как возможность реализовать себя как личность, как способ вырваться из оков субординации, шаблонов устоявшихся понятий и повседневной рутины профессиональной деятельности. За четверть века он достаточно высоко поднялся по ступеням карьерной лестницы и теперь мог позволить себе заниматься творчеством в рамках того, что было его профессией.

Ко Второму он вначале никак не относился, он просто знал о его существовании, так же как об этом знали и многие другие его современники. Но события последних месяцев изменили его отношение к этому человеку. Ему приходилось изучать все сведения, которые можно было получить о Втором. Вначале Первого неприятно удивил взрывной рост карьеры Второго. Но

когда он углубился в изучение материалов, то понял, что этот человек, хотя и намного моложе его, обладает не меньшим прагматизмом в реализации жизненной программы, а подбор повлиявших на его становление наставников позволил при правильном подходе удачно соединить воедино их опыт и талант его оппонента, что в конечном счете и привело к выдающимся результатам последнего на практике.

Легкое раздражение молодостью своего оппонента постепенно сменилась уважением, и это вновь вызвало настороженность столь жесткими рамками, а также темпом реализации плана операции. Первый собирал материалы и не торопился с выводами и действиями. Ошибка не оставляла никаких шансов на успех, кроме того, он сознавал, что победителей в той войне, в которой он участвовал, не бывает: бывают лишь временные победы и побежденные, а все победители подобны калифу на час. Эту истину он постиг еще тогда, когда Второго только проектировали его родители.

Эта мысль несколько развеселила Первого, и он отправился обедать в сопровождении своих помощников, которые ничего не могли понять в поведении своего патрона. Ни пустые отчеты, ни отсутствие реальных версий не могли поколебать целеустремленности этого человека.

Хозяин отеля и шеф-повар ресторана, как обычно, сам сервировал стол для наиболее важных гостей. Вот и теперь он неторопливо и с достоинством исполнял свою миссию, подготавливая своих гостей к таинству приема тех блюд, которые творились в ароматной атмосфере его кухонной лаборатории. Только главный гость знал некоторые факты биографии шеф-повара, позволяющие им работать вместе.

Когда-то шеф, родившийся в Брюсселе, обучавшийся в Париже и Лионе, а затем практиковавшийся во многих городах Европы, был посвящен в тайну его отца, бывшего кадрового сотрудника секретных служб Франции. Но во время Второй мировой войны ситуация сложилась так, что, спасая жизнь своей жены и единственного сына, схваченных во время облавы, он вступил в контакт с немецкой секретной службой, в результате которого возникла операция, названная «Десерт».

Эта операция привела к провалу ряда законспирированных членов движения Сопротивления, в основном во фламандской части Бельгии. Позднее, уже после окончания войны, один из бывших членов Сопротивления, спасшийся от действий немецких спецслужб, сумел обнаружить часть уцелевших архивов, в которых были найдены документы, подтверждающие участие

француза в акциях немецких оккупационных властей.

Небольшой портфель с копиями документов, присланный на адрес семейства, лишил ее главы, застрелившегося после изучения бумаг и часового раздумья. Смерть отца, который был для него кумиром, и последовавшая вскоре смерть матери, не вынесшей горя и позора, ознакомление с документами, раскрывающими неблаговидную роль отца во всей этой истории, перевернули всю жизнь сына. Он поклялся никогда не заниматься тем, чему посвятил свою жизнь отец и к чему стремился вначале сам. Но время и люди вернули сына к той деятельности, которой посвятил свои лучшие годы его родитель… И гостю и шеф-повару это было известно, и эта общая тайна очень тесно связывала их обоих.

Но в тот момент, когда сервировка стола уже подходила к концу, еще один человек приступил к разматыванию этого старого клубка. Информация, заложенная еще на специальных курсах и подвергаемая анализу в данный момент, позволила получить нужный результат, и теперь его компьютер один за другим принимал блоки информации, на расшифровку которой уходило столь ценное время.

Второй взмок, но это сейчас не имело значения: рубашка прилипла к телу, пальцы как заведенные плясали по клавиатуре, открывая доступ к нужным файлам и составляя необходимые информационные сводки. В этот момент Второй был похож на одержимого идеей отшельника, заточившего себя в келье для постижения некой высшей истины. И, видимо, так оно и было, потому что высшей истиной была и остается жизнь, которую сейчас и спасал Второй. Вот только чью жизнь на этот раз он спасал, кроме своей, ему было непонятно.

Но в какой-то момент он вдруг остановился: у него открылись глаза, и он вдруг осознал, что был наивным простаком! Ему стало понятно, что на самом деле сейчас происходит и на что толкают его и того человека, против которого ему приходится работать. Второй в гневе бросил дорогую ручку с золотым пером на стол с такой силой, что та отскочила и, ударившись о белую стену, оставила на ней черные чернильные кляксы.

Второй подошел к золотой безделушке, исковерканной одним сильным ударом. И вдруг явственно понял, что он – такая же дорогая безделушка, которую достают в ответственные моменты для подписания важного контракта, позволяя блеснуть в свете юпитеров высокопробным, пронумерованным золотым пером. Но стоит погаснуть фотовспышкам и лампам юпитеров, как дорогую ручку надолго убирают в массивный футляр и прячут в ящик стола до следующей демонстрации своей весомости,

состоятельности, подтверждения своего имиджа и престижа.

Золотая ручка, стоившая еще пару секунд назад несколько тысяч долларов, искореженная и сломанная, измазанная чернилами, жалкая и бесполезная, валялась у ног Второго. В какой-то момент ему захотелось восстановить ее, заменить искореженное ударом перо, отмыть и выправить корпус, но мелькнувшая в голове мысль и вызванная ею смена настроения вернули Второго к реальности. Он топнул ногой и довершил то, что не смог сделать в первом порыве.

Теперь надо было идти только ва-банк. Второй любил поиграть в джокер или апэндаун и знал, что даже при не самом удачном карточном раскладе правильный расчет позволял рисковать по-крупному для достижения победы. Второй взглянул на часы – время обеда Первого в престижном ресторане еще не прошло, и этим можно было воспользоваться. Второй быстро собрался, заперев в сейфе, вмонтированном в ничем не приметный шкаф, оружие и все профессиональные технические средства, которыми пользовался. Взгляд его остановился на компьютере. Долю секунды человек смотрел на умную машину, а затем стал быстро ее разбирать. Добравшись до диска, человек аккуратно вложил его в почтовый пакет с целлофановой прокладкой, которые используют для пересылки хрупких или легко ломающихся предметов, и тоже поместил в сейф. Осмотрев комнату, Второй запер за собой дверь и, выскочив через запасный выход студенческого корпуса, от которой у него был специально подобранный ключ, пересек двор, перескочил через забор и вскоре уже был на одной из небольших улочек. Свернув к дешевой стоянке автомобилей, он сел в заждавшийся своего хозяина «пежо» и с визгом покрышек сорвался с места.

Машина ловко лавировала по улицам и автострадам. Второй постоянно поглядывал на часы, прикидывая, сколько времени у него осталось. Азарт захватил его, а внутренняя убежденность в правильности действий подгоняла вперед. Только на минуту «пежо» притормозил около обычного дома, к подъезду которого у Второго также нашелся ключ. Он заскочил в подъезд, опустил в один из почтовых ящиков плотный конверт с двумя ключами: от номера в студенческом корпусе и от сейфа. Затем покинул подъезд, прыгнул в машину и умчался в сторону ресторана, где через четверть часа, если все будет как обычно, завершится изысканный и неспешный обед.

Второй вошел в зал ресторана, когда обед уже подходил к концу. Он сразу увидел людей Первого, но сейчас ему нужно было именно это. Второй знал, что без приказа ни один из сотрудников Первого не пошевелит и пальцем. Они будут только внимательно

наблюдать за своим объектом, но никаких действий не предпримут. Второй неторопливо прошел по залу, выбрав для себя столик в дальнем углу около окна, не торопясь, положил на край столика бумажник, снял пиджак и повесил его на спинку стула. Затем, как бы случайно, смахнул бумажник на пол и нагнулся поднимать его так, чтобы сотрудники Первого могли обозревать его «объект воспитания». Теперь демонстрация безоружности была завершена, и Второй заказал апельсиновый сок и чашечку кофе.

Двое сотрудников Первого остались наблюдать за Вторым, а один исчез, чтобы срочно передать информацию своему патрону. Первый выслушал сотрудника и понял, что визит его опасного оппонента, да еще без оружия, явно свидетельствует о приглашении к разговору. А на разговор можно приглашать человека только тогда, когда есть что сказать собеседнику. А значит, стоило выйти на такой разговор. Первый отодвинул недо еденное блюдо, встал из-за стола и вышел в большой зал. Осмотревшись, он увидел Второго, который сидел за столиком и наслаждался прохладным соком и вкусом прекрасно сваренного кофе. Первый приблизился к столику, когда Второй привстал и гостеприимным жестом старого приятеля пригласил Первого к себе за столик.

Два человека, которые должны были искать друг друга для того, чтобы кто-то смог уничтожить кого-то, мирно сидели за столиком, и со стороны могло показаться, что встретились два приятеля или просто два сотрудника солидной фирмы зашли перекусить во время перерыва, а возможно, это бизнесмены ведут предварительные переговоры перед заключением контракта и реализацией сделки. Но беседа этих двоих значила много, и не только для них.

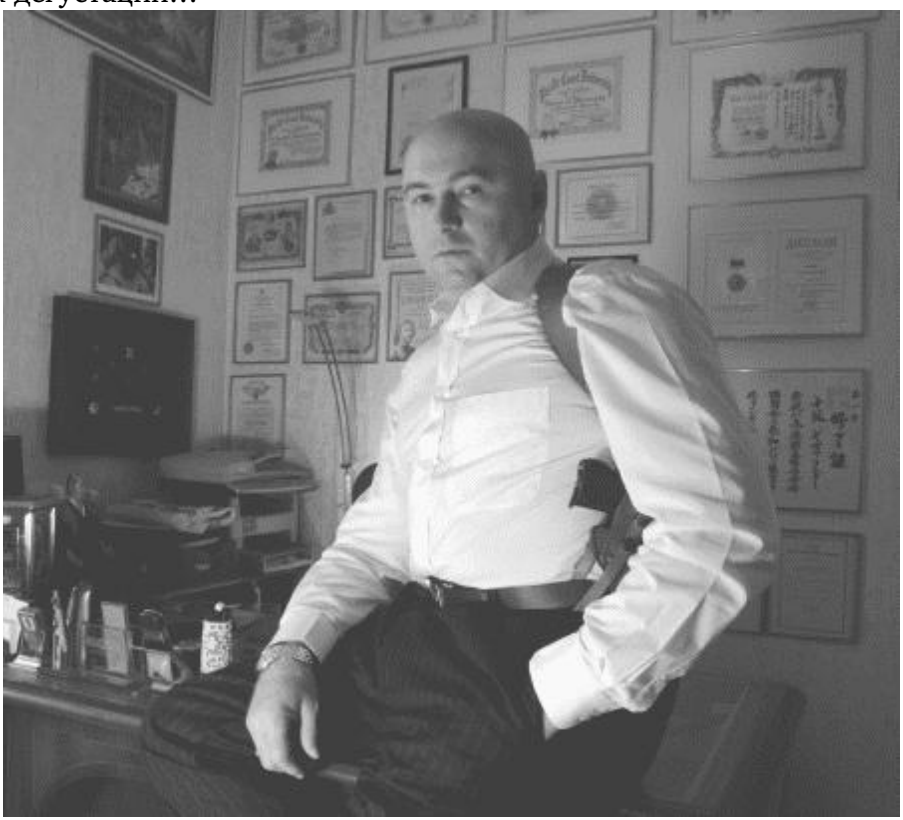
В какой-то момент Первый засомневался в информированности Второго, и возникшая пауза могла изменить дальнейший ход беседы, а значит, и событий. Второй подозвал официанта и попросил пригласить шеф-повара. Озадаченный официант вопросительно посмотрел на посетителя, пытаясь припомнить, что могло вызвать недовольство в обслуживании и приглашение шеф-повара, но молодой посетитель, дружески улыбнувшись, объяснил, что хочет заказать фирменное блюдо для себя и для своего знакомого лично у шеф-повара. Поняв, что имеет дело с истинным ценителем фирменной кухни их ресторана, обрадованный официант бросился за главным кулинарным чародеем.

Первый внимательно наблюдал за своим собеседником и ждал развязки. Сейчас Второй полностью находился в его власти,

и Первый все еще оценивал весомость аргументов, изложенных всего минуту назад. Что должно произойти с приходом шеф-повара, о связи с которым Первого знал лишь крайне ограниченный круг людей?

Когда шеф-повар приблизился к столику, Второй попросил его подать на столик фирменный кофе с десертом, с фирменным фламандским десертом, повторил посетитель, сделав ударение на слове *фламандский.* Сначала шеф-повар оторопело уставился на молодого человека, затем перевел взгляд на второго посетителя. Прочитав в его взгляде согласие, он, опустив плечи и пошатываясь, удалился на кухню.

Теперь Первый понял, что информация, предоставленная Вторым, имеет серьезную основу. Еще несколько вопросов окончательно развеяли сомнения, и, когда шеф-повар принес настоящий шедевр кулинарного искусства в изящных широких вазочках, оба посетителя с огромным удовольствием приступили к дегустации…



Через два месяца шеф-повара выписали из клиники, где он восстанавливался после перенесенного инфаркта. Потрясение, которое он испытал в зале ресторана в тот памятный день, не прошло незамеченным, и на сердце у него появился рубец,

напоминающий о разоблачении тайны, так долго и тщательно скрываемой от лучей правды. Но именно эта тайна оказалась решающей для сохранения двух жизней. Зато ее повторное открытие стоило жизни человеку, который отправил тех двоих в Париж для решения своих вопросов, пренебрегая интересами дела и моралью. Люди всегда остаются людьми со своими слабостями и интригами, преследующими более или менее важные цели. Но жизнь или тот, кто иногда подталкивает ее в спину, распорядились по-своему, и перехитривший самого себя хитрец отправился в долгий путь по всем ближним и дальним закоулкам ада, а возможно, и рая, ведь чего только не бывает на этом и том свете?

Десерт был действительно великолепен на вкус. Возможно, именно это подчеркивало то ощущение полноты жизни и свободы, которые мы начинаем ценить, только оказавшись на грани их потери, а часто и за этой гранью, когда уже бывает слишком поздно.

Молодой человек взглянул на гарсона, и тот стремглав побежал к столику, неся на маленьком серебряном подносе счет. Посетитель мельком взглянул на итоговые цифры и, оставив купюру, достоинство которой намного перекрывало величину счета, встал из-за столика и, не оглядываясь, пошел в сторону центра города, влившись в поток парижан и туристов. Гарсон, удивленный и озадаченный, подскочил к шеф-повару и показал ему оставленную этим странным посетителем купюру.

Шеф потрепал официанта по вьющимся волосам и сказал, что тот может оставить всю сумму у себя в качестве награды за отличную работу. Шеф еще несколько минут стоял и смотрел вслед ушедшему мужчине, а официанты еще долго вспоминали о необычном посетителе и столь не характерной для их строгого патрона меланхолии. Откуда им было знать то, что знали их пожилой шеф и тот странный посетитель? Но закон бизнеса гласит, что *клиент всегда прав*, и они могли гордиться тем, что не уронили чести своей фирмы, удовлетворив столь необычное пожелание того странного посетителя. Гарсонам было чем гордиться, так же как и другим оставшимся в живых участникам прошлых и часто мало реальных событий.

Былые сны, или Последняя командировка

Когда мне в жизни что-то непонятно,
Когда щемит под сердцем и тревога
Скользит змеей и шепчется невнятно,
Вдруг вспоминается судьбы моей дорога.
Былые годы, люди, имена, столетья,
Мысли, подлости и честь…
Как средоточие порыва в лихолетье,
Где доблесть и жестокость не расчесть.
Проходит время, словно легкий пар,
Струящийся сквозь пальцы невесомо,
И жизнью нам врученный свыше дар
Ведет по жизни, словно сам ведомый.
Проклятья, страсти, чувства и долги,
Любовь и ложь, предательство и чудо,
Уж коли можешь – просто помоги,
А не считай монеты, как Иуда.
Когда-то мир способен был решить,
Что может быть ужаснее паденья,
Прервать или оставить жизни нить,
Но смерть прошла, как будто привиденье.
И сидя в самолете у окна,
Я впитываю музыки настрой,
Наш вижу дом – ты в комнате одна,
И явь смешалась с сонной тишиной.
Потоки чувств моих, величие греха,
Любви стремление и совести порыв,
И оголенный нерв – как нить стиха,
А выстрел в спину – поминальный взрыв.
Бросает жизнь порой из края в край,
Где доверять могу я лишь себе,
Но я не обменяю ад на рай,
Ведь каждый раз из ада мчусь к тебе.
Все было в этой жизни много раз:
Предательство, и гнев, и жажда мести, —
Но в жизни есть огонь любимых глаз,
И это значит, что мы снова вместе.

Прыжок
Рассказ

Информация поступила, когда Салем по своему обыкновению принимал ванну. И не просто принимал, а отправлял обряд телопогружения в соответствии со своими, немногими, впрочем, жизненными правилами. Это было священнодействие, совершаемое им с великим тщанием и наслаждением гурмана. Мягкая пена специально отобранных травяных настоев ласкала тело, и Салем, погрузившись в воду, блаженствовал настолько, насколько ему это позволял делать телефон.

Телефон Салем ненавидел всеми фибрами души и в то же время не мог без него обойтись ни минуты. Телефоны окружали его всюду. Дома они гнездились в каждой комнате. В автомобиле телефон назойливо маячил перед рычагом переключения скоростей. Переносной телефон, вмонтированный в корпус радиостанции, настигал его практически в любом месте, а пейджеру приходилось подчиняться всякий раз, когда тот начинал назойливо пищать.

Салем лежал в ванной, блаженствуя, сливаясь и растворяясь в ароматах целебной воды, которая придавала сил для дальнейшей работы. Коллеги шутили, что предки Салема были отъявленными ханжами и наверняка удивляли весь восточный мир своей неописуемой роскошью и что по крайней мере один из его предков наверняка возил с собой золотую ванну во всех своих военных походах. Салем только смеялся и отвечал, что по законам шариата это не противопоказано правоверному, соблюдающему все главные заповеди пророка, который, однако, допускает некоторые от них отступления, когда речь идет об исполнении своих профессиональных обязанностей, особенно во время военных действий.

Звонок буквально вытолкнул Салема из воды. Наполовину высунувшись из ванны, он схватил ненавистную трубку, чувствуя, что за те три часа, которые прошли с того момента, как он покинул офис Бюро, случилось что-то необычное.

Голос в трубке был знаком ему со времени совместного обучения с его обладателем в спецшколе, но сейчас этот вечный шутник крайне строго произнес несколько рубленых фраз. Салем, тут же бросив трубку, практически за пару минут смыл с себя душистую пену и принялся быстро одеваться, соображая, в какую сторону может бросить его непредсказуемая жизнь на сей раз.

Жена смотрела на сборы мужа понимающим взглядом и перед самым выходом Салема в гараж, который располагался на первом этаже дома, передала ему заветный дипломат со всеми необходимыми вещами на несколько дней. Молодая женщина на несколько мгновений прижалась к его плечу. Салем поцеловал жену и, ловко вскочив в салон автомобиля, выехал из гаража, держа курс в неизвестность…

В Бюро его встретили настороженно. Шеф, обычно спокойный и вальяжный полнеющий мужчина, теперь сидел за столом и курил сигарету за сигаретой. Груда окурков говорила о том, что действительно стряслось что-то из ряда вон выходящее. Он вкратце изложил суть происшествия. Оказалось, что ушел Абдула, причем не с пустыми руками, а с материалами по операции «Месяц».

– Мы провели расследование, – продолжал с самым мрачным видом рассказывать шеф, – перевернули у него все вверх дном и обнаружили несколько тайников, а также два контейнера. Он ушел внезапно, видимо заметив пристальный интерес со стороны нашей службы. Мы вели его уже полгода, когда выявили несанкционированный контакт, но, по-видимому, где-то была допущена ошибка, и этот шайтан ушел. Он убил троих наших сотрудников, причем одного убил вместе со всей семьей. Все перевернул у него в доме, видимо в поисках более полного материала по операции. Но документов там не было. Из всего комплекта бумаг, которые он смог унести, подлинных документов только два: это схема связей объекта и одна из первых оперативных шифровок. Все остальное было подготовлено другими ребятами. Но он многое знает. И на нем кровь наших людей.

Шеф придвинул Салему папку, в которой находились документы по делу и досье Абдулы, фотографии его жертв, тайников, контейнеров, копии материалов, которые подготовила для него специальная служба.

Салем сидел как на электрическом стуле и, рассматривая материалы, пытался вспомнить, когда и где в последний раз он встречался с Абдулой? Ах да, они виделись на совещании по поводу окончания одного из мероприятий, но Салем сидел в углу около двери, а Абдула сел впереди и чуть сбоку от него и вряд ли мог его видеть.

Знакомьтесь! Мои ученики – скромные японские боевые профи

– Сколько у меня времени и кто будет со мной работать? – Салем задал вопрос, не спрашивая о содержании задания: это было понятно ему с самого начала разговора.

У Салема была только одна специализация, хотя, кроме шефа и еще нескольких человек, об этом никто не знал, а основная масса коллег по работе считала Салема аналитиком отдела технического обеспечения Бюро.

– Наши люди держат его сейчас под контролем. Он попытался скрыться в Англии, но мы его, видимо, чем-то спугнули, и он сейчас сидит в Бельгии. Сколько времени он пробудет там, неизвестно. Конечно же Абдула понимает, что живым мы его не можем выпустить. И пока он не ушел от наших людей и не сделал пластическую операцию, нам надо с ним покончить. Но перед этим весьма желательно получить от него все, что это порождение порока носит в себе, и желательно судить его здесь, чтобы кара настигла там, где этот шайтан позволил себе осквернить заветы Всевышнего. Ты знаешь, что надо делать. На нашем знамени Пророка не должно быть этого позорного пятна.

Салем поднялся и уже собрался выйти из кабинета, когда шеф остановил его:

– Тебе, правда, придется поработать совместно с одним из твоих знакомых. Это Джо Лансер, с которым ты уже сталкивался.

Я знаю, что у вас были разногласия, но это приказ сверху, и тебе придется работать с ним в паре. Он уже в Бенилюксе. А теперь поторопись.

Салем вышел из кабинета шефа в подавленном настроении. Вместе с Джо они действительно однажды работали вместе, но этому неверному, в отличие от Салема, в конечном счете достались именной пистолет и чек на солидную сумму, что больно ударило Салема по самолюбию. Ему было всего лишь присвоено очередное звание и выдана достаточно скромная премия, хотя они тогда на равных хлебнули лиха. Просто у каждого было свое руководство, и оно оценивало работу сотрудников по своему усмотрению.

Советник посольства, курирующий соответствующие вопросы, ввел Салема в курс дела. Он передал «человеку с особыми полномочиями», как было сказано в шифровке, все имеющиеся материалы дела и адреса, в том числе и адрес отеля, в котором остановился Джо Лансер.

Салем остановился в небольшом, но комфортабельном отеле в центре Брюсселя. Этот франкоговорящий город нравился ему всем: и удобством коммуникаций, и прекрасной кухней многочисленных ресторанов, и атмосферой романтизма, навеянной архитектурой прошедших веков. Салем любил этот город еще и потому, что именно здесь, на специальной базе, расположенной в цокольном этаже одного из важнейших административных зданий государства, там, где никому даже не придет в голову искать учебный центр спецслужб, он проходил неоднократные стажировки.

Но сейчас все, что так нравилось Салему, оставалось за пределами его интересов. Сейчас его интересовал человек, который, нарушив все законы шариата и предав свой народ и свою веру, стал помогать противнику. Салему было абсолютно все равно, на кого работал Абдула! Он предал и обагрил руки кровью своих бывших соотечественников – и теперь должен был ответить за все.

Салем не стал связываться с Джо. Пока не стоило высовываться. Возможно, он сам выполнит задание с помощью своих людей, и тогда не придется идти на контакт с этим неверным. К тому же Салем считал Джо чрезмерно самолюбивым человеком. Салем понимал, что, если ему приказано работать с Джо, он будет с ним работать, но внутренне ему этого не хотелось. Он и сам не мог до конца осознать почему, но Джо ему не нравился, причем практически всем: и тем, что был моложе, и тем, что ему поручались те операции, до которых Салем

мучительно дорастал годами, и тем, что был удачлив. И даже тем, что после окончания беспокойной работы Джо, как показывала практика, получал намного больше.

Салем сидел на заднем сиденье машины, которую вел один из приданных ему людей. Второй показывал основные места, где видели Абдулу. Видеоматериалы Салем уже просмотрел. Анализируя места и графики их посещения, видеоматериалы последних суток и последовательность событий, Салем пришел к мысли, что Абдула ушел не вовремя, не успев информировать своих хозяев. И теперь он ждет человека или ищет связи с одним из представителей той службы, которая нашла ключик к бывшему сотруднику спецслужбы его страны.

Абдула проживал в маленьком частном пансионе по оперативным документам, прихваченным им во время бегства. В пансионе он был зарегистрирован как Мохамед Джил, приехавший как представитель фирмы по вербовке иностранных рабочих. Абдула-Мохамед снял угловой номер с окнами на две улицы. Кроме того, рядом располагалась пожарная лестница, которой сложно было воспользоваться для проникновения в комнаты, но на которую можно было легко спрыгнуть и покинуть по ней здание. В самом пансионе подойти к комнате можно только по узкому коридору, причем со скрипучим паркетным полом. Работать в номере пансиона Салем не решился и оставил этот вариант на самый крайний случай.

Надо было срочно найти место и время для похищения Абдулы и вывоза его на одну из секретных квартир для допросов и дальнейшего решения его судьбы. Конечно, если бы удалось вывезти предателя домой и судить по законам страны, это было бы самой большой удачей. Но если все усилия окажутся безрезультатными, необходимо будет просто покончить с предателем, и да свершится возмездие!

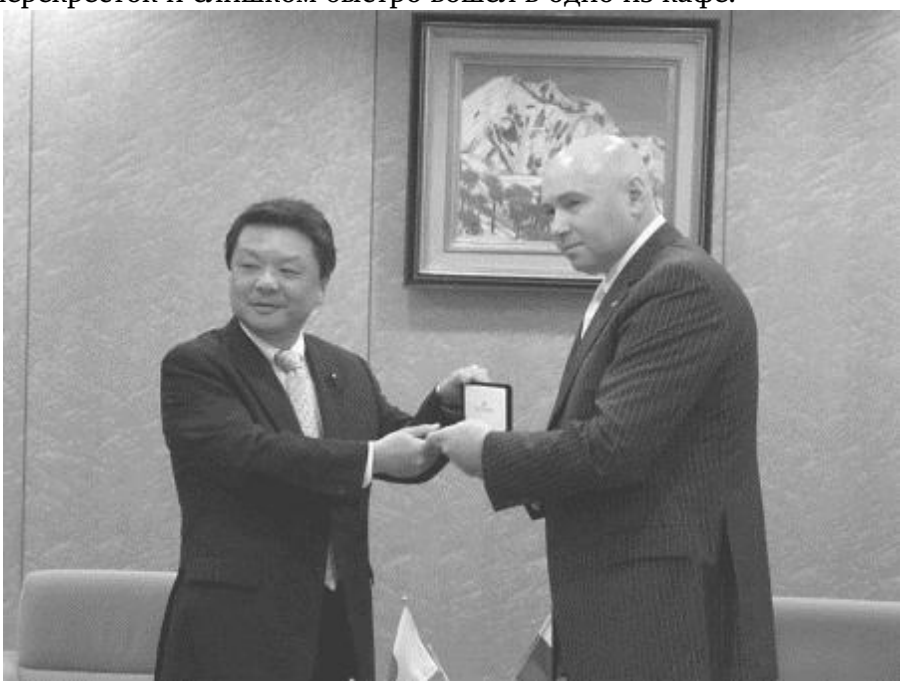
Салем вычислил место, по которому Абдула не мог не пройти, покидая пансион. Это был маленький перекресток с двумя ресторанчиками по углам и магазинчиком сувениров. Рядом располагался старенький дворик, через который можно попасть на соседнюю улицу. Именно там можно было расположить одну из машин, вторая машина должна блокировать дальний выход из улочки по команде, поданной одним из людей Салема. Если Абдула вовремя среагирует и застрелится, то останется только обнаружить похищенные документы или у него на теле, или в его номере.

Группы рассредоточились по своим местам, Салем занял столик около выхода на улицу в ресторанчике напротив пансиона и с полной самоотдачей наслаждался прекрасной кухней. Его

спутница, сотрудница специальной службы, не переставая мило беседовать, внимательно следила за выходом, из которого должен был показаться Абдула.

После напряженного рабочего дня было приятно просто посидеть и насладиться спокойствием вечера, ароматами кухни и тихой музыкой. Все было бы прекрасно, если бы не внутреннее напряжение и постоянная готовность к действию.

Абдула появился в проеме двери вместе с небольшой группой туристов, которые шумно высыпали на улицу и принялись весело обсуждать, в какой ресторанчик отправиться сегодня. Абдула проскользнул мимо и, стараясь не выделяться в потоке прогуливающихся людей, пошел вниз по улочке. Миновав ресторанчик, в котором сидел Салем со своей помощницей, Абдула приостановился у киоска с сувенирами и, делая вид, что рассматривает товар, проверился. Салем смотрел прямо на своего врага, анализируя его действия и оценивая следующий возможный шаг. В какой-то момент Салем почувствовал, что Абдула, судя по его спине, напрягся, хотя других признаков волнения не было. Салем бросил быстрый взгляд в сторону и увидел, что один из его людей не вовремя выскочил на перекресток и слишком быстро вошел в одно из кафе.



Вручение автору золотой медали депутатом Мацудой в японском парламенте

Абдула отделился от лотка с сувенирами и медленно пошел вперед, удаляясь от пансиона. Салем кивнул официанту, давая знать, что уходит, и, бросив на столик несколько банкнот, выскочил на улицу. Помощница, повинуясь его команде, подала сигнал экстренной ситуации, нажав на кнопку передающего устройства. Вторая группа пошла навстречу Абдуле, а группа прикрытия блокировала все проходы от проходного дворика.

Абдула шел не торопясь, понимая, что в его распоряжении не больше двух минут. Те ребята, которых он заметил на перекрестке, двинулись следом, а один только вид Салема, который был прекрасно известен Абдуле благодаря стараниям одного из его новых покровителей, сказал ему больше, чем развернутый план операции. Салем занимался «*самыми активными*» мероприятиями…

Абдула шел и всматривался в окружающих. Он заметил трех подозрительных людей, которых он выделил из общей толпы, движущейся навстречу ему. Дистанция сокращалась. Абдула увидел вход в проходной дворик. Он знал, что его можно элементарно блокировать с другого конца, но сейчас выхода не было, и он метнулся в открывшийся проем. Пробежав несколько шагов, Абдула почувствовал резкий удар в живот: его нанес сбоку кто-то невидимый, выступивший из полутьмы. И, глотая открытым ртом воздух, Абдула повалился на колени…

Салем бросился в темноту проходного дворика, его люди последовали за ним, привлекая к себе недоуменные взгляды спокойно прогуливающихся бельгийцев и туристов. В закрытом пространстве двора Салем успел сделать всего несколько шагов. Увидев своих людей, блокировавших выход с другой стороны, он повернул назад. Группы обыскали весь дворик, но ничего не нашли. Все двери были заперты, и ничто не указывало на недавнее присутствие здесь человека. Салем неистовствовал. Абдула исчез вместе с документами! Он упустил предателя, он не выполнил задания, он опозорил и себя и свою службу. В нем все кипело, он готов был сквозь землю провалиться от стыда и обиды.

Абдула очнулся во тьме незнакомого помещения. Он ощутил также, что большие пальцы обеих его рук скованы наручниками, которые обычно используют в своей работе представители разных спецслужб. Перед Абдулой на стуле сидел незнакомец, который наблюдал за ним, ничего не говоря. Абдула попытался привстать с кушетки, но боль от удара в солнечное сплетение заблокировала грудную клетку, мешая нормально дышать. Абдула застонал. Незнакомец включил стоящую на небольшом столике у окна лампу, которая осветила Абдулу, оставив незнакомца в полутьме. Незнакомец указал на живот Абдулы и

спросил:

– Хона нимарид? [5]

Абдула кивнул и заговорил по-арабски, притворяясь, что не понимает, почему здесь очутился. Вопросы сыпались как из рога изобилия. Незнакомец спокойно переждал этот поток фраз и, отрицательно покачав головой, ответил:

– Арабик антэптаръэф.

Он не понимает по-арабски? Как же так? Абдула растерялся еще больше. Сначала прозвучал вопрос на арабском, а теперь этот человек отказывается говорить на этом языке. Незнакомец подошел к Абдуле и, достав шприц, ввел под кожу какой-то препарат. Абдула не пытался сопротивляться, он прекрасно понимал, что в случае сопротивления ему придется опять выдержать несколько шокирующих ударов или что-то еще более жуткое.

Через минуту взгляд Абдулы затуманился, и по телу разлилось какое-то тепло, а воля у него настолько ослабла, что он полностью утратил способность сопротивляться. Абдула смотрел на незнакомца, лица которого он никак не мог рассмотреть, но сейчас это даже не имело значения. Ему страшно захотелось поделиться с этим незнакомцем, который спас его от рук Салема, всем, что накопилось у него на душе за долгие годы работы под прессом двойной нагрузки. Вокруг Абдулы появились новые лица, которые стали задавать множество вопросов как раз на те темы, которые столько времени терзали самого Абдулу. Абдула отвечал на вопросы, как старательный ученик, которого долго не вызывали к доске и который кроме школьного учебника прочитал множество факультативной литературы и хотел бы, чтобы учитель по достоинству оценил его старания.

Сколько времени продолжался разговор, Абдула не помнил. Когда сознание вновь вернулось к нему, Абдула заметил, что они едут в машине и его руки опять скованы маленькими пальчиковыми наручниками, два прозрачных пластиковых ремня фиксируют его грудь и ноги, а ремень безопасности завершает конструкцию, полностью исключающую любое сопротивление. Абдула несколько раз пытался заговорить с незнакомцем, но тот лишь однажды ответил ему на немецком языке:

– Ты пытался скрыться от нас, а это очень необдуманный шаг с твоей стороны. Если ты почувствовал излишнее внимание со стороны своих коллег, ты должен был воспользоваться отработанным вариантом и вовремя предупредить своего куратора. Теперь мы будем решать, что с тобой делать.

Незнакомец перестал реагировать на повторные вопросы Абдулы. А когда пленник слишком настойчиво начал требовать

ответа, незнакомец повернулся к нему с таким выражением лица, что Абдула явственно представил себе, как этот человек нажимает спусковой крючок пистолета, приставленного к его голове. В глазах незнакомца он увидел столько презрения, что у него пропало всякое желание общаться с этим *гарантом смерти* по любому из интересующих его вопросов.

Затем вдалеке показались очертания города, незнакомец остановил машину, достал небольшой контейнер, из которого извлек разовый шприц, и вновь сделал укол Абдуле такой тонкой иглой, что обнаружить место укола на коже было практически невозможно…

На второй день безрезультатных поисков поступило сообщение, что человек, очень похожий на Абдулу, замечен в Амстердаме при попытке установить контакт с одним из французских дипломатов. Через час поступило сообщение, что при проверке установлено имя человека, который выходил на связь с французом. Его зовут Мохамед Джил, и он остановился в маленьком студенческом отеле в районе Рокин, в самом центре города, между старыми каналами.

Через несколько часов Салем был уже в Амстердаме. Теперь он был настроен только на ликвидацию Абдулы. Рисковать больше было нельзя. Отель и прилегающий квартал блокировали, оставив контрольные посты на значительном удалении для подстраховки и контрнаблюдения. Абдула появился из-за угла, словно тень, и, почти слившись в сумерках со стеной, направился прямо к входу в отель. Салем приоткрыл окно автомобиля и поднял короткий автомат с глушителем к плечу. Абдуле оставалось до крыльца метров десять – двенадцать, когда Салем поймал его голову в прицел и положил палец на спусковой крючок.

Именно в этот момент какая-то тень перекрыла ему обзор. Благодаря автоматизму, выработанному долгой практикой, Салем быстро бросил автомат на колени и молниеносным движением поставил на предохранитель. Тень скользнула мимо и снова вернулась, закрыв проем и предоставив тем самым Абдуле возможность войти в отель. Салем не успел скомандовать шоферу, чтобы тот трогал, как тень, совершив еще один прыжок, очутилась около автомобиля. В следующее мгновение он услышал, как хлопнула дверца его автомобиля, и в салоне появился еще один человек.

Человек обернулся к Салему и, отодвинув в сторону направленный на него ствол автомата, произнес:

– Ты всегда хочешь быть первым, Салем, но всегда

торопишься.

Салем сжал губы. Перед ним сидел Джо. Как он оказался здесь и как рассчитал действия Салема, гадать сейчас не имело смысла. Салем молчал, уставившись на бесполезный автомат, лежавший у него на коленях.

– Ты должен был связаться со мной еще в Брюсселе сразу после твоего приезда, – с осуждением в голосе сказал Джо. – Но ты не сделал этого! Ты должен был информировать меня о своих действиях. Но ты не сделал этого! Наконец, ты должен был согласовать со мной свои действия. Но ты и этого не сделал…

Салем молча проглотил обиду и снова поймал себя на мысли, что ему крайне неприятен этот парень. Но приходилось терпеть, тем более что первый вариант операции действительно провалился.

– Ты сейчас уедешь и, покатавшись с полчасика, будешь ждать меня в холле отеля «Гранд» около нового здания музея Тюссо, – командным тоном произнес Джо. – Ты понял? Да, и скажи своим людям, чтобы они блокировали аэропорт. Там появится высокий француз, который очень любит клетчатые пиджаки. Он будет вылетать «Люфтганзой» во Франкфурт, пусть твои люди сделают все, чтобы он не улетел или улетел не сразу. А теперь действуй.

Джо проговорил все так жестко и зло, что Салем даже опешил. Но оппонировать было уже не к кому. Джо, громко хлопнув дверцей, уже удалялся в сторону мостика одного из многочисленных каналов старинного голландского города, отдавшего первенство столице – Гааге, но заслуженно получившего имя голландской Венеции.

Салем, поколесив минут сорок, остановил машину, зашел в холл отеля и, заказав у подбежавшего официанта чашку кофе и стакан апельсинового сока, принялся рассматривать журналы, лежавшие перед ним на столике. Джо появился минут через десять, подошел к стойке, взял один из множества туристических проспектов, перебросился парой фраз с портье и вышел, сунув проспект в карман пиджака. Салем расплатился и последовал за своим ненавистным напарником.

Джо шел прямо к отелю, где остановился Абдула. Салем в какой-то момент заколебался, но, повинуясь обстоятельствам, последовал за Джо. У самого отеля Джо приостановился, поджидая Салема. А когда они вместе вошли в отель, обнял его за плечи и, подмигнув портье, весело сказал:

– Ну что я говорил, вот и мой друг. Если бы ты знал, парень, как он в университете подавал мяч, ты бы бросился к нему за автографом и приколотил бы этот автограф на самом видном

месте.

Портье тоже улыбнулся и протянул Джо ключ, сообщив, что забронированный двухкомнатный номер для двоих друзей уже ждет их и что в их отеле всегда рады, когда он служит местом встречи старых и добрых друзей.

Салем ожидал чего угодно, но только не такого поворота событий. Поднявшись на этаж и открыв дверь, Джо и Салем прошли в скромный номер, состоявший из двух комнат. В одной из них, как показалось Салему, на кровати лежал большой тюк каких-то вещей. Но когда Джо включил свет и сдернул покрывало, Салем увидел связанного Абдулу с кляпом во рту, затравленно и гневно сверкавшего глазами.

Джо сел в кресло и, дотянувшись до холодильника, достал из него бутылку крепкого темного пива. Налив пенящийся напиток в высокий бокал, он с наслаждением пил пиво и смотрел на Салема. Затем рукой указал ему на кресло напротив себя. Салем сел и, повернувшись к Джо, вопросительно посмотрел на него.

Испытания ПП90А1. Тула

– Это я похитил у вас Абдулу в Брюсселе, там, в проходном дворе, – довольно засмеявшись, воскликнул Джо. – Извини, Салем, у каждого свои профессиональные секреты. Но если бы ты провел операцию самостоятельно, как намеревался, то многого

бы не узнал. Например, этот «*коллега*», – Джо кивнул в сторону Абдулы, – знал тебя и то, чем ты занимаешься, хотя не должен был этого знать. Он знал, что вы подсунули ему фальшивку и пытались впарить дезинформацию. Поэтому он постарался продать часть информации французам, перед тем как попасть к своим хозяевам. Если бы он не был столь умен и жаден, полагаю, что вам пришлось бы долго гоняться за ним, чтобы раньше положенного срока представить его на суд Аллаха. Запись беседы на кассете, которая вместе с подлинниками документов лежит в его папке. А французу он всучил ваши фальшивки, но если твои люди хорошо сработают, то французы будут уверены, что вы пытаетесь отбить ценный материал, и ваша деза пройдет там, где вряд ли прошла бы при других обстоятельствах.

Да, кстати, парень имеет действующий французский дипломатический паспорт, и у твоих ребят будут хорошие неприятности. Но это не так страшно в создавшейся ситуации. Как вывезти его домой и что там с ним делать, я думаю, ты знаешь лучше меня. Ну вот и все. А о твоем поведении, извини, твое руководство все равно узнает. Это я тебе гарантирую. Спасибо за хорошую совместную работу, Салем. Все. Прощай.

Джо встал и, поправив пиджак, направился к двери. Перед тем как выйти из комнаты, он остановился и, обернувшись, добавил:

– Зря ты так поступил. Нам нечего делить, а вот твоя неприязнь могла тебе стоить головы. Подумай, Салем, мы не конкуренты, и лично у меня нет к тебе претензий. Я только выполняю свою работу, как и ты.

Дверь захлопнулась, и Салем остался сидеть в кресле наедине со своими мыслями и сомнениями. В соседней комнате лежал связанный человек, за которым он охотился. В городе в ожидании принятия решения ждали его люди…

Через месяц состоялся суд, который не освещался в прессе и по телевидению. Салем получил очередное звание и значительное повышение по службе, а также солидную прибавку к жалованью. Трое его ребят, пытавшиеся задержать французского дипломата и учинившие скандал в аэропорту, были срочно высланы из страны на родину, где также получили награды, соответствующие степени их участия в операции, как и остальные члены команды Салема.

После завершения официальных церемоний награждения шеф показал Салему отчет, полученный от Джо. Салем ошарашенно смотрел на лист бумаги, из которого следовало, что Салем абсолютно самостоятельно и в полной мере инициативно

провел операцию и вмешательства Джо Лансера и его людей особенно и не потребовалось, они выполняли лишь контролирующую и страхующую функции в мероприятиях Салема, действия которого заслуживают самой высокой оценки.

Салем долго размышлял над этой историей. Его не оставляло чувство вины перед Джо. Салем не привык ходить в должниках, и это его угнетало. Но жизнь сама помогла ему расплатиться по долгам. Через год с небольшим Салем вытащил раненого Джо из ада перекрестного огня, совершив невероятный прыжок через черту, за которой уже могло не быть будущего. В ходе совместной операции ему удалось проскочить в коридор, где раненый Джо в одиночку сдерживал натиск пятерых боевиков, с боем прорывавшихся сквозь кольцо блокады.

Салем быстро разобрался в ситуации. Увидев, что Джо в сознании, он отдал ему свой второй пистолет и, схватив раненого за воротник, потащил его к спасительной двери, ведущей на лестничную площадку, где сосредоточились ребята из их группы для очередного броска. Когда Салем и Джо находились примерно на полпути к спасению, из дальнего конца коридора выскочили сразу четверо вооруженных людей, и три их пистолета заговорили со всей возможной мощью, заглушив два из четырех стволов противника.

А когда Салем и Джо находились всего в двух метрах от площадки, один из ребят, прикрывая их отход, выстрелил по нападавшим из ручного гранатомета, заставив боевиков искать укрытие. Это вынудило их оставить мысль об атаке или попытке захватить одного из сотрудников в качестве заложника, что сразу изменило бы ситуацию в их пользу и практически лишило операцию шансов на успех.

Вот так Салему и удалось совершить тот немыслимый кульбит, к которому он так долго внутренне готовился. А заодно он сбросил с себя и груз вины, который давил на него, не переставая, в течение всего года, вплоть до очередной их с Джо драматической встречи.

Когда Джо Лансер пришел в себя после операции, Салем, перед тем как улететь домой, долго сидел у его кровати. Они смотрели друг другу в глаза и молчали. И оба имели право на это молчание.

В следующий раз они увиделись совершенно случайно в Вене во время рождественских каникул. Оба были с семьями и просто прогуливались по праздничному городу.

От прошедших событий их отделяло всего тридцать лет…

Отповедь

Прости, майор, за матюги,
Прости за грубость без отваги,
Не я в Сантьяго «утюги»
Гонял, как ручку по бумаге,
И у Ортеги допоздна
Я не учил латинос мести,
Но водку русскую до дна
Я трижды пил на Лобном месте.
И три тюрьмы успел познать,
Пока дошел до юга Крыма,
И ковыряли – вашу мать! —
Меня не раз, и били мимо.
Когда-то тридцать шесть часов
Мне оставалось жить всего-то,
Когда-то камеры засов
Мог довести меня до рвоты,
А ты все думаешь, когда
Тебе дадут медаль с отставкой,
Но жизнь, как каторгу труда,
Не совместят тебе со ставкой.
И скрытный член Политбюро
Не будет говорить: «Обязан!»,
Коль из секретного бюро
Деньгами ты не будешь связан…
Дай Бог тебе построить дом
И счастьем жизни насладиться,
Дай Бог не быть тупым скотом
И сильных мира не страшиться,
Дай Бог, дай Бог, дай Бог, дай Бог…
Но Бог не даст, я точно знаю,
Сам перейди через порог,
Где тридцать лет тебя пинают.
Я за черту давно ушел,

Но власть и деньги – не отрада,
А что же в жизни ты нашел?
Подумай – отвечать не надо.
Коль слов таких на свете нет
И голова на грудь склонилась,
Меж словом «да» и словом «нет»
Вся жизнь твоя, майор, вместилась.

Прости, майор, за матюги,
Прости за грубость без отваги,
Прости за то, что я мозги
Пером размазал по бумаге.

Бумеранг
Рассказ

Его «пежо» двигался в общем потоке, не вырываясь вперед, хотя специальный мотор, скрытый под капотом совершенно обычного автомобиля, позволял при желании оставить позади большинство попутчиков. Эта привычка осталась от многолетней работы, которая приучила не проявлять до определенного момента своих возможностей, иначе это могло дорого обойтись в случае возникновения экстремальной ситуации. Машина шла привычным маршрутом, которым она двигалась дважды в день практически ежедневно.

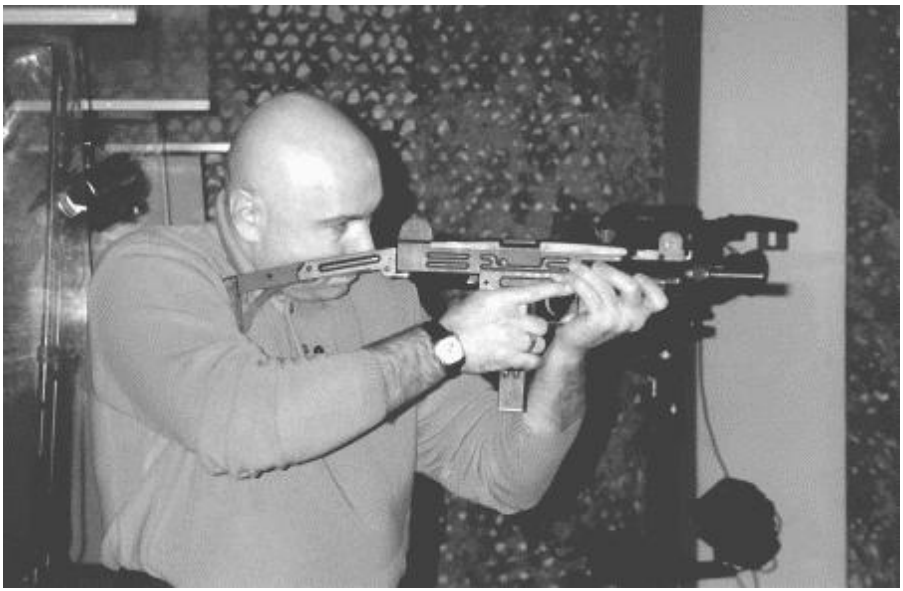
День выдался не очень сложным, хотя много внимания требовали консультации, в которых нуждались представители двух министерств, заблаговременно договорившиеся о встрече. Какое-то время отняла подготовка новой учебной программы вновь создаваемого центра для тех сумасшедших парней, которые меняют спокойствие домашнего уюта и расписанную по минутам, часам и годам карьеру в престижных фирмах на неустроенность дорожной жизни и постоянный риск и опасность, которая могла грозить отовсюду.

Ну что же, если такие парни еще рождаются, значит, и программы для них необходимо составлять, учитывая те изменения, которые подбрасывала жизнь. Время прошло как обычно, беспокойство вызвали лишь два *немых звонка*. Электронное устройство определило, что звонили из автоматов, расположенных в разных частях города. Но к подобным звонкам люди, особенно не вполне обычных профессий, относятся хотя и настороженно, но с той долей скептицизма, которая отличает профессионала от впечатлительного новичка.

На тактическом полигоне. 1993 год

Машина двигалась обычным маршрутом, в установленных контрольных точках можно было определить, есть ли за машиной наблюдение, и если оно имеет место, то как и кем оно ведется, каков уровень подготовки людей, которые промышляют этим ремеслом, и чего, следовательно, можно ожидать от них в сложившейся ситуации. Но его машина двигалась по давно спланированному и закрепленному маршруту практически без помех. Квартал был известен настолько хорошо, что можно было выключать уличное освещение: «пежо» столь же точно сориентировался в пространстве по габаритам проезжей части. До гаража оставалось всего два поворота: направо, за здание салона модной одежды, а затем, проехав еще метров пятьдесят прямо, следовало повернуть налево за угол симпатичного, словно игрушечного, домика.

Урал. А не похулиганить ли нам?…



УДЗИ – правнук ЧЗ-47

Именно в этот момент из-за угла слева выскочил серый джип и, развернувшись, занял больше половины проезжей части. Из джипа выскочили двое похожих на близнецов парней в

одинаковых темно-синих пиджаках модного покроя. Оба были вооружены автоматическими пистолетами. Разглядеть точно марку оружия было затруднительно, но то, что это были пистолеты, действие которых основывалось на коротком ходе ствола, – это можно было утверждать точно.

Моментально сработали педали сцепления и газа, а в промежутке рычаг переключения перескочил на пониженную передачу. Мотор взревел, и машина, словно пришпоренный жеребец, после легкой рыси принимающий в аллюр, рванулась на нападающих. Подчиняясь врожденному рефлексу, те несколько отступили и попятились, но, упершись спинами в борт своей машины, чуть замешкались. Это создало нужную паузу. «Пежо», вложив всю мощь своего двигателя, несся на нападавших, готовый разбиться в лепешку, но впечатать их в борт джипа. Не доезжая до них всего нескольких метров, его автомобиль резко вильнул вправо, выскочив правым колесом на тротуар, объехал джип и вихрем помчался вдоль по прямой улице.

Джип развернулся и, буксанув на месте всеми своими четырьмя колесами так интенсивно, что из-под опаленных шин вырвались столбики дыма, помчался вдогонку за «пежо». Оба нападавших уже сидели в джипе и, чертыхаясь, старались выбрать позицию для стрельбы. «Пежо» несся, выбирая наиболее свободные промежутки для проезда. Джип постепенно настигал свою жертву, но при выезде на автостраду внешне неприметная французская машина, словно издеваясь над разозленным хищником, резко прибавила скорости.

Джип выжимал все, на что был способен, и опять постепенно стал настигать юркий автомобиль, сокращая дистанцию до расстояния, удобного для стрельбы с ходу. Парни высунулись из дальних окон салона, примеряясь для стрельбы, но в этот момент «пежо», до которого оставалось чуть больше ста метров, резко свернул к обочине и, несколько развернувшись левым боком к атакующим, встал. Правая рука водителя моментально соскользнула с рулевого колеса, выхватив из-под мышки бесполезный до этого пистолет. Дверь «пежо» резко открылась, рука с пистолетом взлетела на уровень груди, почти сразу к ней присоединилась левая рука, и пистолет начал работать в таком режиме, который не оставлял ни малейшей возможности оппонировать его монологу.

Джип, который тоже начал притормаживать, вильнул влево, вправо, а затем, словно мальчишка, которому подставили подножку в школьном коридоре, завалился на бок и, перекатившись на крышу, застыл на месте с вращающимися колесами. Пустая обойма, подчиняясь всемирному закону

тяготения, упала на пол салона «пежо», а вторая обойма влетела в отверстие рукоятки пистолета, в стволе которого ожидал последний патрон. И тотчас пистолет заговорил вновь, продолжая прерванный на мгновение монолог. Когда очередные двадцать патронов были израсходованы и вторая обойма присоединилась к первой, их место заняла третья. Однако на этот раз пистолет настороженно молчал, готовый в любой момент снова пустить в ход свои веские аргументы, но группа оппонентов в перевернутом джипе уже не нуждалась в дополнительных услугах. Теперь им предстояла встреча с самым лучшим с мире диагностом по имени «смерть».

Водитель «пежо» протянул руку к бардачку, из него появилась переносная радиостанция, которая, соединившись с себе подобными, сообщила им обо всем, что могла слышать сама. После того как информация была передана, оставалось только ждать, пусть и недолго.

Он сидел на водительском сиденье, привалившись плечом к перегородке салона, но оставив ноги на мостовой. У него имелось немного времени до приезда стражей порядка, и теперь можно было про анализировать все, что случилось, и сообразить, где и когда был запущен тот самый бумеранг, который вернулся сегодня к хозяину через столько времени. Заодно можно прикинуть, сколько еще таких бумерангов может когда-то вернуться.

В жизни за все приходится платить. Это всего лишь вопрос времени…

Оружейная молитва Линдера

Лишь ствол, патрон и магазин,
И в этом вся момента суть.
Ты снарядил, примкнул, вогнал,
А дальше уж не обессудь…

Флажок движеньем пальца вниз,
Рука вперед, затвор назад,
Контрольный палец – как карниз,
Рука и ствол прямы, как взгляд.

Флажок движеньем пальца вверх,
Патрон закрыт, курок вперед,
Рука чуть вбок, фиксатор вверх,
И палец в руку магазин ведет.

Свободен он, мизинцем сжат,
Флажок опять уходит вниз.
Затвор к себе, рукой зажат,
Патрон в ладони – покажи!

Затворный стопор с тормозов —
Удар, щелчок курковый сух,
Предохранитель на засов —
Шутить нам, право, недосуг.

Ствол на колене локтем сжат,
В руках патрон и магазин.
Круг завершен, и вновь на старт
Тебя ведет патрон один.

Молитва – просто ритуал,
Но где границ молитвы суть?
Коль искру творчества познал,
Ее до смерти не забудь…

Шалом, Израиль, или Беседа с отставным генералом

Об Израиле много говорят, еще больше попусту судачат и фантазируют. Мало кто по-настоящему знает историю этого одного из самых молодых и в то же время одного из древнейших в истории цивилизации государств.

У всех на устах легенды об успешной деятельности израильских спецслужб по продвижению государственных интересов Израиля. Все это, конечно, так, но в нашей жизни с некоторых пор появилась сфера негосударственной безопасности. И вот эта область деятельности, которой иностранные (в основном англоязычные) СМИ придумали хитроумное название *корпоративная разведка*, т. е. мероприятия по обеспечению специальной информацией какой-либо профессиональной группы или заинтересованной в этом компании. Так вот именно в этой области слухов и небылиц разгуливает куда больше, чем в свое время гуляло подпольных «мастеров боевых искусств» по московским улицам – в середине восьмидесятых годов.

Передо мной сидит человек среднего телосложения, с мягкими чертами лица, лет пятидесяти на вид.

Два года назад он входил в руководство элитного подразделения ШАБАК, но после одной из кровавых акций по освобождению захваченных заложников, закончившейся смертью всех террористов, возник скандал, поднятый вначале одним корреспондентом и подхваченный затем многими израильскими средствами массовой информации.

Теперь генерал, сидящий передо мной, в кожаной куртке, выглядит как простой обыватель, и в суете бурлящего Тель-Авива вы вряд ли заметите эти мягкие черты плохо запоминающегося лица. Этот человек знает множество секретов своей старой службы. Ему прекрасно известны первые лица органи заций, названия которых во многих странах произносят опасливо, благоговейным шепотком и с трепетом. Но в большой игре, а тем более в большой игре с разразившимся скандалом, всегда необходим показательный шаг, подтверждающий или опровергающий демократические устои общества. Чтобы сделать такой шаг, сначала следовало найти человека, через которого можно было бы «убедительно» переступить. И он был найден.

Генерал улыбается и чуть разводит руки в характерном для этого региона жесте смирения. Интересно, что *язык рук* во всех уголках мира отличается своими элементами, и при

определенных навыках вы практически не спутаете экспансивность итальянца, затяжное акцентирование фразы на Ближнем Востоке, темперамент испанца, экспрессию латиноамериканца, отработанно-имиджевое дирижерство американца, сдержанно-аргументированную жестикуляцию англичанина, «ручное безмолвие» японца, душевно-рукоприкладную открытость славянина. Мы редко задумываемся над тем, как мы жестикулируем во время общения, и в обиходе не замечаем, что такая жестикуляция характерна для нас, так же как акцент устной речи во время разговора или почерк при написании.

Руки генерала движутся мягко, идеально сочетаясь с его улыбкой, но он прекрасно понимает, что система, выбрав его в качестве показательной жертвы собственной принципиальности, лишилась одного из выдающихся специалистов. Конечно же этот человек не перейдет на другую сторону баррикад по отношению к закону, но теперь его сфера деятельности – негосударственная безопасность и частная охрана.

Множество книг, кинофильмов, журнальных и газетных статей демонстрируют нам сверхуспехи и сверхдостижения людей из сферы спецслужб Израиля как эталонные для коллег из других стран. По статистике, в изданиях на тему спецслужб чаще всего мелькают названия соответствующих организаций из США, СССР-России, Израиля, Германии, Англии. Именно их спецслужбы увенчаны лаврами самых известных и самых престижных. Но вот их питомец покидает сферу государственной деятельности и начинает применять свои навыки и знания в области частной или корпоративной безопасности. Что же меняется?

Оказывается, очень многое. Как только человек покидает службу государеву, он теряет право использовать государственные учебные центры со всеми их достижениями, которые там есть или которые могут там быть. Резко ограничивается правовой коридор деятельности по обеспечению безопасности фирмы или физического лица. Странно, но с детской наивностью многие из этих специалистов полагают, что за пределами России или регионов бывшего СССР телохранитель может делать практически все. Конечно же умело поданная реклама и отсутствие личного опыта работы в этих странах не всегда позволяют адекватно оценить ситуацию, но «рэмбо-сталлоневский» подход к проблеме равнозначен ограничивающим обзор, ослепляющим шорам.

Государство Израиль, родившись по директиве ООН, с самого первого дня вело и ведет ожесточенную войну со многими странами из своего окружения. И полоска земли длиной около

шестисот километров и шириной в иных местах до нескольких десятков километров, именуемая Израилем, представляет практически военно-гражданский лагерь.

Как шутят сами израильтяне: «В Израиле нет гражданского населения, в Израиле есть солдаты, находящиеся в одиннадцатимесячном отпуске». Это означает, что практически все мужское население страны один раз в году проходит месячные сборы в армии. Но если при этом у вас опять появится желание воскликнуть: «Вот видите, там даже ребенок осваивает специальные навыки с пеленок, а что же говорить о людях из спецслужб!» – не торопитесь.

Секретное оружие наших дедушек периода ВОВ

Секретное оружие – все гениальное действительно просто

Люди, которых вы видите в городах и на автобусных станциях, – с легкими американскими винтовками последних моделей, заменившими, кстати, известный израильский «галил», или со сверхпопулярной «узи», производившейся в Израиле на базе чехословацкого ЧЗ, который сейчас можно увидеть разве что в закрытом музее завода «Ческа Зброевка» в местечке Ухерский Брод. Большое количество таких автоматов было поставлено Чехословакией в первые годы существования государства Израиль для сил обороны этой страны. Но теперь израильский вариант чешского автомата намного более популярен, чем его прародитель. Так вот, те молодые люди, которых вы видите с оружием в руках, в большинстве своем резервисты, проходящие месячные сборы. Правда, вы можете встретить и солдат из действующих подразделений, отпущенных домой на выходные или в краткосрочный отпуск.

Генерал поднимает голову и, как учитель, который много лет преподает давно известный предмет, говорит о тех методах, которые они применяют в области защиты негосударственных организаций и физических лиц. В его словах звучит уверенность в своей правоте, угадывается хитрость опытного оперативника, чувствуется осторожность политика и проглядывается «зондажная поступь» бизнесмена. Он периодически поглядывает на меня в тот момент, когда переводчик старательно интерпретирует

содержание каждой фразы, чтобы максимально точно и полно донести ее смысл до любого из собеседников.

Я внимательно слушаю и в очередной раз осознаю, что строгость законов, регламентирующих деятельность безопасности в негосударственной сфере в Израиле, очень велика и работать в таких жестких условиях крайне непросто. Законы страны подчинены исходной теории *тотального враждебного окружения* и связаны с многочисленными мероприятиями перепроверки отработанной антитеррористической модели с внедрением психологии подозрительности ко всему, что может оказаться элементом террористического проникновения, особенно со стороны арабского окружения.

Но чужим в этой ситуации становится даже то, что привлечено в Израиль самим Израилем. Интересно, что практически все нынешние руководители Израиля являются внуками и детьми выходцев из Восточной Европы. Но именно внуками и детьми, рожденными уже на территории Израиля. А паспорт репатрианта с указанием места рождения за пределами Израиля делает его подозрительным с точки зрения отработанной десятилетиями теории. Дети этих репатриантов, рожденные в Израиле, уже ассимилируются – или, как принято говорить в Израиле, абсорбируются – в стране. Для этого функционирует специальное Министерство абсорбции. Но система призывает бдительно относиться ко всему, хоть мало-мальски отличающемуся от признанного стандарта.

В Израиле никто из коренных жителей не возьмет оставленный без присмотра дорогой чемодан или сумку, а вызовет *бетахон* – полицию – для выяснения начинки оставленного предмета, вполне возможно – пиротехнической. Таковы реалии тамошней среды обитания.

Одновременно с этим вы практически не увидите в Израиле полиции, патрулирующей улицы. За исключением постов на дорогах, особенно в пунктах пересечения израильских и арабских зон, а также в местах зон, переданных под юрисдикцию ООП. Во всех супермаркетах и крупных торговых центрах вы обязаны показать содержимое ваших сумок охраннику, который конечно же не может выявить хорошо замаскированную мину, но процедура осмотра продиктована раз и навсегда отработанной концептуальной схемой.

После этого смешным и по-детски наивным видится система охраны большинства офисов и банков. Хотя все они подключены к сигнализации, которая должна своевременно информировать офицера на дежурном пульте о несанкционированном проникновении на объект. После поступления сигнала на место

событий выезжает не тревожная группа, а группа технического осмотра места, с которого поступил сигнал. Вступать в контакт с преступниками сотрудникам этого подразделения запрещено. Они только осматривают возможные повреждения и определяют, если, конечно, удосужатся это сделать, остались ли двери или другие проемы, доступные для злоумышленников, открытыми. Но группа может приехать через пять – десять минут, а может приехать на следующий день, объясняя свое опоздание плохим сигналом на пульте, или тем, что офицер на пульте отошел пообедать, или тем, что вначале на объект пытались позвонить, но там никто не подошел, и посему сочли лишним на этот раз жечь бензин и ехать выяснять ситуацию на месте.

Короче, сказать могут все, что взбредет в голову, так как фирмы, обеспечивающие технический контроль, не отвечают за оперативность проводимых мероприятий. И если учесть, что группа технического контроля соблаговолила быстро выехать на место и действительно обнаружила что-либо подозрительное на объекте, то лишь после этого она вызывает полицию, которая прибудет еще минут через пятнадцать – двадцать, а может и позднее – это зависит уже от пробок на автомагистралях.

Возникает резонный вопрос: есть ли телохранители в Израиле и кому они нужны? Телохранители в Израиле конечно же есть, и профессия эта даже популярна среди молодежи. Но фирмы, в которых насчитывается по две-три сотни молодых людей, прошедших двух– или трехнедельные курсы первичной подготовки, обеспечивают в основном безопасность школьников или офисов некоторых фирм, заботящихся больше о своем престиже, нежели о реальной безопасности.

Как говорят сами телохранители, это достаточно выгодная почасовая работа, позволяющая иметь достаточную прибавку к стипендии студента или к зарплате мелкого служащего. Кроме того, причастность к такой *крутой* работе позволяет поднять свой общественный статус и улучшить имидж в глазах девушек. Не стоит хвататься за сердце или костерить нерадивого мальчишку с пистолетом под мышкой за то, что он может быть одет не в соответствии с протоколом. Моды, как таковой, в Израиле практически нет, хотя обложки журналов предлагают последние и не очень последние модели одежды.

В Израиле – демократическая неопределенность в одежде, и протокольная форма актуальна только для чиновников министерств и служащих очень солидных фирм. Так что за вашей спиной может оказаться человек в потрепанных и замызганных джинсах, в модной молодежной майке, о которую он будет вытирать руки после каждого съеденного блюда, а это может

происходить на протяжении всего времени, которое охранник проводит около охраняемого лица. Телохранитель может отстать от вас, забыть ритуальные формальности своей профессии, которые, кстати, во многих учебных центрах Израиля просто не преподаются за ненадобностью. Он может также потерять охраняемое лицо в суете торгового или бизнес-центра, может заснуть в машине и быть разбуженным тем, кого он призван охранять.

Все это реалии, с которыми вы сталкиваетесь на каждом шагу. Но это не значит, что в Израиле нет профессионалов – таковые конечно же имеются. И как любые профессионалы, они прежде всего требуются для обеспечения задач государства, и так же, как и в других странах, очень быстро забываются этим государством после использования.

Но, выйдя в частный бизнес и в негосударственные службы безопасности и охраны, они не теряют своего класса. Правда, вы не увидите рекламы этих людей и не найдете их имен в перечне фирм, обеспечивающих специальные охранные услуги. В большинстве своем это люди, выполняющие свои обязанности так же тихо и аккуратно, как они делали это на «службе государевой». Вы можете выйти на них только при наличии хорошо отлаженных профессиональных контактов. В противном случае вам, как на базаре, подсунут человека, который смотрит на свою профессию глазами героев Шварценеггера и Сталлоне, но думает только о том, что поесть в следующую минуту или как потратить заработанный гонорар.

Абсолютное большинство фирм, которые работают на израильском рынке негосударственной безопасности и охраны, – это посредники, которые берут на себя все, что пожелает клиент, а потом раскидывают эти задания по профессиональным фирмам, которых не так много в стране, получая свой процент за услуги. Клиенту это практически безразлично, так как серьезные наниматели обращаются в серьезные фирмы напрямую, а мелкие и средние бизнесмены или нувориши пользуются тем, что дает рекламный поток, опираясь на собственное представление об израильской действительности.

Система подготовки и перетасовки кадров в Израиле оригинальна и, по-видимому, целесообразна для страны с населением чуть более пяти миллионов человек. Начав службу молодым человеком, любой израильтянин может претендовать на военную карьеру, но для этого ему необходимо сдать множество тестов, пройти уйму психологических и социальных проверок, показать высокие результаты и занять верхнее положение в рейтинговых таблицах претендентов. Тогда можно рассчитывать

на заключение контракта, перспективу обучения в офицерской школе и стабильный заработок от двух тысяч долларов и выше в месяц против нескольких сотен долларов в месяц солдатского денежного довольствия. Но в процессе подготовки и карьерного роста тесты и переэкзаменовки сыплются на офицера как из рога изобилия, и каждые два-три года происходит ротация руководящего состава, начиная с высших чинов Генштаба и кончая низовыми подразделениями. Это не позволяет офицеру обрасти жирком и засидеться в кресле – необходимы постоянная работа, постоянное движение, иначе более молодые и более перспективные сотрудники вытеснят малоподвижного начальника и займут его место. При этом мода на молодежное движение в армии диктуется спросом. Так, в середине девяностых годов новое направление получила система инструкторских кадров, набираемых из числа молодых девушек, которые должны будут готовить парней к тому или иному виду военной деятельности. Психология такого подхода дает потрясающие результаты. Какой парень позволит себе быть неуспевающим или явно отстающим, когда его инструктором является миловидная молодая девушка. Большинству курсантов легче написать рапорт об отставке или переводе в другое подразделение с пониженными требованиями, чем плестись в хвосте группы по успеваемости.

Генерал говорит спокойно, мягко и осторожно обходя вопросы, на которые он бы не хотел отвечать прямо, хотя и в этом также проявляются его профессионализм и навык долголетней оперативной работы. Наш разговор уже несколько часов крутится вокруг специальной подготовки, и генерал упорно не хочет напрямую распространяться на эту тему и демонстрировать свои истинные возможности. Но работа в рамках совместной программы по разработке системы безопасности вынуждает его частично раскрыть карты. И вот на следующий день мы садимся в машину и отправляемся на один из специальных полигонов.

Ряды колючей проволоки и специального сетчатого ограждения указывают на то, что мы находимся у цели. На воротах никого нет, они открыты, и указатель направляет нас в сторону офиса, находящегося в глубине территории. Мы медленно продвигаемся через лабиринт бочек, которые образуют серпантин на дороге. При всем желании невозможно ехать быстрее тридцати – сорока километров в час. Проехав чуть больше километра, мы выезжаем на площадку учебной базы и начинаем спуск в искусственный каньон с множеством слепых коридоров, ограниченных скалами. В этих замкнутых блоках и проводится огневая подготовка. Из каждого блока слышится своя

оружейная музыка – вот справа запели «узи», слева слышится хоровая перекличка пистолетов различных моделей. Немного дальше весомо и убедительно выводят свою партию скорострельные винтовки «галил», М-16 и наш родной АК.

Машина выезжает к маленькому вагончику, в котором расположен один из технических офисов нижнего полигона. Рядом расположились навесы со скамьями и столами для учебных занятий. Несколько в стороне раскинут шатер, в котором расположен учебный класс со всем необходимым оборудованием, за ним виднеются стометровый полигон для стрельбы из тяжелого вооружения и автодром для стрельбы из движущегося автотранспорта. Еще дальше и чуть правее находятся блоки для тактических занятий с лабиринтами и механическими мишенями, охотно поднимающимися под выстрелы курсантов, которые с помощью новых выстрелов укладывают мишени обратно. Есть и специальные компьютерные установки, но специалисты почти во всем мире предпочитают в таких лабиринтах использовать механические системы, которые дешевле и, что очень важно, надежнее при длительной работе.

Нас встречает руководитель учебного центра – высокий, жилисто-мускулистый человек в возрасте примерно пятидесяти лет. В прошлом он сам был кадровым сотрудником известных служб, но теперь готовит молодых специалистов по заказам государства и по запросам состоятельных частных компаний. В распоряжении директора центра имеется более тридцати инструкторов, которые специализируются в теории физической охраны и системах применяемого вооружения, тактике ближнего боя, который в Израиле называется *крав-мага*, специальной огневой и тактической подготовке, навыках вождения автомобиля в экстремальной ситуации и оказании первой помощи в экстремальных условиях, системе выживания в современных городских условиях и многих других специальных и очень специальных дисциплинах.

Работа на полигоне кипит, как вода в огромном чане. На разных участках достаточно большой территории занимаются охранники израильских школ, сотрудники служб безопасности и несколько групп частных охранников – телохранителей крупных бизнесменов из различных стран мира.

Директор тренингового центра уже получил информацию о нашем приезде. Если нас сюда пригласили, значит, это необходимо. В противном случае ни при каких обстоятельствах попасть на тренинговую базу нельзя – здесь действует закон тотальной закрытости информации.

Мы присаживаемся за стол в маленькой комнатке

технического офиса, где меньше слышны выстрелы и можно спокойно поговорить. Несколько вопросов сразу определяют общее направление разговора. Директор говорит о системе подготовки кратко, общими штрихами, изредка поглядывая на меня и определяя мою реакцию. Я знаю, что в этом рассказе обязательно будет несколько подвохов, которые позволят моему сдержанно-гостеприимному хозяину, сославшись на занятость, свернуть как разговор, так и последующую работу.

Квашнин К. К. Последний выпускник диверсионной школы Якова Серебрянского – 60 лет в разведке

Раскрытые подвохи все расставляют по своим местам, но мой собеседник даже не меняется в лице после выявления неточностей в его рассказе – это в порядке вещей. Оба собеседника понимают, что без таких *проверок на вшивость* не может быть разговора равных сторон, а будет красивый рассказ о чем-то напоминающем предмет разговора, но не о самом предмете. Я тоже не возмущаюсь, зная, что все, и мы сами в том числе, так же проверяют любого вновь пришедшего коллегу на профессионализм. И если человек проглатывает два-три плохо сваренных блюда, разговаривать с ним не о чем. Совместной работы на профессиональном поприще быть не может. Возможно, перед тобой хороший парень, но это не профессия, а профессиональная безграмотность и бескультурье – это диагноз, который лечится очень долго, если вообще лечится.

Знакомство с методическими приемами продолжается практически самостоятельно. Наш хозяин позволяет присутствовать при процессе подготовки, но ничего специально не показывает – это не принято. Если ты профессионал, ты увидишь то, что тебя заинтересует, а уже в соответствии с поставленным тобой вопросом тебе будет дан адекватный ответ, а может быть, такового вообще не последует.

Принцип элементарен и надежен: «Тебе нужно – смотри». Вообще надо заметить, что сам факт приглашения и возможности наблюдать за подготовкой чужих групп уже является, с точки зрения хозяев, неслыханной щедростью, поскольку все курсы здесь проводятся в закрытом режиме. Но я знаю, что у них тоже есть свой интерес к нашей системе подготовки, и по самой поставке вопросов, по формулировке проблем можно определить наши профессиональные позиции и отличия от израильской системы подготовки. Меня ни о чем напрямую не спрашивают, но иногда моих собеседников прорывает, и у них возникает несколько вопросов *по касательной*, которые как бы и не обращены напрямую ко мне, но высказаны в мой адрес. Мне становится ясно, что пресловутая израильская ортодоксальность и слепая приверженность только своим моделям работы является частью большой и разветвленной системы тотального сбора информации по всем методикам, которые могут быть использованы в рамках последующих программ. Но после тщательной экспертизы, проверки и перепроверки, доработки и модернизации таким методикам присваиваются свои национальные имена. И с этой поры данные элементы навсегда становятся ортодоксально израильскими и преподаются только как часть своей – и только своей – системы.

Сама система подготовки жизнеспособна и проверена историческим опытом самого Израиля. На базовом уровне предпочтение отдается темповым методам стрельбы на поражение и индивидуальной технике работы. Технический арсенал взаимодействия, как таковой, практически не отрабатывается до тех пор, пока инструктора не определят, что технические элементы усвоены каждым курсантом и правила техники безопасности, заложенные в систему, также достаточно усвоены. Система тренинга жесткая и жестокая, не допускающая сомнений в ее правильности или каких-либо колебаний. Как охарактеризовал ее один из тех, кто внедряет эту систему в жизнь: «Сотрудник не имеет права на размышление во время работы. Иначе выбор методики приведет к потере времени, а значит, и жизни».

Мы движемся как бы по конвейеру, который готовит

специалистов различного класса, от уровня бытового ширпотреба до эксклюзивного заказа.

В течение всего времени общения меня не покидает двойственное чувство по отношению к своим партнерам. В этом чувстве смешиваются и уважение к уровню профессионализма на стратегическом уровне и на уровне тактических вариантов, и видение комплексного модельного подхода к рассмотрению многих глобальных проблем, и в то же время по-детски примитивные варианты технического исполнения и совершенная *глухость* ко всему, что хоть мало-мальски отличается от разработанных заготовок.

Уверенность в собственной непогрешимости и нотки абсолютного превосходства сквозили буквально во всем, что нам представлялось и рассказывалось, а уж то, что не показывалось или обрубалось при демонстрации, окружалось совершенно невообразимым ореолом правды в последней инстанции. Но как же вытягивались лица не всегда гостеприимных «коллег», когда оказывалось, что в нашем арсенале есть то, что есть у них, а кроме того, есть кое-что еще, чем они, к их величайшему сожалению, сами не обладают.

Конечно, когда живешь в обществе с совершенно иными установками и правилами социального общежития, когда одно заказное убийство потрясает в полном смысле всю страну один раз в три года и не сходит со страниц печати несколько месяцев, а порой и лет, когда самым шумным ограблением серии банков является «шалость» одного из отпрысков богатого семейства, развлекающегося в стиле американских вестернов, становится понятно, что ждать адекватной оценки ситуации, в которой живем мы, бесполезно.

«Вестернизация» общества, которое старается копировать американскую модель жизни, неизбежна и неизбежно приводит к весьма печальным последствиям. Так, осенью 1994 года в Чехии, захлестнутой американизацией многих аспектов и форм общественной жизни, в том числе и в отношении подготовки полиции, дважды полицейскими были случайно застрелены на улице немецкие туристы, которые, кстати, приносят Чехии немалый доход; ее бюджет, доля туризма в котором занимает далеко не последнее место, катастрофически пошатнулся. Просто покрутить пистолет вокруг указательного пальца кажется самым важным делом для полицейского.

А в самой Америке под Рождество 1994 года серия приключений с Белым домом стала чуть ли не притчей во языцех. За короткие несколько месяцев серия проникновений за ограду резиденции президентов США росла в геометрической

прогрессии, достигнув рекорда в несколько «покушений на территориальную целостность» в день! Вначале частный самолет почти врезается в здание, хороня под своими обломками неудачника-пилота, – мотивы его действий остаются невыясненными, хотя число версий в средствах массовой информации зашкаливает за все мыслимые и немыслимые рамки.

Затем начинается серия визитов бомжей, мирно и не очень мирно развлекающихся или отдыхающих на лужайках около Белого дома. И чем ближе наступление нового, 1995 года, тем чаще на лужайке появляются лица, вооруженные холодным оружием, иногда имеющие неосторожность нападать на сотрудников президентской охраны с целью обменять свое холодное оружие на их огнестрельное или с какими другими намерениями, а то и просто лица, которые любят часок-другой погулять вокруг главной елки США, установленной на лужайке перед Белым домом.

Причем прогулка вокруг елки возможна только с лежащим в кармане пистолетиком, заряженным боевыми патронами для «люгера» калибра девять миллиметров. Причем вооруженный посетитель имел неосторожность прогуливаться перед Белым домом более часа (!) при полном попустительстве службы безопасности Белого дома.

А вот совсем уже под католическое Рождество некий экспансивный гражданин, припарковав вблизи Белого дома свой «фольксваген», прокричав, что машина заминирована, бросился наутек. Совершенно опешившая охрана пребывала в столбняке около пяти минут (!) и лишь потом бросилась догонять *крутого парня*, оказавшегося после поимки не вполне в своем уме, в результате он был препровожден на рождественские каникулы в психиатрическую лечебницу.

В голове просто не укладываются факты, которые полностью разрушают идиллическую модель «А вот у них там…».

Память вновь возвращает меня к беседе с генералом, который не поверил поначалу информации о том уровне преступности и агрессивности, в котором пребывает сейчас одна восьмая суши, которой является Россия.

Консультации и основная часть работы были завершены и профессиональные позиции очерчены, выполнены намеченные ранее учебно-методические программы. Генерал встает и прощается. Он делает это так же, как делал в бытность свою одним из ведущих специалистов в службе безопасности. Он прощается корректно, но сухо и, выходя, уже не оборачивается, как бы прервав контакт с тем, с кем только что активно беседовал на темы разработки разнообразных моделей безопасности, теперь

уже для негосударственных организаций.

Я стараюсь найти какие-то мостики, кроме профессионального интереса, к той области деятельности, которой мы занимаемся. Конечно же у нас много общего, как у всех проживающих на этой планете, но наша психология, образ мышления, образ жизни, ситуация в стране слишком отличаются от всего *ненашего*. Нам сложно осознать их сверхдискретность и местечковость в мышлении и образе жизни, а им вряд ли под силу осмыслить или осознать нашу широту и всеохватность в едином взмахе.

Но одно я знаю точно: нельзя быть слепым подражателем в любом из начинаний, а уж в такой области, как обеспечение безопасности, нам есть чему поучить наших иностранных коллег. Конечно, если они до этого дорастут своим *сверхдискретным* умом или их заставит это сделать жизнь, что более соответствует истине – по крайней мере, по моему личному опыту.

Последнее впечатление, усиливающее двойственность впечатлений от этой страны, ждет любого вылетающего из аэропорта «Бен Гурион». Служба безопасности «Эль-Аль» объясняет эту процедуру обеспечением антитеррористической безопасности, но легкий допрос продолжительностью от тридцати минут до нескольких часов ожидает каждого, кому предписано пройти в самолет. Причем характер задаваемых вопросов намного выходит за рамки той программы, которая так настойчиво предъявляется удивленным пассажирам. Конечно, каждая служба работает на своей территории так, как считает нужным работать. Аэропорт только подтвердил один из основополагающих принципов обеспечения безопасности – тотальность, но это уже совершенно другая тема.

«Боинг», сделав вираж над Тель-Авивом, отправился на север, оставляя внизу огни вечернего города – столицы государства, которое, как и все остальные, старается строго хранить свои тайны, но никогда не отказывается от подсматривания в скважину за соседями.

Рабин

Моему мужу не нужен бронежилет. Вы что, сошли с ума?…

Лея Рабин за несколько минут до покушения на ее мужа

Я уверен, что в тот день, когда родится Палестинское государство, начнется гражданская война между евреями.

Амос Оз, 1985 г.

Известие о выстрелах в Тель-Авиве прозвучало, словно раскаты грома из давно сгущавшихся туч. Материал по Израилю был уже подготовлен, и первой мыслью было расширить уже завершенную главу, продолжить *литературную дискуссию* с людьми, представляющими самую-самую из всех самых известных спецслужб мира. Но, как говорится, после драки кулаками не машут.

Работая в это время с сотрудниками государственных польских служб и отрабатывая с ними специальные программы в рамках определенных функциональных обязанностей, я сразу столкнулся с рядом вопросов, гипотез, версий. Но что бросалось в глаза сразу, так это недоумение и растерянность, которые сквозили в каждом вопросе. Обобщенно это можно было бы сформулировать одной фразой: «От них мы этого никак не могли ожидать!»

Шок был немалым, ведь все, кто занимается вопросами подготовки людей для специальных видов деятельности, кто сам работал или работает в специальных подразделениях своих стран, были убеждены (и небездоказательно) в практически непоколебимом авторитете и высочайшем профессионализме израильских специалистов. И вдруг как ушат холодной воды…

Я мысленно прокручивал в голове события почти годичной давности. Вспоминал дискуссии и беседы в Тель-Авиве, Иерусалиме, на тренировочных базах и в учебных центрах Израиля. Безапелляционность суждений и уверенность в обладании истиной в последней инстанции была просто

абсолютной. Ни малейшего колебания или отхождения от собственной доктрины, никакого сомнения в наивысшей компетентности своего персонала. И в то же время *тихий сбор* новой информации для последующей адаптации, перекомпоновки ее частей, замены чужого лейбла на собственный с последующим выпуском в свет еще одного шедевра якобы чисто израильской методики.

Любая система имеет определенные и четко очерченные этапы в своем развитии. Можно проходить их медленнее или быстрее, но не учитывать их нельзя. Такая беспечность может привести к плачевным результатам. А уподобление страусу путем закапывания головы в песок может стоить этому страусу не только пучка перьев из задних частей тела, но и самой жизни.

Специалисты восхищались операцией в Энтэбе, операцией по поимке Эйхмана, операцией, последовавшей после кровавого инцидента на Олимпиаде в Мюнхене, успехами в шестидневной войне и многому-многому другому. Но то, что по плечу молодым первопроходцам и охваченным идеалистическими или (а скорее всего, не *или*, а *и*) честолюбивыми порывами молодым офицерам, становится навязчивой идеей тех же офицеров, но уже в возрасте моложавых генералов. Начинает превалировать некоторая шаблонность, повышается уровень *осмысленности,* а значит, уменьшается роль здорового авантюризма. Поступь становится более степенной, и неудержимый аллюр молодости постепенно переходит в размеренный шаг, из которого сложно мгновенно опять перейти в галоп.

Успокоенность и вера во всемогущество своей службы и недооценка возможного противника дорого обходятся. Особенно опасно убеждение в отсутствии диады внешних и внутренних противников. Аксиома «кроме своих, никто не предает» остается незыблемой. Враг не может предать по определению, потому что это враг. А предать может только свой, находящийся внутри, в ближнем окружении, доверенный, наделенный определенными полномочиями. В свое время мои собеседники кичились тем, что почти 98 % всех террористических актов в Израиле раскрывается в момент подготовки, а остальные практически полностью пресекаются на этапе реализации.

Но вот свершилось очередное убийство. С точки зрения жителя России середины девяностых годов XX века, привыкшего к спискам убитых на страницах газет, это не более чем обычный теракт, только предпринятый в отношении представителя другой страны. С точки же зрения Израиля, где одно заказное убийство не перестает будоражить страну по два-три года, и с точки зрения мирового сообщества, ищущего мира и выгоды для своих

интересов в регионе Ближнего Востока, это одна из величайших трагедий, способная изменить расстановку политических сил в регионе.

Мозаика мнений и фактов разбросана, словно горсть изумрудов на столе гадателя. Что ж, не будем закрывать глаза на мозаичность ситуации и попробуем поймать отблески единого Солнца на гранях различных драгоценных камней. Истины мы наверняка не постигнем, но ее предпосылки кроются в нас самих, в человеках, а значит, и начать надо с «героя» этих трагичных событий.

Ицхак Рабин был *сабра*, что означает – уроженец Израиля. Во время Второй мировой войны он воевал в составе Еврейского легиона, затем сражался против британской армии, будучи членом Пальмах – одного из ответвлений сионистского движения, ставшего впоследствии ядром будущей армии Израиля. В двадцать шесть лет полковник Рабин был самым молодым офицером в армии Израиля, а в тридцать два он был уже генералом. В сорок пять лет ушел в отставку, как того требовал закон, и был отправлен послом в Вашингтон. Пройдя все войны середины XX века, Рабин так характеризовал свой путь: «Двадцать семь лет я был солдатом. Я сражался так долго, поскольку полагал, что невозможно поступить иначе». В 1973 году, пятьдесяти одного года от роду, Рабин пришел на смену Голде Меир, возглавив лейбористское движение. Он прошел путь от солдата до министра обороны и от рядового политика до премьер-министра и человека с мировым именем. Им так долго восхищались в его родном Израиле, что возненавидели в один момент.

Война Израиля с соседями стала делом совершенно обычным. Люди знали, что рядом живут враги и что с ними надо бороться, расширяя свое жизненное пространство и уменьшая жизненное пространство врагов. Когда кто-то приходит в ресторан или бар с автоматической винтовкой «галил» или М-16, все окружающие знают, что это поселенец с оккупированных территорий. Ситуация эта стала настолько обыденной, что изощренная израильская дипломатия даже не удосужилась придумать ей более интеллигентное или более закамуфлированное название. И в международном языке так и осталось словосочетание *оккупированные территории*. И вдруг проведение сверхсекретных переговоров о подписании мирного договора в нейтральной Норвегии. И с кем? С Ясиром Арафатом! И о чем? О предоставлении Палестине автономии! Для жителей Израиля это было пострашнее библейского Страшного суда. Все

переворачивалось с ног на голову. Истины, которые вдалбливались в головы с детского возраста, рассыпались, как карточные домики на ветру.

Ергон Хольст, министр иностранных дел Норвегии, привез в Тель-Авив мирный договор, подписанный Ясиром Арафатом. В реальность этого события мало верили даже те, кто принимал участие в сверхсекретных переговорах в Осло. Даже вездесущий Дядя Сэм не был поставлен в известность и, когда Шимон Перес привез документы Уоррену Кристоферу и Биллу Клинтону, те вначале не поверили в реальность происшедшего, а когда наконец Клинтон убедился в реальности свершившегося факта, он сказал: «Хорошо, теперь ваша задача – это общественное мнение вашей страны». Сентябрь 1993 года был для Израиля поистине шоковым.

И вот тут возникла пустота, которой так не любит и не терпит природа. На публичном заседании с участием правого крыла парламента, Ликуда, на сцену была выброшен фотомонтаж с изображением Рабина в форме офицера СС, а на стенах домов вдруг появились надписи: «Смерть предателю Рабину».

Природа не выносит резких мутаций. Человек, который треть века был активным ястребом, не может в момент превратиться в голубя. Это невозможно как для этого человека, так и для тех, ради кого он пошел на этот смертельно рискованный шаг.

Более трех тысячелетий длится противостояние арабов и евреев, которых история (читай – судьба) столкнула лбами в изнуренном зноем пустынном регионе с несколькими живительными оазисами. Более трех тысячелетий идет незримая и зримая война, которая приобрела за последние полвека особо ожесточенный характер в процессе борьбы Израиля за становление, признание и свою независимость во враждебном окружении. В этот период специальные службы Израиля вынуждены были постоянно преодолевать все новые и новые трудности. Молодые, агрессивные, постоянно конкурирующие как с противником, так и друг с другом структуры постоянно совершенствовались и развивали весь имеющийся в их распоряжении арсенал, создавали новые, часто уникальные прецеденты в практике специальных операций. По-видимому, постоянные успехи в военном деле, поддержка политики страны сильными мира сего, мощные материальные вливания и потрясающая реклама, осуществляемая всеми доступными и недоступными методами, дали свой результат. Авторитет службы стал просто фантастически популярен.

Короткая пауза на очередном европейском курсе для спецполиции

Как признался впоследствии один из организаторов величайшего в истории Израиля митинга мира: «Четвертого ноября был достигнут успех на мирной встрече. Затем в одно мгновение наше счастье сменилось трагедией. После этого снимка Рабина в форме СС, после того как сеятели гнева пригвоздили его к позорному столбу, я был встревожен. Нам дали 750 полицейских, 250 охранников, 60 отборных стрелков для слежения за всеми крышами, три вертолета. Ко всему этому – группы представителей службы безопасности, которые должны постоянно охранять Рабина и Переса. Все было настолько хорошо запланировано, что каждая машина, въезжающая на площадь, должна была быть помечена специальным значком. Меня подбадривала *мифическая мощь* спецслужб Израиля».

Мы все создаем для себя мифы и стараемся жить среди них, принимая их за реальность. Столь мощное развитие служб, столь многочисленные успехи и единичные провалы, столь сильная полутеневая ангажированность всемогущества, причем все это фактически при жизни одного поколения, создают уникальный прецедент. Но именно это и усыпляет руководство этих самых служб, которые еще не забыли себя молодыми, смелыми, решительными, готовыми на все. И вот полный провал.

Обнявшись с Шимоном Пересом в 22 часа 4 ноября 1995 года, Ицхак Рабин спускается с трибуны по лестнице, ведущей к охраняемой службой безопасности (!) стоянке автомобилей. Напомним, что это внутренняя, особо охраняемая *литерная* зона!

Камера бесстрастно фиксирует полное отсутствие необходимых условий безопасного продвижения охраняемого лица. Причем это происходит в зоне, в которой категорически запрещено пребывание посторонних лиц. Сам автомобиль Рабина также был окружен сотрудниками охраны из числа офицеров безопасности.

Тренировки скандинавского спецназа

Игаль Амир, студент религиозного университета Бар-Илана, изучающий философию, выдав себя за водителя машины Рабина, спокойно (!) проследовал через все посты и расположился у самого автомобиля премьер-министра. Секретная служба, обеспечивавшая безопасность, позволила (!) Амиру спокойно находиться в закрытой и охраняемой зоне, беседуя с другими сотрудниками службы безопасности. В тот момент, когда премьер-министр с супругой и сотрудниками личной охраны приблизился к машине, Игаль Амир бросился к Рабину сзади и несколько сбоку и почти в упор с расстояния менее метра трижды выстрелил из «беретты», которую за три часа до этого зарядил у себя дома. Три пули типа дум-дум, изготовленные накануне братом Амира, поразили Рабина в брюшную полость, грудь и позвоночник с поражением спинного мозга. Семидесятитрехлетний Рабин пренебрегал бронежилетом, полагая, что это является совершенно излишней мерой безопасности.

В 1981 году убит Анвар эль-Садат, его преемник Хосни Мубарак уцелел во время восьми покушений на него. На короля Иордании Хусейна покушались десять раз, а его дед был убит в

Иерусалиме палестинскими экстремистами. Количество покушений на Фиделя Кастро или Ясира Арафата давно уже перевалило за числа, порядок которых делает бессмысленным дальнейший подсчет очередных акций.

Амир совершенно равнодушно воспринял все виды насилия, которые обрушила на него секретная служба полиции, которая, тем не менее, затолкав его в автомобиль и увезя от угрожающе застывшей толпы, готовой в следующее мгновение растерзать того, кто поразил одного из их кумиров, спасла ему жизнь. Амир был спокоен и откровенен. «Я действовал по велению Господа, – заявил он следователям. – Уже два раза я пытался сделать это, и оба раза неудачно. Теперь я доволен», – вздохнув, добавил Амир, не менее года живший идеей отмщения.

«Убить Рабина было моим священным долгом, – сообщил Игаль Амир судье. – Я убил Рабина потому, что он хотел отдать нашу страну арабам…»

В личной библиотеке убийцы полиция нашла большое количество газетных вырезок о Рабине, книгу, прославляющую Баруха Гольдштейна, который в феврале 1994 года убил тридцать пять мусульман во время пятничной молитвы в мечети в Хевроне. На полке рядом стоял триллер «Шакал», описывающий один из заговоров против президента Франции генерала де Голля.

Когда сто двадцать (!) генералов в отставке объединяются в ассоциацию «Генералы за мир и безопасность» и начинают, как студенты университетов, митинговать, сидя на тротуаре вдоль улицы и расхаживая с плакатами в поддержку мира, когда люди, возглавлявшие секретные службы и боевые ударные части и принимавшие участие в молниеносных, но далеко не бескровных акциях, вдруг становятся приверженцами мира, – что это может означать? Самопожертвование ради высших государственных интересов или запоздалое пацифистское прозрение? Ну а если ортодоксальные ястребы в один день становятся голубями мира? Может ли такое быть? Оказывается, может. Но удар был нанесен не по роте генералов в отставке, а по их идеологическому вождю и стратегу. Причем нанесение этого удара было выполнено в одной из классических форм – со спины и почти в упор.

Службы, в *мифическую мощь* которых так верили люди, доверявшие им свою жизнь и судьбу своей страны, оказались несостоятельными. Исполнитель не только не был выявлен на этапе подготовки, что действительно является крайне сложным и находится на грани возможного, ему позволили свободно проникнуть в охраняемую зону, занять там выгодное для атаки место, да еще и «закамуфлироваться» под водителя своей жертвы. Остальное было делом предрешенным, и спасти Рабина мог

только Его Величество Случай. Вспоминая покушение на президента Рейгана, можно еще раз подчеркнуть, что тогда покушавшийся выпустил шесть пуль менее чем за полторы секунды, стреляя с расстояния в несколько метров. При этом были ранены президент и несколько человек из его окружения и охраны.

Императорский дворец. Пекин

Поэтому при стрельбе с расстояния около метра в неприкрытого охраной Рабина шансов выжить у последнего практически не было. Наличие бронежилета оставляло шансы на выживание после полученных ранений. Но, но, но… И количество этих «но» возрастает с каждым ответом на любой заданный вопрос.

Никто, пожалуй, до конца однозначно не сможет определить то, что произошло в Тель-Авиве на площади Царей 4 ноября 1995 года. Убийство, исполненное религиозным сионистским фанатиком, убийство, которое было частью сложного и тщательно спланированного заговора, организованного движением «Ках» посредством «Боевой еврейской организации», члены которой на следующий после покушения день с видом победителей продефилировали по городу. Что же это было? Наверное, нас ждет сценарий не хуже того, что тридцать два года назад разыгрался в городе Даллас в США. Мнения, версии,

непредсказуемые и предсказуемые события завертятся в извечном водовороте времени, смазывая реалии бытия.

Мир полярен, сложен, неоднозначен в восприятии и порой непостижим в своей тотальной непредсказуемости. И если все это накладывается на быстрые полярные перемены в крайне опасных процессах, особенно таких, как извечная проблема войны и мира, то никто не сможет стереть пыль с осколков разбившегося зеркала, чтобы рассмотреть первозданность мироздания. Множатся вопросы, разрастаются ответы – процесс бесконечен и нескончаем…

Сливаясь в строчках прожитых столетий,
Мы проживаем миллионы лет,
И словно в сонме прошлых междометий,
Стараемся на всё найти ответ.

Когда-то годы были как столетья,
Когда-то мы их гнали каждый день,
И вдруг нам ясно – мы уже не дети,
И на лице уже былых сомнений тень.

Водоворотами идиллии и крови
Промчалась молодость, зовущая вперед.
И лишь воспоминанья хмурят брови
Ценой потерь и сердце больно жмет.

Мы пролетели только четверть века
Но все сменилось в вечной суете, —
Что ждать нам от простого человека,
Когда и страны вкруг тебя не те?

Лишь верим мы в самих себя и в дружбу,
В свою любовь и в чистоту идей,
Ведь человек, когда он близким нужен,
Становится радушней и добрей.

Погибший к нам обратно не вернется,
Военной правде жизнью заплатив.
Все так же сердце беспокойно бьется,
Все так же вечный свой ведя мотив.

Молитвой, очищающей от крови,
Сияют солнцем мне твои глаза!

Закончен бой! Не стоит хмурить брови,
Ведь смерть от жизни отделить нельзя.

Мы сами наши судьбы выбираем,
И сами нашим мыслям счет ведем.
Мы размышляем, любим и страдаем,
За свет идейный жизни отдаем…

Сливаясь в строчках прожитых столетий
Мы пролетаем миллионы лет,
И словно в сонме прошлых междометий,
Стараемся на всё найти ответ.

13.07.2007

Непоучительная история

Когда первичный замысел книги был определен и ее содержание вырисовывалось уже достаточно определенно, а я оттачивал перья для редактуры материала, жизнь в очередной раз направила меня в Берлин – извечное место столкновений и объединений российских и германских интересов.

Мы живем в интересное время и являемся свидетелями событий, которые оставят неизгладимые следы в истории человечества. Не менее глобальные и страшные, чем рождение и гибель древних цивилизаций. Шумер, Египет, Междуречье, Карфаген, Китай, Индия, Древняя Греция и Древний Рим, нашествие Аттилы, жизнь и смерть Великой империи франков, Возрождение, войны, войны, войны…

И опять аналогии в истории России и Германии, словно две стрелки на одних часах, которые постоянно соревнуются друг с другом, стараясь обогнать ведущее их время.

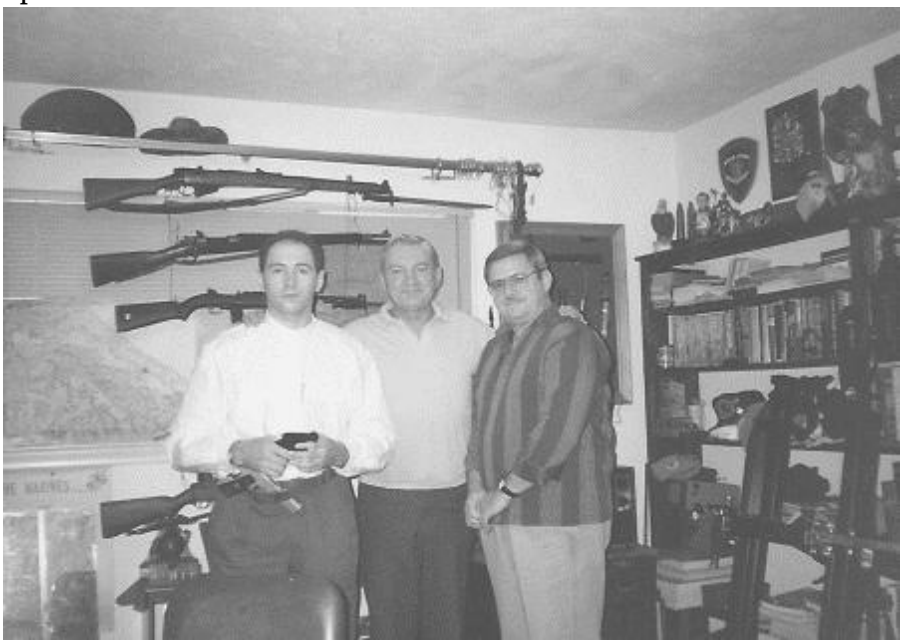
Окончание одной книги – это всегда незримый мостик к другой. Извечность проблем и переживаний не обедняет нас. Но каждый раз мы все переживаем заново ситуации, в которых уже не раз оказывались наши предки. И в этом великий смысл нашего бытия. Что мы поведаем читателю, чем обогатили его или, может быть, разочаровали? История, история, истории…

Они составляют всю нашу жизнь. Ну что же, завершим эту книгу еще одной непоучительной историей, которая, может быть, перейдет в следующую новую книгу…

В середине XIX века Пруссия сумела сделать то, что не удалось осуществить за тысячу лет ни одному немецкому государству: Германия стала единой. После развала Великой Римской империи Карла Великого отдельным военным и политическим личностям ненадолго удавалось сшить более или менее приличное «одеяло» из лоскутов маленьких королевств, княжеств, марок, курфюршеств, епископатов и свободных городов. Но, просуществовав несколько десятков лет, эти образования распадались под действием внешних и внутренних причин и обстоятельств.

Великий гений Мартина Лютера создал хох-дойч – единый, а точнее, *высокий* германский язык, позволивший носителям многих и многих десятков различных диалектов и наречий Германии понимать друг друга. «Гуманитарная бомба», заложенная великим реформатором в самом начале XVI века, взрывалась несколько раз, приводя к кровавым конфликтам и

отстаиванию своих взглядов силой креста и меча, войнам, которые длились многими десятилетиями. Но создание Лютером *германского эсперанто* через три с половиной века помогло королю Пруссии Вильгельму создать ту немецкую общность, которая просуществовала почти столетие и была разделена на две части Второй мировой войной в середине XX века. И вот прошло еще полвека, и на границе XXI столетия от Рождества Христова в уже единый Берлин возвращается правительство единой Германии.



США, Техас, 1988 год. Автор, полковник Румо Квикли, д-р Сахарноски, зам. федерального маршала США

Машина плутает по временным дорожкам в районе новостроек в том месте, где некогда стояла Берлинская стена. Огромная стройка вот уже два десятилетия не дает берлинцам возможности предугадать, где завтра проляжет новая временная трасса между сплошными строительными площадками в центре теперь уже единого города.

Время ведет нас своими тропами, направляя, а порой корректируя или исправляя то, что было намечено настырным человеческим разумом. Общества, как и приборы дешевого автомобиля низкого класса, живут своей жизнью, лишь периодически совпадая в показаниях с тем, что есть на самом деле.

Но рано или поздно Ее Величество Реальность все расставляет по своим местам. Правда, не навсегда, а лишь на время, чтобы потом опять исправить или хотя бы частично откорректировать то, что натворили люди.

Старый Свет подошел к границе третьего тысячелетия по христианскому летоисчислению с тяжелым грузом предрассудков, укоренившихся предвзятостей, косности, идеологической и религиозной непримиримости и местечковой отчужденности. Идеи гуманизма проникают в сознание только тогда, когда людей охватывает страх от осознания количества пролитой крови и миллионов загубленных жизней.

Будда, Яхве, Христос, Аллах продолжают проверять на прочность сознание и души своих приверженцев. А те, в свою очередь, никак не могут остановиться в нескончаемой череде новых реформаций и контрреформаций, возврата к истокам в поисках модернизированных трактовок древних постулатов.

Рядом со мной уверенно крутит баранку «ауди» мой коллега, бывший вояка с ныне неуставной прической, на заднем сиденье разместился другой интеллигентный весельчак. Когда-то оба они были сотрудниками некогда всесильной Штази. После объединения Германии оба почти три года были не у дел, пребывая в постоянной готовности оказаться под судом и следствием за то, что они честно выполняли приказы своей уже несуществующей Родины – ГДР.

Потом их удалось пристроить, и они оказались в недрах тогдашнего олигархического монополиста в области безопасности уже единой Германии. Так им удалось *выползти* из черного списка беруфсферботен, то есть введенного в ФРГ запрета на профессию для лиц с политически подмоченной репутацией. Полгода постепенно растопили первичное недоверие спецов из стана бывшего противника, и профессионализм последователей мудрого, интеллигентного и прозорливого Маркуса Вольфа получил заслуженное признание.

Академия ГШ МО КНДР

А затем наступило то, что часто бывает с самоуверенными и переставшими отслеживать конъюнктуру монополиями. Конкуренты *накопали* на «стальной концерн безопасности» такой компромат за последние пятнадцать лет его деятельности, что он рухнул за сутки (!), словно карточный домик от легкого прикосновения ребенка. Мои коллеги опять остались один на

один со своими социальными проблемами. Жене одного из моих друзей, долгое время трудившейся в своей собственной стране *сексотом* – секретным сотрудником (не путать с общепринятым в невежественной среде самоуверенных обывателей определением *стукач*), на этот раз удалось первой прорвать завесу социальной неустроенности. Она получила престижное и хорошо оплачиваемое место в известной и стабильной фирме, возможно, без особых карьерных перспектив, но с возможностью надежного тылового обеспечения семейной жизни.

Потом было… Да мало ли что было потом… Но как-то в один из сверхнасыщенных событиями августовских уик-эндов мы воевали с документами в комнате переговоров в большом помпезном здании с окнами на Уинтер-ден-Линден. Это был незабываемый во многих отношениях год, многое изменивший в судьбах людей в нашей стране и во многих других странах, год, с бездумной жестокостью прошедшийся катком по судьбам одних европейцев и давший новый импульс карьере других.

Знали бы мои коллеги и гости, кто обслуживал нашу работу в выходные дни в гудевшем от оглушающей пустоты, безысходности и обиды здании российской дипмиссии, кто заботливо кормил и поил бывших капитанов, майоров и полковников Штази. Если бы они в тот момент узнали об этом, то непременно бы вытянулись по стойке «смирно» и застегнули бы все пуговицы своего *штатского обмундирования*. Единственным действительно штатским человеком, помогавшим в организации деловых встреч, была моя супруга. Как давно и как недавно это было. Вскоре наши коллеги вновь встали на ноги, и сейчас приятно смотреть на них, чувствовать, что они ощущают свою самостоятельность и свой профессионализм и с полной ответственностью могут считать себя *селфмэйд*, ну, может быть, с маленькой толикой нашего участия.

И вновь Германия

Прошло уже немало лет с той поры, но как много бывших коллег, моих друзей, попавших на работу в структуры объединенной Германии, прижизненно ощущают себя людьми совсем иного сорта. Преподавая на оперативно-тактических факультетах Академии спецполиции бывшего Западного Берлина, Баварии, Баден-Вюртемберга и еще десятка других федеральных

центров, я часто встречаю таких людей. Их выдает затравленный взгляд с плохо скрываемыми чувствами непонятной вины и боязни допустить какую-то неведомую ошибку. Они очень боятся остаться с представителями России один на один, практически никогда ни о чем не спрашивают, и почти всегда им достается судьба *«живой макивары»* при отработке элементов тактического взаимодействия или методов силового захвата. И почти у всех в конце занятий под бюргерские насмешки «более германских» западных немцев на лице всплывает одинаково извиняющаяся улыбка. Я хорошо это знаю и не испытываю к ним какой-то жалости при работе. Те, кто был более приспособлен к жизни и менее *холуизирован,* давно уже работают сами на себя или там, где их самолюбие не третируется столь беспощадно и явно…

Мне приятно видеть моих немецких друзей и коллег в творческом, рабочем состоянии и постоянной готовности расширять границы своей профессиональной деятельности, укрепляя позиции возглавляемых ими фирм.

Дочь моего друга, несмотря на настойчивые увещевания родителей, не смогла сойти с их профессиональной стези и умудрилась поступить даже не в Школу полиции, а в Академию федеративного министерства, начав карьеру федерального служащего. Теперь она занимает практически максимальный должностной уровень для женщин в Федеральной службе сегодняшней Германии, закончив еще одну академию и командный факультет. Может быть, это поколение, впитавшее в себя части двух некогда разобщенных систем, через четверть или через полвека добьется чего-то нового и более совершенного в тех реформах, которые не прекращаются вот уже много веков? Все может быть на этом свете…

Главное, как любили повторять наши дедушки и бабушки, чтобы не было войны, то есть глобальной мировой войны. И в этом они бесконечно правы. Ведь цена, которую люди в любой стране платят за объединение или развал страны, – это кровь, та единственная и всегда свободно конвертируемая валюта, которая во все времена не уменьшала своих ставок на бирже жизни.

19 июля 1999 года крупнейшие международные агентства опубликовали информацию о том, что население Земли перевалило за шесть миллиардов человек. А значит, глобальная замкнутая система нашей планеты вновь расширила границы своего биологического и социального существования, повысив в очередной раз вес человеческих существ в общей биомассе планеты, а это с роковой неизбежностью порождает мириады новых проблем, с которыми это человечество обязательно столкнется. Небольшое изменение равновесия в системе

народонаселения планеты, произошедшее в середине XVII века, где-то в 1650 году, постепенно привело к новому демографическому взрыву в 1953 году. А этот последний процесс, развиваясь в зависимости от сопутствующих условий в арифметической или геометрической прогрессии, уносит нас все дальше и дальше к невидимой критической точке, за которой нас ждет новое, возможно, более кровавое и проблемное изменение хрупкого предшествующего равновесия. Но человечество, как всегда, мчится навстречу новым испытаниям и проблемам с *широко закрытыми глазами…*

Грустное откровение

Предательство иль глупая ошибка?…
Кто виноват? Кому предъявлен счет?
Один лишь страх, гримаса иль улыбка?
Из страха ложь иль грамотный расчет?
Мы действуем порой почти как дети,
С бездумной злобой душу растоптав.
И сердце бросив на холодный ветер,
Мы рассуждаем – кто же был не прав?
Меняются секунды, как столетья,
А вечность тянется, как преходящий миг.
Слова исчезли – только междометья
Нам могут рассказать о нас самих…
…Тогда нас было несравнимо меньше.
За глупость заплатившие сполна,
Мы просто были счастливы.
И, грешен,
Был счастлив я, но чья же в том вина?
Вина за глупость, смерть или ошибку,
Косившую твоих друзей подряд,
Вина за страх и жалкую улыбку,
Которой не вернуть ушедший ряд…
Ряды редеют, но помимо павших
Уходят чувства, горечь, привкус слез.
Ряды редеют, как листвой опавшей,
Рассыпавшийся замок детских грез.
Когда нам тяжело, то кто в ответе
За ту обиду, что коснулась нас?
Слова беспомощны и слабы, словно дети,
Которых не пустили в первый класс.
Тоска слепая тупо сердце гложет,

Трещат виски, туманятся глаза.
Но ненависть в печали не поможет,
И ненавистью вечно жить нельзя.
Обида не бесчестие – сотрется,
Хотя процесс медлительно незрим.
Вновь равновесие душевное вернется
К тебе, победой над собой самим…

23.06–08.07.1998

Бодигард
Рассказ

Его зовут Джо Томпсон, ему тридцать девять лет. В маленьком техасском городке у него живут жена Мэри и двое прекрасных мальчишек Гарри и Том. Вся семья собиралась не так часто, как хотелось бы, хотя в семье царили любовь и взаимопонимание. Мэри работала по заданию ряда университетов и могла выполнять порученные ей программы, не выходя из дому. Мальчики учились в школе, и оба мечтали о военной академии, только Гарри хотел посвятить себя проблемам компьютерного обеспечения, а Том не мыслил своей карьеры без эмблемы знаменитого подразделения 812, командиром которого был его отец.

Джо бывал дома не более трех-четырех месяцев в году, все остальное время отнимала работа. Вначале его команда 812 выполняла все мыслимые и немыслимые задания по приказу высшего руководства для нужд американской нации, но однажды, пользуясь данной ему властью, Джо расстрелял лейтенанта Джилкинса за то, что тот решил немного поразвлечься с девушкой из деревеньки, рядом с которой их подразделение маскировалось вот уже пятые сутки в ожидании объекта, который им было поручено захватить.

Возникший скандал грозил раскрыть всю команду и провалить операцию, на которую были затрачены миллионы долларов, а от результатов зависели доходы в миллиарды долларов и престиж одной из величайших стран мира. Выстрел бесшумного пистолета сохранил честь девушки и «локализовал» возможность крупного международного конфликта. Правда, пришлось быстро переходить на резервный вариант, но, несмотря на весь риск, операцию завершили без других потерь. Родственникам сумасбродного лейтенанта сообщили, что он погиб во имя Америки, но специальная служба еще долго трясла Джо по этому поводу. Его неоднократно заслушивали на специальной комиссии.

Атмосфера на этих заседаниях была невыносимой: множество чистоплюев ставили Джо в вину самоуправство и превышение полномочий. Хотя в инструкции департамента черным по белому было начертано, что командир подразделения во время выполнения специального задания является высшей судебной и исполнительской инстанцией и наделяется правом приведения приговора в исполнение на месте при условии, что совершивший

проступок подчиненный ставит под угрозу срыва операцию в целом, а также жизнь других членов подразделения.

Но это была всего-навсего инструкция, а в реальной жизни всегда находится множество чистеньких чиновников в военных мундирах, которые начинают рассуждать о всевозможных последствиях того или иного действия задним числом, когда все уже позади. Но, тем не менее, по истечении трех месяцев Джо подал обстоятельный рапорт с изложением давно и многократно излагаемых им данных, которые полностью были подтверждены всеми другими членами команды. Единственное, что подполковник Томпсон добавил в своем рапорте, это то, что он не видит возможности продолжать службу, когда его пытаются обвинить в том, что он обязан был сделать в той ситуации, в которой оказалось все подразделение.

Через три недели он настоял на уходе со службы, и, хотя его стали уговаривать даже те, кто был его оппонентом на собеседованиях несколько недель назад, Джо был непоколебим. Он оставил службу и после полугодового перерыва стал частным телохранителем, работающим по заказам очень состоятельных клиентов. Его безупречная репутация и авторитет давали ему возможность назначать такие гонорары, на которые не могло рассчитывать большинство известных специалистов этой беспокойной профессии.

Джо двигался лениво-медленно, этот навык он приобрел во время многочисленных *тихих* операций во многих *громких* уголках мира, когда надо было двигаться максимально быстро и в то же время плавно, не вызывая особого внимания окружающих.

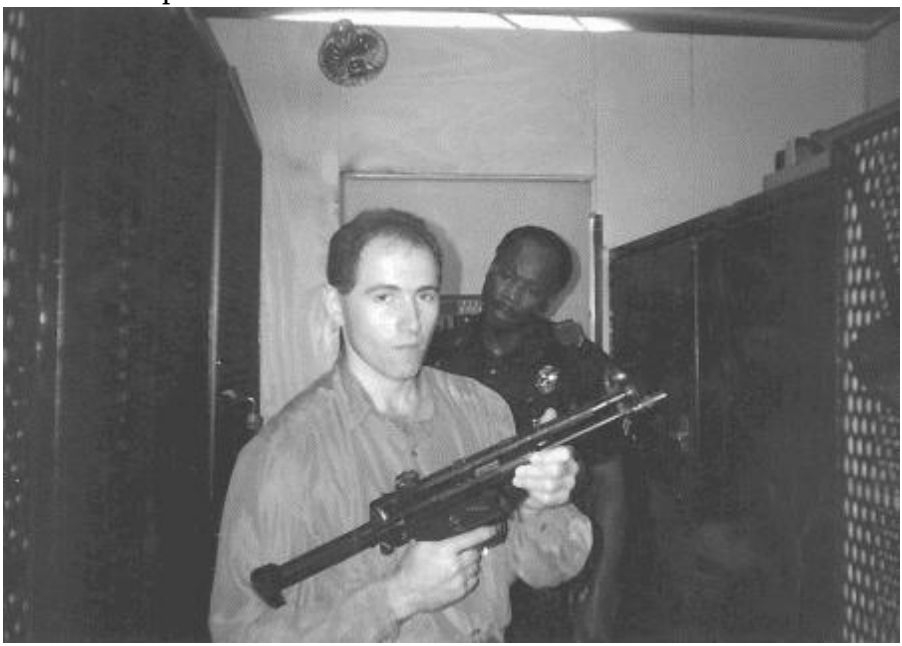
Джо работал на крупного строительного магната, который нанял его на ближайшие полгода после получения серии угрожающих писем. Джо изучил письма, тщательно проанализировав все их детали, начиная с того, на какой бумаге они напечатаны, определив тип печатного устройства, стилистические особенности написания, вескость доводов и реальность угроз. Джо проанализировал также все данные, которые были предоставлены в его распоряжение. Мероприятия по защите Джо начал конечно же с экспертизы технических средств охраны. Некоторые установки он заменил на более совершенные, изменил систему видеоконтроля и потребовал сменить устаревшую систему кодовых замков в офисе и на вилле Хозяина.

Кроме того, Джо настоял на проведении постоянной учебы для всех, кто составлял ядро команды Хозяина и от кого могло зависеть получение малейших подробностей и намеков на приближение трагедии, а возможно, могла произойти и утечка

информации, которой могли воспользоваться авторы писем.

Причины для подобных писем конечно же были. Хозяин был очень неоднозначной личностью, и Джо пришлось долго воевать с этим амбициозным, богатым и властным человеком. Но и это удалось преодолеть, хотя и не в полной мере. Джо работал один, изредка привлекая для негласного наблюдения двоих своих бывших коллег, работавших после ухода со службы частными детективами. Такой контроль давал возможность временами заполнить *наружное кольцо* охраны путем привлечения минимального количества хорошо подготовленных людей. Всю возможную и невозможную информацию Джо собирал, как старьевщик тащит из мусорного бака все, что можно утащить, чтобы позднее разобрать вещи на нужные и ненужные. Такая работа была нудной, однообразной, порой казалось, что разум отказывает, так как на каждой мелочи можно было построить целую теорию.

Через два с половиной месяца после подписания контракта, Хозяин вызвал Джо в свои апартаменты и в сильном волнении передал два новых письма. Джо бросил удивленный взгляд на штемпели и вопросительно посмотрел на Хозяина. Оказалось, что первое письмо было получено неделю назад, но было скрыто Хозяином. В нем говорилось о каких-то сделках и крупных денежных суммах, которые Хозяину нужно было кому-то вернуть, изъяв из оборота.



Из всего американского многообразия немецкий «Хеклер и Кох»

альтернативы не имеет

Во втором письме речь шла о том, что сроки и условия предыдущих посланий и увещеваний закончились и что больше Хозяину не будут докучать литературным жанром. Джо ничего не стал спрашивать, он только позволил себе поинтересоваться, насколько справедливы предъявляемые требования и считает ли Хозяин необходимым добавить чтолибо новое к информации, предоставленной ему ранее. Но тот упорно твердил, что его шантажируют, пытаясь выудить у него деньги, которые он честно зарабатывает, принося своей стране немалые доходы, регулярно выплачивая налоги и занимаясь благотворительностью. Джо спокойно выслушал то, что уже неоднократно слышал от множества людей, основным призванием которых было обманывать окружающих под благовидным предлогом, прокручивая при этом чужие деньги и наживаясь на людской наивности. Но сейчас он работал на этого человека, и хотя его личное мнение не совпадало с тем, в чем его хотели убедить, считал, что в этой работе от него требуется прежде всего профессионализм: знания, умение анализировать, трезвый расчет, активные действия.

Джо вновь и вновь анализировал события последних недель, связывался со своими источниками, получая крупицы новой информации, но спокойствия не было. Ночью, ложась спать, Джо проверял свой видавший виды «смит-и-вессон», заряженный патронами с пулей американского типа (неконвенционные патроны, отличавшиеся от известных английских патронов СС большим разрушительным эффектом). Но Джо, как и всякому профессионалу-диверсанту, было понятно, что его шансы как телохранителя не превышают одного к десяти. Если бы он получил задание уничтожить Хозяина, это было бы, может, и хлопотно, но гораздо проще, чем его защитить. Джо слишком хорошо знал ситуацию с обеих сторон и понимал, что скрытность и недомолвки Хозяина лишают его части крайне важной информации, а следовательно, шанса на успех, сужая и так уже ограниченные возможности. Охрана офиса и виллы строго подчинялась его указаниям, но руководитель службы всегда видел в Джо конкурента, и это тоже вызывало настороженность.

Джо со свойственной ему осмотрительностью держал под контролем все критические точки, особенно те из них, которые невозможно было ликвидировать: посадку и высадку из автомобиля, особенно в людных местах, выход из любого помещения и вход в дверной проем. Многолетняя практика и навыки по охране, которые, кстати, Джо получил вместе с

диверсионной подготовкой, накладывали отпечаток на его мышление и поведение, и он просто кожей чувствовал напряжение в любой из критических точек, когда Хозяин делал что-либо медленнее, чем это хотелось бы Джо.

Подсознательно Джо много раз рисовал в своем воображении картину нападения. И каждый раз он почти исключал *неприятности* с автомобилем, хотя опытный специалист мог придумать такой сюрприз, что не выдержал бы ни один бронированный гроб на колесах. Но вероятность этого Джо оценивал не очень высоко. А вот один точный выстрел во время малейшей задержки клиента мог решить проблему с минимальными затратами. Да к тому же относительная стабильность графиков движения Хозяина делала достаточно просчитываемыми возможные агрессивные действия.

Джо тяжело вздохнул, вспоминая, что не был в семье почти три месяца, и только редкие телефонные звонки ближайших родственников могли поддержать его в этой напряженной и трудной борьбе с невидимым противником. Когда он сам играл роль невидимки, он прекрасно знал основные положения систем охраны, как личной, так и офисной. Но, черт возьми, проникнуть на закрытый объект порой было легче, чем охранять одного-единственного человека.

Телохранители Германии. Тир

Джо встал с постели и еще раз включил компьютер. Еще раз изучив схему, построенную им на основании имеющейся информации, он нашел, что она далеко не совершенна, так как сокрытие Хозяином по каким-то соображениям важной для миссии бодигарда информации лишало его возможности защитить этого скрытного бизнесмена от агрессии, делал невозможными расширение направления поиска и отработку новых версий. В какой-то момент губы Джо скривились в досадливой улыбке. Он хмыкнул, вспомнив, как в академии преподаватель, курировавший курс личной охраны, в шутку назвал лучший способ защиты VIP – это «контрольно-предупредительный выстрел в голову охраняемого». Тогда и охранять будет некого. Старая учебная шутка несколько развеселила Джо, хотя оптимизма не прибавила. С этим он и заснул.

Новый день не принес новых неожиданностей, но утром Джо встал в пасмурном настроении. Первыми признаками такого раздражения были его агрессивность и повышенная чувствительность к ошибкам и просчетам сотрудников охраны и служащих Хозяина, обязанных выполнять определенные функции по линии безопасности. Такое настроение у него всегда появлялось перед боем или началом операции.

Джо позавтракал, получил последние информационные

сводки и отчет охраны и зашел к Хозяину для планирования текущего дня. Распорядок был таким, как и всегда: выезд из резиденции в главный офис фирмы, затем несколько встреч с постоянными партнерами. Новых посетителей и незнакомых лиц не было, и это немного ободряло. Затем обед в ресторане отеля «Хилтон», в кабинете, который Хозяин снимал для себя вот уже несколько лет. После обеда Хозяин должен был съездить на один из объектов, который строила его фирма. Эта поездка была крайне необходимой, но она заботила Джо больше, чем другие события.

После посещения стройки Хозяин должен был встретиться на своем корте с одним из конгрессменов для очередной партии в теннис и последующего обсуждения дел, а затем они намеревались вместе отужинать в доме Хозяина. Наибольшие сомнения и сложности могла предвещать поездка на строительный объект, и Джо позвонил своим друзьям. Назвав одну из кодовых фраз, Джо положил трубку на рычаг и стал анализировать все остальные события дня и варианты маршрутов для максимального повышения безопасности или хотя бы для исключения каких-то возможных эксцессов.

Вскоре машина Хозяина выскочила из ворот резиденции и понеслась по маршруту, сообщенному Джо водителю перед самым выездом, когда уже все пассажиры заняли свои места. Машина подкатила к зданию главного офиса, у крыльца которого уже ждали два сотрудника охраны и референт Хозяина. Джо выскочил из машины и пропустил Хозяина между собой и открывшейся бронированной дверью. Хозяин улыбнулся своему телохранителю, ему льстили внимание этого профессионала и его усилия, которые вызывали у него легкую усмешку. Он вел свою игру в бизнесе, и только уговоры жены и здравый смысл заставляли его подчиняться, правда только минимально и внешне, этому парню.

Хозяин направился к подъезду офиса, от которого заранее отделился референт, еще издали начавший приветствовать босса. Джо уже много раз требовал отмены этого ритуала, который задерживал Хозяина на пару десятков секунд у входа, но тому льстили внимание услужливого сотрудника и подтянутость двух вооруженных охранников, вытянувшихся перед ним, как перед генералом на плацу. Джо нажал кнопку экстренной связи с машиной негласного наблюдения и, получив ответ, несколько раз нажал тангенту радиосвязи, оповещая о режиме особого внимания.

Хозяин самодовольно принимал внимание референта, когда в

наушнике Джо прозвучал сигнал тревоги с указанием координат. Джо стоял в шаге за спиной Хозяина, он мгновенно толкнул его в сторону двери, подав охранникам сигнал атаки. Хозяин почти влетел в дверной проем, когда Джо услышал негромкий хлопок. Спутать его он ни с чем не мог – это был выстрел из автомата «Хеклер и Кох» девятого калибра с глушителем. Вскинув свой пистолет, Джо выстрелил в направлении противника, которого пока не видел, а только чувствовал направление, в котором тот находится.

После выстрела охранники, как по команде, бросились на землю и застыли, ожидая чего-то. Джо обернулся и увидел лицо обезумевшего от страха Хозяина, который хрипел и неестественно заваливался на бок. Благодаря толчку, его грузное тело продолжало двигаться по инерции, он упал на живот и перевернулся на спину. Но Джо сразу стало ясно, что он опоздал даже при всей его реакции. Пуля настигла Хозяина, когда тот на мгновение остановился при ударе о дверь, которая открывалась внутрь офиса.

Все было рассчитано – и направление, и примерная сила толчка. Пока Хозяин стоял, он был более-менее прикрыт охранниками, Джо и референтом. Но при возникновении опасности, исходившей из окон одного из верхних этажей здания напротив, единственным направлением ухода оставалась дверь офиса, которая к тому же открывалась внутрь здания. Как только стрелок показался в окне, нелегальное наблюдение дало сигнал опасности и координаты. Действия Джо были безупречными и единственно возможными в возникшей ситуации, так как любое другое направление ухода позволяло сделать второй и третий выстрелы. Но профессионал с автоматом девятого калибра переиграл профессионала с пистолетом того же калибра.

Если бы стрелок целился в Хозяина, стоявшего на крыльце, то пуля прошла бы мимо или, в худшем случае, задела бы плечо. Но стрелок взял за точку прицела середину дверного проема, и когда Джо толкнул Хозяина, то именно в этой области, в середине дверного проема, оказалась верхняя часть тела Хозяина. Тогда-то и прозвучал выстрел.

Пуля поразила Хозяина в нижнюю часть шеи слева сверху вниз. Можно было даже не ждать патологоанатомического исследования. Джо знал, что это была одна из разрывных пуль экспансивного действия. Проникнув в мягкие ткани, пуля деформировалась и распространяла свое смертоносно-разрушительное действие и на часть позвоночника, и на дугу аорты, и на крупные сосуды шеи. Смерть была практически мгновенной. Тело упавшего на пол Хозяина несколько раз

дернулось, из раны на шее фонтанировала кровь, но через несколько секунд он вытянулся и застыл, а фонтан сменился простым истечением крови из раны. Хозяин был мертв.

Все это произошло так быстро, что, пока охранники бессмысленно крутили головами и пытались в кого-то прицелиться из своих бесполезных пистолетов, Джо уже бежал к зданию, из которого прозвучал выстрел. Два его помощника, осуществлявшие наружное наблюдение, уже вбегали в дверь здания, в котором размещались многочисленные офисы различных фирм. Блокировка дверей и лифтовых шахт заняла минимум времени. Система сигнализации помогла оповестить службу внутренней охраны и полицию. Этаж и окно, из которого прозвучал роковой выстрел, были локализованы. Но когда группа захвата оказалась на площадке нужного этажа, все увидели лишь аккуратно приставленный к стене под подоконником автомат с глушителем, пустой магазин лежал здесь же, а переключатель был аккуратно поставлен на предохранитель. На подоконнике стояла гильза, оставленная аккуратным килером. Разумеется, отпечатков пальцев и следов обнаружено не было…

Через неделю Джо завершил все юридические вопросы, касающиеся закрытия контракта и написания всех отчетов по проделанной работе, а также изложения всех известных ему фактов представителям Министерства юстиции, сотрудникам ФБР, полиции, вежливо-предупредительным господам из ЦРУ. Наконец, ему выплатили часть суммы, причитающейся за потраченное время, и, подтвердив, что пока к нему нет претензий со стороны федеральных органов и он может продолжать работу с сохранением лицензии, отпустили. Настроение у него было ужасное. После многочисленных газетных публикаций о происшествии с фамилией и фото Джо на первом развороте на карьере телохранителя можно было практически ставить крест. Еще бы, ведь он не обеспечил безопасность своего престижного клиента. Никто и никогда не вспомнит его удачную службу или спасенные жизни. Все будут помнить одну-единственную неудачу, ведь именно она будет определять позицию его потенциальных нанимателей – чувствительно-прагматичных американцев из высшего класса общества. На этом поле деятельности для него не оставалось места. Менее богатым людям телохранитель очень бы не помешал, но держать такого специалиста им было просто не по карману. Конечно, теперь кто-то будет сбивать расценки за работу Джо, и это тоже не может не сказаться на его положении и судьбе.

Вернувшись домой, Джо несколько недель занимался рыбалкой, играл в гольф и теннис, катался на велосипеде, посещал зал одной из местных школ единоборств, слушал музыку

и старался полностью проникнуться проблемами своих сыновей и дарить как можно больше нежности жене. Домашние, зная о проблемах главы семейства, старались отвлечь его от тягостных мыслей, как могли, но Джо так и не удалось окончательно сбросить внутреннее напряжение. Он вновь и вновь прокручивал ситуацию, понимая, что имел дело с профессионалом, просчитавшим не только свои, но и его, Джо, действия.

Примерно через месяц после возвращения домой утром раздался телефонный звонок. Джо внимательно посмотрел на дисплей электронного определителя номера абонента и увидел лишь пустоту. Полотенце замерло у него в руках, он нажал кнопку записи разговора и поднял трубку. Приятный мужской голос поздоровался и прежде всего рекомендовал выключить устройство записи разговора, а затем назначил встречу в доме Джо примерно через полчаса. Джо автоматически выполнил рекомендации человека на том конце провода. Интуиция и опыт подсказывали ему, что это действительно разумное решение.

Примерно через тридцать минут раздался звонок, и на пороге дома Джо увидел мужчину лет сорока с небольшим. Гость вежливо поздоровался и, войдя в гостиную, устроился в кресле, положив перед собой на столик небольшой чемоданчик, в который могла вместиться папка среднего размера. Джо сел напротив гостя и вопросительно взглянул на него…

Закрыв дверь за внезапно появившимся незнакомцем, Джо долго сидел в своем кабинете. Домашние не мешали, понимая важность визита, а Джо Томпсон анализировал разговор и показанные материалы по его работе за время после ухода из команды 812. Перед уходом незнакомец, представляющий громадную государственную систему, неизвестную практически подавляющему большинству американцев, оставил телефон и сказал, что если подполковник Джо Томпсон еще в состоянии послужить своей стране, то не позднее чем через три дня в оговоренное время по этому номеру ждут его звонка.

Джо позвонил точно в назначенное время… На третий день.

Парадоксы

Вы дайте мне слова, которых нет,
Вы дайте рифмы, коих мы не слышим, —
И я смогу создать простой памфлет,
Как мы живем, как любим мы и дышим.

И в том дыхании любви и жизни дар,
Открытый миру, космосу и людям,
Как будто бы божественный нектар
С небес спустился, и конца не будет.

Любовью жить, дарить ее добро
Мы жаждем, пробуем и учимся отчасти,
Ведь чувств поток – не денежный оброк,
Которым может откупиться счастье.

Безмолвный стих в беззвучии строфы,
Как дзенский звук, одной рукой рожденный,
Как взлет, парение или пике дрофы, —
В подлунном мире богом сотворенный.

Мы в парадоксы не вовлечены,
Мы в них живем и мучаемся ими,
Мы копим деньги, старость и чины,
Но только накопить не можем имя.

В характерах из боли и добра
Рождаются сочувствие и память,
И жизнь во многом все-таки борьба,
Которую ведем с собой мы сами.

Но есть первослова: любовь и свет.
В подборе рифмы к ним, пройдя ненастье,
Находим мы в душе своей ответ,
Как в жизни из любви родится счастье…

09–10.02.2008

Сон
Фантастическая быль

После утренних тренировок Миямото Мусаси спал, сидя на своем почетном месте в большом Зале Задумчивости. Створки на окнах были подняты, и приятный ветерок легко поигрывал складками одежды *спящего мастера*, как называли опытного фехтовальщика, не знавшего поражений и почти постоянно пребывающего в полудремотном состоянии. Но это не было усталостью старого человека, прожившего долгую и трудную жизнь. Только ближние ученики, посвященные в тайны искусства *иайдо*, знали истинную цену этому «сонному состоянию».

Путь меча Миямото Мусаси начал постигать еще в раннем детстве. От своего отца, известного фехтовальщика, он воспринял азы этого искусства. Но отец быстро отослал от себя Миямото, полагая, что больших успехов его ученик-сын достигнет, обучаясь у других мастеров. И будущий *спящий мастер* ушел в мир и стал по крупицам собирать те элементы, которые, будучи соединенными воедино и пропущенными через сито многолетнего опыта, формируют нечто, имя которому – Мастерство.

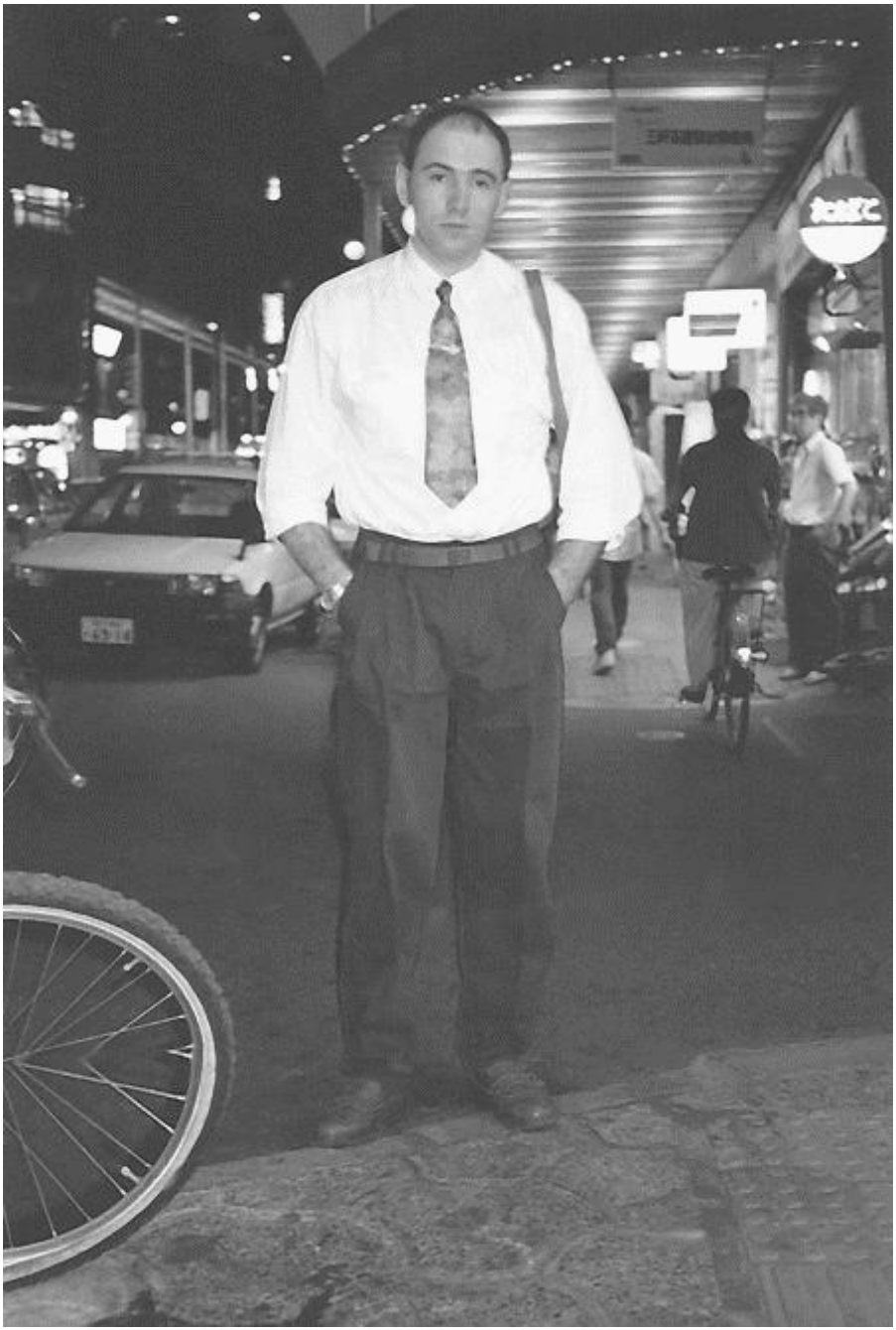
Мастер научился отражать удары, приходящие в любое время суток и с любой стороны, отражая их тем, что было под рукой, или уклоняться от неповторимой встречи с мечом. Он умел фехтовать, передвигаясь по тонкому брусу, на какой бы высоте тот ни был расположен. Наконец, Мусаси познал искусство фехтования двумя мечами и получил высшее звание мастеров *искусства быстрого меча – ретодзекай*. Многому научился Мусаси у своих наставников, не меньшему научила его долгая и многотрудная жизнь, полная бесконечных тренировок, поединков и сложных испытаний. Когда же он сам стал учителем, то, продолжая по воле отца традицию семьи, подготовил немало блестящих мастеров.

Мусаси знал, что истинного мастерства смог достичь только тогда, когда увидел успехи своих учеников в постижении искусства фехтования. Именно это доказывало жизненность и правильность выбранной системы обучения, системы, разрабатываемой им в течение всей жизни. Именно тогда и появились у Миямото Мусаси навыки «сонного бодрствования», когда до предела обостренное чувство *харагэй* [6] управляло его внешними помыслами, действиями, жестами и в то же время не мешало внутренним размышлениям и самосовершенствованию.

Миямото вспомнилось, как когда-то давно к нему пришел один из очередных учеников. Это был самурай, уже неплохо владевший мечом. Но Мусаси заставил его выполнять только черновую работу, наряду со слугами в доме. А через несколько лет начал, подкравшись сзади, наносить ученику неожиданные удары учебным мечом, веником, веточкой или любым предметом, попавшимся под руку. Вначале молодой самурай пропускал все удары, которые настигали его днем и ночью, во время работы или приема пищи. Но постепенно он научился уклоняться от ударов или старался защититься от них подручными предметами. И вот однажды ученик сам решился напасть на учителя. Ученик подкрался к Мусаси в тот момент, когда тот следил за приготовлением пищи. Мусаси, сняв крышку с котла, помешивал ароматное варево длинной ложкой-мешалкой. Именно в этот момент ученик, подкравшись к учителю сзади, обрушил на голову мастера учебный меч.

Но Мусаси, не прекращая помешивать пищу в котле, отразил удар, прикрывшись крышкой от котла, и сильным ударом ноги отбросил своего незадачливого ученика далеко в угол. А когда тот, опомнившись, хотел подняться, то внезапно отпрянул и застыл, увидев над собой ложку-мешалку, наполненную огненным варевом, которое в данное мгновение было пострашнее боевого меча. Ученик-самурай получил наглядный урок искусства харагэй, делающего наставника практически неуязвимым.

Мысли наставника часто возвращались к тому, что на овладение всем комплексом умений и навыков требуется много десятилетий кропотливого труда, тренировок тела, совершенствования техники и укрепления духа. Да и границ всего комплекса еще никто не обозначил. Как бы хотелось сократить этот период хотя бы на десятилетие, а может, и больше. Тогда выигранное время могло бы пойти на дальнейшее совершенствование. И это накопленное рядом поколений совершенство позволило бы сделать новый качественный скачок и вознести искусство владения мечом на новую ступень.



Япония. Окинава. Ночной Наха-сити. Начало 1980-х. Первый гражданин СССР на Окинаве

В противном случае ученики будут только старательно

копировать учителя, слепо подражая ему, и это в конце концов приведет вырождению. Таковы законы искусства: мастерство выхолащивается и приходит в упадок, если виртуозному владению техникой не сопутствуют богатое внутреннее содержание и духовное совершенство. А это означает смерть школы и упадок искусства, утрату традиции и невозможность передать ее будущим поколениям.

Уголки губ Мусаси чуть приподнялись в слабой улыбке – он опять вспомнил, как принял его отец после долгого обучения в других школах. Он не стал расспрашивать сына, уже ставшего мастером, о премудростях, почерпнутых у известных мастеров. Отец пристально посмотрел в лицо сына, а затем поклонился ему так, как кланялся мастерам, равным ему по уровню владения школой. И этот поклон отца, признавшего в Миямото мастера, был самым дорогим подарком для молодого тогда еще Мусаси.

Годы унесли с собой многое, но взгляд отца постоянно напоминал Миямото о том скрытом от многих, но важном для посвященных искусстве выявлять мастера по мельчайшим признакам, по характеру осанки, по взгляду, выражению лица и голосу.

Ученики давно просили наставника написать труд, в котором бы он обобщил свой огромный опыт. Но Миямото все никак не мог взяться за кисть. Трудно было объяснить, чего не хватало ему для того, чтобы начать труд: мастера, близкого ему по уровню владения мечами, большого горя или большой радости? Не было какого-то нового и сильного ощущения, которое бы могло послужить толчком к давно задуманной работе.

Наставник спал тем приятным сном, который приходит к человеку, умеющему работать и знающему цену отдыху и расслаблению. Однажды один из молодых учеников, убирая зал после тренировки, приблизился к спящему Мусаси и подумал: «Вот сидит великий мастер, но я могу приблизиться и незаметно зарубить его». В то же мгновение сверкнувший клинок катаны чуть не обезглавил незадачливого ученика. Мастер оглядел зал и, увидев своего воспитанника, вложил меч в ножны, тихо сказав: «Кажется, впервые чувство опасности подвело меня».

Только через несколько лет ученик осмелился поделиться с наставником своими впечатлениями от увиденного и подтвердить, что чувство опасности никогда не подводило мастера: мысль, родившаяся в голове ученика, мгновенно отразилась в сознании наставника, как луна мгновенно отражается в зеркальной глади абсолютно спокойного озера.

Мусаси дремал, испытывая приятное ощущение спокойного одиночества, помогающего осмыслить высшие идеи бытия.

Мастер очень любил это время после утренних тренировок, когда ученики, получив задание, расходились по разным углам большого сада, осмысливая поставленные перед ними задачи и отрабатывая сложные элементы новых техник.

Внезапно характер сна изменился, и Миямото ясно почувствовал, что он в зале не один, чувства опасности не было, но он явно был не один. Наставник увидел мальчика, стоявшего в почтительной позе в некотором удалении от почетного места и державшего в руках свиток, привязанный к молодой сосновой веточке. «Как он мог проникнуть? Полный сад учеников и слуг, система сигнальных колокольчиков… – подумал мастер. – Он преодолел все препоны, и лишь благодаря харагэй я ощутил его приближение!» Хозяин внимательно оглядел гостя. Это был мальчик лет десяти – двенадцати, маленький, худой, одетый в платье монаха.

Лицо его выдавало китайское происхождение. Одет он был бедно, но поза и взгляд показывали, что маленький монах знаком с правилами поведения в обществе. Изображение мальчика слегка светилось в сонном мареве, что придавало ему некоторое сходство с маленьким бодхисатвой. Мусаси слегка кивнул, мальчик поклонился, приблизился, опустился на колени, еще раз поклонился и протянул веточку с привязанным к ней посланием. Развернув свиток, мастер увидел каллиграфически выведенные иероглифы, говорившие о большом умении автора в области изящного письма. Послание на китайском языке гласило:

«Во многие страны распространилась слава о Вашем великом умении в постижении Пути меча. Ваше искусство высоко и совершенно. Но не откажите жалкому последователю великого учения Будды, изведавшему все превратности Пути, в возможности предстать перед Вами и нижайше просить Вас о великой милости – позволить стоять с Вами на одной площадке для фехтования и постигать свет учения из Ваших рук. Прошу также не гневаться на меня, ничтожного, но осмелюсь просить Вас о еще одной милости. Смиренно прошу разрешения внимать Вам и ответить Вашему искусству ретодзекая посредством бумажного веера». Далее следовали стихи:

Сад мой весенний.
Ветка цветущая сакуры
Склонилась над камнем.

Миямото закончил чтение и оторвал взгляд от свитка. Маленький слуга все так же стоял на коленях, почтительно ожидая ответа.

– Кто твой господин? – услышал Мусаси свой голос.

Но странный гость закрыл рот рукой, давая понять, что лишен дара речи, затем молитвенно сложил руки и поклонился. Миямото дважды хлопнул в ладоши и посмотрел на немого мальчика, который явно не слышал звука хлопков. Почти моментально вбежал слуга, которому хозяин продиктовал краткий, но изысканный ответ, приглашая странного монаха из далекого Китая посетить его жилище. Немой мальчик почтительно, стоя на коленях, принял свиток и, бережно держа его перед собой, растворился в сонном мареве ночи.

Мусаси долго осмысливал происшедшее. Просьба монаха фехтовать против двух разящих мечей бумажным веером была странной. Возможно, пришелец из Китая не знал, что другое имя Миямото Мусаси было Мастер, отрубающий головы. Правда, так Мусаси чаще называли недоброжелатели, которые не осмеливались вызвать его на поединок, но втайне завидовали его мастерству.

Как-то в далекой молодости четверо таких завистников устроили Мусаси засаду в саду одного из монастырей, где Миямото любил прогуливаться после бесед с духовным наставником. Самураи решили напасть на задумавшегося Мусаси одновременно с четырех сторон и убить. Миямото проводил медитацию *кин-хин* – его ноги в гета равномерно передвигались мелкими шажками на полступни, а глаза были полуприкрыты. В какой-то момент Мусаси вдруг взорвался короткой серией движений «полет бабочки». И только стряхнув с меча кровь, огляделся и увидел четыре обезглавленных тела, лежавшие у его ног и продолжавшие сжимать теперь уже бесполезные мечи.

Мастер пригласил к себе гостя прямо сейчас, не откладывая встречу, ибо это могло послужить поводом для мысли, что старый мастер удивлен посланием и ему надо время для подготовки к встрече. Хозяин спокойно, без тени волнения ожидал гостя, а сновидение, подчиняясь своим непредсказуемым законам, рисовало в сознании мастера картины исполнения *дебана-вадза* – техники опережающего удара. Эта техника относилась к высшему разделу. Она была воплощением высокого принципа чистоты, принципа *Луна в воде* – принципа мгновенного отражения. Чаще всего начало атаки можно было уловить по малейшим изменениям во взгляде и дыхании соперника. Конечно, колебания складок одежды, дыхание и другие малозаметные проявления были немаловажны, но глаза были тем главным зеркалом, в котором отражалось все, что произойдет мгновение спустя. По малейшим изменениям взгляда можно было определить момент начала атаки и ответить на нее своим более эффективным

движением.

Мусаси приказал слугам и помощникам доложить о приходе гостя и сразу пригласить его в зал. Но монах появился так же внезапно, как и его слуга. Он как будто нарисовался из воздуха и, выйдя на середину зала, вежливо поклонился Мусаси. Легкий светящийся ореол окружал фигуру гостя, придавая ей некую воздушность и бестелесность.

На вид монаху было лет тридцать, не более. Одет он был скромно, телосложение не выдавало в нем большой силы. Выглядел он обычным, самым обычным человеком. Во время службы в любом буддийском храме он ничем не выделялся бы из общей массы монахов. Немой мальчик-слуга стоял несколько позади и сбоку от своего господина и держал в руках красивый бумажный веер, на белой поверхности которого был начерчен иероглиф Дао – Путь мироздания. Монах поклонился и, приблизившись, передал Мусаси маленький свиток. Это была поминальная записка – письмо, в котором автор просил не ставить в вину сопернику свою смерть в поединке. Мусаси достал из шкатулки свою того же содержания записку и положил ее рядом с запиской китайца. Теперь все формальности были соблюдены, и оба мастера готовы были продемонстрировать свое искусство.

Сознание Мусаси отражало происходящее, как ровное зеркало, и он видел все своими глазами и одновременно как бы стороны, что создавало необычное ощущение *двойного присутствия*. Слуга передал китайскому мастеру веер, а Миямото обнажил оба свои меча. Кроме вечно молчащего слуги монаха, в зале никого не было.

Соперники вышли на середину зала и замерли друг против друга. Один держал в руках два меча: большой, предназначенный в основном для атакующих действий, и малый, используемый прежде всего для защиты от оружия противника. Второй застыл, зажав между пальцами вытянутой руки бумажный веер с сакральным иероглифом. Оба смотрели друг другу в глаз и не двигались. Так прошло довольно много времени, но ни один из мастеров не сделал ни малейшего жеста, не отвел взгляда. Казалось, что это два изваяния замерли в единой скульптурной композиции, ибо нельзя было уловить даже признаков дыхания.

Поняв, что ни один из них не сделает первого необоснованного движения, оба соперника отступили шаг назад и закружили по залу, демонстрируя *тай-сабаки* – искусство перемещения, уходов, лавирования. Китаец выдвинул несколько вперед руку с веером, и в то же мгновение острие большого меча,

описав в воздухе замысловатую траекторию, мелькнуло над веером, и маленький тонкий лоскут отделился от бумаги и, кружась, плавно опустился на пол зала.

Тим – Анб, США; Шицуя – СП, Япония; автор – СССР – мирное сотрудничество в додзё

Глядя на себя со стороны, Мусаси не без удовлетворения констатировал, что его двойник, вступивший с ним в единоборство, оказался на высоте и смог изящно продемонстрировать уровень своего мастерства. Миямото видел недостатки и слабые места в стойке и форме передвижения монаха и, почувствовав момент проведения атаки, нанес серию разящих ударов. Здесь были и «полет бабочки», и «мельница», и двойной скрестный удар, и удар, секущий на двух уровнях.

Но китаец, то исчезая, то появляясь вновь, ускользал от ударов и после серии атак все так же представал перед своим грозным соперником, несколько выставив вперед руку с веером. Мусаси вновь почувствовал момент и провел новую серию ударов. Несколько раз он чувствовал, что острие его меча сечет ткань одежды монаха, но достичь большего пока не удавалось. Веер плясал перед глазами, закрывая часть поля зрения и не давая возможности уловить уход соперника. Но Мусаси сам прекрасно владел техникой работы с боевым веером и спокойно обрабатывал своего соперника, бесстрастно фиксируя его слабые места и промахи. Мастер хорошо видел себя со стороны. Строго

оценивая свои действия, он не мог найти в них никакого изъяна. Все движения были экономны и изящно отточены.

Сновидение полностью занимало мастера. Неожиданно он услышал далекую музыку – играла флейта и малый барабан отбивал ритм. Звуки этих инструментов были хорошо знакомы любому человеку его круга. Они воодушевляли, придавали новые силы, окрыляли. Мусаси обрушил новый каскад изощренных ударов на этого светящегося человечка. Нет, у него не было злобы или страстного желания изрубить монаха на куски. Мусаси отлично знал, что появление подобной мысли сбивает общий настрой поединка, нарушает правильный ритм дыхания, заметно убавляет силы и прибавляет несоизмеримо больше усталости. А самое главное – притупляется чувство интуитивного предвидения, составляющее незримый стержень искусства.

Вновь и вновь мечи «спящего мастера» секли лоскуты на одежде фехтовальщика веером, но сделать большее ему было не под силу. Внезапно во время одной из атак Мусаси почувствовал, что монах перехватил его движение, схватив большой меч поверх его кисти, и в то же мгновение мастер, описав дугу, упал на пол. Он не услышал звука падения – сон сделал его беззвучным, но чувство полета Миямото ощутил намного острее, чем наяву. Возможно потому, что наяву мастера давно уже никто не бросал. Мусаси мгновенно оказался на ногах, сделал круговой взмах обеими мечами, отсекая пространство вокруг себя, и в то же время почувствовал легкий шлепок веером по затылку. Мусаси отскочил, сделал несколько защитно-контратакующих движений своим смертоносным оружием, но почувствовал новый шлепок, теперь по щеке.

Мусаси не видел своего соперника, но ощущал его близкое присутствие и направлял свои атаки в те места, куда соперник должен был перемещаться. Появление новых лоскутов одежды монаха свидетельствовало о правильности выбранного мастером направления. Но шлепки вновь и вновь настигали его лицо, шею, затылок, преследуя, словно стая обозленных пчел из растревоженного улья, когда можно найти спасение только в воде. В воде! Мусаси мгновенно изменил стиль работы, и шлепки перестали его беспокоить. Монах опять оказался в поле его зрения. Одежда китайца теперь скорей походила на лохмотья, но выражение лица и поза с выставленной вперед рукой с веером остались прежними.

Мягкий стиль «обтекающей воды» гармонично вписывался во все происходящее во сне, но монах вновь стал доставать Мусаси своим веером. Это не выводило мастера из равновесия, но работать становилось все труднее. Движения сделались

тяжелыми, а руки и ноги – ватными.

«Непонятный сон», – подумал Миямото, видя со стороны, как монах наносит ему новые шлепки веером. Музыка постепенно усиливалась и теперь звучала откуда-то сверху, но уже не придавала сил и бодрости, а как будто издевалась над беспомощностью мастера.

Неожиданно во время одной из атак Мусаси почувствовал, что его меч достал тело этого неуловимого монаха и, располосовав одежду, оставил на груди кровавый росчерк. Острие большого меча пересекло грудь китайца от правого плеча до левого бока, но только слегка взрезало кожу, почти не повредив мышц. И почти мгновенно жесткий край бумажного веера, сложенного в дощечку, ударил Мусаси в одну из наиболее активных болевых точек на лице. Все поплыло перед глазами мастера, исчез монах со своим немым слугой-мальчиком, исчез зал с рассыпанными лоскутами ткани и каплями крови, алеющими на зеркальной глади пола. Музыка вновь доносилась издалека и вновь была приятной. Ее переливы уносили куда-то вдаль, отвлекали от мыслей о том, что только что произошло в зале. Мусаси погрузился в мир сновидений.

Сколько продолжалось подобное состояние, Миямото не помнил. Он проснулся внезапно, как от толчка в спину. Легкий ветерок поигрывал складками его одежды. В зале никого не было, со стороны двора доносились щебет птиц и негромкие голоса учеников. Мусаси хлопнул в ладоши и удивился звучности хлопка. Вошел слуга, держа в руках охлажденный напиток из лепестков цветов. Влага приятно освежала, восстанавливала ясность мыслей. Наставник вновь ощутил прелесть бытия, легкость дыхания, стряхнул накатившее на него оцепенение.

– Кто входил ко мне сейчас? – строго спросил Мусаси слугу.

– Никто, господин, – с поклоном ответил слуга. – Вы изволили отдыхать после утренних занятий, и вас никто не посмел тревожить. Приходил только немой мальчик-служка с каким-то посланием, но его не допустили к вам, и он ушел, не оставив свитка. Больше никто не спрашивал вас, господин.

Мусаси отпустил слугу, встал, обошел зал, внимательно всматриваясь в обстановку, положение мелких предметов. Пол был идеально чист, все стояло на своих местах, нигде не было видно следов поединка, который Мусаси увидел во сне. Он подошел к шкатулке и открыл ее – его поминальная записка лежала на своем месте, перевязанная шнурком из красной и белой нитей. Никаких следов и подтверждений явности поединка не было. Было лишь непонятное и непроходящее ощущение не то

удивления, не то разочарования, хотя ни волнения, ни тем более страха в своем сердце Мусаси не чувствовал.

Весь день до самого вечера прошел обычно. Тренировки сменились беседами с учениками, размышлениями о новых, более эффективных приемах ведения поединка. Вечером Мусаси еще раз обошел зал и еще раз все внимательно осмотрел. Он знал, что без него в этот зал никто не входит, и даже уборку здесь делали, только испросив разрешения. Сегодня Мусаси сюда никого не допускал, и, кроме слуги, приносившего прохладительный цветочный напиток, и его самого, в зале никого не было.

Академия спецполиции ФРГ

Вдруг что-то случилось с мыслями старого мастера. Они неотступно возвращались к шкатулке с поминальной запиской. Это была шкатулка из черного дерева, изящно инкрустированная снаружи, а внутри покрытая белым лаком безо всяких рисунков и инкрустаций. Миямото взял шкатулку в руки и открыл ее. Поминальная записка лежала в том же положении, в каком он видел ее днем. Мастер уже хотел захлопнуть шкатулку, но заметил, что свиток поминальной записки несколько ближе к верхнему краю. Днем он как-то не придал этому значения, а сейчас, внимательно присмотревшись, заметил, что на дне лежит еще что-то. Мусаси вынул свиток, и холодок пробежал у него по спине, чего с мастером не случалось со времени его детства, когда он сам еще был начинающим учеником. На белом дне

шкатулки Миямото увидел белый бумажный веер. Он достал веер и развернул его. В центре красовался иероглиф Дао, а край был ровно срезан.

Мастер держал в руках бумажный веер, и гордая его голова все более и более склонялась на грудь. Он долго стоял в задумчивости и лишь поздно ночью отправился к себе в покои. А утром, когда наставник вышел к ученикам, на его столе лежал первый свиток будущего большого труда, именуемого *Путь меча*.

Все было как во сне…

Пустая рука
Рассказ

Лич Макото проснулся необычно поздно. Сегодня можно было позволить себе расслабиться и полежать в постели дольше обычного. Он дотянулся до сенсорного выключателя, и его комфортабельные апартаменты наполнились приятным зеленоватым светом. Вторая клавиша – и шторы на окнах бесшумно ушли в проем стены, пропуская в комнату солнечный свет. Электронные часы, весело подмигивая, показывали 9 часов 15 минут, 9 часов 16 минут, 9 часов 17 минут… Обычно Макото вставал в пять часов утра и начинал свой день с жесткой утренней тренировки, которая продолжалась до семи часов.

За эти два часа он проделывал дыхательные упражнения ибуки и нагара, шлифовал сложные ката, проделывал акробатические элементы. А в семь часов Макото отправлялся в тренировочный городок, где из обыкновенного *маленького японца*, как его называли здесь, превращался в строгого и требовательного инструктора. Сто двадцать молодых ребят с бритыми головами, загоревшими телами, под лоснящейся кожей которых вызывающе поигрывали литые мускулы, выстроившись в четыре ряда, уже ожидали его.

Специальные подразделения морской пехоты США назывались «Черные молнии», и он, *маленький японец*, был их старшим инструктором. По одному его жесту или короткой гортанной команде эти натренированные ребята выполняли то, что не всегда было доступно даже очень хорошим спортсменам.

Вчера завершился чемпионат, спало напряжение, царившее в лагере, и теперь, лежа в постели, Лич с радостью вспоминал вчерашний день. Его команда, состоявшая из десяти человек, завоевала первое место в турнире по прикладному разделу боевого карате. Облаченные в современные защитные доспехи, рейнджеры были похожи на далеких предков Макото, только толстую кожу и стальные пластины панцирей заменили пенопластические материалы и дюралюминий.

Восемь из десяти его учеников одержали убедительную победу в многоборье, но более всего радовала инструктора победа в абсолютном первенстве, где встречались бойцы разного веса и возраста, владеющие разнообразными системами единоборств, где одно неловкое движение могло привести к травме и поражению. Но его «Черные молнии» завоевали первое и два третьих места в абсолютном первенстве.

На второе место удалось пробиться Счастливчику Стиву – тридцатипятилетнему здоровяку, бывшему неоднократным победителем первенства Штатов по фул-контакту, имевшему за плечами многолетний опыт бесчисленных рукопашных схваток. Но в финале сержант Джим Форстер уложил Стива в конце второй минуты. Другой на месте Счастливчика был бы нокаутирован намного раньше, но Стив умел держать сильные удары рук и ног, и это позволило ему продержаться почти полный раунд. А потом, после очередной серии мощных ударов, Стив наткнулся на короткий встречный удар Джимми и сложился на площадке, как карточный домик, подхваченный легким дуновением ветра.

Лич быстро вскочил с постели, принял холодный душ, накинул домашний халат и нажал кнопку звонка. Вошел дежурный солдат, неся в руках поднос с завтраком. Личу польстило услужливо-предупредительное отношение этого белого здоровяка к нему, *цветному,* как часто называли японцев и других представителей Восточного полушария истинные, стопроцентные янки.

– Машина ждет вас, сэнсей! – встав во фрунт, рапортовал парень.

– Как там наш герой Джимми и остальные ребята? – принимаясь за завтрак, спросил инструктор.

– О! Генерал всем прибавил жалованье, а наш победитель Форстер получил кругленькую сумму. Поговаривают, что Форстера могут отправить в школу офицеров.

Макото мельком взглянул на говорившего. В голосе этого парня звучали нотки зависти. Еще вчера он называл чемпиона их спецподразделения просто Джимми, а теперь, когда у того появилась *кругленькая сумма* и на горизонте маячила школа офицеров, вчерашний сержант именовался уже по фамилии – Форстером! Недоставало только почтительного «сэр».

Макото закончил легкий завтрак, переоделся в дорогой европейский костюм и вышел из коттеджа.

«Паккард» уже ждал его. Лейтенант Брасс со своей ослепительной голливудской улыбкой и герой вчерашнего чемпионата сержант Джим Форстер стояли рядом с машиной, почтительно ожидая его, *маленького японца.* Лич специально несколько задержался на крыльце, улыбаясь прекрасному утру, предстоящей поездке и встрече, своим тщеславным мыслям.

– Доброе утро, мистер Макото! – протянул ему крепкую ладонь лейтенант. – Не задерживайтесь надолго в Японии: у нас много интересной работы. После вчерашнего чемпионата командование будет уделять нашим парням особое внимание. Да,

забыл поздравить вас.

Лейтенант достал из кармана бумажник и вынул из него фирменный конверт, запечатанный специальным штампом, где на фоне звездно-полосатого флага отчетливо виднелись изломанные стрелы молний. Лич распечатал пухлый конверт и достал новенькую чековую книжку и информационную квитанцию, гласившую, что на счет *маленького японца* перечислена очередная сумма. Лицо инструктора расплылось в улыбке, так не характерной для людей его национальности. Сумма была значительной даже для него, имевшего очень высокооплачиваемую и, главное, надежную работу.

– Разрешите проводить вас, сэнсей? – не то отрапортовал, не то спросил сержант.

Его лицо светилось от удовольствия. Инструктор кивнул, и все трое разместились на мягких сиденьях машины. Дежурный солдат аккуратно разместил вещи Макото в багажнике и, подойдя к дверце машины, козырнул. «Паккард» мягко покатился по дорожкам лагеря, на несколько секунд остановился у ворот. После того как дежурный офицер, заглянув в салон машины, вытянулся и отдал честь, отворились бронированные ворота, и мощный «паккард», плавно, но неудержимо набирая скорость, помчался по пустому шоссе в сторону городского аэропорта.

По дороге лейтенант Брасс познакомил Макото с результатами проверки, которая была проведена на чемпионате. Он рассказал, что утром звонил генерал, что подполковник Стоун, командир их спецподразделения, получил полковника, а сержант Джим Форстер завтра отправляется на курсы офицеров и вскоре предстанет перед ними в офицерских погонах, приняв тот взвод, в котором он был сержантом. Сам Брасс вскоре станет первым лейтенантом, а там, глядишь, и до капитана недалеко.

Особенно внимательно слушал Лич рассказ словоохотливого лейтенанта о том, что их методы тренировки признаны наиболее эффективными, а их опыт будет распространен в других подразделениях. Так что Макото должен быть готов после возвращения из отпуска принять и подготовить группу инструкторов из других соединений, выполняющих в разных уголках земли те же задачи, что и их «Черные молнии».

Чуть больше часа понадобилось, чтобы доставить Лича на аэродром, расположенный на расстоянии двухсот миль от лагеря. Машина подъехала к взлетно-посадочной полосе. Макото и Брасс пошли к трапу, а Джимми, подхватив чемодан и сумку своего сэнсея, в несколько прыжков обогнал своих наставников. Он взбежал по трапу, перепрыгивая через три ступеньки и скаля крепкие зубы в озорной улыбке, легким движением плеча

припечатал к створу входного отсека опешившего пилота, лихо подмигнул двум симпатичным стюардессам и, проскочив первый салон, оставил вещи в забронированной полукабине «люкс» второго отсека самолета. Затем он так же быстро вернулся к входному люку и замер у входа, демонстративно вскинув руку к козырьку белой фуражки.

Лейтенант, проводив Макото до его места, любезно с ним распрощался. Затем шепотом сказал несколько слов командиру воздушного лайнера, который сразу стал серьезным и одобрительно закивал головой в ответ.

Брасс покинул салон самолета и вместе с Форстером подошел к машине. Внезапно он обернулся, голливудская улыбка слетела с его лица, и, глядя в упор на сержанта, тихо, но внятно проговорил:

– Учись лучше, Джимми. Все эти япошки нужны нам только для того, чтобы обучать таких парней, как ты. А когда ты превзойдешь его в умении ломать кулаками челюсти и ребра, мы вышвырнем этого самодовольного желтопуза на его рисовые острова. Такому парню, как ты, вполне по плечу освоить их самурайское искусство драки, и тогда на твой счет потекут те сумасшедшие деньги, которые командование вынуждено платить этому азиату.

Дверцы машины закрылись, и, подняв облако пыли, «паккард» выехал за пределы аэропорта и помчался в обратном направлении, к бронированным воротам лагеря. А самолет, расправив широкие сияющие крылья с мощными реактивными двигателями под ними, оставляя за собой черный шлейф, поднялся в воздух и взял курс через океан в сторону далекой Японии.

Мощные реактивные двигатели натужно ревели, их тихий рокот проникал в салон стальной птицы, которая быстро приближалась к берегам Японии. В отдельной полукабине у иллюминатора сидел японец средних лет. Старший стюард уже третий раз менял чашки с кофе, которые он ставил на столик перед японцем, но тот, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. Кофе остывал, и стюард, исполняя приказ командира оказывать этому пассажиру особое внимание, в очередной раз менял остывшую чашку кофе на новую с дымящимся ароматным напитком.

Личу Макото недавно исполнилось сорок. Семьи у него не было, да и потребности в семейном очаге он не испытывал. Он считал, что его работа – работа инструктора по боевому карате – самое подходящее для мужчины дело. Двенадцать лет назад он, молодой двадцативосьмилетний мастер, неоднократный

победитель многих первенств и чемпионатов, получил приглашение от военного ведомства США, предлагавшего ему работу в качестве инструктора по подготовке спецподразделений морской пехоты.

Распечатав большой красочный конверт с американской эмблемой и прочитав текст контракта, он тут же отправился к своему учителю. Перед таким ответственным шагом, как подписание контракта, даже такого удачного и долгожданного, он не мог не сообщить о своей радости наставнику. Этого приглашения Лич ждал давно. Он заметил, что вездесущие корреспонденты и спортивные наблюдатели, постоянно пребывающие на всех спортивных мероприятиях, уделяют ему особое внимание. Он чувствовал на себе их оценивающие взгляды. Видел, как они тщательно записывают что-то в свои блокноты и перед его очередным выходом на площадку более тщательно готовят кино– и фотоаппаратуру.

Лич чувствовал это и ждал, когда же его пригласят для серьезной работы. Предложения принять участие в турне, провести серию показательных встреч, выступать в кимоно какой-либо фирмы не привлекали его. Макото ждал предложения, которое сулило бы ему высокий и постоянный заработок, а кроме того, давало бы возможность приобрести широкую популярность и непререкаемый авторитет в изменчивом мире боевых искусств. И вот такое приглашение пришло. Макото бежал к дому учителя, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих, лавируя между машинами, тщетно сигналившими ему…

Сигиеси Сегути встретил одного из лучших, если не самого лучшего, представителя своей школы радушно, но сдержанно. Шестидесятилетний наставник усадил своего гостя за низенький столик, на котором, как по волшебству, с помощью супруги хозяина появились чайник, чашечки и традиционные сладости, знакомые Личу с раннего детства.

Лич протянул учителю контракт в конверте с солидной эмблемой и сопроводительным письмом. Наставник, не торопясь, прочитал письмо, затем контракт. Во время чтения на его лице дрогнул ни один мускул: он просто внимательно читал. Нетерпение впервые охватило Лича, он не мог дождаться, когда учитель оторвется от текста и скажет свое слово. Но, прочитав бумаги, учитель молча вернул их Макото и сделал несколько маленьких глотков ароматного чая, который его супруга умела заваривать, добавляя в чай цветы и травы, придававшие напитку неповторимый вкус и аромат. Макото ждал, что скажет учитель, а тот спокойно пил чай и незаметно наблюдал за своим всегда

спокойным и выдержанным учеником.

Сигиеси Сегути вспомнил, как четверть века назад родители привели к нему тогда еще трехлетнего Макото. Он хорошо запомнил то время, потому что тогда же он привел в зал своего младшего сына Ито Сегути, и оба трехлетних малыша влились в группу таких же, как они, детей. Лич был намного одареннее от природы, чем его сын Ито. Сигиеси не без грусти констатировал это через несколько лет, когда ребята вышли на первые в своей жизни соревнования. Движения Лича отличались свободой и раскованностью. Мальчик быстро реагировал на действия своих соперников, вовремя блокируя их выпады и отвечая короткими и часто успешными атаками. А Ито был скован, пропускал атаки своих соперников и после второго круга выбыл из соревнований.

С тех пор Лич выигрывал почти все соревнования, изредка занимая вторые места. Он работал легко и непринужденно, быстро догоняя и опережая по уровню владения техникой более старших учеников. Ито же при всей своей старательности и работоспособности никак не мог догнать своего партнера. Вскоре мальчики подружились, и Сегутистарший смог лучше узнать Лича, так как тот стал часто бывать у них дома.

Все в этом талантливом мальчике нравилось наставнику, но незаметно постоянные победы стали делать его более самоуверенным. На тренировках он так же внимательно слушал объяснения своего тренера, так же старательно отрабатывал технику, но его отношение к товарищам несколько изменилось. Нет, он не презирал их за то, что они не имели таких успехов в постижении карате. Когда его просили, он объяснял им особенности своей техники, но во всем его поведении чувствовалось некоторое отчуждение и высокомерие.

Какая-то незримая преграда встала между ним и другими учениками Сигиеси Сегути. Наставник специально ставил его инструктором на группу новичков, чтобы Лич мог увидеть, как тяжело и болезненно идет процесс обучения, а заодно и понять, что большие успехи требуют еще большей работы. Но Лич, проявляя неплохие задатки будущего тренера, мало задумывался над проблемами взросления, становления характера, духовного воспитания мастерства.

Сигиеси вспомнил, как однажды его сын на одном из турниров, выигрывая поединок за поединком, приближался к финалу и вдруг в финальной схватке поскользнулся на полу, который ассистенты не успели протереть, и вывихнул ногу. Врач снял его с соревнований, поэтому Ито занял только второе место. После награждения Ито отвезли в больницу. Здесь выяснилось, что связки сильно повреждены, но кости целы. На ногу наложили

гипсовую повязку, тренировки на время надо было отложить. Сын сник не от боли, а оттого что завтра он не сможет прийти в зал и встать в общий строй. Даже первый успех и первая высокая награда не радовали его. Вечером Сигиеси подошел к постели сына и, строго глядя на него, сказал:

– Хочешь стать настоящим мастером – терпи. Завтра ты придешь в зал и будешь работать над техникой *китайских рук* и техникой дыхания, но, если хоть на миг ты перестанешь верить в свои силы, стремиться к чистоте и совершенству, я откажусь тренировать тебя. Жизнь будет испытывать тебя горем и славой, но только тот сможет удостоиться звания мастера, кто остается мастером, выйдя из зала. Запомни, любой мастер должен быть прежде всего мастером жизни, иначе это просто человек, получивший некие знания, но не умеющий ими пользоваться. По силе твоего духа, по твоему поведению судят о твоей семье, твоей школе, твоей стране. В стране ты представляешь школу, за пределами страны ты представляешь свою родину. Никогда не забывай об этом. А теперь – спи.

Сигиеси повернулся и вышел, закрыв дверь, а Ито еще долго лежал и размышлял о словах, сказанных отцом. Отец впервые говорил с сыном так серьезно, и Ито понял, как глубоко и нежно отец любит его, хотя редко открыто показывает это. Ито прекрасно знал, что отец никогда не создавал для него привилегированных условий, никогда не давал поблажек.

После этого случая Сигиеси заметил существенную перемену в своем сыне. Ито стал еще более собранным и старательным, неудачи делали его упорнее, а победы не кружили голову. Но успехи Ито были намного скромнее успехов Лича…

Сигиеси пил напиток, имеющий «вкус дзена», как гласила старая китайская поговорка, и наблюдал за Личем. Где он допустил ошибку, где могла порваться ниточка, связывающая их души? Макото не мог не понимать, что предложение стать инструктором в подразделениях такой страны, как США, связано с применением искусства карате далеко не в гуманных целях. А именно за гуманность карате ратовал Сигиеси Сегути и неустанно повторял это своим ученикам.

Он знал, что ни запрет, ни подписка в полицейском управлении не могут служить гарантией от применения искусства карате в негуманных целях. Лишь длительное культурно-эстетическое и духовное воспитание способно предотвратить появление на свет невоспитанного и жестокого драчуна, способного натворить много бед. До настоящего момента Лич не был таким, и все же Сигиеси еще и еще раз ловил себя на мысли, что в деле воспитания из маленького Макото большого мастера

упущены какие-то нюансы…

На следующий день Лич Макото подписал контракт и улетел за океан, в один из специальных лагерей морской пехоты. Он не забывал напоминать о себе учителю поздравительными открытками, короткими письмами, тон которых убеждал Сигиеси в том, что и в самом деле что-то важное было им упущено, и это вызывало глубокое сожаление в душе наставника…

Лич оторвал взгляд от клубящихся за иллюминатором белых облаков и, кивком поблагодарив стюарда, с наслаждением выпил отлично приготовленный кофе. Самолет летел, мягко покачивая крыльями. Внизу расстилались безбрежные океанские просторы, мелькнуло несколько судов, которые сверху казались игрушечными корабликами. Лич думал о том, как он встретится с Сигиеси. Теперь учителю уже семьдесят два года – Лич не забыл отправить поздравительную открытку и подарок. Ито закончил университет, выиграл ряд крупных турниров, об этом Лич знал из печати. Вот уже несколько лет он помогал отцу, воспитывая учеников, готовя их к спортивным и жизненным испытаниям.

Лич летел на праздник школы, который проводился один раз в пять лет. На последнем празднике ему побывать не удалось: вместе со своими подопечными он участвовал в учениях, после которых его отправили в спортивный лагерь, а его воспитанников – в одну из «горячих точек». Теперь Макото был доволен тем, что чемпионат с участием морских пехотинцев завершился в срок и очень удачно для него, благодаря чему он имеет возможность приехать в Японию и лично, в числе лучших и опытнейших мастеров, участвовать в демонстрации ката и поединках. На праздник всегда съезжается много гостей из различных японских, китайских, корейских школ, прибывают мастера из различных азиатских, европейских, американских и африканских стран. Но наиболее сильными спортсменами традиционно бывают представители Японии и Кореи.

Праздник состоит из двух частей. Первые два дня проводятся демонстрации техники различных школ, заседания круглых столов с обсуждением вопросов техники и тактики поединка, особенностей дыхания, философских школ того или иного направления. Но на этих собраниях никогда не звучит вопрос: чья школа лучше или сильнее? Каждый занимался по той системе, которая была ему ближе. Третий и четвертый дни праздника посвящены турниру. Воспитанники школ соревнуются в трех возрастных группах: вначале юноши и мужчины до двадцати семи лет, а затем, на следующий день, – мужчины старше двадцати семи лет. Причем победителям в младших возрастных подгруппах

разрешается выступать в следующей, более старшей и, соответственно, более опытной возрастной подгруппе. В пятый, заключительный день проводятся экзамены по исполнению ката, джиу-кумите, тайхо-джитсу, причем в них также принимают участие представители различных школ и стилей.

Лич был почти абсолютно уверен в победе на турнире и рассчитывал минимум на призовое место в конкурсе по исполнению ката. Он хорошо помнил, что Ито еще в детстве и юности выполнял стандартные комплексы не хуже его и теперь вполне мог обойти его на последней прямой. Да и в спарринге с ним теперь будет справиться очень трудно. Если слепой жребий не сведет их в начале турнира, то вряд ли кто-нибудь сможет обыграть его в открытом контактном бою.

Макото остановился не в специально отведенной для гостей праздника гостинице, а в фешенебельном небоскребе неподалеку. Его материальное положение было куда выше, чем у многих известных наставников в мире единоборств, и он хотел это лишний раз подчеркнуть. Вечером того же дня он позвонил учителю и сообщил помощнику наставника о своем прибытии.

Ехать *к старику Сигиеси*, как последнее время называл про себя своего учителя Макото, сейчас не хотелось. Он придет к сэнсею после праздника в полном блеске славы, почета, всеобщего признания. Это должно укрепить его положение в глазах Сигиеси. Ведь этому *старику* осталось не так уж и долго жить, и надо показать, что он, Лич Макото, отлично справится с должностью руководителя школы и ни в чем не уступит Ито Сигиеси.

Помощник выслушал все, что хотел сообщить Лич, и ответил, что наставник тяжело болен, не сможет принять участие в празднике и что его место в почетной ложе займет сын Ито. Весть эта еще более ободрила Лича. Значит, Ито, главный и наиболее опасный соперник, будет выполнять *«роль куклы своего отца»*.

«Посиди, посиди в почетной ложе, – думал Лич. – А я в это время поработаю. И тогда все увидят, кто достоин заменить этого *старика Сигиеси*, кто является настоящим продолжателем традиции школы, кто лучший мастер и наставник. А победу на таком представительном мероприятии не спрячешь под сукно, и *старику* придется или оставить первенство за ним, Личем, или, в крайнем случае, сделать Ито и Лича своими преемниками в равной степени». Мысли эти взбодрили Макото, и он принялся действовать по намеченному плану.

Мероприятия двух первых дней Лич игнорировал, заявив себя на участие в выступлениях четвертого и пятого дней. Ему даже неинтересно было знать, кто будет победителем в третий день, а

следовательно, кто будет допущен в их группу – группу зрелых опытных мастеров, многие из которых сами давно уже стали опытными наставниками.

С молодыми мастерами Лич умел разделываться быстро и технично, не утруждая себя. В начале поединка он просто маневрировал, высматривая слабые места у своего противника, а затем одним или двумя короткими движениями настигал оппонента и одерживал победу. Иногда Макото с первых секунд проводил неожиданную подсечку и наносил еще падающему сопернику один или два удара влет, так что поединок заканчивался, практически не начавшись. Все три дня Макото провел в одном из тренировочных залов, который он снял для себя. Лич тщательно готовился к своему триумфу в полном одиночестве, поглядывая на свое отражение в огромных, от пола до потолка, настенных зеркалах.

На четвертый день он прибыл в огромный комплекс школы, где проходил турнир, когда уже заканчивалась регистрация участников, заявивших свое имя для участия в соревнованиях. Поединки в группе старших мастеров проводились без учета весовых категорий и возраста, но, как правило, мастера старше сорока пяти – пятидесяти лет очень редко принимали участие в подобном состязании. Таким образом, Лич Макото автоматически становился одним из опытнейших мастеров старшей группы. Он был в том возрасте, когда уже имеющийся большой опыт помогал рационально и в полной мере использовать все еще отличные физические данные.

Бесстрастный автомат наугад вытаскивал шары с номерами спортсменов, которые тут же вписывались в протокол. Все это происходило на глазах зрителей и участников, пресекая любые разговоры о подтасовке и нечестной жеребьевке. Турнир проводился по олимпийской системе, и проигравший участник терял право на дальнейшее участие, выбывая из турнира и становясь зрителем.

Это придавало турниру особый динамизм и азарт. Каждый промах, каждый просчет, ошибка в защите, атаке, невнимание во время поединка влекли за собой поражение. Защитное снаряжение давало возможность максимально приблизить условия соревнований к реальному поединку и не опасаться получить тяжелую травму. Шлемы, закрывающие голову, лицо и шею, специальные доспехи, накладки, перчатки с открытыми пальцами, щитки, обувь защищали и того, кто наносил удар, и того, кому этот удар предназначался. Разрешалось проводить броски и подсечки. Ограничений в технике практически не было.

Более сотни участников, разбитых на полсотни с небольшим

пар, за несколько часов проходило через освещенные квадраты площадок. Первоначально схватки проводились на трех площадках, а начиная с четвертьфинала – на одной.

Макото легко переигрывал своих соперников во встречах предварительной части турнира, даже не запоминая особенностей этих побед. Впереди были встречи за выход в финал, за победу, славу, признание, почет… Теперь соперники были серьезнее, и начинала сказываться усталость от проведенных ранее встреч.

В четвертьфинале Лич встретился с победителем подгруппы молодых мастеров, двадцатишестилетним Томо Ии. Начав с ним поединок, Лич сразу отметил, что при всей своей техничности, отменной реакции, сноровке, смелости его молодой соперник несколько тороплив. И, выждав удобный момент, когда Ии, увлеченный своей атакой, принялся осыпать Макото градом ударов руками и ногами, пытаясь пробить защиту более опытного мастера, Лич сделал резкий сносящий удар по ноге Ии, которая через мгновение должна была коснуться пола и принять на себя вес тела. Томо взлетел в воздух, взмахнув руками и раскрывая корпус, и в этот момент сильный удар кулака Макото перевернул тело соперника в воздухе и отшвырнул его на несколько метров. Ии грохнулся на пол площадки, и хотя защитное снаряжение заметно смягчило удары, было заметно, что удар Макото заметно потряс молодого мастера. Встать после полученной травмы тот смог с большим трудом, и то с помощью судьи и врача. Победа, как обычно, была быстрой и легкой.

Соперником Макото в полуфинале был тридцативосьмилетний корейский мастер тэквондо Ким. Это был серьезный соперник, его разящие удары ногами и руками, особенно в прыжке, показали свою эффективность. И в то же время во всех предыдущих встречах он продемонстрировал изящество своей техники, не оставив на теле своих соперников ни единой царапины, ни единого синяка.

Поединок начался стремительно. Каждый мастер прекрасно видел, что его соперник опытен и уверен в своих силах. В такой ситуации необходимы удвоенная выдержка и хладнокровие, чтобы не дать возникнуть в сознании даже тени неуверенности. Ким выделывал сальто и пируэты, каждый раз атакуя Макото из положения в воздухе. Лич отскакивал, приседал или сам выпрыгивал, совмещая жесткую защиту с разящими атаками и контратаками.

Так продолжалось около двух минут, до конца поединка оставалась минута, и необходимо было найти уязвимое место у своего соперника, чтобы сохранить больше сил для решительной встречи. Лич подсознательно отметил, что после сложных

прыжков Ким приземляется, несколько перенося вес тела на левую ногу. «Травма! Старая травма правой ноги! – понял Макото. – Кореец инстинктивно щадит правую ногу при больших нагрузках, хотя при обычной работе это незаметно».

Лич провел несколько атак и дал возможность Киму дважды достать себя ногой, что вызвало особое оживление у зрителей, ибо до этого ни одному сопернику Лич не позволял коснуться поверхности своего белоснежного кимоно во время атаки – и вдруг пропустил два хотя и не сильных, но точных удара, которые в конце схватки могли оказаться решающими! Но именно в этот момент Ким провел новую серию ударов, а Лич, поймав его движение правой ногой, нанес встречный удар в область голеностопного сустава. Раздался хруст – даже защитное снаряжение не смягчило удара в должной степени.

Ким на миг замер на левой ноге, как бы боясь опустить правую, но этого мига было достаточно, чтобы Макото нанес сносящий удар по опорной ноге корейского мастера, а когда тот упал, Лич достал его еще двумя мощными ударами в корпус и в голову. Все это произошло в какие-то доли секунды, и вмешаться или остановить встречу никто не успел. Старая травма подвела опытного корейского мастера. От травмы на соревнованиях никто не застрахован, но в зале возникло некое волнение, вызванное нарочитой жестокостью Макото. Но его самого это совершенно не волновало. Он готовился к финальной встрече, и более всего его интересовал сейчас будущий противник, который казался загадкой и для участников турнира.

Вторым финалистом был мастер-инкогнито. Таких участников всегда было пять-шесть на каждом из праздников, когда мастера или наставники по какой-либо причине не называли своего имени. Но чаще всего это было связано с тем, что наставники-тренеры не хотели в случае поражения открывать свое имя, чтобы не подрывать веру учеников и приверженцев своей школы. Такое право предоставлялось участникам соревнований.

Каждый проигравший не обязан был открывать своего имени и школы, но победитель или второй призер обязан был открыть маску и назвать свое имя и школу. Участников в масках называли «*мастер тень*». И будущий соперник Макото был именно таким мастером-тенью. Под одеждой сложно было понять его возраст. Работая со своими соперниками, он применял такую разнообразную технику, что определить его школу было практически невозможно. Лич внезапно пожалел, что *«старик Сигиеси»* заболел, да еще так серьезно, что вместо себя в кресло руководителя праздника посадил своего сына Ито. Сейчас

Сигиеси увидел бы, как Макото отделает этого мастера в маске.

Но зато это увидят все остальные, а бесстрастный глазок видеокамеры запечатлеет все на видеокассете. *Старику* все равно это покажут, и тогда уже Лич Макото войдет в покои своего бывшего учителя не как ближний ученик, а как будущий преемник. Никаких сомнений у Макото сейчас в этом не было.

Макото вышел на площадку, сделал ритуальный поклон в сторону жюри, судей на площадке, сопернику и замер. Его неизвестный соперник проделал то же. Прозвучала команда – *«Хаджиме!»,* то есть начинайте!

Оба соперника, не торопясь, приблизились друг к другу. Мастер-тень несколько отклонил назад корпус, и Макото, опережая его готовящуюся атаку, сам провел серию атакующих движений. Один из ударов достал неизвестного мастера в грудь, но тот ловко обкатал удар, и кулак Лича провалился в пустоту. Макото чуть подался вперед, подчиняясь инерции, и тут же почувствовал, что его запястье схвачено сильной рукой противника, а тело, влекомое неведомой силой, продолжает двигаться вперед. Попав на контрприем, Макото не удивился – он знал, когда надо произвести контратаку и поразить своего ловкого противника или в случае невозможности контратаки просто ускользнуть из почти уже захлопнувшейся ловушки.

Но неожиданно хлесткий удар в голову сбоку оглушил Макото в тот момент, когда он начал свое контрдвижение. Одновременно с этим кисть его руки вдруг изменила направление и, подчиняясь боли, Лич, описав дугу, полетел на пол. Он сгруппировался, чтобы встать на ноги, а не упасть на бок, намереваясь вновь атаковать соперника. Но повторный удар, теперь в спину, встретил его в полете, сбил движение и дыхание. Макото приземлился не на ступни ног, а на одно колено, которое подвернулось от мгновенного хлесткого удара.

Он сам резко выбросил в сторону соперника ногу, но не достал его. А боль в кисти уже перешла на локоть и плечо и, развернув его на живот, прижала к полу площадки. Суставы хрустели – уйти от захвата было невозможно, а сопротивляться бесполезно – при малейшем движении боль придавливала тело вниз, к полу зала. Лич не сдавался. Боль распространилась на область лопатки, перешла на боковую поверхность груди, потекла по спине к позвоночнику, словно на спину вылили расплавленный воск. Боль пронзила позвоночник и через шею передалась к затылку. «Все!» – понял Лич и, чтобы не потерять сознание, дважды хлопнув по паркету площадки, тихо произнес: «Маитта! Сдаюсь!»

Боль отпускала медленно. Лич поднялся с пола, поклонился

своему сопернику, судьям, сошел с площадки и уже хотел идти в раздевалку, как вдруг зал взорвался громом аплодисментов, возгласов недоумения и восторга. Макото обернулся, и все поплыло у него перед глазами: на площадке в лучах юпитеров стоял Сигиеси Сегути, тот самый «старик Сигиеси», которому Лич хотел доказать свое превосходство. Так значит, болезнь Сегути была лишь поводом для того, чтобы в качестве мастера-тени принять участие в турнире, возможно, последнем турнире в жизни старого наставника. И вот он, *«старик»*, одержал победу над ним, над Макото, доказав всем, на что способен настоящий мастер старше семидесяти лет.

Лич не слышал оживления, воцарившегося в зале, он почти бегом покинул здание комплекса боевых искусств и, доехав до гостиницы, заперся в своем роскошном номере, в котором все теперь раздражало. Лич без сил опустился в кресло, бросив сумку с формой на пол. Сидя в кресле, он дотянулся до бара, вытащил первую попавшуюся бутылку, открыл крышку, плеснул в высокий бокал немного зеленоватой жидкости, почти залпом выпил. Но крепкой алкоголь не принес ожидаемого расслабления, а вызвал приступ ярости.

Как он мог проиграть этому добренькому старичку с непреклонной волей и умением, не сопротивляясь, добиваться своего? Старичку, учившему его подчиняться этим нелепым законам средневековой доблести? За океаном Лич понял, какая это чепуха, быть вежливым, уступчивым, внимательным, предупредительным, добрым. Жизнь в Америке учила его добивать упавшего, отталкивать соседа, достигать своей цели с помощью силы, идти напролом и до конца, невзирая на число растоптанных судеб. Жизнь жестока, а этот старик с самого его детства твердил ему о чистоте и духовном содержании карате и других Будо-искусств. Он так ничего и не понял в жизни!

Лич сделал еще один глоток крепкого, обжигающего внутри напитка. Мысли путались, ему никак не удавалось сосредоточиться. Но что-то темное и бесформенное начало подниматься из глубин его подсознания, приближаясь к нему, как страшилище в детском сне. «Смерть!» – внезапно озарило Лича.

Смерть его идей, замыслов, планов, надежд! Новый приступ ярости подбросил его на кресле. К горлу подкатил комок, дышать стало тяжело. Тягучая дурнота облаком окутала Макото с головы до ног.

Голова закружилась, перед глазами побежали круги. Сильная боль пронзила левую половину его грудной клетки, словно страшное *яри* – средневековое копье с зазубринами – пробило его насквозь. Макото отбросило к стене. Бокал со звоном рассыпался,

ударившись о край стола, и Лич, безуспешно пытаясь уцепиться за гладкую поверхность стены, стал медленно оседать на мягкий ворс дорогого ковра…

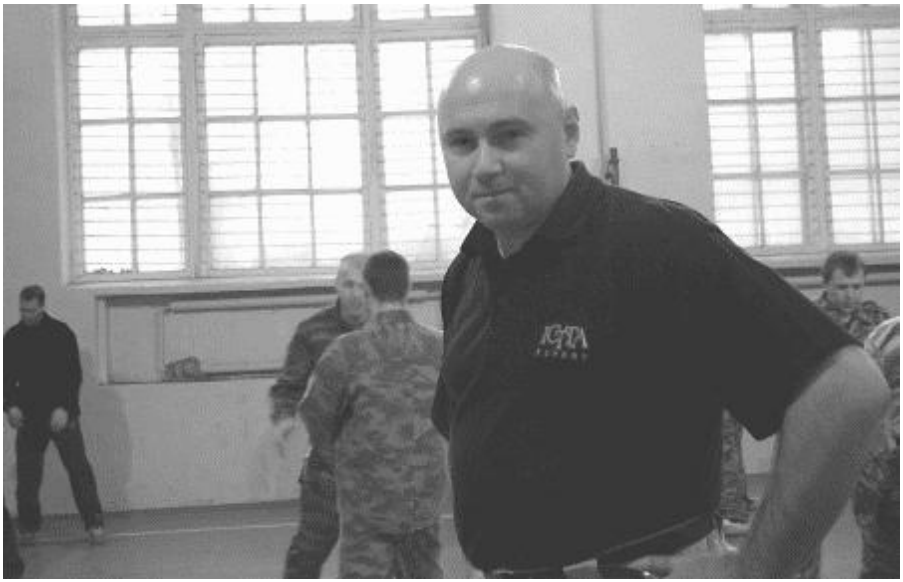
Ронин

Около 6709 г. от с. м. (1200 г. от Р. Х.)

Коро Абэ подобрал нижние края хакама [7] и заправил их за пояс, обнажая ноги, мощные, как будто слепленные из толстых жгутов мышц.

Он привычным жестом поправил катану, заправленную за пояс у левого бока, и короткий фамильный меч, висевший на спине на скрещенных шелковых шнурках. Укороченные рукава его кимоно не могли скрыть гипертрофированных мускулов рук, которые он старался не показывать во время редких дворцовых приемов. Но эти руки способны были творить чудеса, о которых потом слагались легенды, прибавляя к правде вымысел и делая из живого мастера полубога-полудьявола.

Абэ видел своих соперников – они неспешно выезжали верхом на конях из-за дальнего леса и, выстроившись веером, направились в его сторону. Впереди красовался Такомото, известный своей хитростью и жестокостью самурай, придворный, носящий высокий чин четвертого ранга, поэт, художник, каллиграф, одинаково искусно владевший мечом и кистью для письма, известный также как человек, плохо признававший правила приличия. Он позволял себе даже в присутствии сёгуна выполнять ритуал почтения только наполовину. Но его гордая голова с холодными, немигающими глазами, смотревшими всегда сквозь человека, крепко держалась на плечах, благодаря боевому подвигу, завершившемуся спасением сёгуна. Во время одной из битв Такомото, прорубившись сквозь строй врагов, помог окруженному и получившему ранение властелину и тем спас его от смерти. Этот самоотверженный поступок делал этого родовитого самурая вхожим в высшие круги власти и практически неуязвимым для его врагов, ибо покровительство самого сёгуна давало Такомото неограниченные возможности.



Курс CQB в самом разгаре

Абэ, происходивший из старого самурайского рода, но не столь именитого, был гордым и свободным самураем. Это право ему досталось от деда, получившего *грамоту самостоятельности* за особые заслуги перед страной Ямато. Затем грамота перешла к отцу Коро, а теперь правами, дарованными семье Абэ отцом правящего ныне сёгуна, имел право пользоваться и он сам. Но Такомото посягнул на свободного самурая и прислал Коро Абэ вызов, предлагая решить спор в поединке. Если Абэ победит, то Такомото отдаст ему уже подписанную грамоту правящего сёгуна, подтверждающую права рода Абэ на независимость. Если же Абэ потерпит поражение, то он и его потомки становятся вассалами Такомото и все владения рода будут принадлежать роду Такомото.

Такамото прибыл на встречу в сопровождении двадцати преданных вассалов, каждый из которых ненавидел свободного Абэ и готов был по одному взгляду властелина броситься и зарубить этого непокорного самурая. Такомото подъехал и остановился. Самураи помогли своему господину сойти с коня и снять часть доспехов, ведь их властелину предстояло не демонстрировать искусство киуши – борьбы в латах, – а сражаться всеми доступными способами, применяя все многообразие искусства джиу-джитсу, фамильная школа которого в роду Такомото называлась *кумиути* – латы, которые всегда при себе.

Абэ и Такомото опустились на колени друг перед другом. Закрыв глаза, каждый из соперников прочел свою молитву, прося у богов удачи для себя, а для соперника – поражения, утверждая в своем сердце смелость и спокойствие. Оба почти одновременно открыли глаза и поклонились друг другу. Подданные Такомото расположились полукругом за спиной своего господина, готовые

по первому зову броситься на помощь. Коро внимательно смотрел на своего смелого и опытного соперника, отмечая, что молодой властительный господин обладает и силой, и врожденной грацией движения…

Такомото обнажил меч первым и встал, ожидая действий своего соперника, но тот по-прежнему полусидел на корточках перед своим именитым врагом, упершись мощными руками в колени. Он просто смотрел вперед, не имея ни малейшего намерения нападать. Такомото незаметно втянул в себя воздух, скрывая момент вдоха от своего соперника, и на выдохе предпринял серию атакующих движений. Абэ словно исчез из поля зрения противника, а затем как-то неуклюже подскочил к Такомото во время очередного взмаха, нанес ему встречный удар в грудь, одновременно выбив меч, сделав подножку, сбил соперника на землю, и, прежде чем подданные Такомото успели схватиться за рукоятки мечей, Абэ, сжав ногами руки соперника, молниеносным движением свернул своему именитому сопернику шею. В то же мгновение самураи из свиты Такомото, издав воинственный крик, бросились на убийцу их господина. Коро выхватил свиток сёгунского повеления, сунул его за отворот своего кимоно и, выхватив меч, ринулся в гущу врагов.

Первые двое нападавших были зарублены одним движением, но третий, взмахнув рукой, выпустил гусари в направлении Абэ: один из концов цепочки с шариком, создавшим нужное утяжеление, обвился вокруг рукоятки меча, и, если бы Абэ вовремя не отпустил свой меч, его кисти рук были бы оторваны вместе с оружием. Повинуясь отработанному навыку, Коро, заметив движение сзади, рухнул на землю, откатился под ноги нападавших и сбил троих, двое из которых, дернувшись, навсегда остались лежать после синхронно нанесенных смертельных ударов, а третьего Абэ сгреб в охапку и, прежде чем тот успел задохнуться, бросил на мечи ринувшихся на него врагов.

Генерал Клиш со своим помощником, полковник Штраусс и автор. ФРГ, 1980-е годы

Каждую новую атаку Абэ встречал коротким и быстрым подшагом к своему сопернику, одновременно с этим нанося страшный встречный удар в одну из уязвимых точек или выламывая колени соперников своим встречным шагом, скорее напоминающим удар. Коро передвигался как страшный паук, имеющий всего две ноги и две руки, но это не мешало ему быть похожим на шестиногих маленьких бойцов. Любая часть тела противника, которая оказывалась вблизи него, тут же оказывалась сломанной, после чего тот выходил из боя, а наиболее нерасторопные, наткнувшись на Абэ, навсегда теряли способность сопротивляться. Вскоре все соперники были повержены или убиты.

Коро Абэ оглянулся – из двадцати самураев в живых осталось человек восемь искалеченных, каждый из которых был обязан сам сделать себе сепуку: подчиняясь закону почитания господина и выполняя свой долг самурая, они должны были отправиться вслед за своим хозяином к вечным источникам. Абэ подошел к телу Такомото и отвязал от пояса ножны и забрал его фамильный меч – теперь это было его оружие. Свой меч Коро не стал поднимать, поскольку оружие, которое было выбито в бою, перестает слушаться хозяина.

Опоясавшись мечом поверженного врага, Абэ аккуратно обмотал драгоценный свиток, даровавший ему и его потомству свободу, и, поправив свой меч за спиной, достал из маленькой

сумочки моксу, прижег ею свои раны, останавливая кровь и заставляя боль утихнуть, поправил свое платье и пошел от места недавней битвы.

Он шел ровным, скользящим шагом, несколько переваливаясь из стороны в сторону, издалека напоминая маленького паука, потерявшего в смертельной схватке часть своих лапок, но, благодаря своему искусству, сохранившего жизнь и свободу…

Пятая схватка

7473 г. от с. м. (1964 г. от Р. Х.)

В подгруппе отборочной части турнира их было трое: спортсмен из Австралии, спортсмен из Южной Кореи и он, Олег Степанов, – *русский*, как звали любого представителя СССР, какой бы национальности он ни был. Лишь одному из трех давалось право продолжить дальнейшую борьбу.

Степанов прекрасно осознавал ответственность, которая лежит на всех членах сборной команды СССР – и, конечно, на нем. Волнение охватило его перед первой схваткой, но, сделав поклон и перешагнув край татами, советский борец ощутил привычное чувство ковра, когда, кроме тебя и твоего соперника, никого не остается.

Схватка закончилась неожиданно быстро. После короткого единоборства австралиец попал на болевой прием, и чистая победа открыла олимпийский счет двадцатилетнего Олега Степанова.

Второй схватки у советского борца быть не должно – в предыдущей встрече дзюдоист из Южной Кореи хотя и выиграл у своего австралийского соперника, но получил тяжелую травму и на глазах многотысячной аудитории зрителей на носилках был отправлен в больницу. Степанов несколько расслабился – появилось время отдохнуть, ненадолго забыть о напряжении и внимательно наблюдать за своими потенциальными соперниками. А те в это время вели суровую, но изящную борьбу, оплетая своих соперников серией обманных движений, каждый из которых мог перерасти в эффектный бросок.

Степанов внимательно наблюдал за наиболее сильными спортсменами своей весовой категории. Вот высокий тайванец, заставив своего противника сместиться в сторону, быстро бросил вперед свое тренированное тело и, зацепив ногу соперника, произвел свой коронный прием *о-сото-гари* – заднюю подножку. Стремительно-взрывной дзюдоист из Бельгии, демонстрируя великолепную технику, обыгрывал одного соперника за другим. А вот и японский дзюдоист Накатани. Словно вычерчивая на татами замысловатый рисунок, он эффектно обыгрывал своих соперников, не оставляя им надежды на победу.

Олег увлекся завораживающим театром на татами и вдруг как во сне услышал свое имя. Он вскинул голову и увидел дзюдоиста из Южной Кореи, который уже подходил к краю татами, причем признаков *страшной травмы* не было и в помине.

Значит, даже на олимпийском турнире дзюдоистов разыгрывались спектакли, ставившие целью расслабить опытного соперника, заставить его растеряться, не дать времени сконцентрировать свои волевые усилия.

Степанов быстро вышел на помост и встал напротив своего хитроумного соперника. Команда *хаджиме* бросила дзюдоистов к центру татами, и они закружили по нему, выбирая удобный захват, высматривая момент для броска. Схватка носила тактический характер, ошибка могла стоить дорого, но Олег все-таки допустил ее. Привычка бороться по правилам борьбы самбо – национального достояния Страны Советов – приучила его плотно захватывать куртку соперника на спине или выбирать ткань, пока рука накрепко не схватит пояс куртки. И вот в момент, когда Степанов взялся правой рукой за кимоно соперника на спине, кореец быстро провернулся на *больной* ноге и, прихватив правую руку Степанова, произвел сильный бросок через спину – *иппон-соэ-наге*! Но иппона, то есть чистой победы, не было. Олег успел несколько развернуться в воздухе, уходя от падения на спину, и судьи остановились на оценке *вазари* – полпобеды. Это было уже очень серьезной заявкой на победу и выход в следующий круг.

Кореец стал уходить от борьбы, имитируя активность, пугал попытками проведения приемов – время работало сейчас на него, и с каждой секундой все более приближая корейца к победе. Степанов собрался, каждое движение своего соперника он блокировал, гасил, переводил в контрприем, но оценку получить пока не удавалось. Олег не слышал, что подсказывали ему товарищи и тренеры, – сейчас только он мог знать, а скорее чувствовать, как исправить положение.

Пот градом катился по лицу – напряжение давало себя знать, – но смахнуть его времени нет. В этот момент кореец, тесня Степанова, несколько подался вперед, и Олег, быстро подсев под него, уперся своей ногой в живот соперника – мгновение, и кореец, описав дугу в воздухе, упал на спину.

Но не успел еще судья жестом и голосом объявить оценку, как Степанов крепко зажал руку соперника между коленями и коротким быстрым движением провел болевой прием. Кореец на мгновение замер, стараясь удержать руку в удобном положении, но уйти от поражения ему не удалось. Степанов резко отжал голову соперника и быстро вывел руку назад и чуть в сторону. Кореец вскрикнул и, схватившись за локоть, что-то злобно процедил сквозь зубы. Иппон!

Наши на европейском турнире по тактической стрельбе

Только сойдя с татами, советский борец почувствовал, сколько энергии отняла эта *незапланированная* схватка. Степанов вышел в следующий круг. Схватки продолжались по олимпийской системе.

Определился следующий соперник Олега – это был тот высокий и мускулистый тайванец. К Степанову подошел представитель руководства команды:

– Будь внимателен, Олег. Помни, что дипломатических отношений с Тайванем нет, и во время схватки могут быть любые выпады, любые неожиданности.

Сколько раз подобные неожиданности встречались в практике наших борцов на соревнованиях нового времени и в глубокой древности…

Около 6887 г. от с. м. (1378 г. от Р. Х.)

«Рус, рус», – понеслось по рядам в пестрых халатах. Шапки, отороченные мехом, поворачивались во все стороны, и возглас принимал оттенки удивления, злобы, восторга, недоумения. Увидеть русича на соревновании богатырей в Орде можно было не часто. Победа на празднике борцов ценилась высоко и хорошо

вознаграждалась ханом, кто бы ни выиграл, кроме русов. Их за дерзновенную победу на празднике силы во славу хана награждали свободой и полной золотой чашей вина, на дне которой быстро растворялась маленькая горошина, делающая чашу свободы – чашей смерти.

Русоволосый богатырь в белой холщовой рубахе, синих шароварах, заправленных в красные *княжеские сапоги*, вышел в центр круглой площадки навстречу огромному борцу-ордынцу. Рус поклонился хану и, засучив рукава и поправив пояс, приблизился к сопернику. Ордынец усмехнулся, измерив взглядом представителя этого завоеванного, но не покоренного Ордой народа.

Тагай-мурза, как звали любимца хана, помнил этот взгляд, когда он вместе со множеством других воинов десятков, сотен и туменов хана штурмовал русские города, со стен которых на него неизменно смотрели из-под чуть сдвинутых бровей такие же глаза. В них читались не злоба, сжигающая в пепел сердце и душу, не страх, отнимающий последние силы и волю. В этих глазах были решимость и упорство завершить начатое дело, какими бы трудным оно ни было.

Тагай шагнул к противнику и схватил его за шею своей огромной рукой, один удар которой валил на землю быка или здорового жеребца. Второй рукой ордынец поймал пояс руса и притянул соперника к себе, чтобы скрутить, смять, сломать и с силой швырнуть оземь. Рус как бы послушно подался вперед, но вдруг резко ушел в сторону, схватив Тагая за халат под локтями. Мыс красного сапога уперся в голенище украшенной орнаментом обуви ордынца, рус резко выдохнул, вкладывая в руки всю свою силу, и огромный Тагай, перевернувшись через голову, грузно рухнул на землю. Соперник мигом оказался сверху, выкрутил руку, переворачивая ордынца со спины на грудь, ногой завернул к спине вторую руку Тагая. Одним движением рус сбросил свой ремень и накрепко скрутил руки ордынского богатыря за спиной. Затем встал, поклонился хану и выпрямился, гордо вскинув голову.

– Эх, матушка-Москва бьет, родимая, с мыска! – услышали все радостный крик какого-то русского купца, ставшего свидетелем победы своего соотечественника. Резкий свист нагайки со стальной оплеткой оборвал радостный крик, и купец с располосованным лицом упал ничком, орошая траву алой кровью.

Хан со злорадной улыбкой посмотрел на несдержанного русского купца, которого уносили его сотоварищи, и перевел надменно-самоуверенный взгляд на этого русоволосого богатыря. На победителя…

7473 г. от с. м. (1964 г. от Р. Х.)

Степанов и тайванец почти одновременно двинулись навстречу друг другу. Схватка продолжалась уже несколько минут, но ни один из соперников пока не мог добиться ощутимого превосходства. Длинные руки тайваньского дзюдоиста останавливали любое движение Олега, а виртуозное владение техникой Степанова не позволяло его сопернику добиться преимущества. Наконец тайванец подтянул к себе Степанова, прихватив его правую руку и отворот кимоно, резко бросил влево свое сильное тело и правой ногой зацепил голень правой ноги советского борца. Еще миг – и тайванец опрокинет соперника своим коронным приемом. Но не зря советская школа борьбы вбирала все лучшее изо всех известных национальных единоборств, соединяя все это в комплексе специальной борьбы в одежде – самбо.

Степанов чуть присел, останавливая порыв тайваньца, крепко обхватил его правую ногу, поддернув руками, выпрямляя ноги и переворачивая соперника через бок, словно в замедленном кино, опустил тайваньца спиной на татами. Но это только казалось – бросок был сильным и мощным. Помост мелодично запел, озвучивая падение тел, но его звук потонул в шуме оваций зала. Третья чистая победа!

Четвертым соперником был бельгийский борец. Они долго перемещались по борцовской площадке, к явному неудовольствию судей, тренеров, зрителей, но ни один не мог провести эффективного движения. Наконец во время обоюдной борьбы соперники оказались на татами, и в короткой борьбе лежа – в который раз за сегодняшний день! – Степанов поймал руку соперника на болевой прием.

– Маита! – выкрикнул бельгиец, прекращая сопротивление и отдавая победу своему сопернику.

А впереди у Олега Степанова была пятая схватка, схватка за выход в финал со знаменитым японцем Накатани.

Японские мастера уже успели присмотреться к манере ведения борьбы Олега Степанова и его товарищей во время состоявшегося год назад турнира в четырех японских городах, когда выступление Шульца, Панкратова, Степанова, Беруашвили было названо «тайфуном в виде советских борцов, одетых в японское кимоно». А фото японской сборной было помещено в черную рамку. Траур был не только условным – не выдержав поражения своего борца, один из японских арбитров умер от разрыва сердца прямо на татами. Настолько потрясло его

выступление Степанова…

Около 6887 г. от с. м. (1378 г. от Р. Х.)

Хан молча продолжал смотреть на русского богатыря, а тот, не отводя глаз и не опуская гордой головы, стоял перед повелителем множества народов, смело глядя ему в лицо, готовый принять щедрый дар, чашу с вином, удар в спину. Он готов был принять все, что сулила ему судьба в лице этого капризного, избалованного властью, богатством, похотью, страдающего одышкой и ожирением властелина.

– Подойди, рус, – тихо произнес хан, и сотни голов зашептали друг другу:

– Зовет, позвал к себе!

Русич подошел к помосту хана. Четверо воинов-телохранителей с обнаженными мечами встали по бокам, а двое преградили ему подступы к помосту с шатром. Хана можно теперь разглядеть в просвет между их широкими плечами.

– Ты смел, рус, и хороший воин. Хочешь стать моим мурзой? Мне нужны такие воины, и я о них никогда не забываю.

– Нет, хан. Я не пойду к тебе на службу. Я целовал крест, поклявшись служить своей земле и своему князю. Разве нужны тебе изменники? Кто изменил слову единожды, тот изменит и вдругорядь.

– Да, ты смел, рус, – задумчиво произнес хан. Он подозвал начальника своих телохранителей и одними губами сказал: – Чагай… – А затем тихо, но так, чтобы услышали сидевшие рядом, добавил: – Белого жеребца русу и золотой меч.

Эта весть волной прокатилась по рядам зрителей. Глашатай встал и громко объявил:

– Наш пресветлый и справедливый правитель, являя доброту свою, дарит победителю белого коня в позолоченной сбруе и золотой меч!

Вскоре привели прекрасного белого жеребца под седлом с позолотой и принесли золотой меч в инкрустированных драгоценными камнями ножнах.

Рус принял коня, подпоясался мечом и медленно поехал прочь от шатра хана. Подъехав к русским купцам, он слез с коня, перекрестился над телом с обезображенным лицом, поклонился до земли. Затем он взял у земляков мешок с едой, лук и колчан со стрелами, подменного коня и поехал в степь к реке Воже, за которой была его родина.

Десяток нукеров во главе с Чагаем нагнали руса через несколько дней почти у реки. Неширокое течение с изгибами,

островами, излучинами уже виднелось вдалеке. Ордынцы развернулись веером и, отпустив поводья своих лошадей, стали отрезать путь русскому воину к реке.

Несколько гудящих стрел пронеслись перед лицом смельчака, но рус продолжал спокойно ехать прямо к реке. Когда расстояние до ордынцев сократилось до половины полета стрелы, русич вскинул лук и, выпустив одну за другой три стрелы, хлестнул лошадей. Трое ордынских воинов повисли в стременах. Остальные же с визгом и улюлюканьем бросились вдогонку за беглецом.

Рус оглянулся в тот момент, когда Чагай на полном скаку наложил стрелу и тетива, натягиваясь, пошла назад. Он быстро перескочил с дареного коня на подменного, и тут же боевая стрела, пролетев над лукой седла, глубоко вонзилась в белую шею коня. По ней заструился красный ручеек. Конь пробежал еще немного, вскидывая голову, взвился на дыбы, словно стараясь избавиться от непонятной и назойливой боли, а потом, заржав, повалился на передние ноги, а затем на бок.

Рус нахлестывал подменного коня, но еще две стрелы, выпущенные из тугих ордынских луков, поразили и это животное. Конь вздыбился и стал заваливаться на бок. Русский воин соскочил с коня и, спрятавшись *за круп*, вскинул лук. Четыре стрелы наповал уложили четырех ордынцев. Трое оставшихся выхватили мечи и, окружая руса, бросились на него, понукая коней.

Первый из нападавших взмахнул мечом, намереваясь разрубить этого непокорного *воина* с русой копной волос, но стрела с округлым конусовидным наконечником пробила ордынцу переносицу и выбила его из седла. Рус отбросил лук и выхватил свой меч. Он оказался между двумя лошадьми с всадниками, размахивающими кривыми мечами.

7473 г. от с. м. (1964 г. от Р. Х.)

Накатани вышел на площадку для боя спокойный и сосредоточенный, готовый к сюрпризам советского мастера. Он хорошо изучил все фильмы, запечатлевшие технику этого невысокого русоволосого парня по фамилии Степанов [8], неоднократно завоевывавшего золотые медали чемпионата СССР по борьбе самбо и чемпионатов Европы по борьбе дзюдо.

С ним надо было быть особенно внимательным, а ловить этого хитрого Степанова следовало на захвате кимоно на спине правой рукой. Домашней заготовкой японского мастера был эффективный бросок *учи-мата* – бросок с подхватом под одну

ногу и защитная комбинация от опасного бокового переворота, который сегодня уже продемонстрировал русский. Мысли Накатани как бы сжались, превратились в тонкую струну, готовую отреагировать и на сильный удар, и на легкое колебание воздуха. Но что это? Русский не идет на свой излюбленный захват. Накатани, лавируя, стал перемещаться к самому краю татами, увлекая за собой Степанова, но тот, сделав обманное движение, вдруг выбил из-под Накатани обе ноги и, разворачиваясь на грудь, полетел вслед за японцем.

Накатани закрыл глаза… Все! Поражение. Провал! Упав, он открыл глаза и увидел, что судья не оценил движение русского. Мгновенно вскочив на ноги, Накатани бросился на Степанова, который еще стоял на одном колене.

Японский дзюдоист провел свой излюбленный бросок, но Степанов, падая, перекинул Накатани через грудь и вторично припечатал к татами. Однако решение арбитра свело на нет и это движение Олега. По первому движению победу отдали японцу, вышедшему в финал Олимпиады у себя на родине. А Олег Степанов занял лишь третье место на токийской Олимпиаде, как и трое его товарищей по сборной, доказавших, что дебют советских мастеров борьбы в одежде был удачным.

И хотя позднее судья, допустивший две грубые ошибки, был полностью дисквалифицирован руководством международной федерации и лишен своей квалификации, а кинокадры встречи Степанова и Накатани вошли в сборник лучшей техники борьбы дзюдо, доказывая преимущество советского борца, все это было потом. А в тот момент изменить что-либо в ходе олимпийского турнира по дзюдо было уже невозможно.

Около 6887 г. от с. м. (1378 г. от Р. Х.)

Чагай, слегка согнувшись, стоял лицом к лицу с русом. Они остались вдвоем. Схватка длилась уже долго, оба тяжело дышали. Чагай взмок под панцирем, а на белой рубахе руса кровавые отметины расплывались на мокром от пота полотне. Но рус все так же крепко сжимал оружие, и все попытки Чагая орудовать своим изогнутым мечом и круглым щитом не принесли ему успеха.

Чагай выпрямился – сейчас он знал, как выполнить повеление хана. Хитроумный воин вложил меч в ножны, закинул щит на спину и сказал:

– Рус – сильный воин, рус – смелый воин, рус может идти за Вожу, в Московское княжество. Я расскажу о нем хану. – С этими словами Чагай поклонился и повернулся к русскому воину

спиной.

Русоволосый воин тоже поклонился, повернулся, но в это мгновенье тонкое, как шило, лезвие вонзилось ему в спину у верхнего края левой лопатки. Рус быстро обернулся и прежде, чем Чагай успел опустить ему на голову свой страшный меч, глубоко вонзил острие меча в живот ордынца.

Вскоре войско хана Бегича подошло к реке Воже и уже собиралось переправиться через нее, чтобы в очередной раз совершить набег на столицу Московского княжества. Но не успели ордынские передовые отряды добраться до середины переправы, как град стрел обрушился на них из ближайших кустов, а два отряда княжеской дружины ударили с фланга по основным силам хана. Сражение было жестоким и скоротечным. Ордынцы были разбиты наголову, и лишь немногие из них смогли избежать острых русских клинков, копий и стрел.

Штурм. Тяжело в учении…

Штурм. Фрагмент учений. 1001 повтор… Правильно или неправильно?

Через два года хан Мамай, старавшийся в обход законных наследников завладеть ордынским престолом, в ярости от поражения на реке Вожа привел более чем стотысячное войско, укрепить которое должны были войска литовского князя Ягайлы и рязанского князя Василия Хромого. Но перед битвой на Куликовом поле воеводы великого князя Дмитрия Московского, вновь применив нестандартные тактические приемы, вначале не дали союзникам соединиться и тем остановили хана. А затем, дав основному войску Мамая увязнуть во фронтальном сражении, силами засадного полка, до поры скрытого от посторонних глаз, довершили победную атаку. Ордынцы оказались не просто разбитыми, но и рассеянными более чем на пятьдесят верст от места битвы. Было не только положено начало конца тому, что в дальнейшем историками было принято называть словом «иго», – вызванные поражением на Куликовом поле усобицы и перемены в высшем руководстве Орды позволили защитить Русь от беспощадных наездов нового властелина Центральной Азии – Тимура. Но все это было еще впереди…

Воды реки были чисты и прохладны. Русский воин выбрался на берег и устало зашагал через поле туда, где среди лесов и пожарищ отстраивались и укреплялись стены и башни Московского Кремля. То, что воин узнал в Орде, было достойно

внимания великого князя Московского. Трава охватывала его ноги, цеплялась за ножны меча, словно играючись, дотрагивалась до его сильных рук, как бы приветствуя воина. А в сердце русоволосого богатыря росло чувство гордости за свою землю, за свою Родину. Он возвращался домой победителем…

Тайна жизни

Около 5100 года от с. м.

Преддверие пути

На взмах руки всего одно движенье…
Взгляд мастера все так же ощутим.
Победы нет, как нет и пораженья,
С движеньем мастер вовсе неделим.
Движенье вновь располовинит воздух,
Движенье вновь несет с собою смерть,
Но взгляд учителя – как вековечный посох,
Поднявший небо и подперший твердь.
Все сцеплено в единое мгновенье,
И ученик опять повержен вниз,
В руках учителя искусство вдохновенья —
Как шаг над пропастью на узенький карниз.
Движение движеньем отзовется,
На взмах лишь взгляд способен дать ответ,
А сердце мастера всегда спокойно бьется,
И тайны жизни как искусства нет.

Разноцветная шумная толпа всколыхнулась и раздалась в стороны, образуя узкий коридор, постепенно расширяющийся к одному из двух помостов. На одном, украшенном дорогими коврами и стягами, в окружении множества пестрых халатов и дорогих поясов, огражденный от толпы несколькими рядами обнаженных мечей и пик, в шатре восседал Сын Неба – император Китая. А на другом, голом дощатом помосте, отделенном от людей одним рядом ощетинившихся пик, одиноко и гордо возвышалась плаха.

По образовавшемуся живому коридору, окруженный стражниками, шагал человек, которого знали почти все собравшиеся. Лицо заключенного было спокойно-сосредоточенным, грудь ровно вздымалась и опускалась в такт дыханию, руки привычно заложены за спину, и если бы не помост с плахой и конвой с обнаженными мечами, можно было бы подумать, что он, как обычно, прогуливается среди цветущих деревьев своего небольшого сада.

Но он шел к помосту с плахой на нем и должен был взойти на

него с западной стороны. С той самой стороны, куда ежедневно заходит солнце, а с северной стороны поднимается палач, чтобы поставить последний штрих в его жизни. Он знал, что оклеветан одним из тех людей в шелковых халатах с дорогим поясом, что окружали беседку императора. Он знал, что не успел сделать всего, на что был способен, и что труд всей его жизни, тщательно нанесенный на несколько больших свитков, он в знак благодарности за доброе к себе отношение отдал начальнику тюрьмы, надеясь, что труд послужит людям, которые будут жить после него.

Но он не знал, что начальник тюрьмы после долгого и тяжелого скандала из страха наказания поддастся уговорам жены и предаст огню то, что собиралось с огромным трудом, и что единственным достоянием потомкам останутся записи его ученика, который сможет сохранить и продолжить великое искусство своего учителя. Но не в полном объеме, а только в части того, что он успел усвоить сам.

Никто из свидетелей казни, кроме одного человека, не знал, каким образом знаменитый врачеватель и бывший лекарь императора Хуа-То может сохранять спокойствие и бодрость духа в такую сложную минуту.

У-Пу стоял в толпе, прижимая к груди небольшой ящичек из лакированного дерева с инструментами и несколькими свитками своих ученических записей, которые он тщательно вел, следуя по стопам своего великого учителя. У-Пу знал, что искусству владения собой в любой ситуации Хуа-То обучался долгие десятилетия, изменяя и дополняя старую систему лечебной гимнастики Кун-цзы, и в конце концов создал основу новой, более практичной системы Би-цзинь-чжи, которая базировалась на подражании движениям пяти животных: медведя, обезьяны, аиста, тигра и оленя.

В комплексе с другими упражнениями эта гимнастика не только позволяла предупредить многие заболевания, излечиться от них, продлить жизнь, всегда быть бодрым и собранным, но и давала возможность человеку, постоянно практикующему эти упражнения, прекрасно владеть своими чувствами и эмоциями в любой ситуации. А в случае внезапного нападения последователь системы Хуа-То имел намного больше шансов остаться в живых в схватке с несколькими нападающими, чем любой другой житель Поднебесной.

У-Пу представил ясно, как утром учитель, проснувшись, начал проделывать упражнения своего комплекса. Вначале он выполнил несколько упражнений из дыхательной гимнастики Цигун, затем приступил к Цзинь – разминающим упражнениям:

сначала стоял неподвижно с широко расставленными ногами и в такт дыханию поднимал и опускал руки. Затем следовали упражнения, разминающие руки, – от кончиков пальцев сильная рука Хуа-То скользила на вдохе к локтю, на выдохе – обратно.

Когда руки налились приятной тяжестью, мастер привычно заложил их за спину и в такт с дыханием стал описывать небольшие круги, мягко передвигаясь по маленькой и темной камере, перенося вес тела с одной ноги на другую. Описав несколько замысловатых фигур, он стал разгибать и сгибать свое тело, делая руками плавные вращательные движения, то поднимая руки высоко вверх, то опуская их почти к самой земле.

Скоро по телу разлилось приятное тепло, Хуа-То остановился, сел и, сосредоточившись на дыхании, закрыл глаза. Он сидел долго, и только когда через сердце прошла упругая волна приятного пожара, мастер поднялся и приступил к системе «цзянь» – растягивающим упражнениям. Мышцы приятно пружинили, напоминая, что в свои шестьдесят семь лет великий врачеватель полон сил и жизненной энергии. Хуа-То медленно кружил по маленькой темнице, выбрасывая и поднимая руки, вытягивая шею, сгибаясь в пояснице, сгибая и выпрямляя ноги, попеременно поднимая их. Движения были свободными, пружинистыми, дыхание ровным и тихим, мысли текли сами собой, не мешая друг другу.

Их хозяин сейчас ясно понял, как можно вылечить молодую дочь своего соседа, которая вот уже несколько лет тяжело больна и с каждым днем все приближается к печальному финалу. Он понял, почему не меняет своей активности удивительная точка, названная «стократным сборщиком» или «точкой императоров». Она оставалась активной во все времена года, во все фазы лунного месяца, в разное время суток. Хуа-То понял, что эта таинственная точка, часто используемая им во многих рецептах, просто не имеет тайны, и в этом заключается вся ее таинственность – она просто не вписывалась в те законы, которые он постиг, применял и совершенствовал.

Мысли все текли и текли вместе с движениями. Наконец мастер остановился, сделал глубокий вдох и вместе с выдохом снова сел. Он был готов к тому, что для него приготовили вчерашние пациенты, те люди, которых он спасал от недугов, вредных привычек, смерти.

У-Пу не ошибся, все было именно так. И теперь его учитель спокойно подходил к помосту. Их глаза встретились лишь на несколько мгновений, но ученик понял все, что хотел передать ему учитель. Многолетняя специальная тренировка, развившая интуицию ученика, позволяла ему видеть за жестами, взглядами,

словами людей, поэтическими строками гораздо больше, чем можно себе предположить. Хуа-То отвел взгляд и пошел к помосту, на который уже поднимался палач.

Узник поднялся по ступеням и, вместо того чтобы пасть на колени лицом в сторону шатра Сына Неба, в последнем порыве вымаливая прощение и право на жизнь в этом жестоком, но прекрасном мире, спокойно подошел к плахе, опустился рядом с ней на помост и положил голову на гладкую поверхность, пропитанную кровью многих людей, чтобы оставить последний автограф на своем последнем врачебном предписании – предписании искусства жизни.

ФРГ. Министр Шмидт, перестройка, гласность, демократия, новое мышление, единоборства. 1985 год

Начало пути

Лишь водная гладь и живая луна над водой
Способны о мире великом всю правду сказать.
И если тоска после музыки точит порой,
Причину в себе и в природе не стоит искать.
Пусть умер отшельник – Даос, унеся свой секрет,
Пусть яшму волшебную вечно хоронит вода,
И если не может быть найден вопроса ответ,
То вечную истину дарит учитель всегда…

Дорога вилась меж горных уступов и скал, все дальше и дальше уводя У-Пу от дворца императора Цао-Цао с его страшными интригами и нескончаемой суетой. Этого сына наложницы, взобравшегося на трон по лестнице из мертвых тел своих братьев – наследных принцев крови. Дорога уводила дальше и от добрых и умных глаз Бо-И, чем-то очень похожих на глаза Хуа-То. Иногда дорога превращалась в едва заметную тропку, вьющуюся между камнями, и ехавший верхом на лошади У-Пу боялся сбиться с пути, хотя четкого представлении о том, куда он направляется, у него не было. Было важно быстрее уйти, скрыться, чтобы улеглись страсти, утихла ненависть, чтобы завистливый взгляд и горячий топор не прервали еще одной ни в чем не повинной человеческой жизни. Но куда конкретно отправиться, У-Пу еще окончательно не решил.

Дорога была похожа на его Путь. До недавнего времени У-Пу шел по широкой дороге, проложенной Хуа-То. Конечно, было много неясного, незнакомого, но был опытный и мудрый учитель, который помогал в трудную минуту, подсказывал, где можно споткнуться, за каким поворотом могут встретиться неожиданности. А сейчас, когда осталась лишь память о направлении Пути Хуа-То, перед У-Пу была узенькая тропка. Эта тропка могла в любой момент потеряться в зарослях догадок или между камнями изживших себя догм. На этой тропе можно было споткнуться, оступиться и сорваться в пропасть мистики и лжеуспехов. Наконец, эта тропа могла завести в непроходимые дебри лженаучного невежества, где гибель неминуема.

Только потеряв учителя, можно в полной мере оценить его значение для себя. Нет того, кто мог бы ответить на еще не заданный вопрос, кто мог одним взглядом, жестом, одним словом передать больше, чем солидный труд в десять тысяч иероглифов. У-Пу сейчас остро ощутил свое одиночество, ничтожность и никчемность. По сердцу прошел щемящий холодок, к глазам внезапно подкатили слезы, но, сделав несколько дыхательных упражнений и сконцентрировавшись на дороге, У-Пу вновь обрел спокойствие и, интуитивно чувствуя, куда ведет тропинка, несколько ускорил шаг лошади. День медленно завершал свой путь, предоставляя место ночи, чтобы утром вновь сменить ее и приняться за работу, продолжая бесконечную и никогда не надоедающую игру двух таких непохожих и поэтому всегда неразлучных сил.

Сумерки постепенно накидывали свою мерцающую пелену на окружающее, и с каждой минутой эта мерцающая пелена, затемняя все, что находилось внизу, постепенно высвечивала все, что располагалось наверху. Скрывались из глаз очертания листьев

и веток, очертания придорожных растений, меняли свое обличье замысловатые камни. Все сливалось в единую темно-серую массу. А в вышине все отчетливей вырисовывались звезды, раскрашивая небо множеством созвездий, вычерченных пытливым человеческим разумом из мириад отдельных светящихся точек. Это было похоже на нежную мелодию лютни, когда низкие тона постепенно уступают место более высоким, и как завершение мелодии, оставляющее в душе самое большое впечатление, внезапно появилась луна, освещая мир своим голубовато-стальным светом.

Неожиданно и как-то по-особенному привлекательно впереди и выше дороги среди зарослей замаячил огонек. Он слез с лошади и, ведя ее за собой, пошел к огню, осторожно пробираясь через кустарник.

У костра, около прочного и аккуратного шалаша, больше похожего на хижину, сидел старичок. Глаза его были закрыты, губы что-то шептали, и от этого седая борода подрагивала и меняла свой цвет в отблесках костра. У-Пу осмотрелся. Около шалаша он увидел камень с выбитым на нем иероглифом ДАО, а рядом с камнем – маленький родничок, вытоптанную площадку, место для костра, обложенное камнями, каменный стол из плоского валуна и несколько коряг, приспособленных для сидения. На костре стоял котелок, в котором кипела какая-то жидкость, распространяя вокруг дурманяще-влекущий запах неизвестных У-Пу трав.

Отшельник открыл глаза, посмотрел на пришельца проницательным взглядом, и У-Пу почувствовал этот взгляд на себе, словно старичок подошел и ощупал его с головы до ног. По спине пробежал неприятный холодок, и У-Пу внутренне собрался, готовый к любому повороту событий. Но именно в этот момент старичок встал, поклонился и жестом пригласил своего позднего гостя к огню. У-Пу привязал лошадь к дереву и, сняв мешок с продуктами, положил его около хозяина шалаша, поклонился ему и сел, молча поглядывая на огонь и бурлящий отвар.

Старичок бросил в котелок пучок травы, который он достал из мешочка, висевшего у него на поясе, принес из шалаша две глиняные чашки и черпак, налил из котелка в обе чашки вкусно пахнущую жидкость и одну из них протянул У-Пу. Чашка приятно грела ладони. У-Пу медленно перекладывал ее из ладони в ладонь, дожидаясь, пока отвар остынет, а затем с наслаждением маленькими глотками пил терпковато-сладкую жидкость. По телу постепенно разливалось тепло, которое незаметно окутывало У-Пу. Он почувствовал, как отяжелели руки и ноги, обмякло тело, хотел повернуть голову к отшельнику, но провалился в вязкую

пучину сна…

Встреча в пути

В зал войдя, сними одежду
Суеты и стань обычным,
Не хватайся за надежду —
Сложное считай привычным.
Делай просто и спокойно,
Не беги, не лезь вперед,
Проиграв, держись достойно —
Мастерство всегда придет
Незаметно, тихо, скромно,
Как из сказки добрый зверь.
Знай, в искусстве все огромно —
От успехов до потерь.

У-Пу спал. Сон его был глубок, но тревожен. Ему снилось, что он легко и быстро шел, а вернее, почти скользил по тропинке, которая вилась рядом с дорогой. Он передвигался специальным отработанным скользящим шагом, перекатываясь с пятки на носок, словно с горки на горку. Этот быстрый, динамичный шаг все дальше уводил его от города, от страшной площади, где только что был казнен человек, которого У-Пу любил и уважал не меньше, а возможно, и больше своих родителей.

Еще на площади У-Пу заметил, что за ним пристально наблюдают двое людей, облаченных в крестьянскую одежду. Их лица были хорошо знакомы ученику придворного врача – это были воины из специального отряда охраны императора, и У-Пу часто встречал их, когда вместе со своим учителем проходил в дворцовые покои. Один из них, коренастый, широкоплечий, что-то быстро говорил своему напарнику, показывая на деревянный ларец, который У-Пу держал в руках. Второй, более молодой, худощавый, со свежим розовым рубцом на щеке, по-кошачьи сощурил глаза и, поклонившись коренастому, исчез в толпе.

А толпа волновалась, словно хлебное поле на ветру перед грозой, за которой последует отрезвляющий после нестерпимой жары поток холодного дождя. Порывы ветра то резко пригибают колосья к земле, то легко колышут их верхушки. Ветер постоянно меняет свое направление, и не ясно, с какой стороны ожидать первой волны крупных, обжигающих капель дождя. У-Пу воспользовался очередным движением толпы и, проскользнув,

стал пробираться, постоянно лавируя между людьми, которые шепотом обсуждали только что увиденное, стараясь не встречаться при этом с глазами собеседника. А собеседник, опустив голову, в свою очередь старался не глядеть в лицо говорившего, чтобы не выдать свои мысли и чувства.

Ученик великого врача быстро проник к воротам и выскользнул за крепостную стену. Он твердо решил идти в даосский монастырь, расположенный между горными сопками, видневшимися вдалеке, слева от города. Но У-Пу хорошо знал, что теперь, когда учитель казнен, а все другие ученики отреклись от того, кто еще вчера был их кумиром, он один остался продолжателем и последователем того дела, которое вместе с последним взглядом передал ему Хуа-То.

ФРГ. Обмен верительными грамотами с министром Шмидтом. Рядом полицайхауптткомиссар Декк. 1980-е годы

У-Пу прекрасно понимал, что телохранители императора будут преследовать его. Им приказано завладеть ларцом с инструментами Хуа-То и его, У-Пу, записями. В них изложены истины, открытые Хуа-То, а знание этих истин делало их обладателя многознающим. Это способствовало утверждению власти человека, которому судьба предначертала быть простым лекарем и верноподданным законов Неба, рожденных не среди мерцающих в ночи звезд, а в холодных покоях императорского дворца. Там, где кишели лесть, зависть, злоба, жадность, невежество и всепоглощающее желание власти.

У-Пу не пошел налево к горным сопкам, между которыми был спрятан монастырь, а повернул направо в долину, чтобы оторваться от преследователей и, сделав крюк, тайными тропами, открытыми его учителю монахами, пройти к потайному ходу, ведущему прямо в покои старого наставника Бо-И, которого много лет назад Хуа-То чудесным образом спас от тяжелого недуга.

Было ясно, что только Бо-И сможет помочь хотя бы на время удалиться подальше от того места, где за стремление понять, помочь, облегчить страдание, спасти от смерти платят изысканной неблагодарностью, тончайшими кружевами интриг и наветов, открытой и тайной злобой, которые неизменно заканчиваются встречей с очаровательно-страшным созданием, именуемым смертью.

Внезапно У-Пу услышал за ближайшими кустами тихий шорох и понял, что Меченый, как про себя назвал его У-Пу, не зря ухмылялся, растворяясь в толпе и исполняя повеление Коренастого. В то же мгновение из кустарника выскочили шестеро. Двоих У-Пу сразу узнал – Коренастый и Меченый, и еще четверо здоровых молодых солдат-телохранителей. Их кулаки были плотно сжаты, в глазах горел огонь ненависти и подчинения. Мощные тела напряглись. Эти люди-автоматы готовы были броситься и разорвать его на части.

Меченый медленно приблизился и, с издевкой глядя на ненавистного ему лекаришку, достал из-за пазухи свиток и стал читать:

– Вы порождаете смуту в Поднебесной. Употребляете законы извечного Дао во вред подданным нашего Великого и Пресветлого покровителя. Вы не уважаете авторитетов Великих Врачевателей Поднебесной. Извращаете уже известные законы и правила врачевания, а поэтому творите зло народу, что наш Велемудрый правитель допустить не может. А посему по повелению главы Великого Небесного совета вы должны дать отчет в своих поступках и мыслях. Этого требуют правила почтительности и человеколюбия.

Закончив читать, Меченый еще раз ехидно улыбнулся, свернул свиток, убрал его за отворот халата и вдруг попытался резко схватить ларец и оттолкнуть У-Пу. Но тот, подавшись в направлении толчка, отклонился назад и в сторону, разворачиваясь к Меченому полубоком, и вдруг незаметно сделал к нему шаг. Меченый, выведенный из равновесия, описал дугу и упал, ударившись головой о камень.

Коренастый что-то коротко крикнул, и четверо головорезов бросились на У-Пу. Но У-Пу не зря так долго и тщательно изучал

гимнастику пяти животных и ее модификации, созданные его великим наставником. Он крепко прижал к себе ларец левой рукой, присел, скручиваясь влево, согнув спину и прикрыв голову согнутой рукой именно в тот момент, когда первый из нападающих, подбежав, попытался ударить У-Пу в голову. Кулак скользнул по руке, закрывающей голову, а У-Пу, выпрямившись и раскручиваясь вправо, резко ударил нападающего ребром ладони по боковой поверхности шеи.

Тот захрипел и, упав, преградил доступ к жертве еще двум нападающим. А У-Пу тем временем уже встречал атаку второго воина, он увернулся от удара в грудь, разворачивая корпус вправо и одновременно нанося хлесткий удар противнику открытой ладонью правой руки. Когда тот, вскрикнув, стал падать, У-Пу отшвырнул его ударом ноги в живот и тут же сделал кувырок в сторону, уходя от серии новых ударов. Вскочив на ноги, У-Пу увидел, что оба воина бросились на него. Он резко выпрыгнул навстречу своим противникам и с силой выбросил вперед обе ноги, нанося своим врагам страшный удар в грудь. Телохранители отлетели в стороны, как две половинки сухого чурбака, расколотого точным ударом топора.

Перед учеником знаменитого лекаря стоял последний и самый серьезный противник. Коренастый медленно шагнул, в его руке был крепко зажат обоюдоострый нож. От первых двух выпадов У-Пу ловко увернулся, уклоняясь в сторону и как бы обтекая своего соперника сбоку, стараясь проникнуть к нему за спину. Третий выпад Коренастого был очень быстрым. Правая рука с ножом, чуть задев халат, проскочила мимо, а У-Пу, сделав шаг вперед-влево и развернув влево корпус, подставил под живот Коренастого свое правое колено, нанося сильный встречный удар. Одновременно он нанес удар правой рукой по запястью Коренастого, и смертоносное оружие выпало из руки опытного воина. Второй удар рукой был нанесен по шее сзади, и Коренастый рухнул, уткнувшись лицом в землю.

У-Пу поднял нож, посмотрел на поверженных врагов и только сейчас заметил, что все они, кроме Коренастого, не были вооружены, понадеявшись на силу своих тренированных кулаков. У-Пу исполнил закон Дао – он лишь защищался от внезапного нападения и не мог отнять жизни тех, кто только что посягал на его собственную жизнь, но посягал на нее с голыми руками. Лишь Коренастый был достоин смерти. Но, повернув его, У-Пу опытным взглядом врача сразу определил, что Коренастый уже не нуждается ни в его мести, ни в его врачебной помощи. Хитрость, коварство и оружие ничего не стоили против эффективных упражнений гимнастики Хуа-То, как и кулаки сильных и

многоопытных бойцов.

У-Пу отбросил далеко в сторону нож и быстро пошел к горным сопкам. Дойдя до развилки дороги, он резко повернул и ступил на тропы, которые кроме него были известны только старым монахам.

Поздно вечером он пролез через потайной ход и постучал в дверь покоев наставника Бо-И. Старый монах ласково принял ученика своего друга. Два дня У-Пу отдыхал в закрытой келье, рассказывая Бо-И о том, что произошло с ним и с учителем. А на третий день Бо-И, снабдив У-Пу лошадью, запасом пищи на несколько дней пути и теплой одеждой, отправил нового врача туда, где было более безопасно продолжать великое дело познания всеобщего закона развития Вселенной – закона ДАО.

У-Пу проснулся рано – лучи солнца едва успели лизнуть склоны горных хребтов. Он ощутил дурманящий запах сухих трав и увидел, что лежит в шалаше на подстилке. Быстро выбравшись наружу, У-Пу застал свою лошадь мерно жующей траву. Время от времени она наклонялась к большой охапке сена, лежавшей у ее ног. Он заметил, что на импровизированном каменном столе ему оставлены чашка с каким-то отваром и горстка сушеных фруктов. Его мешок нетронут и лежит там же, где был положен вечером.

Солнце наконец полностью вышло из-за гор и осветило лучами небольшую полянку. У-Пу хорошо помнил наставление Хуа-То: «Человеческий организм требует напряжения и движений, только этим нельзя злоупотреблять. Когда тело находится в движении, из него изгоняется плохой воздух, кровеносные сосуды становятся проходимыми и болезни не имеют для себя питательной почвы. С этой целью древние использовали дыхательную гимнастику. Они упражнялись, как медведь, вертели головой, как сова, они изгибались и массировали поясницу, они приводили в движение суставы. Они предохраняли себя от свойственных старости недугов. Моя система называется „Игра пяти зверей“. При ее помощи можно предохранить себя от болезней и укрепить силу. Если заниматься ею по-настоящему, то вы не будете знать забот, тело будет легким и аппетит хорошим».

Эти слова У-Пу тщательно занес в свитки и неукоснительно им следовал. Вот и сейчас он растер лицо от подбородка ко лбу, размял уши от мочки к верхушке, старательно размял ладони и суставы пальцев. У-Пу приступил к дыхательным упражнениям гимнастики Хуа-То. Он переносил вес тела с ноги на ногу, делал один-два шага, изгибая или скручивая тело, поворачивая голову, производя замысловато-округлые движения руками. Причем каждая смена движений соответствовала определенной фазе

дыхания. Вскоре многократное повторение пяти основных движений привело к нужному результату. Тело разогрелось и стало гуттаперчиво-подвижным, в каждом движении чувствовалась легкость и сила. Закончив гимнастику, У-Пу умылся водой из родника, тщательно вычистил зубы порошком, сделанным из коры дуба, поклонился камню с магическим иероглифом и приступил к трапезе, оставленной для него Даосом-отшельником.

Он не заметил и не почувствовал, что те глаза, которые встретили его вчера вечером, сегодня внимательно наблюдали из-за деревьев за каждым его движением, за каждым его поступком. Эти глаза умели распознавать истинную суть людей, умели за внешним видеть внутреннее. Отшельник появился неожиданно и сел рядом с У-Пу как раз в тот момент, когда У-Пу заканчивал завтрак.

– Вы ученик лекаря из Сюиту [9], – не то спросил, не то констатировал старец.

У-Пу наклонил голову в знак согласия. Даос встал, почти не касаясь головой низкого входа, вошел в шалаш и вскоре появился, держа в руках свиток, изрядно потрепанный с краев. Было видно, что он несет это свиток так бережно, словно в руках у него была чашка с горящим маслом, пролить которое было бы небезопасно.

Хозяин шалаша приблизился к У-Пу, поклонился ему и произнес:

– Я знаю, что случилось с вашим наставником. Мы были знакомы. Однажды он помог мне избавиться от недуга в спине, который меня мучил. Это было в обители Бо-И.

Даос показал У-Пу ухо, на котором ясно были видны две полоски, оставленные раскаленной иглой на разветвлении и нижней ножке вилки, образованных складками ушной раковины. У-Пу хорошо были известны такие рубцы после прижигания. Он сам часто прижигал эти зоны больным, страдающим болями в области поясницы.

– Я излечился от недуга благодаря искусству вашего учителя. Но, кроме того, я развил некоторые упражнения, которые ваш наставник показал мне когда-то. Я наблюдал за вами. Вы постигли основы Дао, вы храните наставления мудрых и следуете им. Теперь у меня появилась возможность отблагодарить вашего учителя, хотя его уже нет. Я передаю вам свои записи с упражнениями дыхания и движения. Вот уже более двух полных животных *циклов* [10] я ежедневно практикую эти упражнения, постепенно усложняя их, и старые недуги не беспокоят меня.

Вы по достоинству сможете ставить рядом со своим именем иероглиф И-шен [11].

Но чтобы достичь *высокого предела*, вам необходимо постоянно совершенствовать свои навыки. И еще, вам нельзя ехать этой дорогой. Два дня назад по ней проскакали воины Сына Неба, они ищут вас. У перевала будет сделан завал, и вас поймают. Это будет нарушением законов Добродетели и противоречит истинному Пути. Я покажу вам тропы, по которым вы сможете обойти перевал и спуститься в долину. Вы должны отправиться к Чжан Чжун-Цзы в Наньян. Это просвещенный человек, а его книги – первоклассное руководство к лечению.

Курс офицеров госбезопасности Китая в Москве

Курс офицеров спецназа госбезопасности Монголии

Вы сможете многому научиться у этого врача. А чтобы он принял вас, как вы этого заслуживаете, передайте ему вот это. – Старичок снял с шеи маленький и невзрачный камешек с разноцветными вкраплениями.

Даос передал У-Пу свиток и амулет, который молодой врач принял с глубоким поклоном. Старичок вышел на середину поляны, на мгновение замер, обратившись лицом на восток, и вдруг, будто сухой лист, сорванный порывом ветра с ветки, закружился по поляне. Он выполнял сложные и непредсказуемо изменчивые движения. Его танец был похож на порхание бабочки. Сам старичок, маленький, сухой, мускулистый, в своем широком халате, рукава которого развевались при каждом взмахе, напоминал мотылька, невзрачного и блеклого, когда он сидит на ветке, но мгновенно преображается, как только крылья поднимут маленькое серое тельце в воздух и закружат его в замысловатом танце в лучах утреннего солнца.

Отшельник исполнял свой танец внешне неспешно и плавно, но в этой медлительности У-Пу почувствовал такую огромную внутреннюю силу, которая никак не вязалась с маленьким и невзрачным обликом отшельника. Движения закончились так же неожиданно, как и начались.

Даос остановился лицом на запад, на мгновение замер и

вдруг, как бы сбросив с себя огромный груз, очнулся и вышел из того состояния, которое охватывает человека, когда он полностью отдается своему делу и не обращает внимания на окружающее. У-Пу зачарованно смотрел на отшельника, понимая, что сейчас прикоснулся к таинству искусства и еще раз воочию убедился, как можно развить и совершенствовать навыки дыхания и движения.

Отшельник снабдил У-Пу некоторыми травами, которые могли пригодиться в практической деятельности врача, объяснив, какие отвары и настои из них можно приготовить. Таких прописей У-Пу еще не знал, и поэтому он тщательно записал все в своем дневнике, пополняя копилку человеческой мудрости, собирая крупицы знаний, открытых и увековеченных народным опытом.

Даос проводил У-Пу до горного хребта, объяснил, как надо пройти, чтобы, миновав перевал, выйти в долину, и, распрощавшись, растворился в зарослях.

Сердце У-Пу билось ровно и спокойно, мысли несли его вперед, и казалось, что будь он сейчас не на лошади, а на крылатом драконе, то вряд ли он смог бы передвигаться быстрее. Теперь у него появилась цель. У-Пу вновь ясно почувствовал свой Путь, подобно путнику, который, потеряв в сумерках тропинку и плутая в чаще, внезапно вышел на широкую и знакомую дорогу, по которой он не однажды ходил.

У-Пу двигался всю ночь и весь следующий день, в чем ему помогал *волшебный отвар* старика Даоса. К вечеру второго дня, уже спустившись в долину, он сделал себе маленький временный шалаш из веток и травы и заснул крепким, здоровым сном человека, уверенного в том, что завтра вновь взойдет солнце, продолжая свой круговорот, согревая землю, растения, живые существа, отдавая им часть себя и ничего не беря взамен. Все великое дарит окружающему себя, мириады своих невидимых добрых частиц, образующих тончайшее и неповторимое кружево жизни.

Испытания в пути

Слова и звуки,
Мысли, имена,
Разбитая громада,
Дождь песчинок…

Город У-Пу заметил издалека. Был базарный день, из всех дальних и близких поселений крестьяне и сельские ремесленники везли товар на продажу в город.

Словно множество маленьких ручейков, впадающих в более крупные реки, группы крестьян сливались в толпу на месте пересечения троп с дорогами. И словно реки, впадающие в море, эти дороги направляли всех идущих по ним к городским воротам.

А на главной городской площади, недалеко от апартаментов наместника области, уже разворачивали свои лавки купцы, крестьяне суетливо выкладывали свой товар из повозок и корзин, стараясь расхвалить его громче соседа, чтобы быстрей и выгодней все распродать. Ремесленники по-деловому, но тоже быстро расставляли свои изделия, отчего площадь становилась похожей на пестрый, расцвеченный множеством красок ковер.

Люди продавали и покупали, обменивали товар на товар, спорили, торговались, ругались, любезно беседовали, посылали проклятия, молили небо об удаче. Все это полностью занимало их. Каждый был занят своим делом.

Никому не было дела до молодого человека, который ничем не выделялся в этой многоликой и многоголосой толпе. Никому, кроме одного из многих людей, находившихся на площади. Этот человек умел рассчитывать действия других, и поэтому, увидев молодого лекаря среди множества входящих на центральную площадь, он по-кошачьи сощурил глаза, улыбнулся чему-то своему и уже не отрывал своего цепкого взгляда от того, кто сейчас интересовал его больше всех на бескрайних просторах Поднебесной.

Прячась за людскими спинами, но не теряя У-Пу из виду, он следил за тем, куда тот направится. Этим хитрым и расчетливым человеком с цепким взглядом был Меченый.

Придя в себя и отлежавшись после той страшной битвы на поляне, он обнаружил своего начальника без признаков жизни. Двое воинов также были мертвы, а двое оставшихся в живых сильно искалечены. Вернее, они перестали быть воинами из секретного отряда телохранителей, одним своим названием наводивших страх на всю эту недовольную порядками Поднебесной чернь. Эти двое калек больше никогда не смогут занять место в воинском ряду.

Обыскав поляну, Меченый нашел нож, принадлежавший Бородатому, повертел его в руках и спрятал в складках своего халата.

Разговор с главой Небесного совета был тяжелым и унизительным. Меченый безмолвно выслушал справедливые обвинения в некомпетентности, против которых у него не

нашлось возражений, что делало оскорбительные упреки особенно обидными. Ему было известно, что спасти его может только одно: он должен найти У-Пу, разделаться с этим искателем истины, завладеть его записями и инструментами Хуа-То. Тогда у главы Небесного совета будет еще одна возможность чужой кровью утвердить свое влияние в покоях капризно-изменчивого властителя. А Меченый сможет положить в свой тайник еще горсть золотых монет, несколько слитков серебра и, наконец, получить долгожданный пояс с серебряной пряжкой, открывающий перед ним новые возможности, новые горизонты власти.

У-Пу, расспросив, где находится дом Чжан Чжун-Цзы, пробрался через площадь и отправился в указанном направлении. Человек со шрамом на щеке, кинжалом в складках халата, злобой и жадностью в сердце незаметной тенью скользил за своей жертвой.

Чжан Чжун-Цзы вернул У-Пу амулет из серого камешка с цветными вкраплениями и поручил одному из своих помощников отвести У-Пу в отведенные для него покои, состоявшие из двух небольших, но изящно обставленных комнат, где царила гармония чистоты и порядка. Следить за тем, чтобы У-Пу ни в чем не испытывал затруднений, должна была Лю-Ань, сирота, дальняя родственница хозяина дома. Ее большие глаза, почти всегда прикрытые длинными ресницами, замечали малейшие изменения в поведении У-Пу, и он часто ловил себя на мысли, что Лю-Ань предугадывает почти все его желания.

Два новых рождения луны У-Пу встретил в доме Чжан Чжун-Цзы, совершенствуя свои представления о внутренних болезнях, рассказывая гостеприимному хозяину и его ученикам о методах лечения, предложенных Хуа-То, о его знаменитой гимнастике, демонстрируя комплексы специальных упражнений. А Меченый все это время следил за тем, что происходило в доме врача, продумывая свой план, следя за распорядком жизни этих *бунтовщиков,* этих врагов власть имущих, нарушающих устои мира сего.

Знаменитый терапевт научил У-Пу определять пульс по колебанию нитки, один конец которой был привязан к запястью больного, а второй должен был держать в руках врач. По тому, как при легком натягивании вибрировала нить, опытный врач мог определить характер пульса и установить сущность болезни и ее причину. Это было сложное и тонкое искусство, освоить которое У-Пу смог лишь благодаря уже имеющимся у него знаниям о диагностике пульса и огромной работоспособности, постоянно подкрепляемой интересом и любовью к избранному искусству

врачевания.

По вечерам, проделав комплекс гимнастики и умывшись, У-Пу отдыхал в саду, проводя время в беседах с людьми, ставшими ему близкими, или мечтал, глядя в бескрайние просторы небесного купола и стараясь представить людей, которые после него еще более разовьют искусство врачевания. Часто собеседницей У-Пу в эти вечерние часы была Лю-Ань…

У-Пу не знал и не мог знать, что почти через тысячелетие после него другой знаменитый врач из многочисленной когорты медиков Китая – Сун-Сы-Мяо – продемонстрирует вершины владения методом пульсовой диагностики.

Однажды император решил собрать всех известных врачей и разослал им приглашения явиться ко двору. Сун-Сы-Мяо не явился ко двору императора в числе других приглашенных врачей. Сун-Сы-Мяо в одиночестве трудился в пещере, ведя жизнь даосов – отшельников, – исцеляя жителей близлежащих селений от различных недугов. Тогда император послал к Сун-Сы-Мяо записку, прося врача распознать недуг, от которого страдает одна из жен императора. Лекарь прибыл во дворец, но ему непозволительно было видеть супругу императора или прикасаться к ней.

Тогда Сун-Сы-Мяо попросил привязать к руке женщины нить, а другой конец нити передать ему через щель между ширмами. Но императрица привязала нитку к ножке стула. Врач несколько раз натянул нитку, постучал по ней пальцем и сказал: «Меня испытывают, нитка привязана к бездушному дереву». Тогда нитку отвязали от стула, но тут под ноги императрицы попалась собачка, и она привязала нитку к ее лапке. Сун-Сы-Мяо вновь несколько раз потянул нить и произнес: «Меня вновь испытывают, этот пульс принадлежит небольшому животному, но не может принадлежать человеку».

Тогда нить была привязана к руке жены императора чуть выше кисти. Врач внимательно ощупывал нить, отпуская ее, меняя силу, потягивая нить, трогая ее пальцем, поигрывая нитью, словно струной тонкого, но лишенного звучания для посвященного человека инструмента.

Когда исследование было закончено, Сун-Сы-Мяо начертал свое предписание, запечатал свиток и с низким поклоном передал его императору, сказав: «Распечатайте и прочтите после моего отъезда». С этими словами он распрощался, отклонив дорогие подношения и предложение остаться в роскошных дворцовых покоях, уехал в свою пещеру в глухой лесной чаще. Там не было такой огромной и великолепной библиотеки, как во дворце

императора, но было ни с чем не сравнимое чувство свободного общения с природой, способное дать не меньше, чем солидные книги древних мыслителей, обогащающих пытливые умы.

Император сдержал свое слово и, вскрыв свиток только после отъезда врача, прочитал: «Государь Поднебесной, не обижайтесь на свою молодую супругу. Ее поступки – проявление истинной женской природы. Ваша супруга ничем не больна, она ждет ребенка. Через шесть месяцев она подарит Вам сына».

Предсказание врача в точности исполнилось, и через полгода императрица родила здорового мальчика…

У-Пу не знал и не мог знать всего этого. Он сидел на полу в беседке великолепного сада. Перед ним на столике горел светильник, здесь же стояла тушечница в виде хризантемы. И быстрая кисть в его руке запечатлевала на чистой глади свитка новые знания, изымая их из обширного хранилища его памяти. Увлекшись работой, У-Пу не заметил, что серая тень, быстро проскользнув вдоль каменной ограды сада, остановилась около того места, где забор ближе всего подходил к беседке, в которой работал У-Пу. Человек со шрамом на лице взобрался на ограду, снял с плеча лук и наложил стрелу, предварительно сняв со страшного крючковатого наконечника кожаный колпачок. Человек накладывал стрелу на лук осторожно, боясь коснуться зловеще поблескивающего наконечника стрелы, покрытого невидимым ядом.

В это время один из помощников и учеников Чжан Чжун-Цзы пришел за У-Пу, приглашая его в дом. Они вместе стали собирать предметы, разложенные на столе беседки.

Человек со шрамом поднял лук, прицелился: наконечник стрелы закрыл собой грудь У-Пу… Тетива медленно пошла назад, натянулась до предела и…

Собирая предметы, У-Пу нечаянно задел свитки, лежавшие на столе, и один из них упал на пол. У-Пу нагнулся за своим дневником как раз в тот момент, когда досадливо взвизгнула тетива лука, передавая свою ненависть стреле. И та, зло просвистев над головой У-Пу, вонзилась в руку ученика Чжан Чжун-Цзы. Он вскрикнул и, схватившись за руку, из которой торчала стрела, стал оседать на пол.

Человек со шрамом спрыгнул с забора и, накинув лук на плечо, быстро скрылся в темноте соседних переулков.

Ученика принесли в дом, Чжан Чжун-Цзы и У-Пу осмотрели рану: стрела глубоко вошла в руку, пробив кость и застряв в ней. Кожа вокруг раны стала синеватой и отечной: яд, которым был пропитан наконечник стрелы, уже начал действовать. Медлить

было нельзя, необходимы были срочные, неотложные меры…

Чжан Чжун-Цзы отвел У-Пу в сторону и тихо произнес:

– Искусство вашего учителя в лечении заболеваний медицинским ножом достойно того, чтобы мудрые изучали его и передавали потомкам. Прошу вас спасти моего ученика. А я приготовлю специальный отвар, он поможет бороться с ядом. Но в ваших руках инструменты Хуа-То, а в вашем сердце законы Дао и правила истинной Добродетели.

У-Пу сосредоточенно слушал слова опытного врача, а когда тот закончил свою речь, ответил:

– Яд уже проник в кровь и поразил костный мозг. Вмешательство медицинского ножа должно быть скорым. Я постараюсь не потерять нить Дао и исполнить свой долг.

У-Пу открыл заветный ларец, разложил на столе инструменты и различные коробочки. Раненого раздели по пояс и посадили в кресло. Чжан Чжун-Цзы сел рядом со своим учеником, взял в руку его запястье и ощутил под пальцами пульс больного. Артерия плясала и вырывалась из-под пальцев, словно трепещущая птица, бьющаяся в сетях безжалостного птицелова. На стол поставили шахматы, и Чжан Чжун-Цзы начал игру, отвлекая своего ученика от операции.

У-Пу дал больному выпить настой, помогающий переносить боль, воткнул в определенные точки тела иглы, поудобнее положил раненую руку и приступил к операции. Одним движением ножа была рассечена кожа, затем быстро раздвинуты мышцы, удалена часть кости с торчавшей в ней стрелой. В полость кости У-Пу заложил специальный бальзам, обрезал посеревшие части мышц и измененные участки кожи. Мышцы и кожу У-Пу сшил волосом белых кобылиц, вымоченном в уксусно-спиртовом настое. Затем У-Пу достал самую драгоценную коробочку со специальным бальзамом, секрет которого Хуа-То не успел передать своего ученику. У-Пу надеялся, имея остатки этого бальзама, постараться разгадать его секрет. Но сейчас был в опасности человек, и жизнь этого человека была в руках У-Пу. Поэтому он, не раздумывая, выложил остатки бальзама на рану и перевязал руку больного.

Во все время операции больной не прекращал игры в шахматы с Чжан Чжун-Цзы, изредка останавливаясь, когда боль давала себя знать.

У-Пу вытащил иглы, прижег точки полынью и устало опустился на скамью. Чжан Чжун-Цзы вновь положил свою руку на пульс больного. Но теперь пульс не бился, не плясал под рукой. Птица, вырвавшись из сетей, свободно парила в небе. Пульс был слабым, но ровным и спокойным. Вскоре был готов

специальный отвар. Чжан Чжун-Цзы напоил им больного, и тот быстро заснул глубоким, успокаивающим сном.

Оба врача, поручив больного помощникам и домашним хозяина дома, вышли в сад. Прохлада ночного сада быстро изгоняла сонливость и усталость. Далекие звезды спокойно мерцали в небе, как бы одобрительно подмигивая людям и благодаря их за добрые дела.

Рана заживала неохотно и медленно, но больной явно выздоравливал. Отвар Чжан Чжун-Цзы помог нейтрализовать действие яда, и на третий день серовато-землистое лицо больного приобрело более здоровый оттенок. А к концу седьмого дня лечения его щекам вернулся румянец, характерный для кожи молодого человека.

Рука у него все еще побаливала, но иглы и прижигания пучками полыни У-Пу, а также отвары Чжан Чжун-Цзы делали свое дело – боль постепенно отступала, становилась все слабее и глуше. На десятые сутки У-Пу снял повязку и удалил наружные швы. На коже был аккуратный розовый рубец с поперечными черточками, оставленными нитями из конского волоса. К рождению новой луны ученик Чжан Чжун-Цзы почти совершенно поправился, общее напряжение, царившее в доме, немного спало. И вот тогда-то все и вспомнили то, что предшествовало этим волнительным событиям. Конечно, дом в эти дни охраняли особенно тщательно. По ночам четверо доверенных слуг, хорошо владеющих оружием, охраняли дом и сад, а днем их сменяли другие обитатели большого дома лекаря.

Чжан Чжун-Цзы пригласил У-Пу к себе в покои сразу после завтрака. В комнате, в которую вошел У-Пу, сидела Лю-Ань, девушка, которая для У-Пу была милее всех обитателей этого гостеприимного дома. Хозяин усадил гостя и спокойным голосом произнес:

– Вы подвергаете себя опасности. Псы Цао-Цао следят за вами и непременно постараются, чтобы вы как можно раньше предстали перед своими предками в подземном царстве. Оттуда вы не сможете помешать их злым замыслам. Но пока в мире есть зло, должно существовать и добро, чтобы мир был уравновешен. Хотя люди все чаще стали забывать наставления мудрых, все же не стоит отчаиваться. Вы должны знать, что судьба посылает нам встречи в зависимости от сути наших поступков и чистоты наших мыслей. Вы чисты в помыслах и добродетельны в поступках, но бойтесь поколебать заветы вашего наставника, не приписывайте себе его заслуг, не выдавайте за свои идеи его замыслы, а

старайтесь претворить их в жизнь. И не стесняйтесь ставить рядом со своим именем имя своего учителя. Этим вы не уменьшите своего авторитета, но отдадите должное памяти человека, научившего вас всему, что вы знаете…

Чжан Чжун-Цзы на мгновение умолк, взглянул на девушку и продолжал:

– Лю-Ань проводит вас безопасными тропами. Вы должны скрыться и на время исчезнуть. О вас не должны знать многие. Пройдет время, и все утихнет. Память людей, к сожалению, долго помнит зло и быстро забывает добро. Качество меча проверяется огнем, водой и ветром, но лишь время способно дать ответ, верный ли состав стали смог подобрать мастер для своего детища. Иногда в этот состав надо внести добавки и изменения, но это давно уже некому сделать. Помните, время – это реальность Дао. Оседлав время, вы постигнете Дао, а умея предвидеть изменения времени, вы овладеете законами Добродетели. Тогда люди по праву назовут вас мудрым. И еще, когда вам станет совсем трудно, когда голод и нужда поставят вас на грань жизни и смерти, разбейте свой талисман. Но только тогда, когда не будет другого средства продлить жизнь. И знайте, мы больше не увидимся с вами, но каждый из моих последователей станет для вас братом, и вы сможете рассчитывать на их помощь. А теперь прощайте… – закончил свою речь Чжан Чжун-Цзы, и глаза его заволокла сверкающая пелена слез.

У-Пу хотел возразить, что Чжан Чжун-Цзы еще не стар и они обязательно встретятся, но хозяин дома поклонился и быстро вышел из комнаты. Ему суждено было прожить еще одиннадцать лет, но за это время жизнь больше не сводила вместе У-Пу и Чжан Чжун-Цзы.

Снова в путь

У-Пу собрал свои немногочисленные вещи, и вечером они с Лю-Ань, выйдя через потайную калитку в боковой стене и пройдя запутанными переулками, покинули город и отправились в путь лесными тропами, избегая больших дорог. Лю-Ань вела У-Пу в ту местность, где родилась и где знала каждый укромный уголок среди лесов и горных склонов. Будучи дальней родственницей Чжан Чжун-Цзы, она была благодарна ему как отцу, ибо своего отца, погибшего в одном из сражений, почти не помнила. Мать ее умерла от тяжелой и неизлечимой болезни, и Чжан Чжун-Цзы воспитывал ее вместе со своими детьми, дал соответствующее

образование, ни в чем не отличая ее от своих дочерей.

Легкая тень скользила за ними между деревьями. Чьи-то глаза старались не потерять из виду две фигуры, спокойно, но быстро двигающиеся по лесной тропе. Меченый сумел разгадать планы своей жертвы. Он не надеялся на шпионов, которые были у него в подчинении, и поэтому сам почти все время следил за домом Чжан Чжун-Цзы. Это он, а не один из его подчиненных заметил, как через потайную дверь вышли двое путников и, плутая в узких переулках, запутывая следы, вышли из города. Меченый понимал, что после его неудачного выстрела в саду У-Пу будет начеку и сейчас этот лекаришка с железными кулаками особенно осторожен.

Меченый горел нетерпением и злобой, ему поскорей хотелось расправиться с этим У-Пу, чтобы вместе с ним истребить последние следы его учителя Хуа-То, этого врачевателя, позволившего себе иметь собственное мнение перед лицом владыки Поднебесной. Вы только представьте себе – собственное мнение, и это в то время, когда люди, носящие пояса с дорогими позолоченными и золотыми пряжками, имеющие высокие сановные должности, не позволяли себе такой роскоши. А если и позволяли, то только в доверенном кругу, и не то что шепотом, а полушепотом или даже одним шевелением губ. И вдруг придворный лекарь смело высказывает собственные мысли. И не кому-то, а самому Сыну Неба. От этих мыслей Меченого прошиб холодный пот. Нет, это не укладывалось в его голове. Да Сын Неба еще милостив, казнив этого Хуа-То таким легким способом, а не подвергнув его многодневной мучительной казни. Но он, Меченый, не будет столь милостив к У-Пу, он найдет способ заставить его мучиться перед смертью и просить пощады. Только униженный и поверженный враг сможет своими мольбами и стонами загладить горечь обиды и унижения, которые испытал он сам перед лицом главы Небесного совета.

В это время У-Пу и Лю-Ань остановились, чтобы отдохнуть и утолить голод. Лю-Ань, взяв котелок, отправилась к ручью, протекавшему на дне небольшого оврага, а У-Пу стал готовить все необходимое для костра. Когда Лю-Ань скрылась из виду, Меченый тихо подкрался ближе к У-Пу. Спрятавшись за деревом, он поднял небольшой ровный камень и, выждав, когда У-Пу повернется к нему спиной, отработанным движением метнул камень в того, кто сейчас был его злейшим врагом.

У-Пу уже собрал достаточно веток для костра. Он хотел разложить их, но разогнулся, разминая поясницу, и в этот момент сильный удар в голову поверг его на землю.

Когда У-Пу очнулся, то почувствовал, что сидит у дерева, а руки его связаны позади за стволом веревкой. Голова ныла, но сознание постепенно возвращалось к нему. Он увидел Лю-Ань, связанную по рукам и ногам, с заткнутым какой-то тряпкой ртом. Она сидела у костра. А Меченый неторопливо ел ароматно пахнущую похлебку из котелка. По-кошачьи щуря глаза, он поглядывал то на Лю-Ань, то на У-Пу. Заветный ларец стоял рядом с Меченым. Закончив трапезу и увидев, что У-Пу очнулся, Меченый медленно открыл ларец и достал несколько свитков. Мельком взглянув на ровные столбцы иероглифов, он бросил их на землю и достал коробочку с инструментами Хуа-То.

У-Пу напрягся, веревка затрещала, но выдержала. Обида и негодование наполняли сердце У-Пу. А Меченый, хитро подмигивая ему, рассматривал дорогие инструменты, украшенные камнями, придававшими инструментам чудодейственную силу.

Меченый убрал все обратно в ларец, поднялся и приблизился к своему врагу. Остановившись в двух шагах от У-Пу, он с издевкой смотрел ему в лицо. Для Меченого было важно почувствовать во взгляде У-Пу страх, неуверенность, мольбу о пощаде. Надо было уничтожить У-Пу морально, подавить его силу духа, заставить молить о пощаде, скорой смерти, о чем угодно. Важно заставить просить! Просить!! Просить!!! Эта мысль билась в воспаленном мозгу Меченого. Он знал, что духовно сломить человека, унизить его – это нечто более страшное, чем просто физически уничтожить. И сейчас Меченый смотрел в лицо У-Пу, стараясь выискать малейшие признаки неуверенности, страха, отчаяния. Вместо этого на него смотрели глаза, полные ненависти, презрения, но не страха.

Меченый на мгновение испугался, но тут же по-кошачьи сощурил глаза, злорадно улыбнулся и отвернулся от У-Пу. Он нашел, как заставить этого лекаря унижаться. Медленно подойдя к Лю-Ань, Меченый как бы в раздумье постоял около нее, переводя взгляд с горящих ненавистью глаз У-Пу на прекрасные и полные слез глаза Лю-Ань. Затем Меченый, глядя на У-Пу, медленно нагнулся к Лю-Ань, взялся пальцами за ворот ее одежды… И вдруг с силой рванул руку на себя, разрывая одеяние и обнажая тело.

Когда Меченый подошел к девушке и с издевкой взглянул на У-Пу, тот сразу понял, что произойдет в следующее мгновение. Но, только увидев полные ужаса и отчаяния глаза Лю-Ань, увидев рвущиеся лоскуты ее одежды и обнажающееся тело, У-Пу полностью осознал положение, в которое он попал. Мышцы его

напряглись, веревка больно впилась в тело, разрывая кожу рук. Но эта боль не подавила его, а лишь придала сил. Веревка лопнула, и У-Пу подобно стреле, выпущенной из дальнобойного лука, бросился вперед.

Меченый обернулся в тот момент, когда У-Пу сделал первый большой прыжок в его сторону. Меченый выхватил нож из складок халата и, отскочив в сторону от полуобнаженной девушки, бросился к костру. Он успел выхватить толстый обгоревший сук, конец которого зловеще тлел, готовый передать свой губительный жар всему живому.

Каким-то внутренним чувством Меченый понял, что ему необходимо только нападать. И, подчиняясь этому животному чутью, он бросился на своего врага с единственной целью: лишить его жизни и сохранить свою.

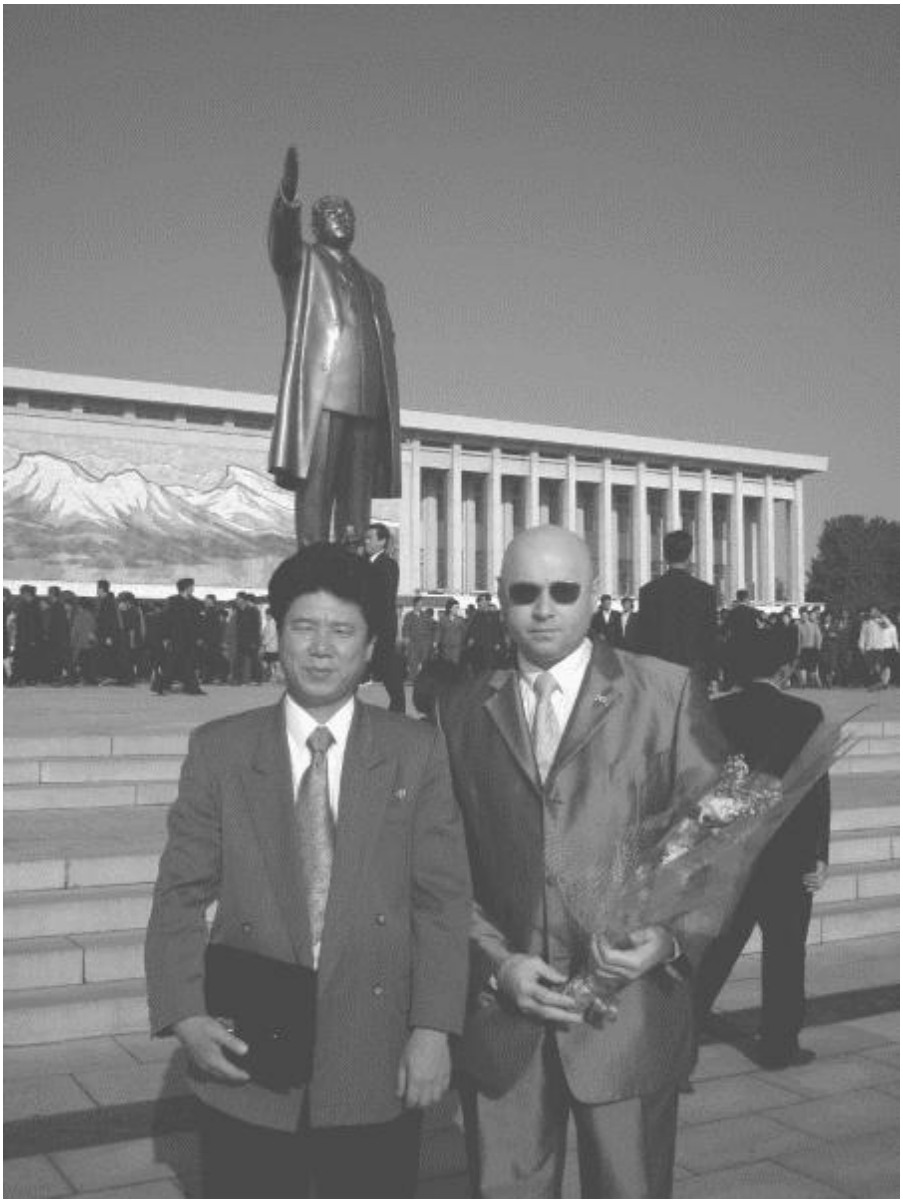
У-Пу пропустил удар головней мимо себя, ногой выбил горящую палку из рук Меченого и сделал несколько кувырков в сторону. Но когда У-Пу встал на ноги, Меченый метнул в него свой нож, целясь в грудь. Расстояние было невелико, но многолетняя кропотливая тренировка спасла У-Пу. Его ладони мгновенно соединились, их основания намертво зафиксировали лезвие ножа у самой рукоятки. Меченый, не ожидавший такого исхода событий, на мгновение замер, не веря тому, что произошло.

В следующую секунду какая-то неведомая сила бросила его на землю. Он перевернулся через голову и бросился бежать к оврагу, стремясь быстрее укрыться за спасительными стволами деревьев. Но, не добежав до спасительного склона всего несколько шагов, Меченый почувствовал сильный удар в спину, в груди что-то лопнуло, горячая и упругая волна забилась внутри груди, и по телу стала разливаться горячая удушливая дурнота. Меченый устоял на ногах, неестественно выгнув назад спину. Он, пошатываясь, медленно повернулся и увидел спокойно-сосредоточенное лицо У-Пу. Боль в спине отчего-то усилилась, Меченый неуклюже попытался дотянуться до рукоятки ножа, засевшего у него между лопаток, тяжело качнулся в сторону.

Все поплыло у него перед глазами: быстро сменились сцены казни Хуа-То, засада у дороги, его унижение перед лицом главы Небесного совета, дорогой пояс с серебряной пряжкой, зарытый клад… Все это пронеслось за несколько мгновений у него перед глазами. Меченый постарался удержать равновесие и от ужаса приближения чего-то неотвратимого, липкого и бездонного, хотел закричать. Закричать громко, чтобы его услышали и во дворце Цао-Цао, и в палатах главы Небесного совета, и на площадях всех городов. Но Меченый только широко открыл рот, сдавленно

захрипел, горлом хлынула алая горячая кровь. Он отшатнулся, схватился руками за грудь, оступился на краю склона и покатился на дно оврага, оставляя за собой кровавый след.

У-Пу подошел к краю оврага и увидел на его дне тело того, кто все последние дни и месяцы преследовал его. Пытался заставить отказаться от правды и поверить в ложь. Пытался перерезать пути поиска истины и повернуть на путь слепой веры в догматы сильных мира сего. Этот человек со шрамом на щеке пытался убить идеи Хуа-То, не дать развиться свободной человеческой мысли. Он служил тем силам, которые всегда готовы во имя сомнительной выгоды черное выдать за белое, зло назвать жизненной необходимостью, правду окрестить ложью и сплетнями. Ради дорогого пояса с серебряной пряжкой, связки монет и пары золотых слитков они готовы продать и предать своих друзей, родных, детей, свои вчерашние идеалы.



60-Летие КНДР. Памятник великому вождю корейского народа

У-Пу словно очнулся от забытья и бросился к Лю-Ань. От всего пережитого и увиденного та была чуть жива. У-Пу развязал Лю-Ань, она прижалась к его груди, и ее плечи задрожали под его сильными и нежными руками. С большим трудом У-Пу удалось успокоить девушку.

Пока Лю-Ань переодевалась в целое платье, У-Пу достал из

ларца полынь, прижег у себя на руках точки выше того места, где веревка разрезала кожу. Затем он достал небольшую емкость с винным уксусом, налил немного остро пахнущей жидкости на тряпицу и тщательно протер раны на обеих руках и ссадину на голове. После чего он достал чистую длинную полосу ткани, скатанную в рулон, и начал перевязывать рану, но в этот момент мягкие женские ладони Лю-Ань легли на его сильные руки. Девушка взяла из рук У-Пу полоску материи и сделала две аккуратные повязки на ранах.

У-Пу взял маленькие ладони Лю-Ань в свои и молча взглянул в глаза девушки. На ее лице появилось легкое удивление, но во взгляде У-Пу девушка прочла столько нежности и душевной теплоты, что, невольно смутившись, она залилась румянцем и опустила глаза, чуть прикрыв их красивыми ресницами. Казалось, все окружающее исчезло, а время остановило свой бег. Они не замечали того, что ветер, играя верхушками деревьев, ведет разговор с их ветвями и листьями. А те отвечают ему легким шуршанием, как бы боясь помешать тому, что сейчас происходило в сердцах и душах двух людей, молча сидевших под лесными кронами. Лю-Ань подняла глаза, и У-Пу почувствовал в ее искрящемся взгляде ответы на все беспокоившие его сейчас вопросы.

Ко дню рождения новой луны Лю-Ань привела У-Пу в свое родное селение. Дом, в котором Лю-Ань появилась на свет, сохранился, хотя заметно обветшал. С помощью соседей и дальних родственников его отремонтировали, и после совершения свадебного обряда У-Пу и Лю-Ань поселились в собственном доме, который на долгие десятилетия стал для них родным. От весны до лета и от осени до зимы…

Осень

Рядом с кувшином вина на низком столике красовались две маленькие изящные чашечки, на дне которых лежали лепестки хризантем. Лето уже начало уступать свои права осени, но она еще не проявила себя в всей красе. Дед и внук сидели в саду, наслаждаясь беседой, ощущая слияние с природой. Вокруг царила тишина, теплый ветерок поигрывал полами одежды, тихонько ворошил серебристо-белые пряди на голове деда и пытался разметать черные, как смоль, густые волосы внука.

Старик посмотрел на изящный узор чашек, а внук, поняв желание деда, осторожно взял кувшин в руки. Питье искрилось, янтарная струя медленно наполняла чашу. Старик вращал чашу в

ладонях, давая возможность влаге впитать в себя то, что содержали в себе лепестки хризантемы. Он знал, что вино приобретает терпковатый, но не раздражающий поднёбенье привкус. Этот привкус напоминал старику о том, что его жизнь давно миновала лето и осень и зима уже вступает в свои права. В его мыслях не было горечи, перед ним сидел его внук – продолжатель его дел и мыслей. Нет, остальных детей, внуков и правнуков он любил не меньше, но У-Шунь был его посвященным учеником – тем, кому надлежало продолжить дело жизни.

Старика все давно звали У-Цзы [12], и уже почти не было людей, которые бы помнили его настоящее, далекое имя – У-Пу.

Ему давно перевалило за девяносто, но разум его был ясен, а тело подвластно любому порыву мысли. Когда добрые глаза, окруженные ореолом морщинок, искрились смехом, его молчаливые губы расплывались в улыбке и обнажались крепкие, здоровые зубы. За свою долгую жизнь он ни разу не изменил своим привычкам, и все многочисленные невзгоды и потрясения, которые почти век обрушивались на него, так и не смогли согнуть его спину и плечи, подавить волю и поколебать принципы.

Старик улыбнулся своим мыслям, глядя на старую чашечку, не потерявшую своей привлекательности за многие десятилетия: краски, нанесенные умелой рукой мастера, прошедшие закалку огнем, выстояли, не потеряли первоначально задуманной целостности рисунка. Внук, глядя на старика, понял ход его мыслей и спросил:

– Позвать бабушку?

Старик улыбнулся и отрицательно покачал головой:

– Не надо. Пускай немного отдохнет. У нее сегодня был удачный, а значит, трудный день.

Лю-Ань, которой было далеко за восемьдесят, была единственной, кто называл мужа У-Пу, но чаще она звала его *мой У*. Маленькая, с сеточкой добрых морщинок на лице, она не потеряла своей былой живости и расторопности. Обучая дочерей, внучек и правнучек искусству ведения домашнего хозяйства, приготовления блюд, вышивания, она превращалась в молодую и веселую Лю-Ань.

Долгая совместная жизнь во взаимной любви и согласии приучила их понимать друг друга почти без слов, по жестам, взглядам, отдельным, как бы случайно сказанным словам. Большой опыт и достижения У-Цзы вряд ли были бы такими успешными, если бы рядом с ним не было его *маленькой Лю*.

Так У-Пу называл супругу, когда они были одни. Дети, внуки, соседи, все, кто знал их, часто не могли понять, как эти двое смогли пронести через всю жизнь чашу любви и взаимной

привязанности, не расплескав ее, а наполнив до краев.

У-Пу и Лю-Ань было суждено прожить еще почти десятилетие и в один день покинуть этот мир, ибо один не в силах был жить без другого, как Ян не может существовать без Инь [13].

А сейчас У-Пу беседовал с У-Шунем о непрерывности бытия, помогая своему преемнику постичь сложные законы Природы. Беседа незаметно текла, словно широкая река, течение которой едва уловимо. Вечер постепенно сменился ночью. Из дома принесли два светильника и нагретый халат. У-Пу вновь улыбнулся – маленькая Лю не забывала заботиться о том, чтобы всем в их большом доме было уютно.

Дед и внук вспомнили, как несколько месяцев назад были свидетелями необычного зрелища – поединка аиста со змеей. Аист, делая высокие прыжки, взмахивая крыльями, пытался схватить лапой и поразить своим длинным клювом змею, отскакивая в то же время от смертельных выпадов своего противника. А змея, ускользая от разящих ударов острого клюва птицы, свивалась в кольцо и, завораживая аиста изящно-замедленными движениями, неожиданно бросалась вперед и вверх, стараясь дотянуться до соперника и вонзить в него оба острых, изогнутых, как мечи, ядовитых зуба.

Схватка закончилась так же неожиданно, как и началась. Аист вдруг отскочил в сторону, встряхнул перьями, а змея, оставив птицу, последний раз зашипела, и оба соперника направились каждый в свою сторону. Змея, блеснув чешуей, скрылась, тогда как аист, оглядевшись и вычистив перья, взмахнул крыльями и перелетел на другое место.

Дома У-Шунь показал деду свиток с рисунками и записями движений. А затем они вместе плели тонкий узор новых упражнений, которым их учила природа. То учитель выполнял движения гордой птицы, а ученик подражал движениям змеи, то наоборот. Каждый раз вносилось что-то новое, упражнения приобретали законченность. И вот сегодня оба решили, что новый комплекс готов.

Когда ушли последние пациенты, которые почти ежедневно приходили или приезжали к старому врачу, дед и внук развернули свои заветные свитки, в очередной раз просмотрели записи, а потом долго отрабатывали упражнения, пока не почувствовали, что получили удовольствие от своей работы.

Они сидели в ночном саду. Около светильников роились мелкие летающие твари, собирающиеся на призывно манящий и губительный огонь, а над ними нависал небесный купол, усыпанный мириадами звезд. У-Пу помнил это небо. Оно было таким же над шалашом старика Даоса, над садом Чжан Чжун-Цзы

и над обителью мудрого наставника Бо-И. Оно было таким же и здесь, над его садом. Небо было таким же, но созвездия постоянно вращались, подчиняясь законам движения Чи [14].

У-Пу поставил на стол чашечку, взял тушечницу в виде хризантемы и свиток. Внук предупредительно подвинул к деду один из светильников, и в руках старого мастера заплясала кисть, оставляя на полотне свитка ровные столбцы иероглифов:

Движенье Чи безмолвно и всевластно,
И бег Вселенной подчинен ему.
Оно неясно телу и уму,
Но ощутимо – полно и прекрасно.
Движенье Чи – дыхание рожденья,
Из муки сладостной, из сна
Выходит в мир любовная волна
Страстей, и нежности, и перевоплощенья.
Движенье Чи, меняющее мир,
Себя собой создавшее от веку,
Вселенной данное и человеку,
Движенье Чи, объемлющее мир…

Кисть легла на стол, тушь медленно впитывалась, запечатлев строки, которые рука начертала по велению человеческой души.

У-Пу сделал последний глоток, и сладковато-терпкая влага обволокла нёбо. На дне чашечки остались лепестки хризантем с их горьковато-терпким привкусом, напоминающим о том, что лето уже закончилось и начинается осень.

У-Пу задумчиво поигрывал маленьким невзрачным талисманом серого цвета с блестящими вкраплениями. Его тайна была известна лишь ему. Дед обернулся к внуку, и вокруг глаз старого мастера расцвел ореол добрых морщинок, а в глазах вновь зажглись искры вечной молодости, искры жизни.

Конец пути

Сад мой весенний,
Ветка цветущая вишни
Склонилась над камнем…

Мастер У-Цзы вошел в зал спокойно, буднично. Если бы не серьезное выражение глаз, можно было бы подумать, что пожилой человек вошел в обычную жилую комнату, а не в зал для

медитации. Несколько ближних учеников ожидали наставника, заняв свои места у южной стены зала.

У-Цзы поклонился, входя в зал, и опустился на свое место напротив учеников. По команде У-Цзы все приступили к дыхательным упражнениям в положении сидя. Практически одновременно поднимались и опускались плечи этих людей, раздвигалась грудная клетка каждого, а диафрагма опускалась вниз, массируя внутренние органы и выпячивая переднюю брюшную стенку. А при выдохе мышцы брюшного пресса сокращались, диафрагма поднималась вверх, грудная клетка сжималась, а плечи опускались. Все дышали медленно, спокойно, сосредоточенно. Дыхание было тонким и свободным, размеренность его ритма способствовала сосредоточению. Различные системы дыхания сменяли друг друга. Вдруг У-Цзы хлопнул в ладоши и, подняв голову, посмотрел на одного из учеников. Тот поклонился и, прочитав отрывок из старого стихотворения, вышел на середину зала, замер лицом на восток, а затем на языке движений передал свою мысль окружающим.

Учитель и остальные ученики внимательно следили за разнообразными движениями. При этом у каждого возникал свой образ, и именно его надо было уловить, не приукрашивая и не доводя до ненужных тонкостей. Затем выходил каждый из учеников и с помощью жестов и движений передавал свои чувства и переживания. Когда последний ученик сел на свое место, все устремили свои взгляды на учителя.

У-Цзы не спеша поднялся, вышел на середину зала, поклонился своим ученикам, и его послушное тело, подчиняясь свободным мыслям, закружилось в медленном непредсказуемом танце, где каждый взгляд, жест, поворот головы передавал настроение, интонацию, чувство.

После того как У-Цзы вновь опустился на свое место, каждый из учеников взял кисть и на ученическом свитке сделал свои пометки, которые впоследствии должны помочь при возвращении к пройденному, быстрее воскресить необходимое настроение.

А тренировка продолжалась. Вновь одно за другим следовали дыхательные, специальные разогревающие и растягивающие упражнения, выполняемые вместе с дыханием. Сознание было спокойным, мысли текли свободно…

У-Цзы долго не мог заснуть. Он молча лежал, прислушиваясь к звукам ночи. Свежий ветерок приятно касался его лица и играл его сединами. Старый лекарь улыбнулся своим мыслям. Мир бесконечен, знания беспредельны, а жизнь вечна, пока существует мысль. И он является частью этой вечной бесконечности. Он,

старый У-Цзы, всю жизнь восстанавливающий и развивающий законы Хуа-То, а вернее, законы Дао, поставленные на службу людям. И тот молодой лекарь У-Пу, потерявший своего учителя и наставника именно тогда, когда занавес неведения только начал приоткрываться, раскрывая истинную сущность природных явлений.

У-Цзы за свою долгую и счастливую, хотя и трудную жизнь многому научился и многое постиг. Но вместе с этим постижением к нему пришло убеждение, что не все знания достойны того, чтобы передать их многим. Его великий учитель Хуа-То прекрасно это знал. Жизнь ценится только тогда, когда успехи достаются творческой работой, усилиями, переживаниями, пропущенными через собственное сердце.

Знаний достойны только те, кто искренне стремится к их постижению, кто не заведет школу в тупик убожества или чванства, кто сможет, обогатив знания своего наставника, продолжить его Путь и продвинуть школу ближе к неуловимому горизонту Истины.

У-Цзы улыбнулся собственным мыслям: старость воплощает в себе мудрый опыт, а силы и энергия остаются в юности и молодости, для того чтобы, приложив все возможные духовные и физические силы, пробить стену незнания. Путь наставника труден, порой неблагодарен и опасен, но всегда велик просветительским и духовным обогащением истинных учеников и последователей.

Звезды безмолвно взирали на седую голову старого учителя, в глазах которого светился огонек вечной жизни, когда-то незримо переданный ему уходившим в бессмертие Наставником. Истинный Путь никогда не прерывается…

Яблоко Бехайма

7009 г. от с.м. (1500 г. от Р. Х.)

Шестнадцатый век медленно и лениво накатывал на столь же медленно уступавший ему место пятнадцатый век от Рождества Христова. Мир, известный в конце двадцатого столетия как Старый Свет, раздирали противоречия в области религии, культуры и, как всегда, политики, а также денег и всего остального, что называется общественными проблемами. Они были всегда, и со временем их становилось не меньше, а больше. Это тоже закон жизни, данный свыше. Кем? Каждый решает этот вопрос сам, но общество всегда накапливает проблемы и практически никогда не может их эффективно и, что самое главное, вовремя решить.

Мартин Бехайм, знаменитый немецкий картограф и астроном, проснулся задолго до рассвета. Но не для того, чтобы его утренняя молитва была раньше услышана Богом, а для того, чтобы тупые, но исполнительные слуги инквизиции не прервали раньше времени его земного поприща…

Вчера после приема у короля Португалии, на которое он, Мартин Бехайм, был приглашен и присутствовал как лицо, официально входившее в аристократическую элиту королевства, получил маленькую записку, которую второпях передал ему невзрачный слуга одного из приближенных к королю дворян.

Мартин внимательно изучил ее и понял, что готовящаяся экспедиция вокруг Черного континента может быть сорвана или надолго отложена, но, что было особенно важно, может вообще не состояться. И не потому, что в очередной раз необходимо будет убеждать столь переменчивого в своих планах монарха, а потому, что один из многочисленных костров инквизиции, которые так любили возжигать в Испании, Португалии и во многих других европейских странах того времени, мог быть предназначен именно для его персоны. В свои сорок лет ему было прекрасно известно, что такое жизнь, и после уже двух больших экспедиций и множества дискуссий, которые ему пришлось выдержать и в которых он чаще всего одерживал победы, Мартин знал цену таким знакам внимания. Пренебрегать этим было невозможно.

Когда ему было разрешено в очередной раз приблизиться к королю, Мартин, улучив момент, коротко и связно рассказал о подготовке новой экспедиции и о тех ценностях, которыми он в

очередной раз сможет пополнить казну королевства. Лицо подозрительного короля, всегда настороженное, чуть смягчилось, а по надменным губам скользнула легкая улыбка. Бехайм воспользовался моментом, испросив разрешения перед длительным плаванием на благо короля и церкви ненадолго отбыть в родной город к доживающим свой век родителям.

Жена и дети Бехайма оставались в Португальском королевстве. Король удовлетворенно кивнул и властным жестом отпустил от себя человека, которого некогда возвел в дворянское достоинство и которому позволял следовать тем идеям, которые приводили огромное число других людей на костер инквизиции. Но этот германец приносил казне и лично ему, королю, такие денежные средства, которые перевешивали любые другие аргументы. Король милостиво улыбнулся Мартину и повернулся к следующему вассалу, низко склонившемуся перед властелином.

Бехайм сотворил молитву, быстро оделся, не забыв прикрыть тело, руки и ноги знаменитыми нюрнбергскими доспехами, и, закутавшись в плащ, вышел во двор. Оседланные лошади били копытами, а его верные спутники готовы были сопровождать своего господина хоть на край света, а в случае необходимости и отдать за него жизнь.

Мартин поудобнее устроился в седле и дал команду трогаться. Небольшой отряд покинул двор, построился колонной и, оберегая Мартина от возможных неприятностей, направился на северо-запад. Сейчас главным было как можно быстрее и незаметнее пересечь владения королей Португалии и Испании, а дальше все станет проще. Можно будет двигаться по границе владений французской короны: разноязычными швейцарскими кантонами, лоскутами немецких и австрийских владений. Благодаря этой чересполосице и вызванной ею необходимости сосуществования разных общественных образований, на этих землях уже укоренились открытость мнений, уважение к чужим традициям и представлениям о жизни.

ФРГ. Официальный визит. Гейдельберг, 1987 год. Без охраны – никуда

В этом заключалось важнейшее их отличие от религиозного и светского унитаризма и неколебимого соблюдения принципов веры, свойственных наихристианнейшим из католических королей Европы. Для Мартина попасть в руки португальских или испанских католических фанатиков означало практически одно и то же – мучительную смерть на костре. Так что ни величина отряда, ни ранний и скрытный отъезд, ни избранный маршрут не были случайными. Бе-хайм во всем привык действовать последовательно: так он готовил к отплытию корабли и так же размышлял над новыми явлениями, с которыми он сталкивался во время путешествий в неведомые земли и которые потом долго и старательно разъяснял далеко не самым глупым и бестолковым людям его эпохи…

Дорога петляла, то расширяясь, то пропадая и становясь еле заметной, словно узкая тропинка среди бурно растущей травы. Мартин улыбнулся своим мыслям. Господь даровал ему возможность думать и творить во благо истины, обогащая знания мира новыми открытиями и неслыханными до того идеями. Конечно, теория Колумба, а точнее, итальянца Джованни Колумбини, бежавшего в Испанию от суда «свободных» итальянских городов и которому стараниями покойной испанской королевы было позволено совершить плавание в Индию через

западные моря, наталкивала на возможность пересмотра идеи о том, что сотворенная Господом земля – это плоский диск.

Мартин внимательно изучил все, что было связано с плаваниями Колумба, как именовали его в Испании и Португалии, а также его сына и других доблестных и не очень доблестных, но всегда смелых мореплавателей. Колумб почти до конца жизни был уверен, что открыл западный морской путь в Индию, но в конце своего многотрудного пути усомнился в своем открытии, хотя именовался вице-королем Нового Света и сумел передать этот титул по наследству своему сыну…

В записках Марко Поло, который совершил путешествие в далекий Китай, а затем поплатился за свои знания долгим заключением и подвергся множественным процедурам церковных слушаний и судебных разбирательств, Бехайм почерпнул немало интересного. Некоторые древние ученые отмечали странные закономерности, которые в конце пятнадцатого века считались кощунственными и опасными для веры и церкви.

Мартин Бехайм, будучи сыном состоятельного нюрнбергского купца, получил прекрасное образование благодаря положению и передовым взглядам отца, а также благодаря независимому статусу города Нюрнберг, который уже несколько раз был столицей великих германских королей и императоров.

Маленький Мартин всегда с любопытством смотрел на величественный и неприступный замок, красовавшийся на вершине скалы, вокруг которой волнами растекался город Нюрнберг. Там, высоко над мощными и постоянно разрастающимися крепостными стенами, находился рыцарский зал великого Фридриха Барбаросса. Там ступала нога многих великих немецких королей и императоров, каждый из которых даровал могучему городу королевские привилегии, пополняя казну золотом и позволяя ремеслам и искусствам свободно развиваться, благодаря чему Нюрнберг на протяжении веков заслуженно прирастал мировой славой.

Земляки Мартина прославили свой город далеко за его пределами. Сапожник Ганс Сакский не только тачал обувь, но и писал стихи. Художник Альбрехт Дюрер, живший совсем недалеко от королевского замка, в богатом собственном доме рядом с оружейной башней, с которым Мартин еще мальчишкой посещал знаменитую школу борьбы Альтхоффера, писал прекрасные картины и создавал неповторимые гравюры, подводя под свое творчество не только божественное, но и научное начало и закладывая основы будущей классической школы живописного искусства. Его теоретические труды по искусству живописи положат начало новой «революции» в искусстве изображения.

Часовой мастер и механик Петер Хенлайн колдовал над совершенствованием часового механизма, стараясь довести свои *дозен урен* до размера, который позволял бы носить часы в кармане. Мартину не дано было узнать, что это удастся Хенлайну в 1510 году – он создаст часы, которые уместятся в руке человека и положат начало карманным часам. Но это произойдет через три года после смерти самого Бехайма.

А великие и порой безымянные нюрнбергские мастера-оружейники, которые ковали совершенно неповторимые и очень надежные доспехи, способные уберечь их обладателя не только от сильного удара мечом, но и противостоять мощным арбалетам и даже оружию, стреляющему благодаря пороховому зелью. Любой монарх Европы считал обязательным иметь в своей коллекции нюрнбергские доспехи. Они-то и предохраняли теперь Бехайма от неожиданностей, которые могли поджидать за любым поворотом или за стенами любого, даже маленького, городка…

Мартин обернулся: ему вдруг послышались приглушенные звуки топота копыт. Вдалеке действительно замаячили силуэты всадников. Мартин отдал короткий приказ, и трое его слуг, вооруженные мощными луками, скрылись за стволами деревьев, перекрывая фланг возможному противнику, а еще двое приготовили ружья с пороховым зельем. Маленькая кавалькада приближалась. Руки всех спутников Бехайма сами собой легли на рукояти мечей. Мартин внимательно всматривался в фигуры всадников на сильных лошадях, и чем ближе они были, тем быстрее проходило охватившее его волнение.

Теперь он легко мог рассмотреть великолепный плюмаж на шлеме всадника, ехавшего впереди на великолепном белом жеребце. Остальные наездники были одеты в костюмы придворных, некоторые были покрыты латами, которые не только защищали от нежелательных встреч, но и берегли дорогое платье от дорожной пыли и грязи.

Всадники подъехали и остановились невдалеке. Слуги перестроились, прикрывая своего господина. Белый жеребец пританцовывал на месте, и в такт его движениям покачивался белый плюмаж на шлеме с откинутым забралом. Из-под шлема на Мартина смотрели смелые глаза сильного и уверенного в себе человека. Сам Бехайм был без головного убора, а его шлем держал в руках оруженосец. Незнакомый рыцарь подал знак рукой, и его слуги помогли ему освободиться от стального шлема. Густые волосы водопадом упали ему на плечи, красиво обрамляя благородное лицо.

– Слава Христу! – произнес Мартин и чуть склонил голову в знак приветствия.

– Слава Иисусу Христу! – так же поклонившись, отозвался рыцарь.

Оруженосец каждого по очереди выехал вперед и представил своего господина. Когда стало ясно, что оба господина являются достойными слугами Христа, родовитыми и состоятельными господами, каждый подал команду своим слугам, и те присоединились к общей колонне, выйдя из своих убежищ и перестроившись из боевого порядка в походный. Теперь группа почти удвоилась, что делало дорогу более безопасной, так как даже в случае, если погоня будет организована и настигнет Мартина, второй рыцарь обязан будет защищать своего брата во Христе и рыцаря по законам рыцарской чести, невзирая на то, кто на него нападает. В противном случае рыцарское сообщество быстро разнесет эту весть, и репутации трусливого рыцаря быстро настанет конец. Ему останется только покончить с собой или уйти в монахи и принять один из тяжелейших обетов для вечного искупления грехов.

Рыцарь следовал на свадьбу своего брата, поэтому в его повозке было множество дорогих подарков, часть которых их далекие предки привезли еще из Крестовых походов. И вот теперь старший брат передавал часть семейных ценностей младшему брату по завещанию их деда и отца. Невеста брата происходит из старинного и знатного рыцарского рода, и ее семья дает за ней большое и богатое приданое. К тому же земли родителей невесты соседствуют с замком брата рыцаря, и теперь их общий надел практически удваивается.

Сам король Испании дал согласие на этот брак, и церковь официально освятила его своей печатью – на венчание приедет один из именитых епископов, который должен также впоследствии крестить их детей и вводить в лоно церкви Христовой. Рыцарь торопился, и это было на руку Мартину – только быстрая езда могла его сейчас спасти, унося как можно дальше от королевского двора с его вечными интригами, от проблем веры и религиозных диспутов с их пустыми и нудными прениями.

Мавзолей великого вождя

Экспедиция готовится в соответствии с указом короля. Деньги хотя и медленно, но регулярно выделяются, корабль, который должен принести Мартину новую славу и новые богатства – покровительствующему монарху, модернизируется по его, Мартина, чертежам. Сейчас необходимо сделать небольшую передышку в родном доме. Поговорить с мудрыми и уважаемыми горожанами. Выслушать мнение ученых, для которых он не чужак, которому король даровал высокий дворянский титул и привилегии, а просто сын старика Бехайма, который еще мальчишкой бегал по нюрнбергским улочкам, посещал с семьей соборы во время проповедей и служб, помогал отцу привозить товары и раскладывать их в хранилищах большого дома. Он знал, что его идеи находят отклик не у всех горожан, но положение семьи Бехайм в Нюрнберге и его нынешнее положение не позволят недоброжелателям испортить его репутацию или создать сложности, наподобие тех, которые он часто испытывал при португальском дворе.

Менялись дороги, сменялись попутчики, но небольшой отряд неустанно двигался на северо-восток, а покинув владения испанской короны – на восток, лавируя между границами французских, гельветских и все чаще встречающихся немецких

владений. Вот уже немного осталось до родного города, вот уже послышался с детства знакомый говор нюрнбержцев.

Мартин остановился на последний ночлег совсем недалеко от стен родного города. Все путники старательно приводили себя и лошадей в порядок, чистились, готовили самое дорогое платье, многократно проверяли конскую сбрую. Мартин совершил вечернюю молитву и заснул в предвкушении завтрашнего въезда в город. Он заранее отложил сумму денег, которую передаст городской казне на развитие родного города – это заметно утихомирит тех, кому не нравятся его возвышение и его научные идеи, а магистрат и совет города пополнят обширные ряды его многочисленных сторонников.

Утро выдалось ясным и солнечным. Когда Бехайм вышел во двор, весь его эскорт застыл при полном парадном облачении в ожидании приказа своего господина. Мартин поудобнее уселся в седле, поправил плащ. Оруженосец аккуратно распределил складки плаща по крупу коня. Шлем Мартина красовался в руках оруженосца, а сам Мартин с непокрытой гордой головой великолепно смотрелся на прекрасном рослом испанском жеребце – подарке самого короля Португалии. Любимые парадные доспехи Мартина лучезарно сияли на солнце, подчеркивая величие и славу их обладателя. Отряд построился в колонну, и всадники, приосанившись, двинулись к стенам Нюрнберга.

Въезд состоялся через главные старые ворота города: это позволяло проехать через весь город снизу вверх, переехав через величественный мост, чуть задержаться у Николаус-кирхе и, поговорив с бургомистром города, вручить ему дорогое серебряное блюдо с увесистым кошельком, набитым золотыми и серебряными монетами. Множество горожан были свидетелями этого действа, и назавтра весь город будет уже судачить о такой новости.

Мартин добрался до родного дома. Ворота как бы сами собой распахнулись, впуская всадников, но Бехайм-младший остановил своего коня и, спустившись на землю, преклонил колено перед порогом дома родителей, давших ему жизнь. Совершенно седой старик, опирающийся на палку, одетый в дорогой халат, трясущимися руками обнял сына и прижался к стальным доспехам на его груди. Матери уже не было в живых, а отец все так же, как много лет назад, суетливо бегал по дому, подгоняя младших братьев и домочадцев, так же учил их искусству торговли. А в свободное от деловых забот время, водрузив на нос дорогие очки с венецианскими стеклами, читал у окна старинные книги. Все было как всегда. Вот только спина отца все больше

сгибалась под тяжестью лет, братья становились все старше, все больше маленьких детей бегало по покоям дома и играло во дворе, да увеличивалось число пристроек к старому дому.

Знакомые с детства запахи щекотали нос, из кухни распространялся соблазнительный аромат готовящейся пищи и дорогих пряностей. Все суетились и вертелись вокруг прибывших, словно планеты вокруг главного светила. Мартин поднялся в свою комнату и отпер дверь. Здесь все было так же, как несколько лет назад, когда он последний раз был дома. Самое ценное, что он имел, размещалось в большом сундуке, обитом железом. Мартин открыл замок, извлек из недр хранилища плод своего беспокойного ума, свое изобретение – земное яблоко. Это был большой кожаный мяч, чуть приплюснутый сверху и снизу, с картографическим изображением Земли, весь покрытый рисунками и географическими названиями. Мартин водрузил его на подставку и поставил на стол. Затем сел в любимое кресло и начал, не торопясь, рассматривать испещренную рисунками поверхность, хотя знал их наизусть.

Когда-то, во время еще первого плавания, он тщательно замерял все показания и аккуратно записывал данные в большую книгу, сравнивая скорость ветра, положение корабля и склонения, вычисляемые с помощью астролябии. Он хорошо изучил законы движения планет и те закономерности, которые Господь установил для Вселенной и которые даровал человечеству. Он верил в божественный разум, верил в нерушимость религиозных устоев, но не мог принять тупости и недальновидности высшего духовенства, алчущего лишь новых податей и выискивающего скверну во всем, что несообразно их представлениям.

Ересью могло стать все, что угодно, все зависело от сегодняшних капризов или личных амбиций отцов церкви. Бехайм конечно же прекрасно знал запрещенные теории Коперника и Джордано Бруно. Он разгадал некоторые секреты, дарованные скандинавами Колумбу, который в начале прошлого десятилетия, рассчитав судовой запас и психологические возможности моряков, а также используя свои знания в области сезонных ветров, сумел пересечь Великий океан и открыть новые земли.

Но сам Бехайм нашел много странного и непонятного в своих вычислениях, что помогло ему понять, что Земля не шар, а нечто слегка приплюснутое сверху и снизу. Но как тогда назвать эту форму чуть неправильного шара? Детские воспоминания открыли ему дорогу к истине: яблоко, которое чуть вдавлено сверху и снизу, – вот на что похожа наша Земля. Так он создал свое «яблоко Бехайма», и тогда понятными стали погрешности в

измерениях, которые были бы невозможны, будь Земля идеальным шаром. Ведь, в отличие от своих коллег-мореплавателей, Бехайм совершал плавания не с запада на восток и обратно. Он бороздил Великий океан с севера на юг и обратно, что и позволило ему произвести те вычисления, которые не были доступны ни Поло, ни Колумбу, ни Америго Веспуччи.

Каждый раз, возвращаясь домой, Мартин наносил новые данные на свое творение, дорисовывая те острова и контуры материков, которые открывались его взорам или даровались миру Христову другими первооткрывателями.

Отец Мартина, тяжело дыша, вошел в комнату старшего сына и молча смотрел на своего первенца, добившегося так многого в жизни. Мог ли он мечтать, что его сын станет дворянином португальского короля и его внуки будут носить аристократический титул? Отец конечно же не понимал идей своего сына и очень боялся, что эти идеи рассорят его с церковью. Поэтому уговорил сына не возить свое *яблоко* в Португалию, а спрятать его в надежном сундуке в родительском доме. Авторитет Бехайма-старшего в Нюрнберге был столь фундаментален, что опасное изобретение сына можно было хранить в отцовском доме, а вот оглашать свои идеи в другом королевстве было крайне рискованно.

Старик подошел к сыну и сухой трясущейся рукой провел по его волосам. Сын перехватил руку и припал к ней губами. Старик часто заморгал и, приставив палку к креслу, смахнул слезу с морщинистой щеки. Ему осталось жить совсем недолго, и последнее свидание с сыном было для него подарком Господа перед уходом в вечность.

А сам Мартин? Ему суждено прожить еще семь долгих лет, совершить еще одно долгое и мучительное путешествие, обогнуть знаменитый и страшный мыс Бурь, который много позднее назовут мысом Доброй Надежды. Многие его открытия в течение последующих пяти столетий многократно будут оспаривать, упрекая во лжи, ереси, подтасовке фактов, нарушении Божьих канонов, разрушении стройной и логично-бездумной теории божественного строения мира. Все это еще будет. Как будет и то, что он сделает первым из землян – найдет обоснования элипсовидности Земли. Все это будет.

А сейчас он мог себе позволить вдыхать запах родного дома, вкушать его гостеприимство, чувствовать, как в детстве, на своей голове руку отца. В национальном музее германистики его далекие потомки объявят чудом сохранившийся оригинал *Яблока Бехайма*, которому суждено было пережить ужасы Тридцатилетней войны, которая разразится в раздираемой

религиозными противоречиями Европе через сто десять лет после его смерти и которая унесет до трети населения Германии. Картографическому шедевру Бехайма удастся также пережить смуту *галантного XVIII века* и нашествие Наполеона, объединительную агрессию Пруссии в XIX веке и две мировые войны в XX столетии по христианскому календарю. Все это еще будет.

Моя охрана: сержант СВАТ Артур Бушби и мой личный пилот

А пока на границе восьмого и девятого веков от Сотворения мира, на рубеже двухтысячелетней буддийской истории, на границе полуторатысячелетней христианской истории, на границе девятого века мусульманской истории Мартин Бехайм наслаждался кратким покоем перед очередными морскими и житейскими бурями. Оставим же его в лоне семьи, чтобы он смог проститься и с отцом, и с закатывающимся веком рыцарства, и позволим ему убедиться в правильности мыслей, подсказанных ему великим и жизнеутверждающим солнечным светом…

Все началось с Имхотепа

Мир был сотворен в 5509 году до нашей эры.

Возможно, истина

Клятва начиналась старыми словами, мистическими и серьезными, как и все, что несет на себе печать веков: «Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием…»

2919 год от с. м. (2590 год до н. э.), лето…

Имхотеп не мог себе представить, что в с течением времени будет отождествлен с образом бога врачевания Асклепия и его имя будет навечно запечатлено на скрижалях истории как имя первого гения человечества в области военной политики, религии, медицины, архитектуры и основоположника традиции постройки пирамид. Но все это будет только потом…

А сейчас у Имхотепа было много работы. Он возводил пирамиду, первую усыпальницу нового типа в истории человеческой цивилизации, – пирамиду фараона Джосера. Властители всегда загодя готовились к встрече с богами и старались, чтобы эта встреча стала столь же величественной и помпезной, как и все их прижизненные дела.

Имхотеп поудобнее устроился в кресле и повернул подставку с закрепленным на ней золотым зеркалом с множеством отверстий разной величины. Развернув пластину под небольшим углом к яркому полуденному солнцу, он внимательно следил за рисунками, которые образовывали солнечные лучи на отполированной поверхности небесного камня, упавшего с неба. Медленно вращая подставку, Имхотеп наконец нашел положение, которое его интересовало. Отблеск одного из отверстий давал совершенно неповторимое отражение.

Человек внимательно присмотрелся к тому, что рисовало солнце. Взгляд его словно проникал в глубь отшлифованной поверхности, на которой переливалось неповторимое сияние. Вот из отблесков выплыло творение, которому Имхотеп посвятил столько лет жизни и которое впоследствии дало толчок к развитию одного из семи чудес света. Рука машинально

поднялась к подбородку и слегка погладила ухоженную бороду. Мысли мудрого человека текли неторопливо. Солнце словно застыло в зените. Как многого еще не знают эти люди, как многому их нужно еще научить.

Имхотеп усмехнулся собственным мыслям: ему, представителю цивилизации Белого Солнца, дано было подарить людям то, чего они до него не знали. Он медленно повернул подставку и, найдя нужное отверстие, пригнулся, глядя на солнечный диск. Солнце разбросало лучи вокруг золотого края отверстия и, погасив себя самоё, позволило глазу, почти не щурясь, любоваться собой.

Красавец Пхеньян с высоты птичьего полета

Верховное божество дарило такой милостью далеко не всех. Когда глаз привык к яркому рассеянному свету, Имхотеп увидел корону многочисленных отсветов вокруг солнечного диска. Светило покрылось непонятными пятнами, которые то растворялись, то вновь всплывали на его поверхность. Вот пляшущие пятна стали сливаться в некий рисунок, и наконец отчетливо проявилась форма цветка – значит, в основании пирамиды будут полуколонны, увенчанные лотосом.

Джосер достоин увековечить третью династию фараонов своими великими достижениями, а лотос будет воплощением его могущества и чистоты помыслов, направленных на укрепление

своей державной власти. Фараон тщеславен и порой капризен, но он верховный правитель, и призвание Имхотепа – использовать власть фараона для того, чтобы воплотить все, что ему определено судьбой. Правда, полуколонны будут тщательно скрыты в конструкции стен гробницы, которой суждено еще несколько раз достраиваться и совершенствовать свой облик. Это позволит скрыть все солнечные знаки от алчных глаз людей и таким образом сохранить их навсегда. Ведь усыпальница фараона может быть разграблена, но подлинные небесные знаки должны быть спасены, даже если люди разрушат творение Имхотепа.

Пирамида будет поистине великолепной и величественной, высотой примерно в триста локтей. Пять первоэлементов жизни станут ее ступенями, а шестая ступень будет венчать все сооружение, как солнце венчает земной небосклон и дарит населению этой планеты многие радости и невзгоды. Соотношение высоты каждой ступени к основанию пирамиды и общая высота пирамиды будут возносить к небесам любого смотрящего на нее и заставлять его задуматься над безысходной бренностью мира, величием власти фараона и безграничным разумом творца земных существ.

Имхотеп закрыл глаза и предался размышлениям. Несмотря на прикрытые веки, солнце стояло у него перед глазами. Оно остановилось у него в сознании, позволяя и дальше получать ту информацию, которую оно посылало своему слуге. Просидев так какое то время, Имхотеп открыл глаза и, почувствовав легкий ветерок, который словно заблудился в колоннаде его дома, потянулся к изящной медной палочке.

Поднявшись из кресла, он подошел к каменному столу, на котором лежали папирусы с чертежами устройств для доставки и укладки огромных каменных плит одну на другую. Имхотеп внимательно смотрел на механизм и аккуратно водил медным стилом по рисунку, почти касаясь изображения. Вот в этом месте необходимо создать еще большее усилие, и стило оставило небольшой значок на поверхности папируса. Далее. Рука медленно проходила круг за кругом, глаза внимательно следили за линиями и значками. А в этом месте необходимо изменить угол наклона. Опять на папирусе появился маленький значок.

Весь замысел пирамиды Имхотеп держал в голове, не доверяя папирусу, на котором вычерчивал только схемы приспособлений для постройки и доставки камней. Все, что фараон должен был взять с собой в длительное путешествие по реке вечности, Имхотеп распределял по специальным комнатам подземного дворца властелина, сообразуясь с законами движения планет на небесной сфере, которые мастер кропотливо фиксировал для

будущих поколений.

Имхотеп сделал еще несколько пометок на последнем папирусе и хлопнул в ладоши. Сразу же в дверях зала появились слуги, которые бережно упаковали папирусы в специальные сундуки и вынесли их во внутренние покои.

Имхотеп поднялся и, пригладив бороду, распорядился нести его во дворец фараона. Крытые носилки-паланкин, плавно покачиваясь, доставили его к тому, кто был вдохновителем большинства его исследований, мыслей и планов.

Во дворце царила суматоха – сегодня должен был состояться торжественный обед. Фараон ждал визита верховного жреца и готовился принять посла богов так, чтобы те убедились в его искреннем почтении по отношению к могущественным верховным существам. Перед Имхотепом все услужливо расступались и кланялись, провожая его восхищенными взглядами. Молва о его всесилии и непостижимых знаниях распространялась со скоростью ураганного ветра в пустыне, и все мгновенно узнавали о тех невероятных и ужасающе-манящих тайнах, которые боги открывали этому смертному. Сам фараон выслушивал Имхотепа с таким уважительным вниманием, какого он не выказывал никому из вельмож.

Имхотеп степенно следовал по знакомым покоям дворца, приближаясь к золотым воротам, за которыми располагался тронный зал правителя. Воины у дверей зала почтительно расступились и склонили головы в уважительном поклоне. Пришедший имел право входить к фараону в любое время, даже без приглашения.

Фараон восседал на своем троне и принимал доклад одного из жрецов о готовящемся пиршестве и его продолжении завтра уже в стенах храма. Вошедший почтительно остановился в дальней части зала, не приближаясь к трону и давая возможность фараону выслушать доклад жреца до конца.

Владыка увидел того, кого Мемфис безмерно уважал и еще более боялся. На почти непроницаемом лице повелителя мелькнула тень улыбки. Он жестом остановил говорившего, велел ему выйти и подозвал к себе Имхотепа.

Спецназовский интернационал

Когда ритуал приветствия был завершен и Имхотеп доложил о ходе строительства пирамиды, фараон заговорил о том, как ему видится его путь по реке мертвых в вечное царство теней. Слушая его, Имхотеп мысленно пустился в рассуждения о том, что и ему через какое-то время придется совершить такое же путешествие. И что фараон, несмотря на свое божественное происхождение, так же смертен, как и он.

«Властитель царствует уже восемнадцать лет – это знак двух священных девяток, – думал Имхотеп. – Значит, ему осталось совсем немного. Фараон не переживет священного числа трех семерок. Ему отведено для наслаждения земной властью еще один или два года».

Внешний вид и знание внутренних процессов, происходящих в теле фараона, подтверждали эти вычисления. Кожа на лице владыки, несмотря на все притирки и благовония, масла и компрессы, постепенно утратила свою былую упругость. Мышцы его тела слабели, а само оно постепенно все больше теряло присущую мужской зрелости форму, оплывая и обрастая лишним жиром. Печень фараона страдала от его неумеренности в желаниях. Неуемная жажда власти и пороки губительно сказывались на сердце и легких. Чрезмерное употребление

специй, приправ и пряностей вместе с ненормальным питьевым режимом губило почки…

Кости становились более хрупкими, в глазах все чаще проскальзывал огонек безысходности. Процедуры созерцания солнца через волшебные пластины давали все меньше эффекта и вскоре уже станут совсем ненужными…

«Сколько бы ни осталось идти земным путем властелину, – размышлял Имхотеп, – вскоре мне предстоит совершить иное таинство».

Тело его будет обмыто в специальном настое из цветков лотоса, затем ненадолго опущено в ванну со смесью специальных солей. После этого помощники извлекут из него внутренности, а Имхотепу предстоит кропотливая работа по извлечению содержимого головы, не повреждая внешних оболочек. Когда все будет завершено, внутрь будут заложены специальные благовония из трав. И бальзамом будет смазано все тело, сшитое тонкими веточками. Когда все будет исполнено, тело в полночь перенесут в секретную комнату, имеющую форму пирамиды, которая уже давно приготовлена в доме властелина. Тело будет уложено в центре пирамиды на мраморном столе и засыпано специальной смесью, рецепт которой хранится в строжайшем секрете. Здесь тело будет покоиться до нового полнолуния, когда смесь будет удалена и заменена новой, а старую тайно вывезут и той же ночью сожгут в специальной печи вместе с теми, кому это будет поручено. Новая смесь покроет тело фараона до следующего новолуния. Тогда оно будет извлечено из пирамиды, а смесь будет все так же тайно сожжена…

Внутренности все это время будут храниться в особом винном растворе, залитом в специальные сосуды с изображением солнца на дне и боках емкостей. Тело будет продолжать бальзамироваться, часть внутренностей займет свое привычное место внутри тела, а другая часть, помещенная в священные сосуды, будет храниться в секретном хранилище чуть в стороне от основного зала.

Высушенные частицы мозга будут измельчены, и этой пылью будет осыпана почти готовая мумия. Есть еще несколько процедур, которые необходимо будет проделать самостоятельно, не доверяя их ни жрецам, ни помощникам. После этого необходимо испросить разрешения у Солнца, и если край светила и пятна на нем создадут нужную картину, то можно будет готовить мумию к одеванию в специальные ткани, которыми она будет многократно обернута.

Каждый слой ткани будет предварительно пропитан специальным бальзамирующим и клеевым составом, что сделает

мумию почти неуязвимой для времени и сохранит в почти первозданном виде природную свежесть фараона, которой властитель уже не обладал в последние годы жизни.

Затем мумию уложат в первый гроб, плотно подогнав крышку, не оставляя практически никакого зазора между мумией и стенками. После этого гроб будет опущен в другой гроб, а тот в еще один, а затем еще, и наконец, все будет вложено в саркофаг из золотых пластин и драгоценных камней с изображением подвигов фараона, совершенных им при жизни. Этот гроб будет положен в еще один гроб из могучего ствола дерева, готового хранить свое содержимое многие века и даже тысячелетия.

После всего этого гроб будет внесен в один из залов пирамиды и оставлен до ближайшего новолуния, когда его перенесут в специальную секретную комнату и, оставив там все, что полагается, замуруют. При этом в специальных покоях пирамиды будет замурованы останки всех, кто принимал участие в обрядах и процедурах подготовки мумии. В живых останутся только несколько ближайших учеников Имхотепа и несколько жрецов – всем остальным уготовано долгое путешествие вместе с властелином…

Имхотеп дослушал пожелания фараона и, поклонившись, согласился с мудростью правителя, который глубоко проникся волей богов. Этому человеку не стоило говорить об истинах, которые были открыты Имхотепу цивилизацией Белого Солнца. Эти знания давали земным царствам величайшие преимущества, спасая от тяжких недугов, позволяя возводить строения, равных которым не будет и через несколько тысячелетий, а также позволяя использовать закономерности природы и отнять часть полномочий у всесильных богов.

Но эти же великие знания давали возможность одной части цивилизации быстро уничтожить другую часть той же цивилизации или столь изощренно и аргументировано уничтожать всех подобных себе. Всегда оставаясь на виду и в то же время в тени, им предначертано на долгом историческом пути бороться с самими собой, просчитывая каждый свой шаг во взаимоотношениях с властью и каждую минуту ожидая покушения на свою жизнь. Что ж, всегда трудно дозировать то, что ты знаешь и стараешься отдать тем, кто еще не дорос до этих столь же простых, сколь и великих истин.

Имхотеп вернулся к себе, довольный встречей. Он получил подтверждение тех идей, которые оформились в его сознании. Солнце уже клонилось к западу. День был прожит не зря, а значит, можно было посвятить вечер новым размышлениям о

природе болезней, которые поражали людей и от которых люди не могли спастись.

Имхотеп завершил легкую трапезу и перешел в комнату, где с удовольствием углубился в старые манускрипты, начертанные полузабытыми символами. Жрецы уже не могли полностью прочесть содержание этих древних текстов. Но для Имхотепа это было несложно. Единая природа древнего языка и те знания, которыми он обладал, делали возможным передать эти древние знания будущим поколениям. Но просто передавать то, что было создано до тебя, без пополнения этих знаний, – значит обеднять истины.

Пока солнце не коснулось края земли, Имхотеп продолжал изучать древние манускрипты, дополняя их своими мыслями и выводами, сделанными им за продолжительную и интересную жизнь. Зажглись светильники, и манускрипты исчезли в огромных сундуках, услужливо убранные туда слугами.

Теперь на смену солнцу явились звезды, и наблюдение за ними породило новую волну мыслей и выводов. Небо рассказывало о том, что произойдет на земле завтра, послезавтра, через много лет, то, что будет повторяться каждый отрезок времени, и то, что, появившись однажды, не повторится никогда. Веки Имхотепа постепенно стали тяжелеть. Мудрец вздохнул и, поднявшись, не спеша отправился в свои покои.

Как сложно утверждать истины, когда люди так любят обманывать себя сами и так не любят вникать в новые знания, опасаясь приобщения к ним. Имхотеп хорошо знал это, ведь его наставники так много говорили ему об этом в юности, и теперь он сам медленно и осторожно продирается сквозь заросли людской неграмотности, ограниченности и самодостаточности.

Имхотеп вздохнул и улыбнулся своим мыслям. Люди готовы вознести тебя до небес тогда, когда ты уже прошел большую часть своей земной жизни и звезды твоей судьбы уже начинают клониться к закату. Но добиться этого признания стоит очень и очень дорого. Это стоит многих десятилетий усилий, стремлений и страданий, непонимания, ненависти и опасного любопытства властителей.

Имхотепу пришлось через все это пройти. Стоит ли жизнь и признание таких усилий? Имхотеп уже давно не думал об этом. Его страсти теперь кипели только в области вечных истин. Хотя в молодости он тяжело переживал умственную глухоту окружающих, их неспособность и нежелание прислушаться к голосу разума. Теперь он не имел причин опасаться непонимания со стороны окружающих: его слушали с вниманием и окружали почестями, отдаваемым только фараону и богам.

Москва, середина 90-х. Обеспечение безопасности столицы с воздуха

Но порой от всего этого ему становилось тоскливо и скучно. Имхотепу просто хотелось поболтать с теми, с кем он провел юность и молодость, с кем вступил в более зрелые годы. Но увы, многие из них уже путешествуют по реке вечности, многие заброшены волею фараона в дальние страны, а кто-то остался на дне жизни, в той ее части, к которой он уже не имел касательства.

Имхотеп вновь улыбнулся своим мыслям – на склоне дня люди склонны к размышлениям, особенно когда не хватает близких по уровню знания людей, с которыми хочется общаться или просто видеться как можно чаще…

Вскоре Солнце вновь появится с востока, одаряя людей разумом, новыми чувствами, мыслями, желаниями, эмоциями, даря все, что отличает жизнь от ее обратной стороны. И продолжится жизнь. Сон пришел легко и быстро, растворив сознание и грезы в едином пространстве мгновенно-вечного небытия…

2919 год от с. м. (2590 год до н. э.), осень

Имхотеп открыл глаза. В углу комнаты, тихо потрескивая, горел масляный светильник. Он окинул взглядом знакомое помещение и остановил его на окне. Розовая полоска Солнца только начала выступать над краем земного диска. На небесном

склоне все еще помигивали мириады звезд. Имхотеп глубоко вдохнул свежий утренний воздух и почувствовал во рту, как ему показалось, новый, незнакомый ранее привкус. Он бросил взгляд на небо и запомнил положение планет. Затем хлопнул в ладони, вызывая слугу в покои. Когда тот появился, пророк вытянул в его сторону руку, и послушный раб вложил в нее стило.

Имхотеп сделал несколько записей на папирусе, а когда запечатлел свои мысли, отправился умываться и приводить себя в надлежащий для посещения дворца фараона вид. Он уже знал, что произошло сегодня перед рассветом, и мог предположить, что сейчас творится в покоях правителя. Сейчас главным было увидеть все окружение бывшего властелина и почувствовать, кто будет его наследником, чтобы рассчитать его гороскоп и проверить, насколько звезды готовы помогать новому владыке.

Имхотеп не имел права ошибаться в своих расчетах и действиях. Его искусство позволяло сохранить цивилизацию, хотя разумом он понимал, что пройдет время, и его ныне могучая цивилизация обратится в прах, оставив после себя лишь то, чего не смогут разграбить алчные руки потомков, и то, до чего будет трудно добраться новым людям с их новыми верованиями и неизменным желанием объявить прежние верования ложными и злокозненными. Такова была природа людей, хорошо известная Имхотепу.

Он вдруг остановился. Слуги, помогавшие ему облачиться в парадные траурные одежды, также остановились и отступили с поклоном. Их хозяин размышлял, а это был священный процесс. Имхотеп несколько раз коснулся своей бороды и провел ладонью по подбородку. Да-да, сегодня ведь начинается новая эра! Он еще раз посмотрел на свои записи, а затем взглянул на солнечный диск, который уже выкатился из-за края земли и медленно восходил на небесный трон, затмевая собой ночной хоровод звезд.

Вот он свершается, переход к новой эре. Вот оно, незаметное и невидимое для глаз людей изменение хода времени, которое обязательно скажется на грядущих поколениях! Вот почему правитель не пережил сегодняшней ночи, и сейчас в его покоях уже началась ожесточенная схватка характеров, воли, алчности и властных устремлений. Каждая группировка хочет видеть на троне нового правителя, который был им ближе.

Имхотеп знал имя того, кто на ближайшие пару десятков лет останется правителем, хотя его братья поначалу будут роптать и пытаться что-то изменить в новом положении дел. Но когда большая часть из них отправится в мир иной вслед за отцом, а произойдет это достаточно быстро и неожиданно для многих,

оставшимся останется только сдувать пыль с подножия трона нового правителя и отринуть все мысли о возможности когда-нибудь его занять. Их будет интересовать только вопрос сохранения жизни.

Да, все это будет многократно повторяться, и каждое последующее поколение будет пополнять список новых правителей с их заслугами, успехами, открытиями и преступлениями. Так будет повторяться до тех пор, пока новая нарождающаяся цивилизация не поглотит прежнюю, возможно, сметая до основания все ее прежние достижения и успехи, прервав связь веков и уничтожив сам язык, на котором говорили предшественники. Но пройдет очередной цикл времен, и очередная новая цивилизация так же расправится с предыдущей, словно мстя ей за совершенные грехи и преступления, и так же не оставит камня на камне от своих предшественников.

Имхотеп горько усмехнулся: как тяжело жить со всем этим грузом знаний. Но его невидимая цивилизация останется навсегда растворенной в будущих поколениях. И в этом ее спасение, хотя каждый из представителей его цивилизации обречен испытывать на себе обожание, ненависть и непонимание современников. Такова судьба его предшественников, братьев и последователей. Они будут лечить и убивать, предрекать и обманывать, познавать истину и скрывать ее даже от самых близких людей… Это их удел и судьба, а значит, и его тоже.

Имхотеп резко повернул голову и отдал слугам приказание. Голос его звучал отрывисто и строго: все, что необходимо для процедуры мумификации правителя и подготовки его для путешествия в царство теней, должно быть немедленно приготовлено. Слуги послушно приняли наказ и тихо удалились. Имхотеп взглянул в свое отражение в зеркале, этом волшебном предмете, способном передавать изображение всего, что попадало на него.

Он знал, сколько осталось лично ему идти земным путем, и от этого не становилось страшно, как в детстве, когда отец открыл ему первую истину земного существования: все живое смертно! Тогда он проплакал всю ночь, не в силах понять и до конца прочувствовать, как же можно существовать, жить и действовать, сознавая, что пройдет время и его вдруг просто не станет! Теперь он только мягко улыбнулся самому себе, и сеточка морщинок вокруг его глаз стала еще заметнее.

Смена времен, чередование одной эры за другой – это истины, которые мы можем игнорировать, но они никогда не игнорируют нас. Мы просто однажды исчезнем, а время продолжит двигаться своим неподвластным нашему сознанию путем. Мы можем лишь уничтожить себя, но остановить движение времени невозможно. Так же, как невозможно остановить умирание Солнца, верховного для Имхотепа и его братьев по вере существа. Когда его время закончится и свет его перестанет оживлять все, что входит в сферу его влияния, звезды будут одна за другой падать на него или разрушаться от иных процессов. А затем все, что останется от некогда могучего светила, подчиняясь могучим законам Вселенной, войдет в связь с новым верховным правителем и, подчиняясь его воле, будет либо уничтожено, обратившись в первозданный прах, либо оживлено для каких-то новых свершений в орбите нового светила.

Но это произойдет не скоро. А сегодня Солнце уже согрело землю своими смертоносно-живительными лучами, и теперь можно отправляться во дворец и, проведя все процедуры траурной церемонии, произвести обряд приготовления мумии фараона, которой предстоит еще долго жить в будущих веках. А затем? А затем все пойдет своим чередом, и ему, Имхотепу, предстоит достраивать свою знаменитую пирамиду, которую люди будущего назовут пирамидой Джосера и которую Имхотеп сооружал почти три десятка лет. Ему предстоит еще великое множество деяний, не все из которых дойдут до далеких потомков, но которые впоследствии возведут его в ранг богов и

включат его имя в текст многих молитв и заклинаний как эталон всестороннего и высочайшего искусства, которого смог добиться при жизни человек.

Рабы несли носилки Имхотепа по знакомым улицам города, но мыслями он был сейчас далеко отсюда. У него редко случались такие паузы, и теперь он мог, по крайней мере по дороге от дома до дворца фараона, собрать и подвести итог одолевавшим его мыслям. Имхотеп знал, что его рождение совпало с границей первой трети земной цивилизации, а до конца ее оставалось еще вполне достаточно времени. Если, конечно, люди не ускорят этот процесс своей невоздержанностью в погоне за новыми и очень опасными открытиями. Паланкин мерно покачивался, ветерок легко поигрывал занавесками, и Имхотеп наслаждался тем, что называется «вечным сейчас», – тем, что у нас есть всегда, и тем, что мы так редко ценим. Но это тоже жизнь, и она продолжается…

Вкус жизни
Повесть

Взгляд Шефа медленно скользил по фигуре вошедшего. Дорогие и удобные туфли, великолепный костюм из престижного салона, тонкое фирменное полотно сорочки, стильная золотая заколка воротника с небольшим бриллиантом. Воздушная волна докатилась до Шефа, принеся с собой тонкий аромат стильного мужского одеколона фирмы «Кристиан Диор». Шеф мягко улыбнулся и остановил свой взгляд на лице человека, которого надо было послать на явную смерть.

Шеф много раз видел это лицо, и каждый раз при встрече их взглядов в душе Шефа возникало какое-то беспокойство, смущающее все существо этого умудренного опытом и знанием множества секретов человека. Шеф понимал, что то ремесло, которым он занимался более сорока лет, реализованное в этом молодом мужчине, воплотилось в совершенно новом и намного более концентрированном виде, отчего жестокость, прагматический подход ко всем действиям и событиям делал людей этого поколения более страшными орудиями цивилизации, чем то поколение, к которому принадлежал сам Шеф. Он еще раз окинул взглядом фигуру вошедшего человека, отметив про себя, что странное сочетание национальных особенностей, места рождения, мест обучения и работы создали из его подчиненного нечто нестандартное и во многом противоречивое, но столь нужное для поддержания хрупкого равновесия спокойствия в жизни многих ничего не подозревающих людей. Он был одним из таких же кровосмешанных и транснационально образованных сотрудников, которые составляли скрытую часть той армии, имени которой большинство людей просто не знает…

Шеф вновь поймал себя на мысли, что эти мальчики, которые не разменяли еще и тридцати, впитавшие в себя множество знаний и умений, выглядят как светские шаркуны или как перспективные менеджеры в престижных фирмах, которыми они будут командовать через много лет. Какой-то налет Джеймса Бонда сквозил в микропризнаках этих людей, хотя они всячески старались уберечь окружающих ото всего, что было связано с их настоящей профессией.

– Вы, как всегда, безупречны, – мягко проговорил Шеф, глядя на своего сотрудника. – Что ж, вам вновь предстоит подтвердить свой класс в одном неприятном деле. Мы уже давно следим за Купцом. Он регулярно поставляет «белую смерть» в

интересующие нас регионы, но сейчас количество поставок резко возросло, а рынок вместо того, чтобы вырасти, вдруг катастрофически сократился. Кроме того, в некоторых партиях, которые проводятся под нашим контролем, обнаружены элементы взрывных устройств и детали какой-то аппаратуры или элементы технологических линий, которые наши эксперты оценили как военные. Трое наших ребят уже поплатились жизнью, пытаясь проникнуть в систему Купца, а Джим еле вырвался из этого ада.

Шеф выложил на стол папку с фотографиями, на которых были запечатлены изуродованные и расчлененные останки людей, которые так хорошо были знакомы вошедшему. Шеф внимательно наблюдал за реакцией человека, который неторопливо рассматривал фотографию за фотографией, не проявляя абсолютно никаких эмоций. Шеф понял, что его подчиненный сейчас всматривается в страшные кадры умерщвления, определяя особенности технологии убийства и составляя представление о профессиональном почерке или о его отсутствии, проводя собственную экспертизу увиденного. Шефу опять стало неуютно: он вспомнил, как много лет назад впервые увидел фотографию с изображением своего партнера, застреленного в упор в спину. Мурашки пробежали по телу стареющего генерала при воспоминании тех ощущений, которые накатили на него из глубины памяти… Шеф вновь взглянул на молодого офицера, спокойно рассматривающего то, что несколько месяцев назад было живой мыслящей плотью. Молодой человек оторвал взгляд от фотографий:

– Шеф, а где фотографии Джима? Я хотел бы увидеть, что досталось ему.

По чуть жестковатому акценту Шеф понял, что вся буря эмоций и переживаний бушует внутри этого человека, но он никак не проявляет это внешне. Генерал поймал себя на ощущении легкой гордости за то, что они умеют готовить таких людей, но это длилось лишь мгновение; он открыл сейф, встроенный в его письменный стол, и достал несколько фотографий, оформленных в маленький альбомчик. На фотографиях был изображен Джим, словно покрашенный для участия в карнавале: синяки и следы от насильственных уколов перемежались на нем, создавая абстрактный рисунок. Молодой офицер задержался на фотографии, изображающей лицо Джима, и внимательно рассматривал ее несколько минут, затем закрыл альбом и вернул его генералу.

– Я могу поговорить с Джимом через посредника? – задал вопрос подчиненный, опережая предложение генерала просмотреть видеозапись беседы-допроса, осуществленную

специальной службой.

Шеф кивнул и вновь улыбнулся, затем нажал на кнопку на переносном пульте, включая видеомагнитофон, и на большом экране настенного телевизора появилось изображение беседы двух офицеров специальной службы с Джимом. Запись длилась более двух часов, и все это время Шеф периодически бросал взгляд на своего подчиненного, удивляясь перевоплощению этого обычно очень общительного человека в безмолвную мумию, уставившуюся в экран. Несколько раз молодой человек брал пульт и, отмотав пленку назад, еще раз просматривал заинтересовавший его фрагмент и вновь безмолвно впитывал информацию с экрана.

Запись закончилась. Генерал попросил принести две чашечки кофе, и, когда его секретарь, сама когда-то служившая офицером, принесла кофе и поставила перед молодым офицером небольшую вазочку с белым молочным шоколадом и печеньем, генерал улыбнулся. Неожиданно улыбнулся и молодой человек, улыбнулся той улыбкой, которой улыбаются дети, когда им приносят любимые сладости без предупреждения…

Дверь мягко закрылась, и разговор продолжился. Ароматный напиток, раздражая обоняние, требовал внимания к себе. Генерал сделал несколько глотков обжигающего ароматного напитка, не добавляя ни молока, ни сахара, и отодвинул от себя чашку. Все знали эту привычку Шефа и в шутку поговаривали, что Шеф растранжирил на недопитом кофе больше денег, чем на всех операциях за свою долгую службу.

Старый Мюнхен

Молодой человек добавил в кофе сахар и кусочек лимона и, не торопясь, размешивал ароматный напиток ложечкой, добиваясь одному ему известной кондиции, когда напиток можно будет выпить. Все также знали, что лишь несколько человек отдавали предпочтение кофе по-венециански, добавляя в кофе лимон или натуральный лимонный сок. Сторонников этого

напитка в службе Шефа было немного, и всех их называли в шутку «камикадзе». Теперь, глядя, как мерно движется ложечка внутри чашки и как спокойно глядит на напиток его молодой подчиненный, генерал подумал, что это действительно «камикадзе», с той только разницей, что его подчиненным надо, идя на смерть, всеми силами сохранить жизнь.

Разговор продолжался долго, и, когда молодой человек, взяв папку с материалами, вышел из кабинета, Шеф достал носовой платок и вытер взмокшее внезапно лицо. Чувство, что он отправил на тот свет еще одного своего подопечного, не покидало генерала, но это было одно из условий его работы, и он всю жизнь пытался скрыть свои чувства от подчиненных, но, оставшись один, сразу представлял себе одного из своих троих сыновей или дочь и взмокал от волны бессилия. Легче было самому вернуться к тому, что он делал, будучи в том же возрасте, чем теперь посылать «мальчишек», как он называл своих подчиненных.

На часах было уже девять, когда Он вышел из ванной, вытирая лицо мягким полотенцем и ощущая свежесть тела, омытого водой и тем, что цивилизация приспособила для ублажения обоняния и гигиены. Мысли внезапно вернули его на несколько лет назад. Тогда еще был жив Учитель, и, приезжая в маленький монастырь в отдаленном городке в предгорьях крохотных японских гор, Он принимал ванну с настоем из трав после каждой тренировки. Тело горело от обжигающе горячей воды, и хотелось мгновенно выскочить из этой водяной клетки, наполненной кипятком, но Учитель молча проникал в его взгляд, и вода становилась прохладнее, а тело постепенно наполнялось легкостью. Затем Учитель опускал голову так, что его глаз не было видно, но оторваться от тела Учителя было нельзя. Сколько времени продолжались водные процедуры, знал лишь Учитель, ощущая связь со своим учеником и чувствуя тончайшие изменения в его теле…

Стакан апельсинового сока, чуть разбавленный соком грейпфрута, и пара ломтиков, подрумяненных тостером, вернули Его к реальности. Он еще раз посмотрел на часы и быстрым шагом направился в комнату.

Костюм придал телу модный в этом сезоне силуэт, а галстук сфокусировал любой встречный взгляд на мерцающей булавке, дополняющей живописный рисунок ткани. Шестнадцатизарядный «брюннер» привычно разместился под левым плечом, а легкий «смит-и-вессон», отлитый из специальной стали и воплощающий в себе последние достижения оружейной мысли и фантазии, почти игрушечный, но обладающий почти фантастическими

огневыми возможностями, надежно «утонул» в специальной кобуре, вшитой в пояс брюк. Несколько секунд Он смотрел на себя в зеркало. Дыхание было спокойным, постепенно точка Дантян наполнилась тяжестью, ноги приросли к полу, глаза мгновенно расширились и вновь стали бесстрастными, не было ощущения тяжести одежды, утяжеленной убийственными игрушками. Тело уже привыкло никогда не расставаться с этой ношей и не считало ее тяжестью.

Он вышел из квартиры, закрыл дверь, спустился вниз, оставил консьержке ключи, попросив ее присмотреть за оставленными цветами и не дать пыли поселиться в квартире надолго. Вместе с этим Он оставил пожилой женщине маленький сувенир и несколько банкнот, отчего она, как всегда, зарделась и, благодарно кланяясь, заверила Его, что к возвращению все будет как всегда. В доме все привыкли к тому, что квартира подолгу пустует, а иногда в нее наведываются Его друзья и после короткого пребывания опять исчезают. Поначалу консьержка очень волновалась, но позднее поняла, что молодые и по большей части экстравагантно одетые мужчины не устраивают вечеринок, не водят девиц и очень аккуратно оставляют чаевые за внимание к их квартире. Фирма, которая оплачивала квартиру, была хорошо известна своей солидностью, счета всегда гасили все расходы на много месяцев вперед, и молодые менеджеры, которые приезжали по делам фирмы, предпочитали, по их словам, уютную квартиру гостиничному номеру. Кроме того, в квартире было все необходимое для работы, и консьержка, убираясь после очередного отъезда, могла убедиться в том, что двухкомнатная квартира представляла собой миниатюрный рабочий офис, снабженный почти спартанской спальней и небольшой уютной кухней, превращенной в столовую. Соседи никогда не жаловались на молодых и вежливых клерков, а те всегда охотно рассказывали о своих маленьких успехах в продвижении по служебной лестнице в солидной фирме и мечтали, что когда-нибудь займут место в совете директоров. При этом они постоянно шутили и оставляли у пожилой консьержки самые приятные впечатления.

Он вышел на улицу. Свежий воздух приятно ласкал волосы и лицо, солнце нежно освещало листву и яркие одежды прохожих, играя на блестящих боках проезжающих автомобилей. Солнечный зайчик медленно проплыл мимо, и почти мгновенно чувство опасности заняло свое место. Оно не раздражало его, оно просто привычно заняло свое место, как постоянный посетитель занимает приглянувшийся ему много лет назад столик в кафе. Он не обернулся, не ускорил шаг – все это ни к чему. Он знал, что за

ним следят, и следят чужие. Мозг работал, быстро анализируя события последних суток. Кто-то очень оперативно и точно вывел чужих людей именно на него. Это мог сделать Старик, как называли Шефа, или кто-то из привлеченных к работе по этой линии. О том, что Он будет заниматься этим делом, кроме шефа, не должен был знать никто. Значит, если Старик чист, кто-то аналитически высчитал Его участие. Мадам не могла знать о характере разговора в кабинете Шефа, к тому же ее прошлое в системе не оставляет ей возможности так рисковать, хотя… Не хотелось верить, что Шеф и его секретарша могли сдать информацию. Но надо было срочно прокручивать все версии, чтобы определить источник угрозы. Это очень важно сейчас для того, чтобы просто выжить в ближайшие пару часов, а не превратиться в то, что недавно сам видел на фотографиях.

Ни жалость, ни удивление не закрадывались в Его сознание. Он знал, что в жизни бывает даже то, чего практически не бывает, или то, чего даже невозможно предположить, а предательство или продажа информации – это обычные вещи. Страшные для любой секретной службы, но обычные для любой сферы человеческой деятельности, и для этой тоже. Жизнь приучила не удивляться, а школа – целостно охватывать ситуацию, если ее нельзя было просчитать логически…

Свою машину Он оставил на прежнем месте, даже не подойдя к ней: если она заминирована, то маленький кусочек пластиковой взрывчатки разнесет в пыль и новенький «мерседес», и его хозяина. От простоты и детской наивности хода рассуждений Ему стало смешно, и Он привычно потер пальцами нос.

«Ага, вот еще двое на противоположной стороне улицы. Такая милая парочка! Не слишком ли много для одного человека?» – подумал Он и намеренно несколько ускорил шаг, пользуясь сигналом светофора. В стекло витрины Он заметил, как парень выскочил за угол дома и уже через несколько мгновений девушка подсаживалась в притормозивший «БМВ». Проходя мимо, Он увидел свой «мерседес» среди немногих машин, еще стоявших на опустевшей стоянке. Обведя пространство глазами, Он обнаружил серый «форд» полуспортивного типа с двумя здоровяками, которые мирно болтали, листая мужской журнал.

Дальше играть не хотелось. Минимум пятеро на одного – это уже многовато для столь хорошего начала. Он остановил первое попавшееся такси и, разместившись на заднем сиденье, попросил отвезти себя в аэропорт. Когда такси притормозило около стоянки международного терминала, Он увидел уже припаркованный «БМВ», а обернувшись, успел разглядеть спрятавшийся за другими машинами полуспортивный «форд».

Маленький кейс с предметами туалета был единственным ненужным сейчас предметом. Единственно, что было в нем ценного, – это специальный бокс, выполненный в виде мужской сумочки для документов. Любой металлический предмет в этом боксе становился невидимым при проверке в рентгеновской установке аэропорта, а электронные датчики не срабатывали при проносе бокса со спрятанным оружием.

Он походил по терминалу, затем заглянул в туалет, где быстро вынул сумочку из кейса, а сам кейс оставил в одной из кабинок, предварительно протерев ручку и замки. На остальных предметах и на стенках кейса отпечатков его пальцев не было. Это он предусмотрел при упаковке содержимого. На мгновение Он остановился, а затем быстро достал из кармана маленький пластиковый баллончик и брызнул на ручку кейса. Затем убрал сумочку за пояс и вышел из туалета, оставив на блюдце служителя положенную монету. При выходе Он несколько раз демонстративно оглянулся и, стараясь суетиться и спешить, углубился в толпу. Он знал, что тактика теперь поменялась и они знают о том, что Он их заметил, они знают, что Он скинул кейс, и кто-то обязательно бросится в туалетную комнату за этим кейсом. Расчет был прост. Нехватка времени и людских сил вряд ли позволит человеку долго обрабатывать ручку и корпус кейса. Скорее всего, кейс просто возьмут рукой или накинут платок на ручку. Но при такой гонке, жаре и духоте влажная ладонь намочит платок, а благодаря выделению потовых желез платок намочит и раствор, разбрызганный на кейсе. Дальше все произойдет почти незаметно. Человек вдруг начнет медленно оседать и задыхаться, а через несколько секунд его скорчившееся тело потеряет все признаки жизни.

Один из здоровяков отделился от киоска с порножурналами и скрылся за дверью мужского туалета. Парочка как приклеенная держалась за Ним, а второй здоровяк прикрывал дальние подступы и возможные варианты уходов, его голова хорошо была видна в общей толпе.

Он знал, куда надо уходить. Система коридоров, по которым Он сейчас бежал, вела в сторону старых ремонтных ангаров. Именно там можно было оторваться от слежки, не покидая территории аэропорта, не выскакивая во внутреннюю зону аэропорта и не привлекая внимания охраны.

Он вышел точно на центральный ангар и сразу увидел парочку, а метрах в двадцати «опель» и еще двоих неизвестных парней. Один из здоровяков подошел сзади и, остановившись примерно в метре, наставил Ему в спину старый армейский кольт. Девушка и парень медленно приблизились. Девушка

достала из сумочки вальтер с глушителем и, держа его около пояса, чуть обернулась, ожидая подхода парня. Незнакомцы вышли из машины и привалились к дверцам спиной с самым безобидным видом, ожидая уже запланированной развязки.

Парень приблизился неторопливым и каким-то не очень уверенным шагом, встав несколько сбоку от девушки, та, поигрывая пистолетом, сделала полшага вперед, хотела что-то сказать, но вдруг оступилась. На долю секунды она пошатнулась, парень наклонился поддержать ее, здоровяк, стоявший сзади, тоже инстинктивно подался вперед и приподнял руку с кольтом. Он почувствовал, что другого момента не будет, и выпрыгнул назад под руку здоровяка. Почти одновременно с этим Он услышал приглушенный хлопок кольта, поразивший девушку в грудь и отбросивший ее назад. Его ноги со страшной силой ударили в грудную клетку верзилы справа и чуть сбоку, раздался жесткий хруст, и почти одновременно с этим верзила взвыл, издавая страшный животный рык и пытаясь открытым по-рыбьи ртом вздохнуть. Кольт выпал из рук, и Он, поймав его, быстро перевернулся на бок, и, пока парень бросился к пистолету девушки, Он дважды выстрелил. Голова парня разлетелась, разбрызгивая кровавые ошметки мозгового вещества по сторонам, а тело несколько раз дернулось, словно к нему подключили электрический ток, и рухнуло.

Ребята, стоявшие у машины, на какое-то мгновение замерли от ужаса увиденного, но, опомнившись, что ситуация резко изменилась, схватились за оружие. Первый рванулся в сторону от автомобиля, и это спасло его в первый момент, а второй замешкался, высвобождая из-под куртки ингрaм с накрученным на ствол глушителем. Три выстрела один за другим бросили его на корпус машины, руки картинно растопырились на мгновение, а затем тело тяжело осело вдоль корпуса машины, оставляя на нем кровавый след. Первый парень выстрелил четырежды, стараясь накрыть площадь нахождения своего противника, который, перекатившись, спрятался за поверженные тела. Одна из пуль застряла в уже безжизненном теле парня, а другая перебила голень левой ноги верзилы, который, взвыв еще больше, задергался, издавая звериный набор предсмертных звуков. Первый сделал короткую перебежку и приостановился для очередной серии выстрелов по ненавистному врагу, но в тот момент, когда руки уже поднялись для выстрела, Он прицельно поразил Первого в голову. Пуля пробила правую глазницу вблизи переносицы, разнеся голову и опрокинув тело.

Он приподнялся и, подчиняясь автоматическому, выработанному рефлексу, произвел серию контрольных

выстрелов в Первого и Второго парней, не подходя к их телам. Оба тела приняли еще одну порцию смертельного снадобья, которое уже не могло изменить их положения. Тело парня не требовало контроля. Он обернулся к девушке. Ее черты были поразительно знакомы, Он точно помнил, что это аристократически надменное и стервозное, но красивое лицо он уже видел. Вот только волосы были другими, и косметика несколько изменяла очертания. Он смотрел в лицо умирающей девушки, ее затуманенный взгляд блуждал в пространстве, а шумное и поверхностное дыхание говорило о скором приближении агонии. Вдруг ее взгляд остановился на Нем, и зрачки стали расширяться от ужаса. Он еще чуть наклонился и, не отрывая от нее взгляда, внятно произнес:

– Джим!

Девушка несколько раз моргнула, и глаза ее стали еще шире. Она закрыла глаза, и Он увидел, что она плачет. Девушка вновь приоткрыла влажные от слез веки, усилием сделала судорожный глоток:

– Джим… они его… там война… они…

Она еще пыталась что-то произнести, но в горле у нее заклокотало, затем горлом хлынула кровь, и глаза девушки остановились теперь уже навсегда.

Он оглянулся на верзилу, который продолжал хрипеть. Теперь пора было подумать о нем. Он стер платком свои отпечатки пальцев с пистолета, вложил пистолет в руку верзиле, развернул ствол в сторону головы и, вложив глушитель в рот, чуть прижал палец верзилы к спусковому крючку. Раздался двойной хлопок – выстрела и лопнувшей черепной коробки. Тело верзилы вздрогнуло, затем по телу пробежала судорога, и оно неподвижно замерло…

Он быстро огляделся и, привычно обыскав тела, остановил свой выбор на записной книжке и ручке с вмонтированным внутрь механизмом для стрельбы. Теперь все зависело от быстроты и непредсказуемых случайностей…

Когда он направился к выходу из терминала аэропорта, толпа уже была оттеснена от распростертого тела того парня, который бросился за Его дипломатом. Рядом с телом стоял офицер безопасности аэропорта, а у входа уже разворачивались машины полиции и медицинской службы. Он заглянул через спины людей, увидел тело с прикрытым лицом и руку, продолжающую сжимать ручку чемоданчика. Сочувственно кивнув головой даме, которая высказывала свое компетентное мнение о происходящем, Он отделился от скопления людей, вышел из здания аэропорта и, сев в такси, направился в центр города. Здесь он вышел из машины,

прошел несколько кварталов, покрутился в двух крупных супермаркетах, сел в другое такси, добрался до пригородного парка, расплатился с водителем и, не торопясь, пошел по прогулочной дорожке, влившись в спокойный поток гуляющих.

Мысли, лихорадочно сменявшие одна другую и выбрасывающие в мозг отработанные действия, постепенно замедлились, и Он, как когда-то на занятиях в спецшколе, приступил к анализу происшедшего.

Группа вышла на него практически мгновенно, целью деятельности группы, скорее всего, было Его убийство с предварительным допросом для получения дополнительных сведений. Похищение практически отпадало при анализе той тактики, которую избрали нападавшие. А простое устранение Его не требовало такого количества людей и такой явной демонстрации силы. По-видимому, спектакль был рассчитан на моральное подавление с последующим «дружеским» разговором, основными собеседниками в котором должны были выступать эти прекрасные здоровяки и милая девушка со знакомым лицом. Он улыбнулся, представляя себе эту картину. Итак, Джим является их источником, и не где-то, а в Центральном офисе фирмы. Это означало очень многое, но прежде всего то, что помощи ждать не придется и те варианты, которые были предусмотрены Шефом и детально проработаны, так и останутся на бумаге, спрятанной в сверхмощном сейфе. Он сейчас не дал бы и минимальной гарантии, что остряк Джим не добрался до этих разработок. Оставалось только два варианта работы: импровизация и восстановление старого эксклюзивного способа, который был отработан Им и Шефом еще тогда, когда Он проходил специальную стажировку.

Кроме всего прочего, необходимо было решить, кем Он будет теперь. Паспорт и права теперь были обузой. Выйдя из парка, Он опять взял такси и, приехав в известный торговый квартал, отправился вдоль бесконечного ряда магазинов. Зайдя в один из них, Он прошел в служебное помещение, спустился в подземный гараж, прошел а дальний угол и своим ключом открыл мощную стальную дверь. За дверью начинался коридор, который привел Его к другой двери, открыв которую Он попал в подземный гараж небольшого особняка. Он поднялся по знакомой лестнице на первый этаж. Все было в идеальном порядке и оставалось на тех местах, которые были предусмотрены специально установленным планом. Он прошел на кухню, открыл один из шкафчиков и, поколдовав над кодом сейфа, наконец открыл бронированную дверцу. Он извлек из сейфа знакомый пакет, забрал из него все содержимое и, вложив внутрь пакета свои документы, вновь

положил все внутрь хранилища. Закрыв сейф, Он присел на край стола и открыл документы. Теперь Он опять обрел имя – Арнольд Браун. Жизнь продолжалась, а в работе наступал тот период, когда азарт игры и жажда жизни, соединяясь с поставленной задачей, делали и жизнь и работу настолько насыщенной и быстротечной, что все остальное отступало на дальний план… Но самым важным сейчас было привести себя в готовность и получить прямой контакт с Шефом.

Арнольд прошел в ванную комнату, бросил в ванну несколько шариков с душистым раствором и, набрав воду, забрался внутрь. Постепенно тело расслабилось, появилось чувство легкой дремоты. Арнольд встал под душ и, ополоснувшись, закутался в огромное махровое полотенце. Пройдя в комнату, он привычным движением бросил под подушку оружие и почти сразу заснул тем сном, которым засыпал в детстве после долгих игр. Сейчас очень важно было выспаться, по крайней мере, ему казалось, что более важного дела сейчас не существует…

* * *

Комиссар полиции долго молча изучал представленные ему материалы этого необычного случая, произошедшего в аэропорту. Несколько минут назад он положил трубку телефона после разговора с заместителем министра. Вездесущие газетчики уже выдвинули десятки версий происшествия, во всем упрекая полицию и насмехаясь над молчанием официальных чиновников министерства. Заместитель министра был давним другом комиссара полиции. Когда-то Гельмут Смит учился с Карлом Вуфнером, и они оба ухаживали за прекрасной студенткой юридического факультета Хеленой Бартман, дочерью известного депутата бундестага. Но они оба видели в ней не дочь известного политического деятеля, а просто красивую и умную девушку, которой оба безоговорочно отдали свои сердца. Хелена предпочла Вуфнера, а дальнейшие успехи карьеры были следствием влияния его тестя. Но Карл и Гельмут оставались такими же друзьями, как и прежде. Разговор был тяжелым для обоих. Они прекрасно понимали, что общественность и высокие правительственные чиновники не оставят министерство в покое, пока не будет какой-то ясности. Гельмут и Карл договорились о встрече в старом охотничьем домике, где они любили отдыхать после охоты и беседовать долгими ночами, обсуждая насущные проблемы или вспоминая озорные годы студенчества и первые годы работы.

Гельмут прибыл немного раньше намеченного срока, но

лимузин Карла уже стоял на стоянке, а один из охранников Карла, увидев приближение знакомого «мерседеса» комиссара, приветливо улыбнулся и кивнул на приветствие, но остался на своем месте, наблюдая за действиями друга своего патрона. Гельмут улыбнулся и мысленно похвалил парней за прекрасную выучку. Подходя к домику, комиссар почти столкнулся со вторым охранником, который вынырнул из-за двери, но мгновенно уступил проход, узнав человека, с которым была назначена встреча. Карл сидел в кресле у камина и колдовал над столом, он никому не позволял заменить себя. Гельмут вспомнил, что, еще будучи курсантами высшей школы, все сокурсники называли его друга Кухонный Карл…

– Послушай, Кухонный Карл, твои парни опять вне конкуренции, а ты, как всегда, за своим любимым занятием. Привет, как Хелена и сын?

– Здравствуй Гельмут, спасибо, все хорошо. Сын заканчивает военную академию, а Хелена почти поправилась после болезни. Как твои домашние?

– Ну, ты же знаешь, что Моника всегда ревнует меня к Хелен, а дочь и сын сейчас на практике в Штатах. Не забывай, все-таки их дед стопроцентный янки.

– Ладно, шутник, давай перейдем к серьезным вопросам. Что ты думаешь обо всем? Нам надо постараться понять, что же это было, а уже потом думать, как обрисовывать все это общественности.

– Знаешь, Карл, я не могут отделаться от ощущения, что мы имеем дело не с обычным убийством. Мои парни провели анализ, смоделировали ситуацию. По их мнению, это очень похоже на взаимное убийство при попытке проведения переговоров. Все убитые проверены по картотекам. Девушка и парень – немцы. Девушка убита выстрелом в грудь, а парню почти отстрелили голову, но его идентифицировали по отпечаткам пальцев – это Ганс Шанце… – Гельмут посмотрел на вскинувшего голову Карла. – Да, да Шанце. Тот самый, который чуть не укокошил тебя два года назад и которого безуспешно разыскивали. По анализу останков мы установили, что он сделал серию пластических операций, и узнать его было практически невозможно.

– А девушка? Что есть на нее?

– Бригита Вольф, неоднократно привлекалась за участие в демонстрациях и слишком буйных выступлениях некоторых молодежных организаций. Но этим все и ограничивалось. Никаких компрометирующих материалов в архиве нет. Правда, у одного из моих сотрудников есть источник, который несколько

раз информировал о том, что Бригита была замечена вблизи мест встречи крупных представителей наркобизнеса, происходивших на нашей территории. Но в контакт ни с кем не вступала. Кроме того, наши специалисты в один голос утверждают, что в ее сумочку кто-то заглядывал перед убийством или после того, как все уже было закончено. Пистолет она носила в специальной кобуре, и связать беспорядок в предметах в сумочке можно лишь с осмотром.

Карл молча сервировал стол, изредка останавливаясь и более внимательно вглядываясь в давно знакомое лицо коллеги. Гельмут всегда был прекрасным специалистом и аналитиком, поэтому Карл кроме дружеских чувств питал к нему еще и профессиональное уважение. Он кивнул, и Гельмут продолжил доклад о полученных результатах:

– Затруднение вызвало наличие одинаковых пистолетов у парней, убитых около машины и на поляне. Скорее всего, они оба сидели в машине – там обнаружены их отпечатки пальцев, к тому же один из них курил и оставил в пепельнице окурки. Тот, который убит прямо около машины, только выхватил ингрaм, но в ход его пустить не успел – был застрелен, а потом добит двумя выстрелами в голову. Второй побежал к месту, где стояла группа, стрелял, попал здоровому парню в ногу и был наповал убит. По документам они испанцы, но, по данным Интерпола, испанцем являлся тот, которого застрелили около машины, – его имя Мигель Санчос, член правоэкстремистской группировки. По косвенным данным, может быть замешан в акциях, проводимых испанцами во Франции, скорее всего, его нанимала баскская «Эта» или были проведены операции прикрытия. Со вторым сложнее. По полученной информации, он американец, его мать мексиканка, отец – янки; закончил два курса спецшколы, готовился для работы в Латинской Америке, но службой внутренней безопасности был уличен в несанкционированных внешних контактах и был исключен. После этого шесть месяцев проходил «карантин». Вначале все было нормально, но перед самым окончанием проверки и отправкой документов на комиссию он вдруг исчез. В школе его звали Бил Салем. Пришлось срочно связываться кое с кем из военных и подключить наших «стариков» из секретной службы. Его настоящее имя было Мартин Клок…

Карл поставил на стол тарелку, которую он старательно сервировал, сел в кресло и весь превратился в слух.

– Теперь о двух здоровых парнях. Первый – Тони Шорт, он вошел в туалет, затем вышел с чемоданчиком типа дипломат в руках и замертво упал прямо в дверях. Служитель туалета

утверждает, что входил он с пустыми руками. При вскрытии диагносцирована смерть от удушья, но следов какого-либо вещества не обнаружено, хотя наши эксперты провели все возможные пробы. Второй парень – Вильям Шорт, родной брат Тони Шорта. По картине событий – застрелился сам. Все убитые у ангаров были застрелены из его кольта. При вскрытии обнаружено, что у него прострелена нога из пистолета Мартина Клока и ко всему серьезная травма правой половины грудной клетки с переломом ребер, повреждением печени и легкого.

Гельмут на секунду остановился, взглянув на своего сановного друга, и вновь углубился в изложение материала:

– Братья Шорт – ирландцы. По нашему компьютеру на них ничего нет, английские коллеги передали, что братья имели контакты с ИРА, но точная их роль до конца не определена. По крайней мере, сейчас источники, близкие к ИРА, не указывают на какую-либо активизацию или попытку реакции на происшедшие события.

По реконструкции получилось, что Тони Шорту подбросили дипломат с нанесенным на него ядом функционального действия, разлагающимся через короткий промежуток времени, а Вильям тут же отомстил за смерть брата, причем сам получил сильный удар в грудь, ранение в ногу, после чего застрелился.

Гельмут опять на секунду остановился, как бы собираясь с мыслями. Но Карл знал эту особенность своего бывшего однокурсника.

– У меня, Карл, почему-то впечатление, что должен существовать еще один участник событий. Возможно, их было больше. Но в том, что хотя бы еще один человек должен быть, – в этом я абсолютно уверен.

Гельмут закончил рассказ и посмотрел на Карла. Тот улыбнулся и, покачав головой, произнес:

– Как ты умудрился за такое короткое время достать столько информации? Да ты и впрямь «головастик»! Помнишь, как на последнем курсе ты за сутки достал почти весь материал по заданию, а мы смогли наскрести только около половины?

– Все очень просто. Я постоянно забрасываю на проверку по всем возможным каналам такое количество информации, что сотрудники уже привыкли к такому положению дел, и даже наши коллеги из-за рубежа не удивляются, когда получают от меня по 20–30 имен на проверку. Помнишь нашего «отмороженного» Мишеля, который преподавал активные операции, а перед выходом в отставку работал ликвидатором в Африке? Когда один из наших, кажется Хаген, отпустил одно из своих знаменитых замечаний, старик ответил ему сакраментальной фразой:

«Патронов, денег и информации никогда не бывает много».

– Мне кажется, что ситуация очень похожа на один из уроков, которые мы разыгрывали в академии. Помнишь, когда ты споткнулся и вывернул ногу, а потом все-таки «взял» того парня из параллельной группы, который играл террориста. Тебе тогда объявили благодарность за мужество и находчивость. Так вот, мне кажется, что это не выяснение отношений между интернациональными группами по каким-то вопросам, хотя и отбросить эту версию очень трудно.

Гельмут с удовольствием приступил к тому, что Карл так и не успел досервировать. Заместитель министра тоже отложил полотенце и, не снимая своего любимого передника, который он надевал только в этом домике, присоединился к своему другу. Какое-то время они, казалось, были поглощены только едой, но через несколько минут Карл поднял голову и, прервав непринужденный бытовой разговор об успехах детей, вновь вернулся к основной проблеме.

Два опытных сотрудника никак не могли до конца понять суть происшедшего; находясь под грузом ответственности и общественного мнения, они обязаны были отреагировать на происшествие, но пока однозначного решения найти не могли. Они вновь и вновь прерывали обсуждение и возвращались к темам семьи, спорта, охоты, путешествий, обсуждения последних фильмов или причуд женской моды, которая не могла миновать их, хотя больше касалась жен и дочерей. Наконец оба остановились на том, что в прессе пройдет материал, надиктованный Гельмутом одному из надежных корреспондентов, который не станет излишне фантазировать и «улучшать» полученную информацию. А в материале необходимо максимально сжато изложить только известные факты без каких-либо версий и комментариев. Единственное, что можно сказать, – это то, что все убитые принадлежали или имели явные контакты с различными криминальными и террористическими группами. Кроме того, необходимо было проинформировать более подробно службу военной разведки и контрразведки, а также отправить специальный пакет материалов куратору секретной службы в парламенте для координации усилий множества других подразделений из параллельных ведомств и для возможной связи с правительствами других стран…

И все-таки что-то не давало покоя обоим, и они еще долго беседовали друг с другом, постоянно возвращаясь к этому непонятному, но очень знакомому какими-то неуловимыми признаками случаю…

* * *

Арнольд сидел перед столом, окна были плотно занавешены снаружи, а изнутри закрывались жалюзи из пуленепробиваемого металлопластика, предотвращающего возможность звукового сканирования снаружи. Большой многофункциональный комплект аппаратуры безопасности контролировал все, что происходило вокруг дома на расстоянии до 30 метров, давал точные сигналы о любом живом или неживом объекте, который приближался к зданию, перемещался внутри него или направлял на окна и двери дома какое-либо излучение. Арнольд поднялся и прошел по нескольким комнатам, осматривая давно знакомую обстановку, подошел к телефону прямой связи, присел на край кресла перед небольшим столиком. Телефон был накрыт пластиковым колпаком с электронным замочком, настолько смешным, что его можно было просто сковырнуть сильным ударом руки, но если хотя бы один знак шифра оказывался неправильным, то в ход пускалась программа, и в заблокированную комнату мгновенно впрыскивался газ, усыпляющий незадачливого искателя приключений, а группа технического контроля получала сигнал тревоги, и через несколько минут спящего человека уже везли в закрытом фургоне крепкие ребята, основная задача которых заключалась в борьбе с самыми опасными агрессивными проявлениями человеческой деятельности.

Цифры кода выплыли из памяти сами собой, но Арнольд записал их на небольшом листке, лежащем на столике вместе с карандашом, несколько раз проверил правильность последовательности знаков и цифр, а затем, не торопясь, набрал нужную комбинацию. Замочек мягко щелкнул, и пластиковый колпак откинулся, освобождая телефон. Арнольд еще раз взглянул на часы, сверяя время, и поднял трубку. Через несколько секунд на противоположном конце провода также подняли трубку, и воцарилось молчание. Арнольд, не торопясь, досчитал до десяти, а затем дважды кашлянул и положил трубку на рычаг. Потекло время ожидания. Он знал, что ждать надо ровно три минуты, но это время всегда было мучительно долгим и невыносимо тоскливым. Наконец телефон зазвонил. Подняв трубку, Арнольд начал медленно считать, он успел досчитать до семнадцати, когда на другом конце трубки кашлянули, а затем раздались короткие гудки. Трубка мягко легла на рычаг, затем пластиковый колпак опустился и защелкнул замочек, включив электронное устройство. Теперь надо было ждать гостей. Если отсчет был правильным, то через 15–20 минут появится человек, которого вызвали.

На всякий случай Арнольд проверил всю технику, еще раз проанализировал возможность неприятных случайностей и, устроившись в кресле перед пультом, стал ждать. Вскоре он увидел на одном из мониторов знакомый красный «форд» несколько устаревшей модели, модной когда-то во времена его юношества. Из машины вышел человек, фигуру которого Арнольд не мог спутать ни с кем – этого человека он знал много лет, учился у него, а затем работал под его руководством. Но сейчас надо было не пропустить мельчайших особенностей движений, определяющих только им понятный язык движений и жестов.

Вот человек обошел машину, оставив открытой переднюю дверцу, и, открыв багажник левой рукой, достал из него кейс, затем опустил его на землю и левой же рукой закрыл крышку багажника, правая рука мужчины повернула ключ, закрывая багажное отделение, а затем эта же рука извлекла ключи из замочной скважины и взяла кейс. Все происходило обычно и совершенно естественно для всех, кроме этих двоих – одного, который проделывал манипуляции с автомобилем, и другого, который неотрывно следил за всем, что бесстрастно фиксировал монитор. Наконец машина была закрыта, и человек с кейсом направился к входной двери, но, не доходя до дома, повернул в сторону и исчез из поля видеокамеры, свернув ко входу в

супермаркет.

Арнольд перешел в кухню и включил кофеварку, которую предварительно уже заправил ароматным мелкомолотым кофе. Он неторопливо поставил две чашечки на стол, достал несколько пакетиков с уже готовыми бутербродами и отправил их в микроволновую печь.

Дверь открылась мягко и почти неслышно, и перед Арнольдом предстал Шеф с кейсом в одной руке и пакетом из супермаркета в другой. Оба молча кивнули друг другу. Шеф протянул Арнольду пакет и пошел в прихожую повесить свой плащ, а Арнольд, выложив на стол содержимое пакета, нашел все, что он любил той мальчишеской любовью, которая остается на всю жизнь. Сладости нашли свое место на столе, бутерброды манили к себе ароматом хрустящего хлеба и горячей начинки, а кофе источал пряный аромат, устоять перед которым стоило большого труда.

Двое мужчин сидели за столом и молча предавались трапезе. Шеф посматривал на своего подчиненного и ученика и опять старался понять, что же представляет из себя этот «мальчик». Он всех своих учеников называл «мальчиками». Он боялся забыть их имена и боялся называть их по именам, потому что потом надо было привыкать к мысли, что имя остается свободным и может быть передано другому ученику взамен погибшего.

– Что произошло? – как обычно спокойно задал Шеф свой вопрос.

– Джим, – спокойно ответил Арнольд и положил перед Шефом свои документы, вынув их из кармана. Шеф молча перелистал страницы нескольких книжечек и вопросительно поднял глаза на Арнольда.

– Старые документы лежат на месте, – ответил ученик учителю. – Шеф, мне нужна резервная линия, Ваша линия, – произнес Арнольд, выделяя слово «Ваша».

Пожилой мужчина понимающе кивнул и привычным движением коснулся мочки уха. Мельком взглянув на молодого человека и уловив его улыбку, еще раз кивнул:

– Да, да привычка. Ты задал мне трудную задачу, мальчик, хотя я задал тебе не менее легкое задание. Как ты выбрался из этой переделки?

– Просто очень хочу жить, и нельзя было провалить авторитет Вашей школы, – ответил молодой парень, хотя на его лице была маска усталости и ожидания. Пожилой человек понимающе кивнул. Он знал, что в этих словах нет бравады, в них горечь безысходности и действительная жажда жизни. Его ученик был приговорен, но надо было продолжать игру, небезопасную для

обоих, но игру, которая должна была спасти многие тысячи жизней и облегчить существование десяткам и сотням тысяч людей.

– Ты помнишь Мари? – спросил Шеф Арнольда.

– Конечно. Она и ее группа погибли во время операции в Азии три года назад. Я тогда чуть не получил две головы из одной…

– Она жива, – перебил Шеф и бросил взгляд на Арнольда.

Тот на мгновение замер, потом дотронулся до лба, который на всю жизнь нес на себе след той кровавой операции. Рукоять пистолета, обрушенная на его голову, раскроила кость, и трещина четко прощупывалась под кожей. Арнольд инстинктивно дотронулся до трещины и провел пальцами сверху вниз. От Шефа не могло скрыться выражение глаз, которое только на мгновение мелькнуло и тут же было спрятано от окружающих.

– Да, она осталась жива, хотя все остальные погибли. Ты помнишь, сколько наших ребят осталось там? Я могу дать тебе только этот канал, но ты должен знать, что Мари связана с людьми Анри Кардье. Когда-то Кардье почти уничтожил систему Купца, но тогда Купец был просто руководителем одной из ветвей наркокартеля. Купцу удалось бежать во время перевозки его из штаб-квартиры Кардье в федеральную тюрьму. Но через полгода Купца и Кардье видели вместе на Гаваях, а месяц спустя они вместе оказались в группе, совершавшей тур по СССР, где провели пять дней. После этого вместе их не видели, но ситуация с провалом двух операций по линии Мари и полученная, правда с опозданием, информация о связи Мари с Кардье кое-что расставляет на свои места. Остальное тебе надо будет определить самому. Остальные линии я не могу тебе передать – мы не знаем, что успел еще сделать Джим, а потому не можем рисковать.

Шеф немного помолчал, а потом, как бы решившись, продолжил:

– На самый крайний случай ты можешь воспользоваться нулевым кодом, но это можно делать только тогда, когда тебя пристегнут к электрическому стулу или поведут к гильотине. Это все. В дипломате твой комплект, отбери то, что сочтешь необходимым. И еще, деньги ты сможешь получать в тайниках по резервной линии, об этом мы договоримся, но если что-то насторожит тебя, ты также можешь воспользоваться нулевым каналом, но только один раз.

Шеф положил дипломат на стол, открыл его, извлек пластиковую коробку, занимавшую почти весь объем чемоданчика, и, оставив ее на столе и на прощание по-отцовски похлопав Арнольда по плечу, вышел в прихожую. Через несколько

секунд мягко щелкнул замок, и Арнольд вновь остался один. Он открыл пластиковый контейнер и увидел знакомый набор, состоящий из последних достижений человеческой мысли, нацеленной на уничтожение чужой жизни и сохранение своей…

Еще долго сидел Арнольд в мягком комфортном кресле и, прикрыв глаза, полудремал, полуразмышлял о предстоящем. Затем он резко встал, отправился в ванную комнату, принял душ, сварил для себя еще одну чашечку кофе, оделся, еще раз проверил собранный комплект из пластикового контейнера, оставленного Шефом. Остальное содержимое вместе с контейнером он убрал в сейф, включил систему контроля сигнализации и покинул одинокий и ничем не приметный домик.

* * *

Самолет неторопливо развернулся, вырулил на полосу, на мгновение замер, а затем, разбежавшись, круто взмыл вверх. Молодой человек, сидевший на первом ряду в первом классе, посмотрел в иллюминатор на удаляющуюся землю и углубился в свои мысли. Несколько часов полета оставалось в запасе для перепроверки и анализа построенной версии действий. Наверняка в Мадриде его ждали или могли ждать, хотя никто не знал его теперешнего имени и точной даты прибытия, но он был практически уверен в том, что его точно ждут и серьезно готовятся к встрече. А значит, и он должен готовиться к встрече серьезно, очень серьезно. Учитель научил его в критические моменты поединка раскрываться, выманивая соперника из зоны и контролируя именно тогда, когда соперник уже физически ощущает победу. Он улыбнулся, вспоминая, как мальчиком трепетал от ожидания встречи с Учителем, считая дни и проводя бессонные ночи накануне тренировки, на которой Учитель обещал провести с ним бой. Учитель почти сразу охватывал его и вовлекал в какой-то непонятный и страшно манящий круг. Он почти физически научился предчувствовать атаки Учителя, но почти до смерти Учителя не мог ничего противопоставить внешне немудреным, но неблокируемым атакам. И только незадолго до смерти Учитель открыл простую и столь же непостижимую истину умения завладеть разумом и интуицией противника и умения подчинить его своей воле…

Теперь он знал, что у него появился шанс, маленький, но реальный. Во-первых, известно, что источником утечки информации является Джим, хотя нельзя исключать наличие и других каналов. Во-вторых, есть резервный канал связи через

Мари. Это проваленный канал, но о его провале никто не знает, а сама Мари для всех его коллег погибла. Значит, это один из альтернативных каналов, который может быть использован как для поддержки официальной версии, так и для построения конкурентных версий. В-третьих, получено разрешение на однократное использование нулевого канала для получения денежных средств и использование нулевого канала в случае крайней необходимости. Что ж, это не так мало, если учесть все то, что было известно перед отправкой его на задание.

Самолет мягко коснулся бетонной дорожки аэропорта и, плюхнувшись передней осью, как сытый кот, который лениво слезает с дивана, покатился к зданию международного терминала. Как только стюардесса открыла люк и, выполнив формальности контроля, предложила пассажирам выйти, молодой человек проследовал в терминал и скрылся за ближайшим поворотом в толпе таких же пассажиров, спешащих по своим личным и служебным делам.

Мадрид встретил Арнольда громадой международного терминала, но, закончив пограничные формальности, он прошел через таможню и повернул в сторону движущейся дорожки, соединяющей международный терминал с национальным. Посмотрев на расписание отлетающих самолетов, Арнольд купил билет на ближайший рейс и через двадцать минут уже сидел в салоне самолета, который, взяв курс на Барселону, набирал высоту.

«Воздушный мост» функционировал безупречно, и вскоре Арнольд уже входил в здание барселонского аэропорта. Перекусив в кафе в терминале и осмотревшись, он направился не к стоянке такси, а к платформе пригородного электропоезда, располагающейся рядом с основным терминалом аэропорта. Проехав несколько остановок, Арнольд вышел на одной из платформ, не доезжая до центра двух станций. Здесь ему предстояло осмотреться и проделать некоторые формальности. Арнольд прошел несколько кварталов, заходя в различные магазины и осматривая витрины, но ничего не покупая. Проверка длилась больше часа – ничего настораживающего не было. Арнольд сделал еще несколько проверочных манипуляций и вошел в холл одного небольшого отеля, каких великое множество поджидает вездесущих и не очень богатых туристов. Арнольд прошел к стойке и попросил пригласить Мигеля, весело подмигнув удивленному портье. Немецкий язык звучал для испанца как-то странно, но, подчиняясь неписаному закону бизнеса, портье быстро шмыгнул в служебное помещение и через несколько секунд уже, улыбаясь, докладывал клиенту на

ломанном немецком о том, что господин Мигель сейчас выйдет. Еще через минуту на пороге показался высокий крепкий испанец с короткой модной стрижкой черных, как смоль, волос и профилем, перед которым вряд ли могло устоять большинство женщин. Сильные тренированные руки, могучая шея, атлетическое телосложение и мощная грация движений, не скрываемая модным костюмом, выдавала в нем хорошую атлетическую подготовку.

Арнольд поднял голову и подмигнул испанцу, тот мгновенно отреагировал и, ускорив шаг, еще не доходя до нежданного посетителя, раскрыл объятия и, воскликнув «Амиго!», заключил немца в объятия. Служащие отеля смотрели на встречу друзей и понимающе кивали головами. Мигель обернулся к портье и, не переставая улыбаться, произнес:

– Мы с ним вместе выступали на многих чемпионатах. У этого парня потрясающий талант вынимать из-под соперника ноги, когда тот ничего не подозревает. Закажи нам обед за мой счет. Этот бродяга, как обычно, забегает только на минуту.

Обрадованный вниманием шефа, портье схватил трубку телефона и, соединившись с рестораном, стал договариваться о меню для двух спортсменов, которым надо было утолить голод от недостатка общения, а оба друга прошли в кабинет Мигеля, шефа этого небольшого, но доходного заведения.

Когда дверь закрылась, улыбка исчезла с лица Мигеля, он сел за свой рабочий стол, предложив Арнольду сесть напротив и вопросительно посмотрел на своего бывшего спортивного коллегу. Арнольд взял ручку из письменного набора на столе Мигеля и на листке для записей начертил латинскую букву «S», перечеркнув ее сверху вниз наискось двумя линиями. Показав ее своему знакомому, Арнольд спрятал листок в карман.

Мигель понимающе кивнул и, взяв такой же листок и начертив на нем несколько строк, повернул к Арнольду. Прочитав, тот также кивнул, достал документы и показал Мигелю.

– Ну что, Арнольд? Пора нам подкрепиться и вспомнить те прекрасные времена, когда мы еще конкурировали на спортивных площадках.

Мигель достал из шкафчика бутылку старого рома и плеснул символическую дозу в шикарные коньячные рюмки.

– За наши успехи, – произнес Мигель и легко коснулся бокала Арнольда. Оба выпили и, поставив бокалы на стол, отправились в ресторан, где уже был сервирован столик.

Обед прошел в оживленных воспоминаниях былой спортивной деятельности, после чего друзья тепло распрощались.

Мигель отправился к себе в кабинет работать, а Арнольд исчез на многолюдных улицах Барселоны.

Арнольд несколько часов бродил по городу и уже перед самым закрытием заглянул в один из магазинов, торгующих электроникой. Хозяин магазина распрощался с очередным покупателем и, подойдя к Арнольду, предложил свои услуги. Арнольд достал из кармана элемент старой модели и протянул хозяину. Тот взял его в руки, покрутил, внимательно рассматривая, быстро взглянул на Арнольда и, ничего не говоря, вышел из торгового зала. Когда он вернулся, у него в руках была коробка с компактным стереомагнитофоном в комплекте со множеством дополнительных приспособлений. Хозяин выбил стоимость покупки, Арнольд достал кредитную карточку, которую хозяин прокатал и подал на подпись, внимательно наблюдая за действиями «покупателя». Арнольд поставил подпись на одну строчку выше обычного места, предназначенного для этого, и, кроме того, написал несколько цифр. Хозяин магазина внимательно изучил все написанное, облегченно вздохнул и, вынув зажигалку, сжег чек кредитной карточки. Арнольд убрал кредитку в портмоне и, достав банкноты, расплатился.

Выйдя из магазина, Арнольд опять пустился в путешествие по городу и наконец поздно вечером остановил свой выбор на одном из престижных отелей. Сняв номер, он устало сбросил свой небольшой багаж на руки предупредительного служащего, распорядился заказать билет первого класса на Ибицу и такси утром для поездки в аэропорт. Поднявшись в номер, он принял душ и распаковал покупку. В коробке находился магнитофон со всем набором электронных приспособлений. На дне пенопластовой коробки было сделано специальное углубление, в котором находилась аккуратная пачка долларов, а в отделении для адаптера находились испанские банкноты, скрученные в тугой ролик. Этого было достаточно для начала работы. Теперь надо было отдохнуть. Арнольд лег в постель, приятно ощущая свежесть и прохладу постельного белья. Сон пришел быстро и незаметно.

Утром предупредительный портье позвонил и сообщил, что в намеченный час машина будет ожидать у подъезда, а билет ждет гостя в рецепции. Арнольд долго стоял под душем, подставляя тело под прохладные струи воды, затем оделся и, спустившись в ресторан, позавтракал. Выходя из ресторана, он увидел одного из служащих отеля, держащего дорожный кейс Арнольда и спортивную сумку. Получив билет, Арнольд расплатился с сияющим от чаевых портье и, сев в машину, помчался в сторону аэропорта.

* * *

Ибица встретила Арнольда влажным теплом курорта и нескончаемой вереницей такси, которые устало выстроились вдоль небольшого здания аэропорта. Пройдя к стойке заказа автомобилей, Арнольд получил только «форд-фиесту», ничего другого фирма по прокату не могла предложить, так как в пляжный сезон все машины разбирались приезжающими, и получить более или менее приличную машину было нелегко. Сев за руль двухдверного автомобиля, Арнольд включил зажигание и, еще раз сверившись с картой, отправился в одну из бухт с романтическим названием. В центральном отеле этой бухты в двух номерах люкс расположилась команда очень состоятельного американца, который проводил много времени на теннисном корте и на борту прекрасной океанской яхты, которая стояла на якоре у входа в бухту.

Арнольд более часа добирался по извилистой дороге и наконец притормозил перед спуском в бухту. Легкий ветерок приятно обдувал в знойном августовском мареве, и недолгое любование южной красотой придало Арнольду спокойствия и уверенности. Только несколько сот метров отделяло его от возможного места поединка, но сейчас он был готов действовать, и даже августовское солнце, пляжное настроение людей, расслабленность и манящая влага моря были его союзниками. По крайней мере, так ему казалось в тот момент. Он включил мотор, спустился по серпантину к гостинице, запарковал машину и, заглянув в рецепцию, справился об оставленном для него номере. Уставший служащий, отмахнувшись от него, как от назойливой мухи, выложил на стойку бланк регистрации, но как только Арнольд склонился над бланком и начал его заполнять, портье вскочил и, радостно улыбаясь, начал раскланиваться с входившим в холл отеля. Арнольд полуобернулся и увидел группу людей, которые сопровождали мужчину лет сорока, крепкого телосложения, с высоким лбом, красивым лицом, на котором лежал мягкий загар. Все в этом человеке притягивало и обольщало: и спортивная осанка, и умные светло-карие глаза. Мужчина, не обращая внимания на скалившегося портье, весело беседовал с одним из своих спутников. Группа состояла из восьми человек, из которых Арнольд сразу выделил шестерых телохранителей – отсутствие лишних движений, спортивные фигуры, спокойные, открытые лица с мальчишеским озорством в сверкании глаз. Но при прохождении холла двое как бы нечаянно сместились в его сторону, блокируя и создавая «зону отчуждения». Один перебросился парой фраз с портье и на

прощание оставил на стойке двухдолларовую купюру, которую портье мгновенно смахнул себе в карман.

Арнольд усмехнулся: «Двухдолларовая купюра. Как проститутке». От этого изощренного издевательства ему стало смешно, он улыбнулся портье и спросил:

– Серьезный клиент?

– О да! Он у нас уже не первый раз отдыхает, и всегда дает такие чаевые! Причем у него вся команда очень милая.

Арнольд получил ключ от своего номера и поднялся на третий этаж. При выходе на площадку третьего этажа он столкнулся с двумя охранниками, которые неотрывно смотрели на Арнольда, пока он неторопливо открывал свой номер. Расположив вещи и облачившись в пляжный наряд, Арнольд вышел из номера и отправился на пляж, который был заполнен до отказа. Вода кишела купающимися. Пройдя вдоль берега и осмотрев основные сооружения на побережье, Арнольд вернулся к отелю и, бросив вещи на один из топчанов, нырнул в бассейн с морской водой, где было всего несколько отдыхающих. Вода подавалась в бассейн из моря, а затем пропускалась через аэратор и фонтанчиками выбрасывалась в бассейн. Арнольд с удовольствием плавал в бассейне, а когда утолил свой голод по водной прохладе, выбрался из него и удобно устроился на топчане. Поманив служителя бара, он заказал большой стакан ананасового сока со льдом. Солнце приятно грело тело, и, решив немного позагорать, Арнольд прикрыл глаза и, расслабившись, отдал себя солнечным лучам…

* * *

Они начали проверять его, так же как и всех других проживающих в отеле, на следующий день. За завтраком один из ребят из окружения солидного джентльмена присел за столик и оказался крайне общительным, проявляя компанейский интерес к Арнольду и пытаясь выяснить в процессе беседы общее настроение, причины приезда на Ибицу… Арнольд спокойно и заученно рассказывал о своей богатой спортивной карьере и о нынешней врачебной практике, о своих коллегах-спортсменах, которые разбросаны по всему свету. Парень, которого звали Свен, говорил по-немецки с тем северным акцентом, который характерен для скандинавов. Он не был навязчивым, просто в его общении чувствовалась хорошо поставленная школа, и это выдавало профессионализм подхода к опросной беседе.

После завтрака Свен предложил Арнольду сыграть в теннис

на одном из великолепных кортов, которые располагались рядом с отелем. Но Арнольд отклонил предложение, объяснив, что держал в руках теннисную ракетку только дважды в жизни. А вот от предложения прокатиться на яхте он не стал отказываться, и через несколько минут Арнольд уже усаживался в маленький легкий катерок, который быстро доставил двух новых знакомых на яхту. Прекрасная океанская яхта была просто воплощением человеческой мечты, и Арнольд полностью отдался отдыху. Целый день компания, собравшаяся на яхте, отдыхала и развлекалась. Перед обедом несколько молодых людей и девушек решили искупаться, но Арнольд отказался нырять в открытое море, что вызвало всеобщий смех и подшучивание. Он весело принимал насмешки и упреки в трусости и только пожимал плечами, объясняя, что не взял пропуск для встречи с акулами.

Обед был изыскан и прошел очень весело. Компания смеялась, шутила, флиртовала, веселилась, и к вечеру, когда яхта бросила якорь в бухте, казалось, что все участники прогулки были старыми друзьями.

Сойдя на берег, Арнольд отправился в свой номер и, войдя, внимательно осмотрелся. Конечно, пока он отдыхал на яхте, его номер, как и номера других приглашенных, был тщательно осмотрен и обследован. Длительная прогулка и гарантия отсутствия хозяина номера позволили провести профессиональный осмотр, который был практически незаметен, если бы не метки, которые оставил Арнольд, покидая свой номер.

Арнольд долго стоял под душем с солоноватой опресненной водой, которая плохо смывала шампунь, потом тщательно оделся к ужину и точно за минуту до назначенного времени появился в зале ресторана. Компания, которая предстала на яхте как бесшабашная команда сорвиголов, теперь выглядела вполне респектабельно: дамы сверкали вечерними туалетами, драгоценностями, обнаженными, полуобнаженными частями тел и бросали испытующие взгляды с одного мужчины на другого. Мужская часть компании предстала в строгих президентских костюмах и современных костюмах в молодежном стиле в обрамлении модных галстуков, запонок, шикарных часов и булавок. Чуть с опозданием появился хозяин яхты, который представился как мистер Бронс, а для друзей – просто Михаэль. Телохранители и свита без особой суеты разместились за столом. Метрдотель кивнул официантам, и они, закрыв двери в зал ресторана, принялись за свою работу, меняя сервировку к каждому новому блюду, разнося прекрасные вина и соусы, исполняя каждую прихоть гостей, которые, меняя одну тему за другой, проводили вечер, наслаждаясь компанией, деликатесами

испанской кухни и музыкой. Ужин завершился поздно, и компания, распрощавшись, разошлась по своим номерам. Свен проводил Арнольда до номера и, пожелав спокойной ночи, прошел дальше по коридору к номеру, который занимал вместе с еще одним крепким скандинавом из команды мистера Бронса.

Арнольд разделся, принял душ, включил телевизор на одну из музыкальных программ. Затем он взял привезенный аудиокомбайн, снял пломбу, отвернул винты задней крышки и извлек из потайного отделения миниатюрный сканер. Развернув антенну, он выставил на дисплее программу сканирования. Арнольд подключил наушник и, встав примерно в центре комнаты, включил сканер. Примерно через минуту на дисплее замелькали шкалы звуковых частот, соответствующие звуку телевизионной программы. Арнольд переключил программу и медленно стал поворачиваться на месте, направляя антенну сканера вперед и внимательно наблюдая за шкалами на дисплее. Наконец все три шкалы выскочили к максимальной отметке. Арнольд несколько раз проверил направление, а затем стал осматривать линию, на которой должен был располагаться прибор прослушивания. Вскоре он обнаружил знакомый контейнер с небольшой антенной, прикрепленный снизу кровати в одном из мест стыка деревянных конструкций. Арнольд внимательно осмотрел «закладку», освещая ее фонариком, но не прикасаясь к ней. Это был промышленный образец, выполненный в соответствии со всеми профессиональными требованиями. Запаса батарей должно было хватить не менее чем на неделю, а если внутри установлен блок аудиовокса, включающий аппарат только при возникновении звуковых волн, то такая игрушка на специальных аккумуляторах могла работать несколько недель.

Арнольд разобрал сканер и опять упаковал его в корпус магнитофона. Затем достал одну из своих любимых кассет и, поставив ее, выключил телевизор. Приятная прохлада чистого постельного белья приняла его тело, принеся расслабление и призывая к отдыху. Сон плавно окутал Арнольда, вовлекая его в смену сновидений…

Стук в дверь прозвучал неожиданно. Стучали осторожно, но настойчиво. Арнольд включил настольную лампу, затем нажал на одну из кнопок своего магнитофона – на многофункциональном дисплее замерцали два индикатора: желтый и красный. Это означало, что «закладка» перешла в режим активного инициирования.

«Ну что ж, надо принимать условия игры», – подумал Арнольд и, намотав на бедра полотенце, подошел к двери. Открыв дверь, он увидел одну из девушек, которые были на яхте,

а позднее на ужине. Девушка вошла в номер, прикрыв за собой дверь, и, молча обвив руками шею Арнольда, поцеловала его.

– Я хочу остаться сегодня с тобой, – прошептали ее губы по-немецки. Правила игры были не только предложены, но и предприняты. Путей к отступлению не оставалось…

Утром Свен постучал в номер Арнольда и, увидев заспанное лицо своего нового знакомого, понимающе подмигнул.

– Через десять минут я буду внизу, – проговорил Арнольд и отправился в ванную комнату, где заканчивала туалет Диана, так назвала себя девушка.

Через четверть часа Арнольд и Диана входили в зал ресторана и, увидев Свена, присели за тот же столик.

* * *

Мигель увидел Арнольда издалека, он только что вылез из бассейна и, протянув руку, помог выбраться на бортик невысокой светловолосой девушке, которая радостно выскочила из воды и, поцеловав Арнольда в щеку, прыгнула в одно из пляжных кресел. Арнольд присел рядом, по своей обычной привычке надвинув панаму на глаза.

* * *

За обедом царило обычное возбужденное веселье. Обитатели небольшого отеля, позволяющие себе обедать в самом шикарном местном ресторане, быстро перезнакомились и находились в пляжно-приятельских отношениях, столь характерных для состоятельной молодежи, отправившейся на беззаботный отдых.

Прошло уже больше недели, как Арнольд прибыл на Ибицу. Начиная с первого дня Диана словно прилипла к нему и ни на шаг не отходила от Арнольда. Молодая девушка, отец которой был немец, а мать итальянка, завершила филологическое образование в Гейдельбергском университете и теперь имела полугодовой академический отпуск для подготовки к диссертационной работе. Все в этой девушке было прекрасно, но какая-то умная настороженность ее голубовато-серых глаз говорила Арнольду о том, что интерес Дианы к нему связан не только с обычным увлечением.

За прошедшую неделю мистера Бронса посещало достаточно много гостей из самых разных частей света. Арнольд следил за всем, что происходит. Он не имел возможности незаметно

пробраться к своему тайнику, оборудованному недалеко от дороги в нескольких километрах от отеля. Поэтому ему приходилось пользоваться только своим фотоаппаратом со специальными приспособлениями, вмонтированными в объектив, и электронным набором, скрытым в магнитофоне. Но и то, что он смог увидеть и проанализировать, никак не могло вязаться с той информацией, которая была ему известна о Купце, а вернее, о мистере Михаэле Бронсе. Это был интеллигентный, высокообразованный человек с прекрасными манерами, говорящими о том, что он не чужд солидного общества. Его окружение отличалось жесткой дисциплиной, но не старалось специально показать свою близость к очень богатой особе.

Арнольда крайне насторожили несколько посетителей, которых он заметил за прошедшую неделю. Среди них были достаточно известные Арнольду и его коллегам военные чиновники, несколько сотрудников спецслужб и один предприниматель из ЮАР, владеющий крупнейшими урановыми рудниками.

Специальный микрофон с лазерной приставкой, вмонтированной в магнитофон, позволил Арнольду записать ряд бесед, но постоянное присутствие Дианы не позволяло ему надолго остаться одному, поэтому магнитофон приходилось оставлять в автоматическом режиме с микрофоном, настроенным либо на номер мистера Бронса, который располагался за стеной, либо на яхту, стоявшую в бухте, либо на площадку для тенниса, которую арендовал для себя и своей команды Бронс.

Арнольду удавалось урывками прослушать записи через специальный наушник. Анализ разговоров не оставлял сомнений. Купец ни словом, ни намеком не коснулся темы наркотиков. Все разговоры касались вопросов финансирования и технологического обеспечения обработки ядерного сырья. Теперь становилось понятным, почему наркотики в больших партиях отправлялись в регион, где спрос на них был намного ниже предложения; прикрываясь наркобизнесом, группа Бронса разрабатывала и продавала новую технологию получения обогащенного ядерного продукта. Арнольд выуживал из глубинных структур своей памяти знания по ядерной технологии и материалы последних разработок, которые были доведены до него на последнем курсе подготовки. Ситуация становилась более серьезной, чем казалась вначале, когда разрабатывалась операция по ликвидации одного из воротил наркобизнеса и разрушению созданной им сети. Анализ всех полученных материалов и осмысление происходящего постоянно приводили его к выводу о профессиональной проработке схемы функционирования.

Конечно же в системе мистера Бронса есть и подразделение, которое занимается торговлей наркотиками и поставляет свободные отмытые средства, которые направляются на совершенствование технологии…

Надо было обязательно получить подтверждение или опровержение этой навязчивой идеи. Время шло, отдых на курорте протекал свои чередом, менялись посетители отеля. Окружение мистера Бронса также отслеживало каждого приезжающего и особенно внимательно следило за всеми членами веселой компании пляжных друзей как снаружи, так и изнутри самой компании. Арнольд хорошо понимал это. Но необходимость достать подтверждение своих выводов требовала использования аппаратуры, которая вместе с оружием находилась в организованном им тайнике. Несколько раз проезжая мимо него на машине во время прогулок, Арнольд убеждался в нетронутости своего хранилища, но использовать его пока не удавалось.

* * *

На исходе девятого дня пребывания Арнольд спустился в бар выпить чашечку кофе со стаканом сока грейпфрута. Диана чуть задержалась в своем номере, приводя себя в порядок к ужину. Сев на высокий стул за стойкой и кивнув бармену, Арнольд раскрыл один из иллюстрированных журналов. Когда бармен поставил перед ним маленький поднос с кофе и соком, Арнольд услышал знакомый голос справа от себя и, повернувшись, увидел Мигеля, который, не замечая Арнольда, заказал одно из многочисленных испанских блюд и бокал вина. Арнольд опустил лицо к журналу, незаметно скосив взгляд на Мигеля. Тот, не торопясь, пил вино и постукивал по стойке пальцами левой руки: средний, указательный, мизинец, средний, указательный, мизинец. Затем Мигель поднял голову и, осмотревшись, остановил свой взгляд на машине Арнольда, припаркованной на стоянке.

«Через два с половиной часа на стоянке», – понял Арнольд систему условных знаков. Беспокойство тихо шевелилось где-то внутри, и его отголоски заставляли думать и думать, ставя все новые и новые вопросы. Появление Мигеля было связано с какими-то новыми событиями, а поведение коллеги подтверждало, что события, скорее всего, создадут новые сложности в работе.

Поужинав с Дианой и поболтав недолго с компанией своих новых друзей, Арнольд прошел в бар, заказал сок и, высидев нужное время и проверив отсутствие к себе особого внимания, не

торопясь направился к стоянке автомашин, как вдруг его окликнул менеджер отеля.

– Вам только что звонили из Ибицы и сообщили, что вы можете обменять ваш «форд» на «мерседес» или «вольво» по желанию. Вы можете приехать сами за машиной, или служащий компании пригонит вам новую машину и отгонит ту, которой вы пользуетесь теперь. – Менеджер протянул записку с адресом и телефоном фирмы по прокату автомашин.

Арнольд подошел к своему «форду», рядом никого не было. Он повернулся и, пройдя в ресторан, поведал друзьям о той новости, которую ему сообщил менеджер, и, сев в машину, вырулил на дорогу и направил машину к серпантину подъема к шоссе, ведущему к столице острова Ибица с одноименным названием. Выбравшись на одно из плато, где дорога делает крутой поворот, Арнольд притормозил и переключил передачу. На несколько секунд фары вырвали из наступающих сумерек фигуру человека, стоящего на краю шоссе. Арнольд не мог спутать эту фигуру – это был Мигель. Машина притормозила, и Мигель сел на сиденье рядом с Арнольдом. Ничего не говоря, Мигель протянул Арнольду листок с текстом. Арнольд прочитал листок, перевернул его и, достав ручку, начертил схему, затем достал небольшой баллончик из кармана и передал его Мигелю. Друзья еще раз взглянули друг на друга. Мигель слегка пожал руку Арнольда и, открыв дверцу, исчез в быстро наступающих сумерках.

* * *

Арнольд возвращался на прекрасном «мерседесе», под капотом которого шесть цилиндров аккумулировали триста лошадиных сил. Машина словно бы вырывалась из-под руля, но в конце концов покорилась водителю и послушно следовала по серпантину дороги, проложенной через весь остров со множеством ответвлений к каждой из живописных лагун с поэтическими названиями. Фары выхватывали из темноты ограничительные столбики, дорожные знаки и указатели, силуэты одиноких домиков с игрушечными садиками, воссозданными на насыпных почвенных подушках, старательно перенесенных на каменистые склоны. Редкие маленькие деревеньки встречали машину светом кафе и ресторанчиков, веселым гуляньем и смехом.

Перед поворотом на дорогу, ведущую к бухте, Арнольд притормозил, и «мерседес», мягко шурша колесами, скатился с

гудронового покрытия шоссе на потрескавшийся и пыльный асфальт боковой дороги. Впереди был спуск, затем небольшой подъем и крутой серпантин спуска в бухту к отелю. Машина скатилась в небольшую ложбину между двумя холмами и на повороте, где увидеть ее было практически невозможно и днем, притормозила. Тень мужчины отделилась от сплошной стены густого кустарника, рука, показавшаяся в проеме двери, положила на переднее сиденье «мерседеса» дипломат фирмы «Самсонайт» и, забрав точно такой же дипломат, исчезла в темноте. «Мерседес» плавно тронулся с места и через несколько секунд исчез во тьме, лишь изредка мелькая фарами на поворотах.

Арнольд въехал на стоянку и припарковал машину на прежнем месте. Перед тем как выйти из машины, он открыл дипломат и, мельком взглянув внутрь, мысленно похвалил Мигеля – тот уложил в дипломат все, что просил Арнольд, не забыв положить и оружие. Часы показывали за полночь, но в ресторане, как обычно, сидела большая компания постояльцев отеля, среди которой Арнольд сразу увидел Бронса с постоянной группой телохранителей, секретарем и новым гостем, прибывшим вчера. Этот гость вызывал у Арнольда непонятное чувство отвращения. Ничем внешним этот человек не был неприятен, но внутренне Арнольд не мог отделаться от чувства брезгливой отчужденности к этому внешне весьма респектабельному и вполне симпатичному человеку. В беседе со Стивом Арнольд узнал, что друг его шефа – американец и «большая голова», но в окружении мистера Бронса его недолюбливают за чрезмерную чопорность. Эта фраза в комплексе со всей другой информацией, которую Арнольд сумел собрать, настораживала. К тому же появление Мигеля, принесшего информацию от Шефа, настораживала еще больше, ведь Арнольд был уверен, что будет работать в одиночку и задача одного из представителей организации в Испании – Мигеля – лишь предоставить аппаратуру и финансирование.

Появление Мигеля давало возможность использовать своего друга в операции по дополнительному сбору информация, но и создавало дополнительные сложности, связанные с нелегальными контактами на маленьком острове.

Диана сидела в баре и, увидев Арнольда, махнула ему рукой, приглашая к себе. Арнольд приблизился и весело сообщил, что фирма сдержала свое слово и поменяла «консервную банку» на колесах на приемлемый автомобиль и что завтра, а точнее, уже сегодня утром можно будет съездить на прогулку по острову и заглянуть в другие бухты. Диана весело приняла предложение и

вместе с еще одной девушкой взяла на себя обязанность собрать утром компанию для поездки в столицу острова город Ибица, а также для экскурсии по бухтам маленького островка из Балеарского архипелага. Арнольд, сославшись на усталость и желание отдохнуть перед поездкой, отправился к себе в номер.

Оставшись один, Арнольд активизировал программу сканера, контролируя активность радиозакладки, и, раскрыв дипломат, достал нужную аппаратуру.

Проходя к себе в номер, Арнольд видел, что Бронс и его американский гость вместе со всей компанией остались в ресторане. Значит, около апартаментов дежурят только два охранника, а в самом номере был оставлен притушенный свет. Видимо, проработав в кабинете, команда Бронса спустилась на поздний ужин, который перешел в долгое приятельское общение.

Арнольд включил свой магнитофон, наполнив комнату приятной мелодией, и, сев под окном, разложил сложное устройство с длинным полупрозрачным световодом, который мог выдвигаться и поворачиваться на нужный угол, позволяя оператору проводить осмотр и фотографирование.

Тонкая нить световода медленно сползала вниз, постепенно приближаясь к верхней кромке нужного Арнольду окна. Как только нижний край световода коснулся стекла, Арнольд начал медленно вращать ручку изменения угла и, поймав световой поток, сфокусировал объектив. Световод был направлен на бумаги, оставшиеся на столе после беседы, видимо прерванной внезапно. Медленно переводя объектив с участка на участок, Арнольд фотографировал все, что можно было захватить в контрольную рамку…

Завершив съемку, Арнольд медленно втянул световод в свое окно, отсоединил его от микрокамеры и положил в пакет, который находился внутри дипломата. Несколько манипуляций с пластмассовым корпусом микрокамеры – и блок, в котором была вмонтирована пленка, отсоединен, остальные части микрокамеры также нашли свое место в пакете. Небольшой контейнер, напоминающий модный пенал для авторучек, представлял собой контейнер для химикатов обработки пленки. Через 10 минут все было завершено. Пленка была полностью обработана, а от всего механизма остались лишь оптические блоки, составляющие основную ценность конструкции, да маленькая невзрачная пластинка, представляющая собой уникальную батарею, позволяющую работать несколько лет. Все остальное содержимое пакета было залито светлой жидкостью маслянистой консистенции, и через пару минут мутная жижа была вылита из пакета в унитаз, унося с собой следы современной техники.

Арнольд обработал пакет, не касаясь внутренних стенок, затем вылил в туалет флакон специального нейтрализатора, который должен завершить процесс уничтожения техники уже в стоке канализации и предотвратить хотя и маловероятные, но все же случающиеся засоры.

Крайний не значит последний

Теперь можно было поработать с просохшей пленкой. Нарезав пленку на кадры, Арнольд медленно просматривал каждый из микронегативов, держа его пинцетом и всматриваясь в текст при помощи великолепной линзы. На четвертом кадре его буквально подбросило на стуле. На фрагменте страницы он четко прочитал аббревиатуру «гедраргирум – Р» – «красная ртуть»!

Горячая волна прокатилась по телу, Арнольд передернул плечами и принялся изучать остальные кадры. Пленка содержала 12 кадров, и информация, полученная при работе, позволила скопировать несколько важных фрагментов. Теперь опять наступала роль Мигеля – он должен был срочно передать пленку по каналу, а уж эксперты смогут вытащить из этих обрывков все, что можно, а может быть, и то, что нельзя. От этой мысли стало немного веселей, но мысль о красной ртути не просто настораживала. Теперь стали прорисовываться общие контуры возможных вариантов, и это показывало, что Купец не просто торговец наркотиками. Конечно же наркотики составляли какую-

то долю его доходов, но основным делом этого человека была незаконная торговля компонентами ядерного вооружения и участие в проектах по созданию ядерных зарядов малого размера. Далее даже самое бедное воображение могло нарисовать себе крайне «банальную» картинку компании террористов с маленькой ядерной бомбочкой, которой можно шантажировать целые государства под угрозой моментального уничтожения от полумиллиона до миллиона людей – всего-то…

Арнольд машинально заворачивал пленку в специальную фольгированную обертку, но пальцы не слушались. Тонкая оболочка разорвалась и потеряла все заложенные в нее конструкторами свойства. Выругавшись на самого себя за неаккуратность, Арнольд достал из сумки набор открыток, предусмотрительно купленный у разговорчивого дежурного в рецепции, и почтовые марки. Теперь приходилось работать старым, дедовским методом, пряча микронегативы под почтовыми марками. Вскоре весь комплект был использован, превратившись в стопку веселых дружеских поздравлений друзьям в различных уголках мира. Сколько таких веселых поздравлений переносится почтой из одного конца света в другой, извещая друзей о прекрасном отдыхе, каникулах, передавая маленький знак внимания и живописный вид приглянувшегося местечка.

Взглянув на часы, Арнольд подошел к окну и открыл его настежь. Постояв немного, облокотясь на подоконник, он увидел проходящую внизу Диану и окликнул ее. Диана весело доложила, что почти вся компания засиделась в ресторане и оживление в самом разгаре, мистер Бронс сегодня просто в ударе, он решил заказать специальный ночной банкет для своего гостя и для всех желающих принять участие. Арнольд весело откликнулся на информацию и через минуту уже входил в зал ресторана, где Стив объяснял собравшимся, что им необходимо переодеться и через полчаса прибыть в банкетный зал ресторана для участия в ночном банкете.

Незаметно отделившись от общей веселой и чуть ошарашенной новой выдумкой мецената компании, Арнольд прошел через солярий бассейна и спустился к пляжу. Подойдя к воде, он присел на большой валун, хранивший тепло жаркого дня, и опять стал анализировать всю информацию, полученную в процессе «отдыха». Сзади раздались шаги; обернувшись, Арнольд увидел Диану, которая, подойдя к нему, молча потянула Арнольда за руку, уводя в более темную часть пляжа, Вначале Арнольд воспринял поведение Дианы шутливо, но, поймав ее взгляд, понял, что что-то произошло.

Диана вся дрожала и не могла произнести ни слова, она просто дрожала, а потом расплакалась, уткнувшись в плечо Арнольду. Он не пытался что-либо выспросить, понимая, что это будет безрезультатно. Постепенно Диана успокоилась и, подняв на Арнольда еще не просохшие глаза, еле слышно прошептала: «Прости меня, пожалуйста» – и, резко отстранившись, быстро пошла к отелю.

Арнольд еще немного постоял и также направился к отелю, но не напрямик, а по дорожке, которая, делая дугу, приводила к крыльцу главного входа. Проходя мимо зарослей кустарника, Арнольд увидел знакомую фигуру Мигеля, который только на мгновение показался своему напарнику и опять слился со стеной из живой изгороди. Арнольд улыбнулся – близость товарища вселяла уверенность, а профессионализм Мигеля был залогом успеха.

«Молодец, – подумал Арнольд, – не ушел после окончания съемки, а остался прикрывать, и увидел поданный условный сигнал, а мог бы и исчезнуть на сутки, как гласила инструкция».

Конечно же Мигель, так же как и Арнольд, понимал, что информация, которая может быть получена с помощью гибкого световода, может оказаться срочной и крайне важной, а в таком случае ждать сутки опасно.

Проходя мимо, Арнольд коротким, но мягким движением передал Мигелю пачку открыток и, пройдя по дорожке, взбежал на крыльцо отеля…

…Ночной банкет был великолепен. Настораживало лишь настроение Дианы и внезапное отсутствие Стива. Одна из девушек спросила о нем, но никто не знал, куда же девался этот ловелас и организатор большинства шумных мероприятий…

Утром Арнольд проснулся от какого-то непонятного чувства волнения, внезапно охватившего его. Он принял душ, оделся и спустился к завтраку, когда компания уже собиралась. Завтрак прошел как обычно. Все экскурсанты договорились собраться на автостоянке через пятнадцать минут и отправиться в экскурсию по острову на машинах. Арнольд искал глазами Диану, но ее нигде не было. Постучав в дверь ее номера, он не получил ответа, а портье сказал, что госпожа Диана ключ не сдавала и, где она, он не знает. Это еще больше насторожило Арнольда. Он поднялся в свой номер и замер, едва переступив порог. На столе лежал маленький конверт. Ключ Арнольд не сдавал, значит, кто-то открыл дверь вторым ключом и проник в номер в отсутствие хозяина. Осторожно осмотрев конверт и не обнаружив ничего настораживающего, Арнольд пинцетом открыл незапечатанный клапан и достал маленькую записочку, написанную рукой Дианы.

Прочитав несколько строк, Арнольд быстро оглядел комнату и натренированно стал упаковывать в спортивную сумку вещи. Собрав все, что он считал нужным взять, Арнольд положил ключ от номера на стол вместе с чеком, выписанным на сумму, несколько превышающую ту, которую ему необходимо было заплатить за проживание. Затем он присел на стул, еще раз оглядел номер, встал и быстро вышел, захлопнув за собой дверь.

Прогулка была великолепной. Вначале кавалькада колесила по красивым бухтам острова, а после того, как компания проголодалась, все решили ехать обедать в знаменитую таверну в небольшом городке, на полпути к столице острова. Во время обеда Арнольд вышел в холл и, оставшись один, набрал номер телефона. Приятный женский голос на том конце провода вежливо ответил. Информация и заказ заняли меньше минуты, и, повесив трубку, Арнольд присоединился к компании. После обеда экскурсия разъехалась, договорившись встретиться на ужине в одном из известных ресторанов в Ибице.

Арнольд подвез одну из пар до ближайшей бухты, которая приглянулась парню и девушке, и, выехав на шоссе, утопил педаль газа. Машина мчалась по извилистому шоссе. Мощный мотор работал, сбавляя обороты лишь на поворотах, где можно было запросто не только оставить искореженный автомобиль, но и потерять жизнь. Как бы нехотя «мерседес» притормаживал и, посвистывая шинами, вновь рвался вперед после каждого поворота серпантина. На прямых участках дороги машина быстро набирала скорость и мчалась до следующего поворота, где опять надо было притормаживать, и «мерседес» чуть приседал на передние колеса, а пройдя поворот, как пес из диснеевского мультфильма, бросался вдогонку за невидимым обидчиком, стремясь догнать и наказать его.

Машина прибыла в аэропорт за десять минут до окончания регистрации. Арнольд быстро рассчитался с ошеломленным сотрудником фирмы по прокату машин, который ошарашенно смотрел на клиента, сдававшего машину, которая была арендована на неделю вперед, но вежливо улыбнулся и почтительно поклонился, забирая вместе с квитанцией солидные чаевые. Девушка, регистрирующая пассажиров, вылетающих с острова в Барселону, уже подкалывала корешки билетов, когда Арнольд назвал ей номер своей брони и начал извиняться за свою нерасторопность и говорить, как трудно уезжать со столь прекрасного курорта, но, увы, дела требуют завершить отдых. Девушка улыбнулась и, приняв оплату за билет, выдала Арнольду посадочный талон, который сама же оформила, и показала запоздалому пассажиру проход к самолету. Арнольд вошел в

салон последним. Пройдя в хвост самолета, он осмотрел пассажиров. Их было немного, и не составило большого труда убедиться, что знакомых среди людей на борту нет.

Самолет взмыл в небо и менее чем через час уже приземлялся в аэропорту Барселоны. Арнольд, смешавшись с толпой пассажиров, покинул здание аэропорта и, взяв такси, поехал в один из спортивных комплексов. Купив билет на оздоровительный сеанс в бассейне и тренажерном зале, Арнольд прошел в раздевалку, бросил сумку в ящик, повесил большое полотенце и ключ от ящика на щиток и бросился в воду. Наплававшись, Арнольд накрылся полотенцем и удобно разместился в шезлонге, прикрыв глаза и расслабившись. Из полудремы его вывел звук знакомой речи; повернувшись, он увидел двух немцев, которые обсуждали какое-то последнее сообщение по телевидению об убийствах на Балеарских островах и поиске подозреваемых лиц. Название островов и события последних полусуток подсказали Арнольду, что он должен получить более детальную информацию. Подозвав официантку, Арнольд заказал легкий завтрак во внутреннем кафе и пошел переодеваться. Сменив свой прогулочный костюм, в котором он прилетел в Барселону, на легкий летний, правда немного помятый после перелета в сумке, Арнольд отправился в кафе, где его уже ожидали расторопные служащие, и не успел посетитель занять свое место за столиком, как на белоснежной скатерти как по мановению волшебной палочки появилось все, что было заказано.

Покинув оздоровительный комплекс, Арнольд отправился в центр города и снял номер в одном из популярных больших отелей, в которых с одинаковой вежливостью обращаются со всем множеством клиентов, количество которых просто невообразимо. Войдя в номер, Арнольд включил телевизор и, открыв одну из банок с лимонным напитком, которые стоят в холодильнике, удобно устроился в кресле и подключил к телевизору свою видеокамеру. Реклама перебивала почти все передачи, но примерно через час в одном из выпусков новостей диктор стал передавать сообщение о чрезвычайном событии, происшедшем сегодня на Ибице. Арнольд приник к экрану. Комментатор сообщил, что сегодня утром на острове Ибица были обнаружены два трупа. Молодой мужчина с пулевым ранением в голову был обнаружен в разбитом автомобиле недалеко от аэропорта. Телеэкран бесстрастно показывал место событий. Молодой мужчина с пулевым отверстием в левой теменной области лежал головой на руле искореженного «форда», полицейский врач откинул голову погибшего на спинку сиденья, и Арнольд увидел

обезображенное лицо Мигеля. Камера чуть наехала на мертвое, залитое кровью лицо, и холодок мурашек пробежал по телу Арнольда. Полицейский чин рассказал, что машину обнаружил один из местных крестьян и что при обыске у погибшего были обнаружены деньги, документы и более десятка почтовых квитанций, ничего из ценностей похищено не было. Второй погибшей была молодая девушка, которая утонула во время купания в одной из маленьких бухточек. При первом обследовании на теле не обнаружено никаких следов насилия, кроме нескольких синяков и следа от укола в вену, а в крови обнаружена большая доза наркотиков. Это была Диана. Полицейский чин еще продолжал говорить о возможных совпадениях в этих двух случаях, происшедших на маленьком курортном острове, а Арнольд, перемотав кассету уже повторно, отсматривал фактический материал, беспристрастно зафиксированный видеокамерой.

Арнольд отставил банку с напитком. Хотя во рту мгновенно пересохло, пить не хотелось. Опустив голову, человек сидел в кресле и думал о событиях, которые то стояли на месте, как египетские пирамиды, то мчались со скоростью космического корабля. Ясно было одно – Мигель успел ночью отправить открытки, по-видимому, в срочном почтовом отделении в терминале аэропорта, значит, микронегативы попадут по назначению. Вместе с предыдущей информацией они сделают свое дело. Вынув бумажник, мужчина достал маленькую записочку с несколькими строками, написанными женской рукой наспех: «Прости, меня заставили. Ты не такой, как они говорили. Я больше не могу лгать. Я не хочу, чтобы тебя убили. Диана». Мужнина смотрел на клочок розовой бумаги с начертанными на нем буквами, и слезы навернулись сами собой. Он давно не плакал, но сейчас не мог сдержать слез, подступивших внезапно и непреодолимо, как в далеком детстве, когда его, слабого мальчишку, обижали более сильные и он плакал не столько от боли, сколько от бессилия, от невозможности дать достойный отпор, отомстить. Он внезапно остановился. Отомстить. Это слово всплыло в мозгу само собой. Глаза почти тотчас просохли. Мужчина стыдливо стер слезу со щеки и упрямо мотнул головой. Нет, инструкция в этом месте была неумолима и безукоснительно требовала одного – после получения информации вый ти из зоны и возвращаться. Но перед глазами вдруг предстали лицо жены Мигеля, мягкие руки его матери, рано потерявшей мужа и всю любовь передавшей сыну.

Арнольд не пошел ужинать, он долго сидел в кресле, словно сросся с ним, его глаза были устремлены в одну точку, весь мир

сузился для него до ничтожных размеров. Так прошло несколько часов. Затем Арнольд отправился в ванную, принял душ, забрался под одеяло и заснул.

После завтрака молодой немец рассчитался за номер и покинул отель, так же как это делают десятки и сотни тысяч других туристов и бизнесменов, приезжающих в город на день-два для отдыха или решения каких-либо вопросов. Он вышел на улицу и неспешно пошел по тротуару просыпающегося и входящего в повседневный ритм города. Но это был уже другой человек. Решение, принятое им, ставило его на грань существования, но утренний телефонный звонок и обмен кодовыми фразами подтвердили, что первые две открытки уже получены, а это значит, что система, построенная им в процессе своих размышлений, в принципе верна. Конечно, любая ошибка в расчетах или построении взаимосвязей была равносильна смерти, но отступить он уже не мог, хотя и в случае успеха оказывался за гранью допуска той системы, частью которой он был до сего дня.

* * *

Морская яхта пришвартовалась у причала Шанхая, не вызвав никакого внимания – это происходило ежедневно, – и группа туристов, пройдя пограничный контроль, сходный с процедурой предъявления билетов в театре, сошла на берег. Все прибывшие веселились и отдыхали, гуляя по улицам города, заглядывая в маленькие лавочки и восхищаясь восточным колоритом, как маленькие дети, глазели на все, что отличало Восток от Запада, которым, как утверждал Киплинг, не суждено сойтись. Один из туристов в составе небольшой компании долго гулял по городу, путано водя своих попутчиков по улицам «незнакомого» китайского города. Когда туристы проходили один из кварталов города, раздалось несколько громких хлопков, которые вызвали у туристов некоторый спор о том, какой праздник отмечают местные жители и в честь чего стреляют из хлопушек так, как будто это почти настоящее оружие. Туристы недолго обсуждали это событие, так как наплыв впечатлений от новых встреч перекрыл один из эпизодов. На ужине никто не обратил внимания, как молодой парень из туристической группы отлучился в холл, где между киосками, торгующими различными товарами диковинного Китая, он обменялся условными знаками с одним из представителей дипкорпуса. Вести были не вполне удовлетворительными – основная часть группы, осуществлявшей переправку больших партий наркотиков и привозившей отмытые

деньги, была захвачена местным подразделением по борьбе с наркомафией, но трое руководителей, в том числе и одна женщина, выскользнули из кольца окружения и ушли. Правда, пока они в городе, но где именно – неизвестно.

Турист вернулся в зал ресторана, неся несколько веселых сувениров, которые он раздал обрадованным дамам за столом, вызвав общее оживление и поймав на себе несколько благодарных взглядов. Но мысли этого человека сейчас были далеко за пределами фешенебельного отеля, в котором проходил ужин. Арнольд мысленно прочесывал город, восстанавливая в памяти места, в которых можно было сейчас обнаружить Мари. Операция, которую он организовал, использовав прикрытие секретного источника местной службы безопасности, прошла успешно для ее организаторов, но не для него. Ему нужна была сейчас та обворожительно-изящная женщина, благодаря которой погибло множество его коллег, а сам он на всю жизнь заполучил метку, правда скрытую кожей лба, но проступающую в моменты напряжения или волнения. Та операция, в которой один из помощников Мари сымитировал попытку помочь Арнольду в борьбе с двумя противниками, а затем, резко развернувшись, нанес коварный удар рукояткой точно в темя. В последний момент Арнольд успел отклонить голову, и удар пришелся вскользь в лоб примерно по границе волос. Арнольда отбросило к стойке бара, в котором происходило событие. Кровь из рассеченной раны заливала лоб и глаза, в голове стоял сплошной нарастающий гул. Уже теряя сознание, Арнольд успел выстрелить несколько раз в нападавших… Он очнулся на второй день с обезображенным и отекшим лицом. Дышать можно было только ртом, так как нос был плотно затомпонирован, повязка фиксировала сломанные кости носа, восстановленные после операции. Зашитая рана на голове нещадно саднила. Дождавшись, когда медсестра вышла из палаты, он повернул голову и спросил у дежурившего в палате сотрудника о Мари. Тот пожал плечами и как-то неуверенно объяснил, что после того, как Арнольд потерял сознание в баре, были брошены две гранаты, погибло несколько человек, тела их были обезображены взрывом. В одной из погибших вроде бы узнали Мари, но заключение экспертов еще не готово…

И вот опять Мари ускользнула. Мысли перебирали самые отдаленные уголки громадного двенадцатимиллионного города, и вдруг он вспомнил о маленьком дворике с двумя проходными подъездами недалеко от порта, прямо под боком, в каком-то километре от места стоянки корабля, на котором Арнольд прибыл в Шанхай.

Теперь важно было информировать ту агентуру, которую Арнольд мог использовать, не выходя на арену. До отплытия корабля оставалось чуть больше двух дней. Действовать надо было быстро.

Весь следующий день ушел на подготовку к операции. Все было быстро и точно рассчитано. Группа из восьми человек была собрана по линии Шена – это была резервная, но не законсервированная линия. Никто из них не знал Арнольда. Он был для них только человеком, подавшим их руководителю сигнал. Если Мари действительно здесь, а более удобного места Арнольд не мог вычислить, то группа должна была нейтрализовать охрану, если таковая есть. А у Мари всегда была слабость к нескольким сильным, решительным ребятам, правда, никого из них она и близко к себе не подпускала, а любая фривольность могла стоить смельчаку не только потенции, но и головы, причем в прямом смысле – в спецшколе эту красивую девочку слишком хорошо обучили стрельбе в голову.

…Арнольд смотрел на часы, стрелки приближались к критической отметке, пограничник у трапа безучастно смотрел на туристов, которые сходили на берег и возвращались на судно, и только отмечал перемещение туристов. Арнольд сидел с Инессой в баре и не мог понять, что же с ним происходит. Операция началась уже более двух часов назад, через тридцать – сорок минут должен начаться захват маленькой квартиры, которая была куплена у бедной китайской семьи за бесценок. Инесса категорически не хотела сегодня отпускать Арнольда на берег и под любым предлогом задерживала его. Когда же ему все-таки удалось сойти с судна, времени оставалось совсем в обрез, и, отойдя от пирса, Арнольд резко ускорил шаг, направляясь к намеченному кварталу по кратчайшему пути. Автоматически проверившись несколько раз, Арнольд не обнаружил признаков особого внимания к себе, но, подойдя к проходному двору, за которым находился заветный дом, он вдруг отчетливо услышал сухой звук выстрела, затем раздалось несколько упруго-протяжных хлопков выстрела из пистолета с глушителем. Арнольд перешел на противоположную сторону улицы, проскользнул в узкий переулок, затем проскочил на соседнюю улицу, вскочил в подошедший к остановке троллейбус, проехав две остановки, выскочил и, сев в первое попавшееся такси, назвал квартал старого города. Выйдя из маленького японского автомобильчика «мицубиси», он прошел через торговые ряды и на параллельной улице опять сел в такси и поехал к знаменитой шанхайской набережной. Здесь Арнольд, не торопясь, пошел вдоль парапета, пытаясь представить события, которые

разыгрались недалеко от порта.

Подойдя к судну, Арнольд не заметил никаких признаков усиления режима, другой пограничник так же безучастно проверил паспорт туриста и сделал отметку в журнале. Арнольд быстро проскочил к себе в каюту, принял душ и до ужина не выходил на палубу. За ужином Инесса не могла понять замкнутости своего знакомого, а Арнольд, сославшись на усталость и плохое самочувствие, удалился в каюту и вечером отсутствовал и в баре, и в кают-компании.

Утром корабль отошел от причала и направился вниз по течению «Желтой реки» к водам океана…

* * *

Самолет флагмана американской гражданской авиации «Пан-Американ» уже подлетал к парижскому аэропорту, и Арнольд усмехнулся собственным мыслям – за последние два месяца он только и делал, что перемещался из страны в страну, из одной части света в другую. Деньги, взятые из резервного тайника, давали возможность проделывать такие перелеты, но постепенно Арнольд все более четко осознавал, что решение, принятое им в барселонской гостинице, было правильным, хотя и принятым не с тем посылом. Операция по ликвидации Купца – мистера Бронса не остановилась на получении информации, переправленной с последней почтой Мигеля. Сеть, которая реализовывала все многочисленные мероприятия этого умного и изворотливого дельца, была столь обширна, что, уничтожив одно или несколько отделений, невозможно было уничтожить всю систему. Даже если мистер Бронс будет ликвидирован или умрет своей смертью, обязательно найдутся несколько преемников, и после более или менее продолжительной борьбы за власть кто-то из них продолжит дело их патрона. Но сейчас Арнольду надо было разрушить ядро боевой организации Купца, разрушить ту структуру, в которой действовала Мари – женщина, в которую Арнольд когда-то был влюблен и питал к ней самые нежные чувства. Но что-то заставило ее начать сотрудничество с Купцом, причем в компании с самим Кардье – кадровым сотрудником спецслужб, купленным или пойманным на компромате Купцом, который смог найти слабое звено в позиции француза. Но Мари! Теперь на ее руках было достаточно крови, и эта кровь не давала Арнольду покоя. Ему не трудно было понять, почему Шеф так долго молчал и не давал ему информации по связи Мари с Кардье и с Купцом – информация имеет несколько особенностей, и одна

из них заключается в скоропортящейся структуре информации, вынутой из тонкой оболочки молчания. Как древняя мумия, вынутая из своего саркофага и развернутая, быстро чернеет на открытом воздухе, так и информация, не вовремя произведенная на свет, способна быстро погибнуть и погубить все усилия по ее поиску и добыче.

Мари была сейчас единственным реальным звеном в цепи, которую держал или пытался держать в своих руках Арнольд. Она опять ускользнула из мышеловки, как веселый мышонок Джерри в диснеевском мультфильме обыгрывал кота Тома, оставаясь неуязвимым. Все восемь человек группы были убиты, при этом погибли трое охранников Мари, но ее саму опять не смогли обнаружить. Газеты строили версии, ставя во главу угла мнение о переделе сфер влияния между группировками, контролирующими распространение наркотиков, полиция выдвигала версию за версией, и это смешило Арнольда еще больше. Да, можно ловить отдельные группы, можно даже покончить с одним или несколькими ветвями системы, но искоренить ее возможно, только уничтожив конструкцию, имя которой – цивилизация. Арнольд давно понял, что обреченный тон экспертов, которые преподавали тактику борьбы с наркобизнесом, основывается не на безысходности бездеятельности, а на уверенности, что тем молодым людям, которым они передают свой многолетний опыт, удастся разработать и осуществить что-то новое и оригинальное, а вот глобально уничтожить всю систему утопично и нереально. Если есть люди, потребляющие наркотики, значит, всегда будут люди, производящие и торгующие наркотиками.

Работа приучила держать многое в памяти и восстанавливать зашифрованные агентурные связи. Теперь Арнольд вел охоту, хотя понимал, что и на него охотятся. Вот уже несколько дней, как один из объектов информировал о том, что женщина, полностью совпадающая с описанием, находится в Париже и несколько раз была замечена в обществе высокого моложавого мужчины с импозантной внешностью – это был Кардье. Ошибка была практически исключена, но Арнольд волновался, что может произойти один из тех бесконечно возможных случаев, когда все окажется не так, как ожидалось. Еще сутки после прилета в Париж потребовались на обобщение информации. Да, Мари была в Париже. Кардье взял несколько дней отпуска для решения семейных проблем, но через день вернулся из своего загородного поместья. Арнольд получил сообщения агентуры, которая, как обычно, не знала, кому предназначена информация, – это позволяло не только обезопасить сами источники, но и максимально обезопасить оперативный состав, который имел

выход на агентурные сети.

Вот уже несколько часов Арнольд сидел над материалами и постоянно получал контрольные звонки по телефону. Он взглянул на часы, до ближайшего звонка оставалось около пяти минут. Ну что же, Мари и Кардье были обнаружены, теперь надо было определить их ближайшие действия, рассчитать, где и как можно отделаться от постоянной охраны, которую оба имели практически повсеместно. Звонок оторвал его от размышлений. Кодовая фраза прозвучала обычно, принеся с собой очередную порцию информации, словно бы изощренный фармацевт досыпал очередную микропорцию лекарства, и маленькие чашечки тончайших весов уравновесились. Да, информации было достаточно для работы: отчеты, наблюдения, справки о событиях последних дней, фотографии – все то, что помогает сплести тончайшую, но коварную и смертельную паутину.

Так продолжалось еще четыре дня. Арнольд получал информацию, постоянно менял адрес проживания, телефоны и выходил на связь теперь уже только сам. На пятый день стало ясно, что ожидается приезд какого-то важного гостя. Очередная сводка, полученная Арнольдом, поставила точку в его комбинации – прибытие Бронса завершало комбинацию. Просматривая фотографии наружного наблюдения, Арнольд сразу же увидел за спиной столь знакомого ему Купца мускулистую фигуру и улыбающееся лицо Стива… Вот теперь компания разместилась на загородной вилле Кардье. Охрана расположилась как снаружи, так и внутри, техническое оснащение не позволяло незаметно проникнуть внутрь частного владения. Оставалось ждать.

Все данные Арнольд переправлял по своим каналам в Центр, зная, что все-таки целевую инструкцию он нарушил и сейчас весь ход операции и ее последствия полностью ложатся на Шефа, который в свое время рекомендовал его для работы и являлся его гарантом, кроме того, личная ответственность сотрудника с нулевой кодировкой позволяла ему действовать самостоятельно. Но сейчас сомнений в правильности решения не было. Важно было дождаться выхода объектов за пределы виллы.

Арнольд тщательно анализировал все возможные варианты проникновения на объект, но риск каждый раз выходил за невидимую грань допустимого уровня, и вариант приходилось оставлять. На третий день лимузин Бронса на большой скорости выехал за ворота и помчался в сторону парижского аэропорта. Арнольд следовал за ним, еле поспевая на своем «мерседесе» за шикарным лимузином. В аэропорту Бронса провожали только

Мари и Стив, который, как оказалось, уже ожидал патрона в терминале, а Мари сопровождала его от виллы. Через несколько минут Бронс оформился на вашингтонский рейс и скрылся за дверями зала для особо важных пассажиров.

Мари и Стив посидели в кафе и отправились на стоянку, где сели в «альфа-ромео», который вела Мари. Машина вырулила на шоссе и, не вырываясь из общего потока, направилась в сторону пригорода Парижа, славящегося своими ресторанами. Арнольд ехал следом, стараясь не приближаться к машине Мари. Подъехав к одному из ресторанчиков с неповторимой французской кухней, Мари и Стив припарковали машину и вошли внутрь. Арнольд остановил машину и, выждав момент, припарковался рядом с машиной своих «друзей». Маленькие блоки пластида с электронным взрывателем заняли свои места: один был укреплен под бензобаком, а два других заняли свое место за стойкой левого колеса и под левым крылом. Проверившись, Арнольд отъехал и занял позицию для наблюдения. Примерно через час Мари и Стив завершили обед, и машина опять вырулила на шоссе, взяв направление на лесной массив. Арнольд опять пристроился, стараясь прикрываться за другими автомобилями. Наконец, когда машина свернула на боковую дорожку и дальше оставаться незамеченным было практически невозможно, Арнольд прибавил газ и, догнав машину Мари и Стива, несколько раз посигналил им. Стив побагровел, а Мари испуганно заморгала глазами. Арнольд утопил педаль акселератора, и «мерседес» рванул вперед. В зеркало Арнольд видел, что Мари старается не отставать, а Стив, достав пистолет, опускает стекло. Стрелка спидометра приблизилась к ста пятидесяти километрам в час, что по такой дороге было крайне рискованно. Проскочив поворот, Арнольд притормозил и, дождавшись, пока «альфа-ромео» покажется из-за угла, нажал кнопку электронного взрывателя. Машину выбросило с дороги, она несколько раз перевернулась, разбрызгивая горящий бензин и оставляя след. Наконец машина остановилась, непостижимым образом встав на три оставшихся колеса. Арнольд выхватил свой пистолет и бросился к машине. С Мари все было кончено – взрыв и удар сделали свое дело, – но Стив, полулежавший на кресле и прижатый ремнями безопасности, был жив. Арнольд спрятал пистолет, привалил Стива к стойке, защелкнул на пальцах шведа маленькие наручники и, отстегнув ремень безопасности, потащил Стива к своей машине. Когда он находился примерно на полпути, сзади раздался взрыв. Арнольд инстинктивно присел, оглянулся и увидел факел, в котором исчезла одна из красивейших и столь же опасных женщин.

Дотащив Стива до своей машины, Арнольд положил шведа на заднее сиденье, достал аптечку, сделал укол прямо через рубашку и, захлопнув дверцу, плавно тронулся и стал быстро набирать скорость…

…Стив приходил в себя медленно. Вначале он бессмысленно мотал головой и стонал, но постепенно в его глазах появилась осмысленность, он оглядел обычную и почти голую комнату, в которой находился. Он попробовал встать, но наручники прочно держали пальцы его кистей, а обе ноги были фиксированы к ножкам массивного кресла. Медленно подняв голову, Стив увидел Арнольда, тот стоял около стены и внимательно наблюдал. Стиву захотелось вжаться в спинку кресла, но сделать этого он не мог. Он поднял голову и посмотрел на Арнольда испытующим взглядом. Арнольд, как бы принимая вызов, отделился от стены, подошел к столу, на котором лежал кейс фирмы «Самсонайт», достал миниатюрный магнитофон, который положил на край стола, направив микрофон на Стива, затем извлек небольшого размера видеокамеру и, установив ее на штатив, направил на Стива. Затем он включил все на автоматический режим работы и медленно приблизился к креслу, к которому был прикован швед.

Стив закашлялся, опустил голову, а когда поднял ее вновь на приблизившегося Арнольда, испуганно прижался к спинке. На него смотрело лицо человека, которого уже не сдерживало ничто, и весь опыт цивилизации был сейчас направлен только на ту цель, которая заставила его однажды нарушить то, что запрещено было нарушать всеми писаными и неписаными законами. Поэтому Арнольду отступать было некуда, и Стив это прекрасно знал…

Арнольд просмотрел видео, сделал еще одну копию с магнитной ленты, записав наиболее красноречивые признания Стива и упаковав все в два непроницаемых пакета для переправки. Копия аудиокассеты была вложена в плотный конверт.

Все части были отправлены по назначению: видеоматериалы и подлинник аудиозаписи – по каналу в Центр, а копию кассеты Арнольд отправил в офис одной из престижных фирм, принадлежащих Купцу.

Теперь настал черед Кардье. Машину найдут очень скоро, а возможно, уже обнаружили, значит, в ближайших новостях или в новостях следующего часа можно ожидать известий… Телевидение передало сообщение только через два часа. Арнольд, не торопясь, набрал номер загородной резиденции генерала Кардье и, услышав голос хозяина, произнес то, что было уже заготовлено. Произнеся несколько фраз, Арнольд положил

трубку. Он знал, что теперь Кардье мечется по комнатам как загнанный зверь и охрана, демонстрирующая готовность действовать, наверняка раздражает его более, чем гарантирует безопасность. Через сорок минут после звонка, посоветовавшись с начальником личной охраны, Кардье на своем бронированном «ситроене» в сопровождении двух машин с охраной отправился на свою парижскую квартиру. Машины сделали несколько проверочных кругов, но никого не было. Одна из машин опередила кортеж и подъехала к престижному дому, в котором столь известное лицо имело квартиру. Сотрудники охраны, как всегда, осмотрелись и, не найдя никаких подозрительных элементов, дали сигнал по рации о возможности высадки охраняемого лица. Кардье почти мгновенно проскочил в подъезд, в котором его уже ждали сотрудники первой машины. Дверь захлопнулась, и четверо охранников повели своего патрона в бельэтаж, где располагалась его квартира, а трое остались внизу около автомобилей. Когда эскорт проходил площадку бельэтажа, прозвучал выстрел. Стекло витража разбилось. Тренированные охранники бросились к Кардье, но его отбросило к перилам, руки неестественно вздернулись, а обмякшее тело, перегнувшись через перила, качнулось и, осев на ступени, покатилось вниз. Когда охранники подбежали к Кардье, он уже агонизировал – пуля пробила правую теменную кость и, разворотив всю левую часть головы, разбрызгала мозговое вещество и кровь по мраморным плитам престижного холла. Охранники, стоявшие снаружи, быстро отреагировали на выстрел: они выхватили оружие и, увидев в проеме окна лестничного пролета здания напротив фигуру человека с пистолетом-пулеметом в руках, открыли стрельбу, пытаясь достать человека, покушавшегося на их шефа. Один из охранников высунулся из-за капота машины и, оценив ситуацию, бросился к подъезду здания, на ходу стараясь попасть в замок, но, не добежав всего нескольких шагов до дверей, он словно споткнулся и, вскрикнув, схватился за грудь, упав на крыльцо злосчастного подъезда.

Арнольд уходил весь день: он менял направления движения, транспорт, останавливался и вновь двигался, но сохранял основное направление своих перемещений – на север, в сторону Бельгии. На третий день, проехав через Голландию, Арнольд пересек немецкую границу и остановился в небольшом семейном отеле на пару дней, чтобы отдохнуть и прийти в себя от столь интенсивного марафона. Но это было обманчивое впечатление. На второй день он заметил странную парочку, которая несколько раз попалась ему на глаза. Не проявляя признаков волнения, Арнольд понял, что его держат под наблюдением, а потому,

улучив момент, покинул отель и, выбравшись на автобан, покатил на юг. Но через несколько десятков километров он вдруг поймал в зеркале заднего обзора знакомый «опель» той самой парочки, которая «случайно» тоже отправилась поближе к баварским пивным. Арнольд прибавил скорость. «Опель» не отставал, а постепенно начал нагонять машину Арнольда. Прикинув свои возможности, Арнольд понял, что его штатный «мерседес» не сможет уйти от последней спортивной модели «опеля», да еще, видимо, с форсированным двигателем. Но сдаваться было еще рано. Сигналя и вызывая негодование и брезгливый испуг, машины мчались по автобану. На одном из перекрестков дежурная машина полиции получила сигнал по линии автоматической связи от телекамер, фиксирующих положение на дорогах, и пустилась вдогонку за двумя машинами, затеявшими гонки на автобане и создающими аварийную обстановку.

Машина настигала Арнольда, парень сидел за рулем, а девушка держала на коленях автомат «Хеклер и Кох».

«MP3-5A, 9 миллиметров», – как бы сдавая экзамен по оружейным силуэтам, подумал Арнольд и, почти моментально притормозив, поравнялся с «опелем», пропуская его вперед. Вывернув руль, он ударил «опель» и, лишив на мгновение управления, выбросил машину на оградительный бордюр. Машина завертелась, несколько раз ударилась о барьер, перевернулась и, встав на бок, жалобно вращала колесами. «Мерседес» тоже отбросило, и Арнольд больно ударился о руль. Он остался сидеть, положив руки на руль, и, когда через несколько минут подлетела одна, а потом еще две полицейские машины, Арнольд все так же сидел, положив руки на руль, и смотрел на вращающиеся колеса «опеля».

Наручники щелкнули на его запястьях, и двое полицейских, посадив его между собой, повезли этого непонятного «сумасшедшего водителя» в управление криминальной полиции. Странным было все: и гонки на автобане, и оружие у всех участников этих трагических гонок. Парень погиб на месте, а девушку в тяжелом состоянии отправили в больницу…

* * *

Арнольда провели через серию стандартных процедур, он не сопротивлялся, и когда его привели в кабинет к молодому чиновнику невысокого роста, с лисьим выражением глаз на красивом лице, Арнольд молча выслушивал все задаваемые вопросы. Следователь пытался спрашивать на нескольких языках,

повторять вопросы, но Арнольд только молчал, уставившись в пол. Чиновник несколько раз заглядывал в документы, изъятые у Арнольда, и, протянув их к лицу задержанного, почти кричал, что тот не может не понимать немецкого языка, будучи немцем. Несколько сотрудников, находящихся в комнате и, по-видимому, долженствующих помогать следователю, виновато опускали головы, когда следователь, теряя терпение, начинал кричать на этого преступника.

Арнольд молча выслушивал все, что извергал на него уже окончательно потерявший терпение человек. В один из моментов, когда следователь после очередной серии безответных вопросов начал опять кричать на Арнольда, тот поднял голову и посмотрел на красивое лицо чиновника, которое сейчас покрылось красными пятнами, вспотело, волосы потеряли свою первозданную холеность, несколько прядей свисало на лоб, делая выражение лица более свирепым. Это вдруг рассмешило Арнольда, и он так открыто и естественно рассмеялся неповторимости и комичности ситуации, что все присутствующие в комнате оторопели. Следователь совершенно изменился в лице. Мало того что этот парень молчит уже четвертый час, но он еще и насмехается над ним, да еще в присутствии его подчиненных. Тонкие губы чиновника совсем превратились в ниточку, глаза сощурились, и, не выдержав, он ударил задержанного рукой от себя, так что холеные ногти его музыкальных рук попали по рассеченной губе Арнольда, и кровотечение, остановленное полицейским врачом, вдруг открылось с новой силой. Арнольд стиснул зубы, подавив непроизвольный стон, а затем попытался прижать руками, сцепленными наручниками, кровоточащую губу. В комнате воцарилось тягостное молчание. Следователь, нервно подергивая плечами и потирая руку, сел за свой стол и закурил. Присутствующие, потупив лица, боялись поднять глаза. Один из сотрудников выскочил в коридор и через минуту уже вернулся вместе с врачом, перевязывавшим Арнольда почти четыре часа назад.

Минут через двадцать врач закончил свои манипуляции и, бросив неодобрительный взгляд на следователя, поднялся.

– Минуточку, доктор, – заговорил вдруг Арнольд, – вы не составили протокол о нанесении задержанному телесных повреждений и не зафиксировали применение ко мне физической силы.

Врач в нерешительности остановился, переводя взгляд с задержанного на следователя.

Следователь наконец бросил сигарету, встал, надел пиджак и, подойдя к стулу, на котором сидел Арнольд, произнес:

– Я прошу извинить меня за нервный срыв, но ваше поведение выходит за все мыслимые и немыслимые рамки.

Арнольд отрицательно качнул головой:

– Вы нарушили конституцию собственной страны, положения министерства по ведению следствия, кроме того, вы нарушили положения Всемирной хартии прав человека. Да, я задержан, я не оказывал сопротивления сотрудникам полиции, хотя имел при себе оружие. Мое молчание – это одно из прав, которое вы пока не в состоянии у меня отнять, но у вас не было и нет права применять ко мне физическое насилие, и я требую, чтобы это было зафиксировано в протоколе и медицинском свидетельстве. Позднее это все равно станет достоянием гласности, и будет еще хуже, особенно для вашей карьеры и имиджа. – Он немного помолчал и произнес: – Да, и переведите девушку, если она еще жива, из клиники в специальный полицейский госпиталь под усиленную охрану. Иначе вы попросту останетесь без свидетеля. А теперь прикажите отвести меня в камеру и не забудьте завтра до обеда предъявить мне ордер на арест и обвинение.

Закончив монолог, Арнольд опустил голову, показывая, что он не намерен более продолжать этот разговор. Его действительно отвели в одиночную камеру и оставили. Он отказался от пищи и только утолил жажду. Надо было выспаться, и небольшая разгрузка была очень кстати, особенно если учесть весь комплекс нагрузки, свалившейся на него не только сегодня, но и на протяжении последнего месяца. Умывшись и раздевшись, Арнольд лег и, несмотря на постоянное саднение и боль, быстро уснул.

Утром он проснулся рано, под ложечкой посасывало, хотелось принять ванну и отправиться в ресторан позавтракать, но здешний ресторан работал по собственному расписанию, невзирая на желания посетителей, и у Арнольда было достаточно времени для анализа событий.

…Он вспомнил лицо Стива в тот роковой для шведа момент, когда Арнольд приблизился к нему. Его обучали многому, в том числе и навыкам вытягивания из людей информации. Это только в боевиках и детективах можно было выколотить информацию из человека серией ударов. Вот забить насмерть – несложно, а добыть информацию и не искалечить объект – это было настоящим искусством. Арнольд совмещал весь комплекс воздействий на этого, еще недавно столь самоуверенного парня, получая крупицы информации, которая стоила огромных денег и стоила жизни множеству людей. Видеокамера и магнитофон бесстрастно фиксировали все, что происходило в комнате.

Арнольд понимал, что квартира более не может служить тем целям, для которых она держалась, поэтому, завершив допрос, он не стал убивать Стива – это было бы слишком просто: выстрелить в этого подручного Купца или ввести дозу специального вещества. Надо было сделать этот процесс длительным. А потому Арнольд переписал аудиокассету, упаковал ее и отправил хозяину Стива, что для последнего было равнозначно смертному приговору, но уже от своих, которых он предал. Экспресс-письмо должно было уйти через океан, а оттуда через пару дней, максимум через три дня приедет тот, кто исполнит акцию возмездия для неудачливого подручного. Стив это прекрасно понимал, но как только допрос был завершен, Арнольд, словно бы не замечая Стива, профессионально сделав кляп, лишил Стива малейшей возможности дальнейшего общения. Только завершив все приготовления, Арнольд посмотрел на расширенные от ужаса глаза Стива и весело подмигнул ему. Проложив пространство между телом Стива и креслом подушками и одеялами, Арнольд дополнительно пристегнул обе руки к подлокотникам, а корпус зафиксировал ремнем к спинке кресла. Затем кресло было придвинуто к дивану и опрокинуто на сиденье так, что Стив оказался в положении, в котором находятся космонавты перед полетом, – он полулежал вместе с креслом, и это исключало все возможные попытки передвижения вместе со старым и крайне тяжелым креслом. Стиву оставалось дождаться «освободителя». Тяжелое кресло было просто невозможно раскачать или вывести из столь устойчивого равновесия. Затем Арнольд на несколько секунд задержался около Стива, еще раз мило улыбнулся ему и молча вышел, закрыв за собой дверь.

Ключ вместе с кассетой был тотчас отправлен в Америку, и через сутки взбешенный Бронс уже отправил двоих своих помощников исправлять все, что натворил этот веселый немец, которого стоило сразу отправить на корм акулам, а не давать ему возможности загорать на Балеарских островах. На вторые сутки посланники Бронса прибыли по указанному адресу. Стиву было суждено прожить еще около трех часов повторного допроса, после чего его мучения закончились навсегда…

Арнольд не знал о том, кто и как уничтожил Стива, но знал, что его бывший хозяин позаботится о том, чтобы это было сделано максимально эффективно. Кроме того, на кассете был смертный приговор еще для многих членов боевой организации Купца, а самое главное, теперь Арнольд знал, почему выжил Джим и какой ценой этот парень купил свою жизнь. Да, когда ты провален, надо выживать всеми способами, но надо думать и о тех, кто пойдет после тебя, а Джим думал только о себе, и его,

Арнольда, работа была просто обречена на провал. Оставалось только поражаться способности Шефа оперативно организовывать комплекс мероприятий прикрытия и умению «рубить хвосты» самого Арнольда, но это у него получалось всегда немного кроваво. Что ж, у каждого своя специфика, и каждый готовится для той работы, которая у него получается лучше, чем у других.

Надо было продержаться еще несколько дней, пока административная машина прокрутится и скандального задержанного не начнут раздраконивать между несколькими подразделениями полиции, разведки, контрразведки, чтобы определить, кто же он на самом деле. Вот тогда и можно ожидать, что информация выйдет на один из каналов и попадет к Шефу. Он знал, что кассеты с видео– и аудиозаписью допроса Стива уже должны быть доставлены Шефу и Джим уже взят в оперативный оборот, а возможно, его просто арестуют и предадут негласному суду как сотрудника, вступившего в сговор с врагом и поставившего под смертельный удар всю систему…

Арнольд провел в камере трое суток, его ежедневно вызывали на допросы, но он по-прежнему молчал. Вечером третьего дня пребывания в этом прекрасном пансионе его вновь вызвали на допрос. Когда он вошел в уже знакомый кабинет, следователь, которого звали господин Циммерман, приказал снять с задержанного наручники и предложил хороший кофе. Он все еще виновато посматривал на Арнольда, но то, что произошло, было необычно. Арнольд внимательно посмотрел на вежливого взъерошенного Циммермана, который завершил безрезультатную попытку разговорить Арнольда пару часов назад, обернувшись, взглянул на двух крепких сотрудников, которые расположились сзади от его стула, на ароматный напиток и, повернувшись к следователю, произнес:

– Я ведь говорил вам перевести девушку в закрытый госпиталь из клиники. Вы могли привозить туда профессоров, но сохранять режим недосягаемости. Как ее убили?

Циммерман злобно блеснул глазами на Арнольда и, захлопнув раскрытую папку, произнес:

– Ваше дело передается службе безопасности, и вас переводят в их ведомство. Больше я не буду иметь чести общаться с вами.

После чего он приказал увести задержанного, а сам долго еще сидел в одиночестве, глядя на остывший кофе, к которому этот странный и крайне упрямый человек даже не притронулся.

Арнольд быстро обжился в комнате для заключенных в департаменте безопасности. Ее даже трудно было назвать камерой. Светлые стены, аккуратная, добротная мебель, приемлемое питание, предупредительно-вежливое обращение и

постоянное изучение задержанных были отличительными чертами этого заведения. Здесь быстро убедились, что вести допросы с Арнольдом бессмысленно, и тщательно изучали все, что было связано с ним и с его деятельностью, точнее, все, что можно было обнаружить.

Так прошло еще пять дней, когда Арнольда на утро шестого дня, сразу после завтрака, привели в просторный кабинет, где за столом сидел очень солидный господин, а еще один примостился в кресле, чуть в стороне, сбоку наблюдая за происходящим.

Допрос опять был безрезультатным, и следователь после нескольких попыток обернулся к господину, сидящему за столом. Тот молча отпустил всех присутствующих. В кабинете осталось три чело века. Двое пожилых людей смотрели на одного молодого и старались проникнуть в его суть. Идея, возникшая у Гельмута Смита, дала результат, и служитель аэропорта, в котором произошло это злосчастное происшествие, узнал в одной из фотографий задержанного. Сопоставив события месячной давности и события, происшедшие в начале прошлой недели, комиссар Смит пришел к мысли о соответствии признаков событий, и эта версия, поддержанная Карлом Вуфнером, дала результат. Теперь оба хотели посмотреть на того, кого они тщетно разыскивали и действия которого неоднократно обсуждали. А Арнольд молча смотрел на двух больших чиновников, одного из которых он почти сразу узнал: это был заместитель министра, курирующий вопросы безопасности, господин Карл Вуфнер, генерал, доктор права, профессор. Он был хорошо известен Арнольду, в памяти которого словно на экзамене всплыли данные об этом человеке. Второго человека Арнольд не знал и никогда его не встречал, поэтому его несколько насторожило молчание двух таких важных чиновников, которые не спешили ставить вопросы, на которые наверняка они не получат ответа.

Просидев так около пяти минут, господин Вуфнер нажал кнопку сигнала на столе и сказал вошедшим сотрудникам, что задержанного можно увести. Арнольд молча встал и вышел, сопровожда емый эскортом охраны, а два господина, оставшись в одиночестве, вновь заговорили об этом странном случае, а точнее, о цепи событий, происшедших в последнее время.

Прошло еще два дня, и Арнольд начал уже думать о том, что, наверное, с каналом связи что-то произошло. Он ждал, что все прояснится или изменится намного скорее, по крайней мере, так его учили и так уже было в его неспокойной, хотя и не столь продолжительной работе, которая началась как бы незаметно, перейдя из учебной практики и опять переходя в постоянную

учебу после завершения каждого рабочего мероприятия. Но в этот раз что-то случилось, и обычные сроки уже прошли. Арнольд отказался от услуг адвоката и продолжал молчать на допросах, которыми, правда, его не обременяли.

Закончилась неделя, проведенная Арнольдом в департаменте безопасности, а события словно замерли на месте. И вот на девятый день утром в комнату Арнольда вошел один из охранников и, осмотрев помещение, замер у двери; через мгновение в камеру вошли Карл Вуфнер и Шеф. Арнольд, сидевший за столом, замер и боялся пошевелиться. Господин Вуфнер положил перед Арнольдом лист бумаги, на которой было написано, что задержанный господин Арнольд Браун освобожден по решению соответствующих инстанций и что ему приносятся извинения за причиненные неудобства. Шеф молча стоял рядом с сановным чиновником и молчал. Когда Арнольду объяснили, как оформить последние документы, оба господина вышли, сообщив, что будут ожидать Арнольда в офисе. Затем в комнату вошел следователь Циммерман. Он должен был также подписать документы, как следователь, который открывал дело. Циммерманн старался не смотреть на Арнольда, который так же продолжал сидеть за столом. Циммерман заверил все документы и уже было хотел покинуть комнату, но Арнольд вдруг остановил его, придержав за плечо. Следователь поднял голову, хотел опять извиниться за свою выходку, но короткий удар переломил его пополам. Задыхаясь и схватившись за живот, Циммерман повалился на пол. Арнольд отошел от стола и, не торопясь, стал переодеваться в принесенный костюм, не обращая внимания на Циммермана, который медленно приходил в себя. Никто из сотрудников не смел заглянуть в комнату, а так как следователь даже не вскрикнул, то стоявшие снаружи охранники ничего не заподозрили. Наконец Циммерман пришел в себя и, тяжело дыша, стал медленно подниматься, ноги его плохо слушались. В какой-то момент Арнольду стало как-то жаль этого человека, но сдерживать свои чувства Арнольду совершенно не хотелось, а тот удар во время первого допроса был лучшей визитной карточкой следователя. Циммерман отдышался и вышел в коридор. Арнольд переоделся и, подписав бумаги, передал их стоящему за дверью офицеру, который тотчас помчался в сторону офиса, где Арнольда уже ожидали. Теперь Арнольда уже не конвоировали, а сопровождали с почтением. Циммерман стоял у лестницы и хотел что-то сказать Арнольду при его приближении, но Браун демонстративно проследовал, даже не обратив внимания на стоявшего чиновника, которому вскоре было предложено покинуть этот пост и перейти с понижением на другую работу.

Арнольд вошел в помещение офиса, еще раз расписался, получая свои документы и вещи, и вместе с Шефом покинул здание департамента. Всю дорогу Шеф молчал, а Арнольд с каким-то удивительно радостным чувством смотрел на окружающий мир, такой естественный для живущих в нем и такой жестокий для тех, кто знает его истинную цену.

На одном из перекрестков Шеф притормозил и быстро юркнул в освободившееся место на стоянке. Обернувшись, он протянул Арнольду руку, и они обменялись крепким рукопожатием. Арнольд ничего не спрашивал Шефа, но тот сам рассказал, что Джим был арестован в тот же день, как материалы были доставлены, и его участи трудно позавидовать. Бронс «вычистил» всех, кто был указан в материалах, причем сделал это очень быстро. Ядро боевой группы его организации перестало существовать, но, по-видимому, вскоре появится новый зародыш, из которого будет развиваться смертоносный организм. Часть материалов была передана в прессу, и операции с красной ртутью удалось блокировать, разрушена часть сети наркобизнеса. Сам мистер Бронс понес огромные потери, но он под громадный залог освобожден, и армия его адвокатов уже работает на благо своего патрона. Эта новость не обескуражила Арнольда, он прекрасно понимал, что можно достичь только временного успеха на наиболее опасном направлении, но практически невозможно изменить положение дел в целом. Что ж, это неизменный закон его профессии.

Шеф достал чек с суммой гонорара за работу Арнольда Брауна. По желанию обладателя этот чек можно было обналичить, перевести на счета или обратить в депозит. Арнольд убрал чек и взял новые документы, которые протянул ему Шеф. Теперь у Арнольда Брауна было новое имя. «Господин Браун» исчезал, чтобы уступить место новому имени, которое пока было просто именем, но в той бесконечной череде событий ему наверняка найдется работа… когда-нибудь, в будущем.

…И вновь самолет разрезал пространство, стараясь соединить две дальние точки мира в одну, имя которой аэропорт. В салоне первого класса на первом ряду для некурящих пассажиров сидел молодой человек. Он сидел на кресле у прохода, но взгляд его был направлен на затейливые формы облаков, над которыми летела серебристая стальная птица, а мысли пассажира сейчас были далеко. Он вспомнил, как, расставшись с Шефом и проведя все, что требовала его профессия для вопросов безопасности системы в целом и его, как части той невидимой и неосознаваемой до конца системы, Он вылетел на день в Испанию только для того, чтобы возложить цветы на могилу Мигеля –

человека, с которым его связывали и совместные занятия единоборствами, и совместное обучение, и совместная работа, и однажды спасенная жизнь. Он стоял на тихом испанском кладбище, положив на могильную плиту громадный букет алых роз. Сколько раз Он уже стоял так же над могилами своих друзей – Анджея, Магомета, Майкла, теперь – Мигеля… Скольким людям Он был обязан жизнью и скольким людям они спасли жизнь? Он замер. Строки сами всплыли в памяти:

Ты выбрал Путь исканий и потерь,
И неустроенность, и риск без всякой меры…
Ты выбрал Путь, и верен будь теперь,
Ведь жить нельзя без нашей крепкой веры.
Засада, концентрация, бросок,
Артподготовка, марш, атака с ходу,
Захват и штурм, простреленный висок,
Страданье, кровь и множество народу…
И только черных масок резкий ряд
И головы, склоненные упрямо…
Нам в спину очень много говорят,
А мы всегда идем по жизни прямо.
Кто мы? Убийцы, боги, подлецы?
Герои? Иль мучители столетья?
Мы в век террора – жизни кузнецы,
Кующие на крови в лихолетье.
И вновь автобус и блужданье лиц,
И каждый взгляд в себя сосредоточен.
Ребенка плач, истошный крик девиц,
А каждый выстрел должен быть сверхточен.
В заслуги нам и слава, и позор,
А вечная борьба – как бег на месте,
И по-мещански чистенький укор,
И боль утрат, и вечность жажды мести.
Но мы идем, и нас не повернуть.
В стремленье том извечная задача
Постичь, познать и, может быть, вернуть
Всего лишь жизнь, а это что-то значит…
Ты выбрал Путь исканий и потерь,
И неустроенность, и риск без всякой меры.
Ты выбрал Путь, и верен будь теперь,
Ведь жить нельзя без нашей крепкой веры…

Он медленно поднялся и, поклонившись, вышел на боковую аллею кладбища, где обернулся. Вновь нахлынули чувства. Он

увидел жену Мигеля, которая приближалась к могиле мужа. Увидев букет свежих цветов, она оглянулась, ища того, кто бы это мог сделать, а затем Он увидел, как вздернулись ее плечи и она, упав на колени, склонилась над камнем, под которым покоился прах ее любимого человека. Он тихо склонил голову и пошел к выходу…

Жизнь продолжалась, несмотря на всю бессмысленность и бренность мира, и Он, так же как и его коллеги, часто презираемые, подозреваемые, непонятые порой самыми близкими людьми и все-таки делающие свое тяжелое и часто грязное дело, помогает удержать такое хрупкое сооружение, как жизнь, капризная, как пресытившаяся женщина. Ну что же, эта женщина могла забросить Его куда угодно, могла создать любые трудности и преграды, но именно благодаря ей Он всегда возвращался туда, где Его всегда ждала та женщина, ради которой можно было вынести все. А если этого нет, то умирать, конечно, легче, а вот жить?… Но этот вопрос каждый решает сам, а сейчас Он летел туда, где Его ждали. Он летел домой…

По ту сторону зеркала

Жизнь протекает обычно и буднично, мы не замечаем быстротечности бытия, и только порой, остановившись на мгновение под влиянием стресса, сильного эмоционального потрясения или накопившейся усталости, осознаем, что находимся совершенно в иной точке бытия, чем в прошлый миг прозрения…

Как невероятно просто совершаются самые удивительные события и как невероятно трудно логично и адекватно совместить свое бытие с тем, что происходит вокруг нас! Как порой мучительно мы переживаем наше бессилие при попытке что-то изменить в нашей жизни в лучшую, как нам кажется, сторону в материальном и особенно в духовном плане. Тем более что впереди всегда маячит неизбежность, о которой мы не задумываемся не только в безмятежном детстве, но и в зрелом возрасте.

Детьми мы все играли в одни и те же игры, только окрашены они были разными красками, зависящими от той почвы, региона, страны или континента, на которых происходило наше становление и взросление. Казаки-разбойники, индейцы и ковбои, красные и белые, наши и не наши… Сколько вариантов альтернативных игр знали мы в детстве, сколько было споров и ссор из-за того, кто кем будет, кто будет выполнять в игре ту или иную роль, особенно после прочтения очередной книги-бестселлера или просмотра мальчишески-захватывающего фильма.

Знаменитая пирамида швейцарского спецназа

Каждый из нас хотел быть только самым главным героем, всегда побеждающим, идущим на риск, жертвующим всем возможным и невозможным и добивающимся победы над силами зла, насилия, несправедливости. И конечно же никто не хотел быть в игре отрицательным героем, который по самой идее игры должен был в конце концов проиграть. Мы все старались

откреститься от роли отрицательного героя, представляя этого или ему подобных персонажей в виде абстрактных, злых и коварных мифических существ, враждебная сущность которых абсолютно была нам ясна и понятна.

И еще была уверенность, они никогда не смогут повлиять *на исход* нашей, уже давно где-то и кем-то запрограммированной игры, в которой поражение зла было неизбежным и вполне естественным, а победа добра – только вопросом времени, отпущенным нам на пребывание на улице до того момента, когда необходимо было возвращаться из мира игры в мир детской реальности…

Время шло, и детские игры уступали место более прагматичным мероприятиям, соответствующим возрастным изменениям, типу мышления, интересам, окружению и многим другим факторам, от которых зависит наше сознание. И вот наступает момент, который определяет наш путь на всю жизнь или на определенный период жизни. Для одних – это событие, для других – сиюминутное обстоятельство. Но независимо от значимости или незначительности момента принятия решения, это решение закрепляет что-то в нашем образе жизни или круто меняет эту жизнь.

Самое сложное и трудное в жизни – это проблема выбора, проблема борьбы с самим собой в ситуации, когда альтернативные решения имеют сильные и слабые стороны. В ситуации жизни и смерти решение обычно приходит само собой, и борьба вариантов зачастую практически отсутствует. Но во многих других ситуациях этот процесс отнимает много физических и эмоциональных сил.

Мы все учимся ежедневно и ежечасно, но для большинства людей, населяющих нашу планету, учеба ассоциируется лишь с рядом лет, проведенных в стенах учреждений, условно именуемых школами, колледжами, институтами, университетами… На самом же деле мы можем постоянно повышать свой уровень знаний и оттачивать интеллект, используя накопленный человечеством и нашими современниками опыт.

Что же представляет собой наша жизнь? Да практически мгновение, если рассматривать ее в категориях вечности: ведь никто не задумывался над тем, что нам отпущено примерно 25 000–30 000 дней пребывания в этом мире, из которых всего 15 000–20 000 дней приходится на самостоятельную с точки зрения сознания и поведения жизнь. И вот в этот ничтожно малый отрезок времени мы должны успеть вместить все, что можно, а порой и то, чего нельзя. Какие гигантские усилия прилагаются для достижения так называемого *успеха в жизни* и в еще большей

степени для того, чтобы удержать достигнутые высоты на протяжении всего нескольких тысяч дней! Сколько трудностей мы сами создаем самим себе и потом стараемся всеми силами их преодолеть, и на это уходят наши самые эффективные годы жизни.

Принято считать, что мужчина достигает апогея интеллектуальных и физических сил к двадцати девяти – тридцати годам, а потом только реализует накопленный запас знаний и прочности. И если этот запас оказывается мал, то надежд на прогресс остается не так уж и много. Хотя конечно же есть и современные интеллектуальные Маугли, но их процент настолько невелик, что они вряд ли способны составить конкуренцию общей традиции.

Что касается женщин, то здесь я предпочту отказаться от статистики, прогнозов и гипотез, так как женщины – это то, без чего не могли бы совершенствоваться мужчины. А это, наверное, самое главное, и именно эта *инициация мужского начала* в мужчинах и поддержка их женщинами в трудную минуту и составляет тот потенциал, тот вклад, который женщины вносят в жизнь цивилизации. Правда, есть еще несколько мизерных обязанностей, которые женщины исполняют в отношении природы, но разве для мужской половины человечества это может быть важным? Вряд ли. Так что мы не будем себя этим даже утруждать. А то все ценности могут просто рухнуть или перевернуться, а жить в Зазеркалье хотя и интересно, но из-за нарушения причинно-следственных отношений неудобно, непредсказуемо, а порой смертельно опасно.

Награждение победителей на закрытом турнире спецслужб Евросоюза

Мы вырастаем, однако остаются наши детские и юношеские мысли и мечты, иногда реализованные, иногда и не очень, но в любом случае дающие нам возможность самопознания, ориентации в системе ценностей и ломающие нашу жизнь, как мокрый снег ломает перегруженную ветвь дерева, если действительность перестает им соответствовать.

Скромные профессионалы баварской полиции

Мы вырастаем и несем в себе то, что было заложено в нас обществом, цивилизацией, нашими близкими и далекими нам людьми. Порой мы не можем понять и принять то, чего не признает общественное мнение той среды, в которой мы живем. Новые идеи пробивают себе дорогу очень медленно, и суть проблемы заключается как раз в том, чтобы реализовать свои идеи до того, как тебя оставят жизненные силы, чтобы еще успеть увидеть и снять урожай посеянных тобой идей. Конечно, есть идеи, которые намного опережают время, и тогда человек должен обречь себя на прижизненное непонимание и даже гонение, ведь общество не любит тех, кто знает что-то, что еще недоступно большинству и что вызывает страх и недоверие. Мы вырастаем из детских мыслей, но эти детские мысли, как и сны, которые поражают и пугают нас в детстве, остаются с нами на всю жизнь и вмешиваются во взрослую жизнь, корректируют ее, а порой и кардинально меняют.

Мы несем в себе так много лишнего, что порой перегружаем этим не только самих себя, но и многих окружающих нас людей, порой совершенно не считаясь с их образом мыслей и ритмом жизни. Мы несем, сами того не сознавая, весь багаж человеческой цивилизации, весь груз ошибок, грехов и преступлений наших

предков, весь груз традиций, обычаев, запретов и табу. И мы не замечаем того, как это бремя давит нам на сердце, душу и мозг, придавливая, обволакивая и сковывая наши движения, когда появляется возможность выйти на новый уровень. Кому-то удается прорваться, а кто-то сдается после первых попыток. Каждый выбирает свой Путь сам, и каждый сам несет свой добровольный крест… Насколько хватает сил…

notes

Примечания

1

Маньяна (*исп.*) – завтра.

2

Демиург (*от греч. demiurgys*) – мастер, ремесленник, творец, создатель.

3

No comprendo, amigo (*исп.*) – не понимаю, друг.

4

Интактный (*от лат. intactus*) – нетронутый, неповрежденный, не вовлеченный в какой-либо процесс.

5

Хона нимарид? (*араб.*) – Здесь болит?

6

Харагэй – особое искусство интуитивного предвидения на основании малейших, незаметных для окружающих изменений. Наличие харагэй считалось и считается одной из форм проявления высшего мастерства у представителей различных воинских искусств.

7

Хакама (*японск.*) – широкие, похожие на юбку самурайские штаны.

8

Степанов Олег Сергеевич, заслуженный тренер СССР, заслуженный мастер спорта СССР, восьмикратный чемпион СССР по борьбе самбо и шестикратный чемпион Европы по борьбе дзюдо.

9

Сюиту – в Сюиту Хуа-То получил образование врача.

10

Животный цикл – двенадцатилетний период.

11

Иероглиф И-шен означает врач, медицина.

12

Цзы – уважительная приставка к имени, означает «учитель, мудрый, старший».

13

Инь-Ян – одна из базовых концепций в восточной философии, где Ян – проявление активности, света лета, всего внешнего, а Инь – проявление пассивности, тьмы, зимы, всего внутренне присущего. В материалистической философии диалог Инь-Ян интерпретируется как принцип единства и борьбы противоположностей.

14

Чи – в китайской философии – жизненная космическая энергия, присущая всем живым и неживым объектам.